В.Я. Левченко

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ, ЧУГУЕВ?

1290 – летию со дня основания города Чугуева посвящаю.

Когда дыханье урагана,

В пыль превратит ушедшие века -

Лишь связь эпох из мутного тумана,

Нас выведет на свет наверняка.

Отечественное историческое краеведение имеет сложную судьбу. Интерес исследователей к истории отдельно взятых городов и местностей возник еще в конце XIX – начале XX вв., однако в силу объективных причин не получил должного развития. Многие десятилетия советская историческая наука пребывала в рамках идеологических мотивов, определявших векторы ее развития. Краеведение оказалось на задворках академической истории, в результате чего постепенно мигрировало от самостоятельной отрасли к вспомогательной прикладной дисциплине.

Работы по истории городов, сел и поселков, некогда издававшиеся в сборниках университетов и научных обществ, постепенно перекочевали на страницы районных газет и школьных рефератов. Научная составляющая таких работ с годами все уменьшалась. Под краеведением традиционно стали понимать тематическую публицистику и даже художественную литературу. Однако и в этих жанрах изложение региональной истории к началу XXI века постепенно сошло на нет.

Сегодня историческое краеведение в нашей стране переживает второе рождение. Помимо свободы от партийного контроля науки, это во многом обусловлено всплеском интереса людей к прошлому своей малой родины, тягой к корням, желанием осмысления сути и предпосылок текущих социально-политических процессов. Кроме того, развитие информационных технологий, Интернет, открытие публичного доступа к колоссальному объему ранее малодоступных широкому кругу источников и литературы дало мощный импульс развитию исторического краеведения. Все чаще появляются новые книги, статьи, доклады на конференциях, школьные и другие работы по истории родного края.

На этом фоне выгодно выделяется новая работа В.Я. Левченко «Что в имени твоем, Чугуев?», посвященная истории города Чугуева. Будучи дипломированным историком, автор подошел к исследованию в русле следования основным методологическим принципам исторической науки. Среди очевидных преимуществ работы - объективность, всесторонность, привлечение большого количества источников и литературы.

Обращаясь к истории Чугуева, автор значительно расширил хронологические рамки исследуемого периода, причем сделал это первым среди чугуевских историков-краеведов. При этом не ограничился общепримениымыми энциклопедическими формулировками, а сумел подробно проследить развитие конкретной территории на всех этапах ее существования, начиная с каменного века. Для этого автору пришлось привлечь как известные академические исследования, так и новейшие данные, в частности – результаты работы археологических экспедиций на территории Чугуева.

Особый интерес и актуальность в работе В.Я. Левченко представляет тема основания и первоначального развития Чугуева в контексте истории Слобожанщины. Автор отступает от общепринятого с советских времен взгляда на российско-украинские отношения на степном порубежье конца XVI – первой половины XVII вв., раскрывает их трагизм и многосложность, дополняет существующую картину истории основания крепости и города рядом важных фактов и деталей.

Автору удалось, наконец, заполнить лакуны исторического знания о прошлом города Чугуева, связанные с датой и обстоятельствами его первого основания, этимологией названия и ранним средневековым периодом существования. При этом автор сознательно не претендует на абсолютность своей работы. И в этом ее еще одно достоинство. В части утверждений исследователь прибегает к версиям, подкрепляя свои выводы логикой, анализом и серьезными доказательными аргументами. Важно, что эти версии не вступают в противоречие с научными данными, а логично и органично вписываются в достоверно известные факты. Сам факт выхода книги «Что в имени твоем, Чугуев?» наверняка повысит интерес жителей Чугуева к истории своего города и даст импульс к ее дальнейшему исследованию.

В.В. Лантух, доктор исторических наук, профессор

ВСТУПЛЕНИЕ

Уважаемый читатель!

У вас в руках книга о нашем славном городе Чугуеве. Название «Что в имени твоем, Чугуев?» говорит о ее содержании. Необычность данной книги не только в том, что она является попыткой автора воспроизвести целостную картину исторического прошлого Чугуевских земель, но и тем, что автор делает это на фоне процесса развития земной цивилизации,оставаясь приверженцем идеи о том, что подрастающие поколения украинцев должны изучать историю древнего мира и средних веков не на примере чужих стран и народов – древних Греции, Рима, Египта или Англии с Францией, а познавать ее на основе исторических процессов, которые в глубокой древности имели место на их исторической Родине. Тогда и ценить, и любить ее мы станем гораздо больше. Тогда и выдумывать свое прошлое, переиначивать или приукрашать его атрибутами национального сверхдостоинства не надо.Наша история и без этого вполне самодостаточна, чтобы гордиться ею. Без знания и понимания своего прошлого невозможно творить будущее. Большая история государства состоит из маленьких частиц истории его регионов.В свою очередьмалая родина каждого человека является составляющей частью нашей Большой Родины.

В данной книге речь пойдет о древней истории современной Чугуевщины. Большинство жителей нашего города не подозревают, в каком уникальном и славном городе они живут, какие тайны глубокого прошлого хранит в себе чугуевский край. А все потому, что в дореволюционный период царские власти не особо-то проявляли интерес к национальным окраинам своей огромнейшей империи, а в советское время краеведение неофициально было под запретом. Всякого рода исследования на эту тему, и уж тем более восхваление «украинства», рассматривались не иначе, как проявление местничества и сепаратизма. Культивировалась мысль об общей Родине, общем языке, общей культуре, общей истории. Государство было централизованным и местная история, особенно если она была яркой и красочной, по мнению советских идеологов, могла вызвать нежелательные общественные явления: требовалось любить большую Родину – СССР, а не отдельные ее закутки. Опасения были обоснованы – ведь ничего так не влияет на самосознаниелюдей, как история. Между тем, каждый провинциальный украинский городок имеет свою историю. Иногда она очевидна и предельно скромна, иногда, как в случае с Чугуевым, самобытно-величественная, но спрятана под пластами времени целых эпох.Задачей автора настоящей книги было смахнуть с виду непримечательного районного центра вековую пыль исторического забвения, воздать ему честь по чести, высветить в ореоле заслуженной славы. Правда, сделать это удалось не в полном объеме, хотя по времени предлагаемые повествования о нашем городе занимают тысячелетия.

Мало кому известно, что Украина, Слобожанщина, Харьковщина, Чугуевщина, город Чугуев, в равной степени, как и регионы современной

Евразии, других континентов земного шара, являлись полигоном, на котором появившееся сотни тысячелетий тому назадчеловечество, делало свои первые шаги по пути развития и цивилизационного самосовершенствования. Бассейн Северского Донца,некогда могучей реки Донецко-Днепровской Большой Степи (не случайно древние русские летописцы называли ее Великим Доном, а Уды – Малым Доном), как и примыкающие к ней регионы, являлась той местностью, которая, судя по археологическим данным, была заселена людьми со времен ашельской культуры раннего Палеолита.(Палеолит – начальный период истории существования современного человечества, во время которого его древние представители научились изготавливать и применять каменные орудия (1 млн – 600 тысяч лет тому назад). Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть книгу «Древности Северского Донца» известного в СССР археолога, доктора исторических наук, профессора Харьковского государственного университета имени А.М.Горького Бориса Андреевича Шрамко, бывшего преподавателя автора данной книги.

Почему именно Северского Донца? Да потому что реки, в те удаленные от нас эпохи, в силу своих природно-климатических достоинств, концентрировали вокруг себя первых «разумных землян». Почти в центре русла этой реки, на возвышающемся горном мысе и расположен наш современный город. Особенность Северского Донца состоит в том, что еще с античных времен, он географически являлся не только мощной водной артерией южной европейской степи, но и был своеобразным разграничительным рубежом двух соседствующих между собой природно – ландшафных зон: степи и лесостепи; исторически же его русло условно разграничивало проживающее по обе стороны речной береговой линии население: левобережье вплоть до 17 века являлось ареной господства степных кочевых народов Юго-Восточной Европы, а правобережье – оседлого земледельческого населения северо-западной ее части. Находясь в эпицентре этих совершенно разных этнических культур и никогда не принадлежа ни к одной из них, начиная от киммерийских времен (11 – 7 вв. до н.э., ранний бронзовый век) и заканчивая 13 веком нашей эры, население земель современной Харьковщины (Чугуевщины) вело самобытный образ жизни с вкраплением отдельных элементов культур как с одной, так и с другой стороны.

Бассейн Северского Донца служил крайним северным ограничением своеобразного степного коридора, по которому сначала происходило, так называемое, Великое переселение народов(условное название совокупности этнических перемещений в Европе в 4–7 веках, главным образом с периферии Римской империи, инициированное вторжением гуннов с востока в середине 4 века н. э.), а потом нашествия степных кочевников, начиная со скифов (древний ираноязычный народ, обитавший в Днепро-Донецких степях от Дона до Дуная в 8 в. дон.э – 4в. н. э.) и заканчивая половцами (кочевые народы тюрского происхождения, господствовавшие в южных степях, в т.ч. и на территории речного Подонцовья в 11 – 13 век н.э.).

Двигаясь с Востока на Запад, они надолго задерживались в степной зоне Северного Причерноморья, Приазовья, Подонья и Подонцовья, вступая при этом в неизбежный контакт с местным населением последнего региона. Это обстоятельство наложило свой грустный отпечаток на историческое прошлое нашего края и до предела запутало его историческое прошлое. Сегодняшние

чугуевские земли долгие тысячелетия были островком в лесостепной глуши Восточной Европы. О проживающем на нем населении скупые и порой противоречивые сведения дошли до нас в виде косвенных упоминаний в хрониках древних греческих, византийских, иранских, арабских, среднеазиатских и, наконец, древнерусских исследователей, в контексте исторических повествований о скифах, сарматах, аланах, арабах, хазарах, печенегах, половцах, восточных славянах и далее – Киевской Руси и Московского государства. Отсюда все сложности в «реанимации» не только жизненных подробностей из давнего прошлого населения нашего края, но и в определении главных вех его развития как в древний, античный, так и в раннесредневековый период истории человечества.

Автор, на основании научных исследований специалистов в области истории и археологии,проследил процесс становления человечества в проекции на территорию современной Чугуевщины, а также попытался как можно достовернее рассказать о ее экономическом и социально-политическом развитии в эпоху раннего средневековья вплоть до начала 17 века. Основой хронологической последовательности излагаемого материала, является общепринятая в исторической науке периодизация тех этапов, которые одолело человечество за весь обозначенный период своего существования.

Отдельной темой является исследование истории возникновения раннесредневекового города Чугуева. Данная тема никогда и никем серьезно не исследовалась. На местном уровне краеведы довольствовались широко освещенной в исторической литературе «казацкой» версией основания города в 1638 году, столетиями переписывая историю с народным восстанием под руководствомЯкова Остряницы и последовавшими за этим событиями. Все как бы соглашались, что не на голом месте гетьман воссоздал город, название которому придумали вовсе не запорожские казаки, а люди, пришедшие в наш край чуть ли не на тысячу лет раньше Остряницы. Автор считает своей большой удачей найденные им ответы на три главных вопроса – когда, кем и при каких обстоятельствах на «чугуевской» горе возник первозданный Чугуев, название которого не потерялось в веках и дошло до первой половины 17 века в редакции «(Чюгуево),Чугуево – городище».

В книге «Что в имени твоем, Чугуев?» сценарий исторических событий на территории современной Чугуевщины изложен в соответствии с программным материалом школьных учебников по истории древнего мира и средних веков, что станет серьезным подспорьем для чугуевских педагогов и школьников в изучени истории родного края. Но главная цель издания – воссоздать целостную историю Чугуевщины с древних времен до вторичного основания нашего города в 1638 г. Характерной особенностью книги является широкий диапазон сопутствующего истории города Чугуева познавательного материала общего характера о соседствующих с нашим краем землях и проживающих на них народах, без чего прояснить многие страницы его прошлого автору просто не представлялось возможным.

Казалось бы, кому в наше непростое время, когда современники не в состоянии достоверно разобраться в своем «вчерашнем» прошлом, нужна удаленная на тысячи лет от дня сегодняшнего история древнего мира. Но оказывается нужна. Кинулись было чугуевцы на 377 году существования города отметить эту дату открытием памятника его основателям, да загвоздка

вышла – кого же считать основателем, ведь, как выяснилось, основывался он два раза – в 725 и 1638 гг. Затем объявили конкурс на лучший проект будущего монумента. Когда же стал вопрос о его исторической концепции, долгожданная затея провалилась. Оказалось, что не все так просто. И причина не только в примитивизме предложенных авторских проектов памятника, а в том, кому же из его основателей этот памятник ваять. Привожу мнение одного из жителей нашего города, которое было высказано по этому поводу на заседании «круглого стола»: «Завтра в Чугуеве пройдут общественные слушания на тему установки памятника основателям Чугуева. Накануне захотелось поделиться некоторыми мыслями по этому поводу. Но для начала попрошу вас ответить на пару очень легких вопросов. Вопрос первый: кто был основателем Чугуева? Вы, конечно же, скажете – Яков Остряница. Отсюда вопрос второй: а откуда вы это знаете? Где прочитали? Или где прочитали те, кто вам это внушил? Задумались? Хорошо, подсказываю. Остряница как основатель Чугуева взялся из советских книжек. Именно в советское время среди исторических персонажей принято было выделять людей по признаку участия в национально-освободительной борьбе, притягивая к ней всех, кто имел или не имел отношения. Остряница формально подходил – боролся с Польшей (панской). Правда перед тем он боролся с Россией. Сегодня история не так заидеологизирована. Нет руководящей роли партии и правительства. Давайте же заново зададимся тем же вопросом – так кто же был основателем Чугуева? И главное – кого мы вообще подразумеваем под основателем? Или под основателями? Конкретное лицо или группу, собирательный образ? Говорим ли в единственном или во множественном числе? Предположим, конкретное лицо. Здесь на титул основателя могут претендовать два человека. Уже упоминавшийся Остряница и царь Михаил Федорович. Давайте остановимся поподробнеена роли каждого в основании города.

Итак, Остряница. Представитель казачей старшины, долгое время служивший Речи Посполитой. Участник Смоленской войны, осаждавший Валуйки, Белгород и другие русские города. Потом, условно говоря, поляки его со службы погнали. По сокращению штатов. Его и еще несколько тысяч казаков. Сократили реестр (см. Google). Лишили работы, жалования и трофеев. Казаки возмутились и подняли бунт. Бунт не удался. Часть казаков продолжили буянить, а часть, чуя неминуемое наказание, решили бежать. Куда? Ясное дело, в Московское государство, больше некуда. Московскому государству такие беглецы были удобны. Польша – враг. Беглые казаки – враги Польши. Враг моего врага – мой друг. Все просто. Принимая казаков, ослабляем Польшу. Заодно заселяем и колонизируем пустующие в приграничье земли. За это можно было даже простить былые грехи вроде войны против Москвы на стороне Польши. Вот Острянице и простили. И разрешили прийти и поселиться. На Чугуевом городище, которое уже тогда было территорией Московского государства. Подчеркиваю, не ничейной землей, не бесхозным островом в океане, не новооткрытым материком, а частью Московского государства, в его границах на тот момент. Казаки (черкасы, как их тогда называли) пришли. Поселились. Кое-как перезимовали. А весной начали строить крепость. В строительстве им отводилась роль рабочей силы. Руководили постройкой присланные царем российские чиновники из Белгорода. Они же занимались распаеванием земель и раздачей их казакам

Остряницы, они же устанавливали границы между чугуевскими и белгородскими землями, они же снабжали поселенцев всем необходимым. А что делал Остряница? А то же, что делают и нынешние руководители – укреплял свое благосостояние. Получил больше всего земли, обложил своих вчерашних побратимов налогами, а об их благе не особо заботился. Наоборот, даже обижал и обирал. В общем, стал таким себе феодалом. Первым чугуевским олигархом. За что и поплатился.

Поляки были не дураки и казаков всячески обратно переманивали. Обещали землю и прочие блага. Те, терпя обиды от своего ватажка и ведясь на посулы поляков, начали из Чугуева бежать. Сперва поодиночке, потом массово. Кончилось тем, что большая часть чугуевских черкас подняла бунт против гетмана, убила его и бежала в Польшу. А на их место московское правительство поселило русских людей из ближайших губерний. Так кто был Остряница? Основатель Чугуева или его первый житель? Вернее, неудавшийся предводитель первых жителей?

А кто был царь Михаил? Ну, во-первых, владелец и хозяин Чугуева городища – по тогдашнему закону. Во-вторых, хозяин радушный – взял и разрешил беглым казакам поселиться на своей земле. В-третьих, хозяин рачительный – обустройство крепости и города в первые годы его существования происходило по царским указам и за казенный счет. А вовсе не своевольно, как вы, возможно, себе представляли. В общем, царь своими указами город и основывал, и строил, и развивал. А что делал Остряница? Пользовался царской милостью. Не смог удержать власть. Потерял доверие подчиненных. Что он сделал для города? Практически ничего.Так кто основатель города? Неудавшийся бургомистр, или главный распорядитель власти и ресурсов? Актом чьей воли возник Чугуев? Разумеется, все факты в пользу царя Михаила.Другое дело, что при советской власти подчеркивать заслуги царей было делом немыслимым. Поэтому эти заслуги и прятали, выдвигая на первый план всяких Остряниц. Поэтому вы и пребываете в плену мифа, сложившегося в советское время.

Итак,если под основателем города мы подразумеваем конкретного человека, то этим человеком, несомненно, является царь Михаил Федорович Романов. И памятник должен быть установлен именно ему. Но вот будет ли? Очень сомнительно. Почему? Точно нужно объяснять?

Ладно.Потому что: а) царь; б) русский. Этих причин сегодня более, чем достаточно, чтобы не дать установить памятник или снести уже установленный. И плевать они хотели на историческую правду. Подробно объяснять нет смысла, и так все всё понимают.Может ли быть установлен памятник Острянице? Может. И, скорее всего, его будут пытаться установить. Почему? А потому что Остряница в понимании известно кого – украинец. Ну и что, что город основал не он. Ну и что, что гнобил чугуевцев. Ну, и что, что чугуевцы его убили и убежали. Зато он украинец. И его можно изобразить как угодно, хоть с оселедцем, хоть с шевроном «Укроп» на рукаве – все равно никто не знает, как он выглядел, прижизненных портретов не сохранилось (в отличие от царя Михаила). И не просто изобразить, а впечатать каменное напоминание в мозги «ватных» чугуевцев. Понимаете, о чем речь?Есть известное выражение, не помню чье: история – это политика, обращенная в прошлое. Так вот, оно в корне неверно. Политика, обращенная в прошлое – не

история, а политика. В нашем случае – политическая пропаганда. В советское время нам навязывали Остряницу как «ватажка антикрепостнического национально-освободительного движения», сейчас – как украинца, ватажка украинцев (в сегодняшнем понимании этого слова навязывающими), который по их мысли застолбил тут все и пометил, как «исконно украинскую землю». Что, разумеется, абсолютнейшее вранье. Вы хотите видеть в городе памятник вранью? Хотите, чтобы вранье ширилось и росло, преподавалось в школах? Укоренялось в мозгах будущих поколений? Если нет, значит памятник Острянице устанавливать нельзя. Кого же увековечивать будем, земляки? Царя можно, но не дадут. Остряницу – дадут, но нельзя. А памятник основателям ставить нужно, раз уж решили. Выход – поставить памятник без относительно конкретной личности. И без изображений людей вообще. Ибо где люди – там или шаровары, или лапти. В любом случае кому-то не понравится.Оно нам надо?В такое-то неспокойное время.Что же делать? Что установить в качестве памятника основателям Чугуева? Да что угодно, лишь бы он не стал яблоком раздора и поводом для политических спекуляций, а устроил абсолютно всех. Вот только ни один из предложенных на конкурс проектов этим требованиям не отвечает. Точнее, некоторые отвечают, но уж очень они уродливые (см. топоры с луками). В общем, давайте включим мозги. И поставим… Ну, например, макет чугуевской крепости. Из бетона. На холмике. Нейтрально, оригинально, познавательно. Восемь башен, стены, церковь… Красота! Все чертежи есть, изготовление будет стоить в разы дешевле самого дешевого памятника. Пространства много не займет. Отличное место для экскурсий, уроков истории и фотографирования.

Как вам идея? Если не нравится, предлагайте свои. Обсудим и решим. На то мы и громада».

Коментарии излишни. Мне, как автору данной книги остается только надеятся на то, что если когда-то памятник основателям и появится в нашем городе, то с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, увлекающихся историческим прошлым и любящих свой город.

Автор сердечно благодарит всех лиц, которые оказали помощь в ее написании, а именно: Лантуха В.В., Свистуна Г.Е., Чаплыгина А.К., Левченко А.В., Плиско Л.Н., Любичева М.В.

ИСТОРИОГРАФИЯ ГОРОДА ЧУГУЕВА

Предметного и целенаправленного изучения исторического прошлого Чугуева за весь период его «позднего» существования (1638 – 2015 гг.) не проводилось. О раннесредневековом периоде (725 – 1237 гг.), кроме людей, посвященных в эту тему, к большому сожалению, до сих пор не знает никто. И следует честно признать – это, по большому счету, никому и не нужно, кроме как самому городу, полная, большая и славная история которого незаслуженно предана забвению больше трех сотен лет.В этом нет ничего удивительно – не тот статус у Чугуева, чтобы к нему было привлечено пристальное внимание крупных специалистов-историков. Это же не Киев, дату основания которого определили не историки, а секретари ЦК КПУ, летевшие в Москву для ее окончательного согласования с Кремлем.

Благодаря уникальности своего природно-географического размещенияв эпоху раннего средневековья(город находился на стыке существования двух разных соседствующих между собой цивилизаций– кочевников и оседлых земледельцев), наши земли, пусть и косвенно, но периодически попадали в поле зрения античных и раннесредневековых зарубежных исследователей истории человечества. Это и позволило прояснить основные вехи его исторического прошлого.Немаловажную роль в этом процессе сыграла река Северский Донец, более чем тысячекилометровое русло которой являлось своеобразным центром притяжения для многих этнических групп населения южной Днепро – Донецкой степи.Но давнее прошлое наших земель если и привлекало к себе внимании чугуевцев, то только на уровне местных краеведов-любителей, культивирующихдавно укоренившееся мнение о существовании «раннего» Чугуева, но не больше того.Всех устраивала историяпредельно ясная и понятная: пришел в первой половине 17 века запорожский гетман Остряница с казаками и основал город, получивший свое название от Чугуево городища, на месте которого он был воздвигнут, и точка. Никого, похоже, не интересовал вопрос: что это за городище и почему оно носит такое название.Для самоуспокоения по этому поводу еще с дореволюционных времен существовало несколько неизвестно кем предложенных абсурдных версий о «чуге» – верхней одежде первожителей, Чугае – монгольском хане и т.д.

На уровне научного подхода древняя история города Чугуева почти не исследовалась, если не принимать во внимание проводимые в последние годы на его территории археологические раскопки под руководствовом Г.Е. Свистуна. Не «зацепили» как следует город и многочисленные исследователи открытой еще в прошлом веке, так называемой, Салтово – Маяцкой археологической культуры, в зону регионально-географическогораспространения которой попал и наш город Чугуев. Автор данной книги уверен, что виной всему стало сложившееся еще в средине 19– начале 20века мнение об археологической бесперспективностиЧугуевского городища как такового, почти стопроцентная его застроенность

обьектамижилищно-хозяйственного назначения и, конечно же, третьестепенная маловажность в цепи большой исторической науки. Такое мнение было заложено еще дореволюционными исследователями Чугуевщины В.В.Пасеком (1808 – 1842) и Д.И.Багалеем (1857 – 1932), не обнаруживших искомого подъемного археологического материала времен раннего средневековья. Еще больше его утвердилили научные изыскания Светланы Александровны Плетнёвой – советского и российского историка и археолога, доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой археологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, крупнейшего специалиста по археологии, истории и культуре кочевых народов средневековья. Она, в контексте изучения жизнедеятельности печенегов и половцев, что легло в основу ее кандидатской и докторской диссертаций, неоднократно бывала на Чугуевщине и смежных с ней Печенежском, Балаклейском, Змиевском и Изюмском районах, которые в 10 – 12вв. являлись зоной обитания этих степных кочевников. Ее научные изыскания на территории Харьковщины, в основном, концентрировались на поисках археологического материала, связанного с пребыванием здесь племен кочевников. На этом фоне, к счастью любителей «чугуевской старины далекой», в ее поле зрения попали ценнейшие, с моей точки зрения, факты, касающиеся основания нашего города и его существования в эпохи печенежского и половецкого степного владычества. Именно благодаря им и удалось воссоздать прошлую картину раннесредневекового Чугуева.

Древняя же история Чугуевщины вмасштабах всего Подонцовья, была воспроизведена усилиями Бориса Андреевича Шрамко – советского и украинского историка и археолога, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой археологии Харьковского государственного университета, крупнейшего специалиста в области древней истории Подонцовья, студентом которого посчастливилось быть и автору этих строк.

Его книга «Древности Северского Донца» по сей день остается непревзойденным первоисточником первобытнообщинного периода развития человечества на территории Подонцовья. В ней содержаться не только многочисленные археологические исследования, проводимые ученым в бассейне Северского Донца, но и обобщенные сведения таких видных коллег по профессии, ученыхД.Я. Телегина, В.А. Городцова, С.Н.Бибикова, И.Ф. Левицкого, П.П.Ефименко, С.А.Локтюшева, М.Я.Рудинского, Н.В.Сибилева и некоторых других исследователей.

К разряду подобного рода исследований общего характера, но уже касающихся чугуевского средневековья, можно отнести работы Д.И.Багалия «Материалы для истории колонизации и быта степных окраин Московского государства», «К истории заселения Окраин Московского государства»,И.Д. Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украйне Московского государства»,П.В.Смирнова «Города российского государства в первой половине 17 века», А.С. Лисянского «Конец Дикого Поля», Е.В.Дворецкого и А.И.Попкова «Основание первых русских городов на «крымской» окраине», А.И.Попкова и Н.Н.Олейника «Протистояння Московської держави і українського козацтва в донецькому лісостепу 1613 – 1622 рр.», В.К.Михеева «Подонье в составе Хазарского каганата», Б.Н.Флоря «Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких

восстаний 20-30 годов 17 века», И.И. Срезневского «Историческое изображения гражданського устройства Слободской Украины» и «Экстракт о Слободских полках».

В этих и ряде других изданиях средневековая история Чугуевщины проскальзывает в виде отдельных фактов и событий на фоне процесса колонизации украинских земель как Россией, так и Польшей.

Отдельные, не всегда правдоподобные факты исторического прошлого Чугуевщины, содержаться в книге Б.Хлебникова «История 32-го драгунского Чугуевского Ея величества полка(1613 – 1893 гг.)», акте «Росписи польским дорогам времен царя Федора Михайловича», книгах «Книга Большому чертежу», «Историко – статистическое описание Харьковской губернии».

Очень ценные сведения, касающиеся времени второго основания города Чугуева (1638г.)находятся в разного рода отписках, донесениях, челобитных русских служилых людей в адрес Московского правительства, а также царских грамотах и указах первой половины 17 века.

Добрых слов заслуживает и результаты многолетней исследовательской работы чугуевских краеведов 60-х – 90-х годов прошлого века А.Я.Зинченко, Г.Б.Андрусенко, И.Н.Мочалина, которые внесли огромнейший вклад в изучение истории средневекового Чугуева, стояли у истоков открытия всех музеев и картинной галереи в нашем городе. Очень много интересной и полезной информации о прошлом города можно почерпнуть из книг чугуевского историка А.В.Левченко «История Чугуевского полка» (2008), «Чугуев: маленький город в большой истории»,(2012), коллективного издания С.И.Бучастой, С.А.Голоты, А.В.Левченко, А.Е.Хильковского и О.А.Шевченко «Чугуев и чугуевцы на старых открытках и фотографиях» (2008).

Но изданий обобщающего характера об историческом прошлом города Чугуева за весь период его существования пока нет. Данная книга является попыткой автора начать процесс составления полной биографии нашего города.

Книга первая

ТАК НАЧИНАЛАСЬ РОДИНА

ТАЙНЫ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

История древнего мира спрятана в земле. Образно говоря,ее «добывают» археологи лопатами. Само слово «археология», т. е. «наука о древностях», происходит от двух греческих слов: archios – древний и logos – слово, понятие, рассказ. А то, что археологи извлекают в ходе раскопок из почвы, принято называть подъемным материалом или вещественными археологическими источниками. К ним относятся всевозможные следы жизнедеятельности людей, которые навечно «законсервировала» земля: древние орудия производства, оружие, посуда, украшения, остатки пищи, монеты, и т.д.Археологические памятники являются самыми достоверными источниками среди всех тех, которые использует историческая наука. Это объясняется тем, что они были непосредственно связаны с жизнью людей,изготовлялись и использовались ими в хозяйстве, в быту и т. д. Этих немых свидетелей прошлого, правда, нелегко заставить «говорить». Иногда бывает трудно объяснить значение той или иной археологической находки. Однако тщательное, часто сложное и очень кропотливое изучение этих памятников дает возможность восстановить в основных чертах, а иногда даже и в некоторых деталях, жизнь людей в отдаленные времена.

Письменные же источники менее объективны. Они рассказывают об определенных событиях так, как эти события отражались в сознании людей. Зачастую авторы односторонне или тенденциозно освещают факты, а то и просто искажают их. Они легче «прочитываются», чем вещественные свидетельства, но всегда требуют тщательной проверки на достоверность.Вещественные остатки, изучаемые археологами, находят преимущественно на местах древних поселений, мастерских, рудников, культовых сооружений или в могилах. Встречаются также клады древних вещей, различные изображения на камне и металле, а также отдельные находки самых разных предметов человеческого пользования. Среди древних поселений различают стоянки, селища и городища. Стоянкой археологи называют остатки временного или постоянного неукрепленного поселения людей каменного, медного или бронзового века.

Остатки укрепленных поселений, которые на нашей территории появляются обычно уже в железном веке, называют городищами, независимо от характера оборонительных сооружений. Временные или постоянные неукрепленные поселения, существовавшие одновременно с городищами, называют селищами. На поселениях любого типа археологи тщательно исследуют, прежде всего, культурный слой, т. е. такой слой почвы, который образуется из органических и неорганических остатков в результате жизни и деятельности человека. Именно в культурном слое залегает основная масса вещественных находок (обломки керамики, кости употреблявшихся в пищу животных, птиц, рыб, случайно потерянные или выброшенные как негодные для дальнейшего употребления изделия из камня, металла, рога и проч.).

Для исследования производственных процессов очень важную роль играют древние рудники и мастерские. Последними называют места, на которых вырабатывались различные орудия, оружие, бытовая утварь и другие вещи. Изучение древних рудников дает возможность выяснить, какими способами человек добывал руду, какие орудия он применял в древнейших горных разработках. Химический анализ руды, плавильных шлаков и готовых изделий позволяет установить места древних центров добычи и обработки металла, проследить торговые связи.

Культовые места – это участки или специальные сооружения, предназначенные для совершения различных религиозных обрядов. Они имеют большое значение не только для изучения древних религиозных представлений, но и для характеристики других сторон жизни людей. Так, например, здесь иногда находят изображения животных, на которых охотился человек, или изображения вещей, которые очень плохо сохраняются либо совершенно не сохраняются в земле. Среди жертвоприношений встречаются подлинные вещи, употреблявшиеся людьми того времени, или их миниатюрные копии, изготовленные специально для культовых целей. Это помогает получить важные сведения о хозяйственной деятельности человека.

Ценными археологическими источниками являются древние погребения. Возникнув еще в каменном веке, обряд погребения покойников принял у различных племен и народностей своеобразные формы. Поэтому уже сам обряд погребения, обнаруженные в нем находки, служит важным этнографическим признаком принадлежности типа людей к определенной археологической культуре или этносу.

В первом разделе данной книги речь пойдет о времени, которое называется «зарей человечества» или эпохой первобытного общества. В этот исторический период были созданы первые орудия производства, человек овладевает огнем, изобретает первые формы одежды и жилищ. К этим же временам относится появление гончарства и металлургии, скотоводства и земледелия, начало изобразительного искусства, музыки и других достижений человеческой культуры.В это же время человечество физиологически эволюционирует от человекообразной обезьяны до появления разумныхлюдей современного типа, а в плане общественной жизни – от первобытного стададо классового общества.

Материал раздела содержит в себе научные изыскания в этой области упоминаемого выше ученого Б.А.Шрамко, который при помощи археологических раскопок доказал, что «заря человечества» «всходила» и на территории современной Чугуевщины.

Эволюция превращения человекообразной обезьяны в человека современного типа, в своей общей протяженности, заняла десятки тысячелетий.Для удобства фиксации самых значимых поступей человечества по пути прогресса, ученые классифицировали их специальными историческими терминами: Ранний палеолит, Поздний палеолит, Мезолит (средний каменный век), Неолит (новокаменный век), Энеолит (медно-каменный век), Бронзовый век и Железный век. Эта хронология основана, главным образом, исходя из квалификации орудий производства по форме, материалу и технике их изготовления, а также по степени прогрессирующей биологической трансформации человека как такового.

Начало истории человеческого общества относится к очень отдаленным временам. Человек появился на земле несколько сот тысяч лет тому назад. Территория, на которой происходил процесс превращения обезьяны в человека, охватывала довольно значительную часть тропической и субтропической зоны Старого света (Европы, Азии и Африки).Археологические находки позволяют предполагать, что в зону, где совершалось очеловечивание обезьян, входили южные районы России и Украины. Здесь были благоприятные природные условия и водились человекообразные обезьяны. Это подтверждается находкой 1939 г. в местности Удабно на территории восточной Грузии, где были обнаружены два зуба и обломок верхней челюсти ископаемой человекообразной обезьяны удабнопитека. Останки другой ископаемой обезьяны – мезопитека обнаружены на юге Украины. Процесс превращения обезьяны в человека был очень длительным. «Наверное, – говорит Ф. Энгельс, – протекли сотни тысяч лет, – в истории земли, имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека, – прежде чем из стада лазящих по деревьям обезьян возникло человеческое общество».

У высших обезьян выработались предпосылки, способствовавшие превращению их в людей. Однако это еще не были люди. В ходе очень длительной эволюции, человекообразная обезьяна превращается в первобытного человека,обезьянье стадо превращается в человеческий коллектив. И это превращение произошло благодаря труду, который начинается с изготовления орудий производства. Труд есть первое основное условие всей человеческой жизни, труд создал самого человека.Практика изготовления и использования орудий производства совершенствует человеческие руки и развивает мозг. Одновременно у человека вырабатывается и необходимое для жизни в обществе средство общения – членораздельная звуковая речь.

Поскольку дальше разговор пойдет о конкретном регионе, именуемой в научно-исторической литературе как Подонцовье, что включает в себя прибрежнуюзону бассейна Северского Донца, то возникает необходимось вкратце познакомить читателя с этой рекой.

ГЛАВНАЯ РЕКА СЛОБОЖАНЩИНЫ

Северский Донец – река юга Восточно-Европейской равнины, протекающая через Белгородскую и Ростовскую области России, а также Харьковскую, Донецкую и Луганскую области Украины, правый самый большой приток Дона.

Исток реки находится на Среднерусской возвышенности, на высоте 200 м над уровнем моря, около села Подольхи в Прохоровском районе Белгородской области. Реку часто ошибочно называют «Северный Донец». На самом деле название пошло не от географического ее расположения, а от имени одного из названий славянских племен древнерусского государства Киевской Руси – северян, которые обитали в 7 – 9 веках на берегах этой реки. Считается, что они и дали ей это имя.Греческий историк Геродот называл его Сигрисом. Еще в 18 веке в нем водилось 124 вида рыб.

Бассейн реки Северский Донец по площади составляет 99,5 тыс. км^2. В него входит 2494 рек, длина большинства которых не превышает 10 км, несколько сотен непосредственно впадает в Северский Донец, среди них 11 рек длиной более 100 км. Основные притоки: справа – реки Уды (164км), Казённый Торец (129 км), Бахмутка (88 км), Лугань (196 км), Большая Каменка (110 км); слева – Оскол (436 км) Жеребец (86 км), Красная (124 км), Айдар (256 км), Деркул (160 км), Глубокая (108 км), Калитва (308 км), Быстрая (218 км), Кундрючья (240 км). В верхнем течении на реке имеются два водохранилища Белгородское (Россия) и Печенежское (Украина).

Питание Северского Донца преимущественно снеговое, от стока атмосферных осадков (65%), родниковое– 33%. Поэтому расход воды в течение года неравномерен. В восточных областях Украины река несет огромную хозяйственную нагрузку, собственного стока вод реки для водозабора на хозяйственные нужды недостаточно. Для его пополнения в летний период, в 1969 – 1981 гг. построен канал Днепр – Донбасс, запитывающий реку у города Изюм. Ниже по течению у поселка Райгородок, от реки ответвляется канал Северский Донец – Донбасс, снабжающий водой Донецкую область (80% питьевой воды она получает из этого канала).

Река замерзает со второй половины декабря до середины марта. Толщина льда от 0,2 до 0,5 м. Ледяной покров неустойчив, в наиболее теплые зимы, при продолжительных оттепелях, происходит временное вскрытие реки с подъемом уровня воды. Половодье, как правило, начинается в конце февраля (низовья) – в первой половине марта и продолжается до апреля (в верховьях). Подъем воды в этот период составляетот 2 до 4 метров.

В верхнем течении Донца много перекатов, быстрин, небольших порожков; русло реки извилисто, особенно до впадения р. Красная. Долина реки асимметричная, правый коренной берег – высокий (местами до 180м), изрезан промоинами и оврагами, левый пойменный – пологий, в среднем (после Печенежского водохранилища) с многочисленными старицами, озерами, местами заболоченный, поросший пойменным лесом. Ширина речной долины: от 8 – 10 км в среднем течении и до 20 – 25 км в нижнем. Преобладающая ширина русла в среднем течении 35 – 70 м. Вторая половина верхнего и все среднее течение реки идет вдоль Донецкого кряжа, его северных границ. В низовьях, в Ростовской области, река проложила себе путь через Донецкий кряж и от г. Каменск-Шахтинского до станицы Усть-Быстрянская течёт в сравнительно узкой долине с крутыми и скалистыми склонами.

На реке находятся крупные населенные пункты: в России, Белгородская область – п. Разумное, г. Белгород, п. Маслова Пристань, г. Шебекино; на Украина – гг. Чугуев, Змиев, Изюм, Святогорск, Райгородок, Кременная, Приволье, Рубежное, Лисичанск, Северодонецк, Счастье, Луганск; в России Ростовская область – г. Донецк, п.Гундоровский, гг. Каменск-Шахтинский, Белая Калитва, станицы Усть-Быстрянская и Нижнекундрюченская, г. Усть-Донецкий.

Северский Донец впадает в реку Дон в 218 км от его устья на высоте 5,5 м над уровнем моря. Падение реки приравнивается 195 метрам, средний уклон 0,18 м/км. Скорость течения от 0,15 м/с. У города Чугуева –1,41 м/с. У города Лисичанска – 5 м/с.Вдоль берегов расположена пойма с многочисленными озёрами и болотами. Самое большое из них озеро Лиман.

Северский Донец – важнейший источник пресной воды для востока Украины. Главный источник воды для городов Харьков, Донецк, Луганск и др. С начала 20 века в бассейне Северского Донца начала ощущаться нехватка пресной воды, что инициировало ряд гидрологических проектов. В 1936 году на месте современного Печенежского водохранилища было сооружено Кочетокское водохранилище, соединенное с харьковским водопроводом. К пятидесятым годам этого оказалось недостаточно, и в шестидесятые годы (1964 г.) было сооружено Печенежское водохранилище ёмкостью 400 млн. м³. Около 75% водоснабжения Харькова осуществляется из Печенежского водохранилища.

В настоящее время Северский Донец судоходен до российского города Донецка (Ростовская область) (222 км от устья). Судоходство на последнем участке обеспечивают шесть гидроузлов, построенных в 1911–1914 годах. Каждый из них состоит из разборчатой железобетонной плотины длиной 100–150 метров, и однокамерного шлюза длиной 100 м, шириной 17 метров, и глубиной 2,5 метра. Судоходство по Северскому Донцу на территории Украины (до Змиева) было возможно до середины 18 века, но обмеление рек бассейна Донца и самого Северского Донца сделало судоходство невозможным. Во время Русско-Турецкой войны 1735–1739 гг. Северский Донец еще был судоходен и активно использовался, как основной канал снабжения воюющих частей продовольствием с Украины, однако в 1788 году судоходство уже было невозможно, русло реки было перегорожено сотнями водяных мельниц. В конце 19– начале 20 веков предпринимался ряд попыток возродить судоходство, в частности ради возможности водной транспортировки полезных ископаемых Донбасса. Одним из энтузиастов проекта был Д.И. Менделеев, писавший о необходимости «устроить Донец для наших русских надобностей… ибо Донец, по важности интересов в нем замешанных, нужнее всего». Разработчиком проекта стал известный своим вкладом в проект Волго-Донского канала русский гидротехник Нестор Платонович Пузыревский. В 1903–1904 годах он провел детальное исследование русла СеверскогоДонца и предложил проект восстановления судоходства реки до города Белгорода, подразумевающий сооружение большого числа шлюзов. Однако, реализация его проекта не продвинулась дальше сооружения семи шлюзов близ города Донецка в 1911–1914 годах. Дальнейшие работы были прерваны Первой мировой войной и последующими ухудшениями ситуации на Северском Донце.

Начиная с глубокой древности, территория Подонцовья являлась полигоном в процессе развития и цивилизационного становления обитавшего здесь первобытного населения. По мнению ученых, земли бассейна Северского Донца, как составная часть степного и лесостепного пространства Восточной Европы, не подвергались уничтожительным процессам во время губительного для всего живого ледникового периода.Низшая грань температурного похолодания не достигала критической отметки, что не только не вытолкнуло местных обитателей в более теплые регионы континента, но и способствовало их притоку в эту местность. Флора и фауна хоть и претерпела от суровых климатических катаклизмов, но всеже продолжала оставаться для приспособившихся к холодам людям кормовой базой. Когда же ледники отступили, на территории Подонцовья, как и на всей остальной части Большой

южной Днепро – Донецкойстепи, погодные условия изменились близко к нынешним.

С конца 18 века река была поставлена на службу человеку и стала стремительно терять свое былое величие. Она перестала быть судоходной.Постепенно с ее берегов исчезли вековые дремучие сосновыеи дубовые леса. По имеющимся сведениям, русский царь Петр Первый тожеприложил к этому руку, организовав рубку и вывозку в северную столицу своего государства мачтовых лиственниц для кораблей зарождающегося русского флота. Оразмерах произрастающих в те времена деревьев можна судить по выдолбленным из цельных стволов казацких «чаек», которые вмещали в себя от 20 до 60 казаков и могли пересекать Черное море по пути в Турцию. Ситуация с загрязнением Донца резко ухудшилась в годы советской властииз-за создания Белгородского и Печенежских водохранилищ, отбора воды для промышленных и бытовых нужд населения, сброса в водную артерию Слобожанщины промышленных стоков.Экстенсивное ведение сельского хозяйства, предусмаривающее повышение результативности сельхозотрасли не за счет повышения плодородия почв, а путем освоения пустующих залежных земель, привело к распашке пребрежных зон Северского Донца и его многочисленных притоков. Это способствовало смыву верхнего слоя почвы в русло реки и стало главной причиной ее омеления во время весенних паводков и летних дождевых осадков. Попавшие вместе с землей в реку тысячи тонн удобрений способствовали зарастанию русла болотной растительностью.В настоящее время, по сравнению с теми древними временами, о которых идет речь в данной книге, от Северского Донца осталось жалкое подобие некогда могучей реки, которую древнерусские летописцы не случайно величали Великим Доном.

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ
(500 – 30 тыс. лет тому назад)

В исторической науке этот период считается самым сложным и слабо исследованным.Хотя на землях современной Слобожанщины он оставил множество следов.Воронежскую область, на территории которой археологи обнаружили многочисленные поселения палеолитических людей, Донецкий край, днепровские плавни, тысячелетиями прятавшие в себе творения изобразительного искусства людей раннего каменного века, ученые не случайно называли палеолитическим раем.А вот Харьковская область до недавнего времени считалась белым пятном на палеолитической карте Украины.Хотя сотрудник Харьковского исторического музея, археолог, кандидат исторических наук Ирина Снежко придерживается иной точки зрения. Палеолита нет там, где его не ищут,– убеждена археолог. В 1988 году вблизи Изюма, сначала возле села Синичное, а позже на мысе между Северским Донцом и Сухой Каменкой, где на поверхность выходят залежи кремня, она открыла целую мастерскую первобытного человека, на которой было обнаружено несколько десятков кременных скребков и наконечников для стрел и копьев, сделанныерукой человека путем отжима их от нуклеуса – природной каменной заготовки.А по соседству, возле поселка Амвросиевка Донецкой

области, сотрудником Киевского института археологии Александрой Кротовой, была открыта не только стоянка первобытных охотников времен палеолита, но и место загонной охоты на бизонов, которые в то время обитали на территории Подонцовья.Полмиллиона лет тому назадбольшая область между Днестром и Волгой представляла собой равнину, по которой текли полноводные и широкие, но сравнительно неглубокие реки. Слабая расчлененность рельефа не благоприятствовала стоку вод, и поэтому значительные пространства были покрыты озерами и болотами. На территории нынешнего Донбасса происходили медленные, но значительные по размерам колебания земли, выражавшиеся преимущественно в поднятии почвы.

Климат был влажный и более теплый, чем сейчас, близкий к субтропическому. Небольшие оледенения не оказали значительного влияния на климат этой территории. Исследователи считают, что температура в то давнее историческое время, даже в холодное время года, не опускалась ниже +8° С.

Обилие влаги и тепла способствовало развитию пышной луговой и лесной растительности. Вечнозеленый лавр, самшит, бук, смоковница и другие растения, которые ныне встречаются лишь на юге, произрастали даже в лесах севера современной Украины. Далее на севере Русской равнины простиралась полоса смешанных хвойно-широколиственных лесов.Господствующим ландшафтом была лесостепь.Фауна характеризуется наличием вымерших в настоящее время теплолюбивых животных (южный слон, носорог, гиппопотам, саблезубый тигр), которые существовали наряду с такими животными, как олень, бык, лошадь, медведь, волк и т. д.

Следы древнейших стоянок первобытного человека, на которых находят каменные орудия, относящиеся к раннему палеолиту, встречаются сравнительно редко. Плотность населения была тогда очень небольшой, и люди выбирали для жизни самые удобные места. Кроме того, незначительные сами по себе остатки многих древнейших поселений могли быть уничтожены в процессе грандиозных геологических изменений, которые переживала Европа в эпоху раннего палеолита.Ученым все же удалось доказать, что юг Восточной Европы был заселен человеком еще в самом начале раннего палеолита.

Первое и пока единственное местонахождение на Украине было открыто в 1946 г. С.Н. Бибиковым и П.И. Борисковским на левом берегу Днестра у с. Лука-Врублевецкая (в 20 кмот Каменец-Подольского). Здесь обнаружены массивные отщепы и три типичных ручных рубила из кремня. Такие древние памятники больше нигде на Украине, пока не обнаружены. Но не исключено, что они могут находится ив бассейне Северского Донца, где на протяжении всего палеолита были довольно благоприятные для жизни человека природные условия.

Пока же самыми древними в этой местности являются каменные изделия первобытных людей, найденные Н.В. Сибилевым(1873 – 1944) на берегах Северского Донца, у с. Яремовки, близ Изюма. Но это не единственная его находка. Вот что пишет о Н.В.Сибилеве директор Изюмского краеведческого музея Ольга Махортова: «Трудно переоценить вклад Н.В.Сибилева в археологию и краеведение Изюмщины. Сотни поисковых экспедиций, десятки тысяч археологических находок, их классификация и описание, открыто более 350 стоянок древних людей, найденных исследователем в бассейне Северского Донца, десятки теоретических работ по археологии, среди них четыре выпуска

всемирно известных «Древностей Изюмщины», два краеведческих музея – в Изюме и Славяногорске». Ознакомившись с результатами поисковой работы Н.В.Сибилева, известный археолог А.А.Спицын писал: «Неизвестно чему удивляться – громадному количеству стоянок или самоотверженной настойчивости собирателя».

Недавние находки археологов Ирины Снежко иАлександры Кротовой, в очередной раз доказали, что расположенные всего в ста километрах от Чугуева земли Изюмщины, являются самыми «богатыми» по обилию археологических находок, относящихся к каменному веку.Они свидетельствуют о том, чтосреднее течение Северского Донца былозначительно гуще заселено человеком уже в раннем палеолите, чем земли, относящиеся к верхнему течению этой реки. Подтверждением такого вывода можетслужить и находка типичного ручного рубила в непосредственной близости к Северскому Донцу на территории Приазовья, около ст. Амвросиевка (на правом берегу р. Крынки).

Выделившийся из животного мира человек имел очень примитивные орудия производства из камня, главным образом из кремня. Кремню отдавалось предпочтение по ряду причин. Этот материал, состоящий в основном из кремнезема, встречается в природе довольно часто (в известняках, в меловых и других отложениях) в виде различных неправильной формы желваков. Для первобытного человека было очень важно то, что в кремне сочетаются такие свойства, как твердость, способность раскалываться в любом направлении и давать тонкие, но прочные пластины с острыми режущими краями и намеренно оббитой человеком рабочей частью, которые могли применяться в качестве режущих и рубящих орудий или инструментов для скобления. Рубило представляло собой массивный желвак, симметрично оббитый с двух сторон. Нижняя часть его заострялась, а в верхней оставлялся обычно гладкий участок (пятка) для упора в ладонь. Средние размеры рубил 12—15 см. Применение всеми членами первобытного коллектива одного основного каменного орудия устойчивого типа в виде универсального ручного рубила свидетельствует о том, что у древнейших людей еще не существовало никакого разделения труда. Трудовая деятельность и орудия производства были еще настолько просты, что никакой специализации отдельных людей не было, все взрослые занимались одной и той же деятельностью.По той же самой причине ясно, что основным занятием людей было собирательство, дополняемое лишь в определенной мере охотой. Специального охотничьего оружия еще не было, а при наличии только рубила, отщепов и палок охота не могла давать большого эффекта. При таких условиях первобытный человек не мог жить и трудиться в одиночку, вне коллектива, хотя и очень неэффективного. Этот древнейший человеческий коллектив принято обозначать термином «первобытное стадо».Оно было очень примитивной формой общества, но уже отличалось от стада животных тем, что людей в этом коллективе связывали, объединяли не только чисто биологические потребности, но и коллективный труд. Первобытное стадо представляло собой группу древнейших людей, объединенную коллективным трудом по изготовлению орудий производства, добыванию пищи и совместной защитой от опасностей. Этих людей принято называтьпитекантропами, останки которых впервые были обнаружены на острове Ява.

Питекантроп имел довольно крупный рост, передвигался на двух нижних конечностях, хотя и несколько согнутых. Череп его имел еще ряд

примитивных черт: уплощенный черепной свод, огромные надбровные дуги. Подбородочного выступа на нижней челюсти не было. Объем черепа достигал 900 см. куб, т. е. был гораздо больше, чем у любой человекообразной обезьяны, но меньше, чем у современного человека.

Питекантроп – это уже не обезьяна, а древнейший человек. Охотничья добыча стала существенно дополнять продукцию собирательства, а это имело огромное значение в связи с постепенным изменением условий жизни человека во второй половинераннего палеолита.Это была эпоха днепровского оледенения. Из трех оледенений, которые, по мнению большинства исследователей, имели место на территории Европы в эпоху палеолита, днепровское оледенение было самым большим. Центром его была, по-видимому, Гренландия, но захватило оно даже территорию современной Украины. Южная граница ледника проходила на Украине, приблизительно по линии Львов – Ковель – Сарны – Житомир, далее узким языком опускалась по долине Днепра до устья Ворсклы и затем поднималась к северу, немного западнее Полтавы и Сум, примерно до Орла. Отсюда вторым узким языком ледник спускался по долине Дона до устья Хопра и здесь поворачивал на северо-восток.В эпоху максимального оледенения климат в Европе был более холодным, чем в настоящее время. Выпавший зимой снег не успевал растаять, постепенно накапливался и превращался в лед. На территории, непосредственно примыкавшей к леднику, была скудная тундровая растительность. Летом эти места обильно заливались талыми водами и заболачивались. Южнее господствовала травянистая степь с небольшими участками леса из сосны, березы и лиственницы. Животный мир вполне соответствовал этим природным условиям. Теплолюбивые животные вымерли, а распространились такие, как покрытый длинной шерстью мамонт, сибирский носорог, пещерный медведь, пещерный лев, первобытный бык, дикая лошадь, северный олень, песец и др., приспособившиеся к холодному климату. Бассейн Северского Донца непосредственно не затрагивался даже максимальным днепровским ледником, но большая часть его, охватываемая с запада, севера и востока языками ледника, представляла собой малопривлекательную тундру. Лишь в самой южной части бассейна господствовала травянистая растительность степного типа.Несмотря на суровые условия максимального оледенения, человек благодаря труду не только выжил, но и продолжал в рамках того же первобытного стада совершенствовать свое хозяйство. Возможности собирательства в условиях тундровой и степной растительности уменьшились, но возросшая эффективность охоты позволяла удовлетворять самые необходимые потребности питания за счет увеличения долимясной пищи.Кроме того, этот период для обогревания и защиты от хищников,люди стали широко использовать огонь, о чем свидетельствуют часто находимые на стоянках остатки кострищ. При помощи огня удобней было и организовать охоту с массовым загоном животных в ловчие ямы или к спрятавшимся в засаде соплеменникам. Возможно в процессе изготовления каменных орудий человек уже в эту эпоху научился добывать огонь путем высекания его ударами кремня о кремень. В условиях ледникового климата человек не мог обходиться и без одежды. Остатки ее до нашего времени, конечно, нигде не сохранились, но можно полагать, что это была очень простая одежда из шкур животных.В жизни первобытного человека наблюдаются значительные изменения.

Антропологические находки свидетельствуют о появлении в эту эпоху нового физического типа человека, который известен в науке под названием неандерталец(Homo neanderthalensis) или древний человек. Череп древнего человека был впервые найден в 1848 г. в каменоломне на склонах Гибралтарской скалы. Однако большую известность получила находка, сделанная в 1856 г. в Германии, близ Дюссельдорфа. Здесь, в долине Неандерталь, из пещеры Фельдгофер были извлечены костные остатки человека, который сохранял еще много сходства с питекантропом и синантропом, но в целом, по своему развитию стоял уже выше своих предшественников.В 1924 г. советский исследователь Г.А. Бонч-Осмоловский в пещере Киик-Коба в Крыму нашел плохо сохранившиеся скелет ребенка и взрослого неандертальца.В 1938 г. советский археолог А.Н. Окладников обнаружил остатки скелета мальчика-неандертальца в Узбекистане. Наконец, в 1953 г., археолог А.А. Формозов нашел в пещере Староселье близ Бахчисарая в Крыму остатки скелета ребенка-неандертальца, у которого имеются уже черты, сближающие его с ископаемыми людьми современного физического типа. Унеандертальцев возникает уже первоначальное, естественное разделение труда. Очевидно, часть членов первобытного коллектива занималась, главным образом, охотой на крупных животных. Это требовало от людей, вооруженных такими примитивными орудиями, как кремневый нож-остроконечник, деревянное копье, рогатина и т. п., помимо большой физической силы, ловкости и выдержки, также хорошего знания различных охотничьих приемов.

Другая часть первобытного коллектива, состоявшая, повидимому, из стариков, детей и подростков обоего пола, не играла основной роли в охоте на крупных животных. Они помогали охотникам загонять животных в сторону засады, занимались собирательством, строили временные убежища или приспосабливали для жилья естественные укрытия, делали одежду и т. д. В их деятельности основным орудием было скребло. Старики, которые не могли достаточно ловко действовать на охоте, занимались также изготовлением каменных орудий. Довольно сложная техника скола и ретуши требовала большого опыта и навыков, которые приобретались только со временем.

Не следует, однако, преувеличивать успехи древнего человека в конце раннего палеолита. Жизнь его еще была очень тяжела, и это вело к большой смертности неандертальцев в раннем возрасте. Исследования костных остатков неандертальцев антропологами показывают, что 55% из них умирало, не дожив до 20-летнего возраста, и почти никто не жил больше 50 лет.Неондертальцы жили и в Придонцовье.В 1924 г. П.П. Ефименко впервые открыл и исследовал стоянку племени неандертальцев,расположенную у хутора Колесников Станично-Луганского района Луганской области, на правом берегу р. Деркул, недалеко от впадения последней в Северский Донец.В основании берегового обрыва здесь находится мел, перекрытый слоем мергеля. Над мергелем залегает песок косослоистой структуры. Каменные орудия были обнаружены в слое галечника на размытой поверхности этих древних песчаных наносов, перекрытых в свою очередь более поздними отложениями кварцевого песка. Жившие здесь первобытные люди использовали для изготовления орудий преимущественно кварцит, так как хорошего кремня в ближайших окрестностях нет. Из костных остатков удалось найти только обломок трубчатой кости большого млекопитающего – слона или носорога.Отсутствие

значительного количества остатков, связанных с жизнью первобытного человека, в бассейне Северского Донца П.П. Ефименко объясняет тем, что здесь был временный лагерь первобытных людей.К тому же плотность заселения ими речной долины Донцабыла низкой.

Другое местонахождение племени неандертальцев было обнаружено у села Красный Яр Ново-Светловского района Луганской области, примерно в 10 кмк северо-востоку от г. Луганска. Первые находки здесь сделал сотрудник Луганского музея А.С. Альбрехт еще в 1925 году. Каменные орудия и несколько сильно минерализованных костей ископаемых животных были найдены на небольшой отмели в русле Донца вблизи города Балаклеи, а в 1979 году – у правого берега Печенежского водохранилища.Они были вымыты волнами.Таким образом, археологические и палеонтологические находки показывают, что территория нижнего течения Северского Донца в конце раннего палеолита была заселена первобытными людьми.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ
(30-15 тыс. лет тому назад)

В этот исторический период ледник был меньшим, чем в период днепровского оледенения. Он захватывал своей южной оконечностью лишь верховья бассейна Днепра и Волги, доходя до Валдайской возвышенности. Однако очертания морей и суши, в связи с рядом сложных геологических явлений, выглядели на юге Восточной Европы не так, как сейчас. Каспийское море (Хвалынский бассейн), уровень которого был гораздо выше современного, соединялось узким проливом с Азовским и Черным морями. Донец, по-видимому, не был в это время притоком Дона, а самостоятельно впадал в этот пролив.В северных, расположенных близко к леднику, районах преобладала скудная тундровая растительность, южнее лежала полоса лесостепи, захватывавшая верховья Донца, а далее простирались степи.В фауне этой эпохи еще сохранялись мамонт и шерстистый носорог. Считают, что эти крупные животные вымерли не по естественным причинам, а были истреблены человеком, который усиленно охотился на них. Наряду с мамонтом и носорогом для фауны позднего палеолита характерны такие полярные животные, как северный олень, мускусный овцебык, песец и такие степные, как антилопа-сайга, бизон, суслик и др.В позднем палеолите на основе дальнейшего развития древних людей (неандертальцев) появляется человек современного физического типа (Homo sapiens).

Впервые костные останки ископаемого человека современного физического типа были найдены в 1823 г. на территории Англии в пещере Павиланд. Однако здесь был обнаружен лишь скелет без черепа. Более удачной была находка археолога Ларте в 1868 г. на берегу р. Везер во Франции, в пещере Кроманьон. Кроманьонцыпредставляли собой рослых, широкоплечих людей с хорошо развитым черепом, объем которого уже вполне соответствовал объему черепов современных людей. Для лицевой части черепа кроманьонца характерны прямой и широкий лоб, узкий нос, хорошо сформированный, резко выступающий подбородок, небольшие размеры глазных орбит и некоторые другие признаки. Останки людей этого типа были обнаружены во время

раскопок под руководством П.И. Борисковского и А.Н. Рогачева в 1952–1953 гг. на стоянках у села Костенки под Воронежем.

В эпоху позднего палеолита появилась оседлость населения, хотя еще и не прочная. О том, что люди подолгу жили в некоторых местах, свидетельствуют мощные культурные слои ряда стоянок и появление довольно сложных для того времени постоянных жилых сооружений.Формы палеолитических жилищ были довольно разнообразны. Встречаются землянки и наземные постройки в виде шалаша, у которого пол лишь немного углублен в почву. Основание жилищ иногда укреплено каменными плитами и крупными костями мамонта. Бивни мамонта и большие рога северного оленя использовались наряду с деревом для сооружения основы перекрытия жилища.

В период позднего палеолитав первобытном обществе окончательно оформляется родоплеменная организация. Род представляет собой хозяйственное, общественное и идеологическое объединение кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного общего предка. Брачные отношения между людьми регулировались в позднем палеолите еще при помощи различных форм группового брака. Родственные связи же при групповом браке, когда достоверно неизвестен отец ребенка, можно было определить лишь по материнской линии. Кроме того, женщина играла большую роль в хозяйстве палеолитического первобытного общества. Поэтому род оформляется как материнский. В условиях развитого, сложного общественного хозяйства позднего палеолита родственные роды иногда объединялись для совместной коллективной охоты и для общей защиты своей территории от врага. Со временем эти связи укреплялись, становились устойчивыми, и родственные роды объединялись в болеекрупные коллективы – племена. В это время впервые возникает и развивается в разных формах изобразительное искусство человека. Появляются скульптурные изображения женщин, реже животных, вырезанные из мягких пород камня, из кости или рога. Для женских статуэток характерно специальное подчеркивание признаков женского пола. Видно, что первобытный художник старался яснее передать черты взрослой женщины-матери. Появление таких статуэток в эпоху оформления матриархально-родового общества, конечно, не случайно. Эти изображения женщин – родоначальниц, покровительниц рода – свидетельствуют о важной роли женщин в жизни родовых общин.

В разных позднепалеолитических стоянках найдены также образцы первобытной живописи на стенах пещер и на скалах, образцы гравюры по камню, рогу и кости. Среди этих изображений мы видим главным образом тех животных, на которых первобытный человек охотился: мамонта, носорога, бизона, оленя, лошадь, медведя и др. Рисунки отличаются простотой и первобытным реализмом. Художник, который одновременно был и охотником, хорошо знал этих животных и умел немногими, но выразительными штрихами передать наиболее существенное в образе того или иного животного.Родовая организация, объединявшая кровных родственников, играла огромную роль в жизни первобытного человека.

У людей позднего палеолита уже существовали определенные религиозные верования. Это подтверждается наличием погребений с ясно выраженным религиозным обрядом, говорящем о вере в загробную жизнь. В таких погребениях вместе с покойником находят различные орудия

производства, остатки пищи, украшения ипредметы, которые были положены в могилу его родственниками, чтобы обеспечить его всем необходимым в потустороннем мире.Возникновение религии объясняется прежде всего условиями материальной жизни первобытного человека. Жизнь эта была тяжелой. В своей деятельности первобытный человек часто наталкивался на непонятные, грозящие ему бедствием силы, которые он не мог устранить при помощи своих примитивных орудий и своих бедных знаний. В таких случаях человек начинал предполагать существование каких-то сверхъестественных сил.

В бассейне Северского Донца известен в настоящее время целый ряд позднепалеолитических памятников, но все они, к сожалению, изучены еще слабо и сами по себе не дают сколько-нибудь полной картины жизни людей в конце ледниковой эпохи на этой территории. Они освещают пока лишь отдельные стороны этой жизни. Находки, относящиеся к позднему палеолиту, сосредоточены пока в трех местах бассейна Донца: вблизи Балаклеи, южнее Изюма, севернее Луганска.Самым северным является местонахождение на берегу Донца у с. Щуровки Балаклейского района Харьковской области. Здесь в одном из яров вместе с костями мамонта было обнаружено несколько кремневых пластинок и резцов. На правом берегу Донца, южнее Изюма, зафиксированы следы нескольких стоянок. На стоянке в урочище Пристен у с. Синичено, Изюмского района Харьковской области, на стоянке Шаруканская II близ с. Богородичного и на стоянке у с. Пришиб Н.В. Сибилев нашел кремневые орудия позднепалеолитического облика и обломки костей мамонта. Последние две стоянки находятся в Славянском районе Донецкой области. В этом же районе расположена исследованная лучше других Миньевская стоянка. Она была открыта в 1924 г. П.П. Ефименко в устье Миньевского Яра у села Богородичного (близ Святогорского монастыря). Раскопки здесь производили в 1938 и 1940 гг. Н.В. Сибилев, а в 1950 г. И.Ф. Левицкий и Д.Я. Телегин. Исследования показали, что стоянка имеет два основных культурных слоя: верхний относится к мезолиту, а нижний, залегающий на глубине около 2,75–2,80 м в желтоватом суглинке, – к эпохе палеолита. В нижнем слое найдено много кремневых призматических нуклеусов, резцов, крупных пластин, из которых делались наконечники копий, отщепов.

Большой интерес представляет Веселогорское местонахождение в Александровском районе Луганской области. Древние остатки здесь, на отмели правого берега Донца, были открыты еще в 1918 г. местной жительницей Поповой. Во время научного обследования в 1919г. удалось собрать, по-видимому, вымытые водой из береговых отложений кости мамонта, сибирского носорога, дикой лошади, зубра, благородного и северного оленя. Здесь же был найден прекрасно отделанный наконечник копья из бивня мамонта.Все эти находки показывают, что к концу палеолита большая часть бассейна Северского Донца была уже заселена первобытными людьми, хозяйство и культура которых существенно не отличались от хозяйства и культуры других позднепалеолитических групп населения, обитавших этой местности.

МЕЗОЛИТ
(15 – 5 тыс. до н.э.)

Мезолитом, или среднекаменным веком называют период перехода от палеолита к неолиту,который продолжался приблизительно от 15 до 5 тысячелетия до н. э. В этот период, прекращаются наблюдавшиеся раньше ледниковые явления, постепенно холодный климат сменяется более теплым, устанавливаются близкие к современным ландшафтные зоны леса, лесостепи и степи с соответствующим животным миром. Распространенные раньше такие крупные толстокожие животные, как мамонт и носорог, исчезают. В лесах господствуют теперь такие животные умеренного климата, как бурый медведь, кабан, лось, благородный олень, рысь и т. п., а в степях – дикая лошадь, бык, антилопа-сайга и другие. В связи с улучшившимися природными условиями, люди продвигаются дальше на север и заселяют новые территории, которые раньше были необитаемы.Археологические памятники этого периода показывают, что в мезолите человек научился изготавливать новые, более совершенные орудия производства для охоты и рыбной ловли. В раннемезолитических стоянках еще встречаются некоторые кремневые орудия (резцы, скребки и т. п.), но постепенно увеличивается количество новых типов орудий.Изобретение лука и стрел было огромным достижением первобытного человека, значительно повысившим эффективность охоты, усилившим роль отдельного человека в коллективном хозяйстве родового общества. Имея такое оружие, охотник мог с гораздо большим, чем раньше, успехом поражать животных на далеком расстоянии, убивать их из-за укрытия, не обнаруживая себя преждевременно и не подвергаясь опасности непосредственного столкновения с рассвирепевшим зверем. Лук и стрелы, как показывают этнографические данные, могли применяться и в рыболовстве. Кроме того, изобретение лука должно было натолкнуть человека на мысль об использовании силы согнутой упругой ветви дерева для изготовления других охотничьих приспособлении в виде силков, самострелов и т. п. Это не только облегчило труд охотника, но и дало ему возможность охватить своим промыслом большую территорию, а, следовательно, увеличило производительность труда одного человека и коллектива в целом.Отмечая исключительно большое значение изобретения лука и стрел для первобытного человека, Ф. Энгельс писал: «Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, – решающим оружием».

В целом ряде пунктов современной Украины были обнаружены кости одомашненных животных. Собака была первымиз них, которое человек приручил и научился использовать на охоте. В трудные моменты она служила для него и пищей. В некоторых местах, например, в Крыму, как показали исследования В.И. Громова и С.Н. Бибикова, человек уже начал приручать диких свиней.Несмотря на дальнейшее развитие охоты и широкое распространение рыбной ловли, исчезновение таких крупных стадных животных, как мамонт и носорог, по-видимому, серьезно отразилось на количестве пищевых ресурсов первобытных общин.Об этом свидетельствует то, что в ряде мест широкое распространение получает собирательство.

Как и раньше, в мезолите основной ячейкой общественной организации первобытных людей был род, базировавшийся на коллективном труде. Несколько родов объединялись в племя. Причем, как правило, род был

экзогамен, т. е. брак между мужчинами и женщинами одного и того же рода запрещался. Муж и жена должны были принадлежать к разным родам данного племени.В парной семье, в отличие от группового брака, один мужчина мог находиться в брачных отношениях лишь с одной женщиной. Однако это правило еще не определяет характерных черт парной семьи. Судя по этнографическим данным, парный брак заключался без особых формальностей и не связывал мужа и жену очень прочными узами. По желанию любой стороны, он мог быть легко расторгнут, особенно если муж или жена были замечены в недобросовестном отношении к труду.

Как правило, господствовало матрилокальное поселение супругов (т. е. вступающий в брак мужчина должен был переходить в род жены), счет родства велся по женской линии, при расторжении брака дети оставались у матери и наследовали только личное имущество родственников по материнской линии. Вместе с тем установление парного брака привело к возникновению представления об отцовстве. Раньше, при групповом браке, такого представления не существовало, так как невозможно было достоверно установить родного отца ребенка. Наконец, одной из самых существенных особенностей парной семьи является то, что она еще не вела самостоятельного хозяйства, оторванного от коллективного хозяйства всего рода. Таким образом, появление парной семьи не ослабило, а укрепило матриархально-родовую организацию первобытного общества. Следует также иметь в виду, что внедрение парной семьи не было каким-то внезапным нововведением, а происходило постепенно и еще долго в родовых общинах сохранялись различные пережитки группового брака.

В бассейне Северского Донца в настоящее время известно, благодаря многолетним исследованиям Н.В. Сибилева и С.А. Локтюшева, большое количество мезолитических стоянок. Основная масса их расположена в среднем течении Донца от Изюма до Луганска, но отдельные стоянки имеются и в других местах, в верхнем и нижнем течении реки. Остатки мезолитического поселения были исследованы в 1950 г. Д.Я. Телегиным при раскопках верхнего горизонта стоянки Миньевский Яр на правом берегу Донца у с. Богородичного Донецкой области. Мезолитические стоянки расположены в основном вблизи рек, на поверхности древних песчаных дюн или на низких плессовых террасах коренного берега. Это давало возможность удачно сочетать охоту на диких животных и водоплавающих птиц с рыбной ловлей и собирательством съедобных речных моллюсков. Общей характерной особенностью мезолитических памятников Северского Донца является широкое распространение микролитов (мелких острых сколов, служивших как составляющие части наконечников дротиков, стрел и копий) геометрических форм в виде трапеций, треугольников и сегментов).

НЕОЛИТ
(новый каменный век, 4 - 3 тыс. до н.э.)

Эпоха неолита (от греч. neos – новый), или новокаменного века характеризуется крупными достижениями в производственной деятельности первобытных людей. В это время наблюдается дальнейшее

усовершенствование техники обработки камня, вплоть до применения таких приемов, как шлифовка, сверление и пиление камня; вырабатываются новые, более целесообразные формы каменных орудий: появляется гончарное производство, ткачество и т. д. Наряду с существованием таких старых отраслей хозяйства, как охота, рыбная ловля и собирательство, у ряда неолитических племен зарождаются новые отрасли хозяйства – скотоводство и земледелие, что историки назвали неолитической революцией.

Развитие производительных сил при наличии коллективного труда и общественной собственности на средства производства способствует укреплению родоплеменного строя, который в эпоху неолита достигает у большинства племен высшего расцвета.Вследствие значительной неравномерности исторического развития различных племен установить общие хронологические рамки для неолита труднее, чем для предыдущих эпох. В основном неолит охватывает 4– первую половину 3 тысячелетия до н. э. На юге Восточной Европы в 3 тыс. до н. э. уже появляются металлические орудия, но у северных племен неолитическая эпоха продолжается гораздо дольше.

Говоря о новом этапе в развитии первобытного общества, следует учитывать, что указанные выше усовершенствования и изменения в производственной деятельности происходили постепенно. Резкой грани между мезолитом и ранним неолитом нет.Исследования ранненеолитических памятников показывают, что здесь еще долго применялись старые способы обработки камня, кости и других материалов и преобладали формы орудий, выработанные еще в эпоху мезолита. Однако наряду с этим уже в раннем неолите получают распространение массивные рубящие орудия, которые представляют собой резкий контраст с микролитами мезолита. Эти большие каменные орудия получили наименование макролитов (от греческого makros – длинный). Различают два основных типа макролитов: трапециевидный топор – транше и топор-мотыга вытянутоовальной формы-пик. Сделаны эти макролитические топоры довольно грубо при помощи простой оббивки камня.Находки каменных ранненеолитических орудий известны в ряде мест бассейна Донца. Так, например, коллекция кварцитовых орудий этого типа собрана у хутора Нижне– Герасимовского на правом берегу р. Деркул.

Изготовление шлифованных орудий, особенно из очень твердых пород камня, было нелегким трудом. Кроме того, некоторые орудия, например, ножи или скребки не нуждались в такой обработке. Поэтому шлифовали только такие, особенно важные орудия, как топоры и долота, рабочая поверхность которых должна была скользить, не оказывая большого сопротивления. Шлифовку и заточку производили на каменных плитах при помощи кварцевого песка.Очень большое значение для первобытного человека имело появление керамики, т. е. изделий из обожженной глины. Это свидетельствовало об овладении новым материалом – глиной, которая раньше использовалась мало. Теперь человек узнал ее полезные технические свойства (пластичность, огнеупорность, водонепроницаемость, способность в тестообразном виде принимать различные формы и сохранять их после обжига) и научился использовать их для своих хозяйственных нужд.

В неолите появляется и получает широкое распространение глиняная посуда. Она была, по-видимому, изобретена женщинами, которые хранили и готовили пищу, и очень долго примитивное гончарное производство

находилось в их руках.В истории возникновения земледелия и скотоводства еще много нерешенных проблем. Некоторые племена в эпоху неолита вообще еще не имели этих новых отраслей хозяйства, а продолжали заниматься главным образом охотой и рыбной ловлей.В целом ряде случаев еще нельзя сказать где, когда и какие растения были превращены человеком в культурные и трудно отыскать диких родоначальников многих культурных растений. Можно считать установленным, что в Европе древнейшими культурными злаками, которые возделывались уже в позднем неолите, являются пшеница, просо и ячмень. Из огородных растений очень рано начали выращивать горох, чечевицу, бобы, петрушку и др. Из технических культур в европейском неолите известны лен и конопля.

Примитивное первобытное земледелие возникло из собирательства съедобных растений и, по-видимому, первоначально было преимущественно женским занятием. Это, впрочем, не исключало применения мужского труда в ряде тяжелых работ (расчистка участка от деревьев и кустарника, поднятие целины и т. п.). Переход от собирательства к земледелию стал возможным лишь тогда, когда появилась известная оседлость и были получены необходимые наблюдения над жизнью полезных растений. Собирая дикие злаки и корнеплоды, женщины замечали условия, которые благоприятствуют произрастанию этих растений. Пытаясь сохранить растения от уничтожения дикими животными, они могли иногда пересаживать их поближе к своим поселениям и, наконец, перешли к самостоятельной посадке зерен в землю.

Первые земледельческие орудия были предельно просты. Для взрыхления почвы применялись заостренные палки и деревянные мотыги с наконечниками из камня, кости или рога. Примитивная техника обработки земли давала возможность заниматься земледелием вначале лишь там, где были особенно благоприятные природные условия.Убирали урожай либо просто руками, либо срезали колосья кремневыми серпами. Серпы делались из больших ножевидных, слегка зазубренных пластинок или из кремневых вкладышей, укрепленных в костяной или роговой основе. Растирали зерно на каменных зернотерках.

Скотоводство появилось не потому, что кто-то придумал тот или иной способ одомашнивания животных, а оттого, что был достигнут определенный уровень развития первобытного хозяйства, при котором разведение скота стало возможным и целесообразным.В палеолите человек охотился на животных, иногда ловил их живыми, но к началу мезолита существовало лишь одно домашнее животное – собака. Появление домашней собаки еще не было настоящим скотоводством. Собак разводили не столько ради получения мяса и шкуры, сколько ради того, чтобы иметь хороших помощников на охоте. Настоящее скотоводство начинается с одомашнивания более продуктивных пород животных. Первый шаг в этом отношении был сделан в мезолите, когда на юге Восточной Европы люди уже содержали таких легко приручаемых и всеядных животных, как свиньи.

Первоначальное неолитическое скотоводство не было еще самостоятельной отраслью производства, а являлось лишь дополнением к таким преимущественно мужским промыслам, как охота и рыболовство. Зачаточное земледелие также было лишь дополнением к собирательству.

Только в энеолите в Восточной Европе жили племена, в жизни которых основную роль играли земледелие и скотоводство.

Благодаря исследованиям ряда археологов, главным образом В.А. Городцова, П.П. Ефименко, Н.В. Сибилева и Д.Я. Телегина, на берегах Северского Донца и его притоков известно несколько десятков неолитических стоянок.

Природная обстановка на этой территории в эпоху неолита мало отличалась от современной. Северная часть бассейна в ландшафтном отношении входила в зону лесостепи, южная граница которой проходила примерно по верховьям реки Береки, к устью р. Балаклейки и далее к среднему течению Оскола. Южнее лес только узкой полосой шел вдоль Северского Донца, несколько расширяясь лишь у города Изюма и у города Славянска. Далее господствует степь. Следует отметить, что культурный слой некоторых постоянных неолитических стоянок, расположенных на берегу реки, перекрыт пойменными отложениями. Это позволяет предполагать, по мнению некоторых исследователей, что в эпоху неолита уровень рек был ниже, чем в последующий период.

Если в мезолите только наметилось некоторое различие в материальной культуре между лесостепными и степными стоянками первобытного населения бассейна Северского Донца, то в неолите это различие прослеживается уже довольно ясно. Возможно, это свидетельствует о наличии здесь родственных локальных племенных групп.

Стоянки развитого и позднего неолита лучше всего исследованы в среднем течении Донца, выше и ниже Изюма (в пределах Харьковской и Донецкой областей), где в последние годы производил раскопки Д.Я. Телегин. По его классификации к развитому неолиту здесь относятся такие стоянки, как Бондариха, Яремовка,Студенок,Изюмская,Веревкинская, Устье Оскола и др. Исследования показывают, что поселки отдельных родовых групп устраивались преимущественно по берегам рек или озер. Здесь удобней всего было заниматься охотничье-рыболовецким хозяйством, так как в прибрежных лесах было много дичи, в плавнях – водоплавающей птицы, а реки и озера изобиловали рыбой. Кроме того, большое значение для выбора места поселения играло и то, что Северский Донец и его притоки были удобными путями сообщения.

Исследования последних лет показывают, что неолитические памятники бассейна Северского Донца имеют много общих черт с одновременными памятниками, известными на территории Полтавской, Черниговской, Киевской, Черкасской, Запорожской областей и на Волыни. Сходство основных особенностей позволяет объединить все эти неолитические памятники в одну днепро-донецкую культуру, с характерной гребенчато-накольчатой керамикой.

Особое место в ряду других местных памятников занимает поселение у хутора Александрии Купянского района Харьковской области, которое исследовал в 1955–1956 гг. Д.Я. Телегин. Нижний слой его относится ко времени перехода от неолита к эпохе древнейших металлов.

ЭНЕОЛИТ
(медно-каменный век,3 – 4 тыс. до н.э.)

Энеолит (медно-каменный век) – это переходная эпоха, во время господства которой появляются первые металлические изделия из меди, но в хозяйственной жизни еще широко применяютсяорудия, изготовленные из камня.Первым металлом, который человек начал использовать в своем хозяйстве, была самородная медь. Известные археологам наиболее древние металлические орудия изготовлены из такой меди при помощи холодной ковки. Однако самородная медь встречается довольно редко, и изготовление из нее мелких предметов способом холодной ковки еще не является началом эпохи металлов. Последняя наступила только тогда, когда была открыта плавка металлов. Человек вначале рассматривал кусок меди как своеобразный камень, который можно обрабатывать – ковать или плющить – ударами другого камня. При этом он должен был обратить внимание на то, что от ударов кусок меди нагревается, становится мягче, легче поддается обработке. Это могло привести к мысли о специальном нагреве куска в пламени костра, а затем и к плавке металла.Однако температура плавления меди довольно высокая (1084°), расплавленная чистая медь слишком густа и плохо заполняет мелкие углубления литейной формы и, наконец, качество медных орудий было невысоким. Во многих случаях медные орудия еще не могли конкурировать с каменными. Например, медные ножи были долговечны, но быстро гнулись и тупились. Каменные ножи были доступней, тверже и острее. Благодаря всему этому в энеолите металлические орудия еще не вытеснили каменные. Но как ни скромны были первые достижения человека в области использования меди, все же они очень важны, так как познакомили его с совершенно новым материалом, заставили его обратить внимание на обработку металлов, которым принадлежало будущее технического развития.

На территории Восточной Европы в эпоху энеолита существовали различные по своему происхождению, по своей культуре и по уровню хозяйственного развития племена. От правобережья Днепра до Дуная были распространены поселения трипольской культуры. Трипольские племена занимались главным образом мотыжным земледелием и скотоводством. К востоку от них на значительном пространстве степной и лесостепной полосы от Днепра до Волги во второй половине III тыс. до н.э. и в самом начале II тыс. до н.э. обитали племена так называемой древнеямной культуры. На юге памятники этой культуры доходят до предгорий Крыма.

Древнеямная культура впервые была исследована и выделена В.А. Городцовым на основании раскопок 1901 года в бывшем Изюмском уезде Харьковской губернии. Свое название эта культура получила по форме погребальных сооружений. Местные племена хоронили своих покойников в неглубоких ямах преимущественно прямоугольной формы.Могильные ямы перекрывались бревенчатым накатником или плахами. Затем сверху из земли сооружалась невысокая (около 1 м)куполообразная насыпь кургана. Вершина кургана, как правило, расположена не над самым центром насыпи, а слегка смещена к северному краю ее. Это – самые древние курганы не только на территории Восточной Европы, но и во всем мире.Остатки поселений древнеямной культуры зафиксированы в ряде пунктов по берегам Донца и в других местах, но изучены они в большинстве случаев еще очень слабо. Поэтому основное представление о жизни северодонецких племен эпохи

энеолита ученые получают, главным образом, на основании изучения курганных погребений. Курганы эти раскапывались у сел Мечебелово, Б. Камышевахи, Шпаковки в Харьковской области; у хуторов Черногоровки, Черевково, у села Райского, у станции Ступки Донецкой области, у хутора Каменки в Луганской области и в ряде других пунктов.

Вместе с покойником в могилу клали некоторые вещи и пищу, которые, по представлению первобытных людей, были необходимы человеку в загробной жизни. От положенной в могилу пищи обычно сохраняются только кости домашних и диких животных. Остатки домашних животных в погребениях встречаются очень редко, хотя скотоводство у древнеямных племен было уже достаточно развито. В могилах найдены только кости домашней овцы и коровы. Очевидно, обычай не позволял класть в погребение других домашних животных. Обнаружены в курганах кости таких диких животных, как олень, медведь и заяц, а также кости диких птиц.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК
(от 20 до 10 – 9 вв. до н.э)

Свое название эта историческая эпоха получила от названия первого искусственно полученного металла – бронзы, сплава меди с оловом. Впервые бронзовое производство возникло на Ближнем Востоке и уже оттуда распространилось в Европу и Азию.Широкое распространение металлических изделий и вместе с тем крупные изменения в хозяйственной и общественной жизни местных первобытных племен начинаются именно с бронзового века. У племен, обитавших в бассейне Северского Донца, период бронзового века охватывает полностью II тысячелетие до н.э. и первые века I тысячелетия до н.э.

Бронзакак материал для изготовления орудий производства, оружия, бытовых предметов и украшений, имеет большие преимущества перед чистой медью. Прежде всего, бронза имеет более низкую температуру плавления, примерно от 700° до 900°, в зависимости от состава сплава. Бронза более твердая, чем медь, причем степень твердости ее можно изменить путем уменьшения или увеличения количества олова в сплаве. Лучшим считается сплав, содержащий 90% меди и 10% олова. При дальнейшем добавлении олова до 30% твердость сплава все более возрастает, а цвет из розового и желтого переходит в серый. Таким образом, человек мог применять различные виды бронзы в зависимости от того, какими качествами должно было обладать изделие.Кроме более низкой, по сравнению с медью, температурой плавления, бронза обладает еще одной важной для металлурга особенностью. В жидком виде она хорошо заполняет даже мелкие детали литейной формы и поэтому дает возможность отливать самые разнообразные вещи. Это способствовало большому распространению в бронзовом веке техники литья.

Развитие металлургии приводит к тому, что находки самородков и поверхностные выходы руды уже не могут удовлетворить возросшую потребность в металле. Поэтому возникают примитивные рудники, в которых руду добывали из подземных пластов.Разработка рудников в древности была связана с большими трудностями, так как способы добычи руды и орудия,

применявшиеся на горных разработках, были очень примитивны. Для того чтобы облегчить разрушение слоев руды и окружающей породы, в древних рудниках обычно разжигали костры, а затем раскаленную поверхность забоя поливали водой. Образовавшиеся трещины расширяли при помощи деревянных клиньев, кирками из рога отламывали куски руды и вытаскивали ее на поверхность в кожаных мешках.Племена, жившие в бассейне Донца в бронзовом веке, имели также свою металлургическую базу. Известно, что в Донбассе имеются месторождения меди, цинка и свинца. Они разрабатывались местным населением еще в бронзовом веке вблизи г. Бахмут, Донецкой области, и в Фрунзенском районе Луганской области.Таким образом, целый ряд фактов указывает на то, что в бронзовом веке в районе среднего Донца был металлургический центр по добыче меди.

Сравнительно низкая температура плавления бронзы давала возможность заниматься отливкой различных изделий в любом месте. Поэтому во многих поселениях бронзового века, где нет никаких следов местной добычи металла, имеются следы меднолитейного производства в виде обломков толстостенных сосудов – плавильных тиглей, льячек (специальных глиняных ложек для разливки металла) и литейных формочек. Предметы сложной формы изготавливались путем литья по восковой модели. Для этого из воска делали копию предмета в натуральную величину и обмазывали ее толстым слоем глины, образующим форму. После вытапливания воска и подсушки глины в форме проделывались отверстия для выхода воздуха. Наконец, в подготовленную таким образом форму заливали металл, заполнявший место восковой модели и точно воспроизводивший ее конфигурацию. При извлечении отливки такая глиняная форма разбивалась.

Общественное разделение труда и быстрый рост производительных сил в бронзовом веке давали возможность людям накапливать определенные продукты сверх необходимых для жизни. Племена, занимавшиеся скотоводством, имели в большом количестве мясо, шерсть, кожу и другие продукты, но вместе с тем нуждались в ряде земледельческих продуктов и в различных металлических изделиях, на производстве которых специализировались другие племена. Последние в свою очередь также были заинтересованы в получении продуктов скотоводства. Все это создавало условия для регулярного обмена продуктами.Расширение межплеменного обмена и появление обмена между отдельными лицами сделало возможным накопление определенных богатств в руках этих лиц. Появляется частная собственность. Развитие производства, которое раньше улучшало благосостояние всего родового коллектива, теперь, с появлением частной собственности, служит для обогащения отдельных семей. Это ведет к имущественному расслоению среди членов родовой общины, к экономическому неравенству, к появлению новых социальных групп населения – бедных и богатых. Так постепенно в недрах первобытного общества появляются силы, которые ведут это общество к гибели, к превращению его в классовое общество. Этот переход был исторически неизбежен, так как первобытнообщинный строй соответствовал сравнительно низкому уровню развития производительных сил. Основой хозяйства при первобытнообщинном строе является коллективное производство и потребление продуктов.

Нарушение этого принципа подрывало самые основные устои первобытного общества.

Разделение труда и увеличение его производительности имели еще одно важное последствие. Человек, как рабочая сила, стал производить теперь не только необходимое для его жизни количество продуктов, но и какой-то излишек. Поэтому каждый коллектив был заинтересован в приобретении новых рабочих рук. Военнопленных стало теперь невыгодно убивать, как делали прежде. Их заставляют работать, превращая в рабов. Так внутри первобытного общества возникает еще один фактор, который подрывает его, – появляется патриархальное рабство. Рабы использовались чаще всего коллективно, для нужд всей родовой общины, но с появлением частной собственности отдельные семьи начинают применять труд рабов и для своих собственных нужд. Однако при всех обстоятельствах патриархальное рабство отличалось от рабства в классическом рабовладельческом обществе. Труд рабов еще не был основным в общей системе хозяйства. Патриархальная система рабства рассчитана на производство непосредственных средств существования, в то время как целью классического рабства является производство прибавочной стоимости.

Бронзовый век в истории человечества ознаменовался не только в совершенствовании орудий труда и на этой почве всего производственного процесса. Его отрицательным последствием было усовершенствование боевого оружия – копий и стрел с твердым наконечником, режущего и колящего оружия, появления конных воинов – лучников, что в свою очередь увеличило глубину военной экспансии. Впервые в истории взаимоотношений населения земли появилось такое страшное явление, как война, ставшая источником рабства, и не трудового обогащения «сильных» за счет покорения «слабых». Вошедшие в практику большие и малые военные столкновения привели большие формирующиеся по этническому принципу группы населения в миграционное движение. Не случайно бронзовый век еще именуется «днем первого Великого переселения народов». Его результатом стал процесс формирования первозданнойгеографическо-этническойкарты современной Европы.

В Украине мощные миграционные войны затронули южные регионы степи и лесостепи, в том числе прокатились и по территории современной Слобожанщины. Этнокультурные изменения состава населения в период бронзового века на Украине были спровоцированы северным походом ассирийского царя Нина. На территории Днепро–Донецкой степи появилось вытесненное из Северного Кавказа в Приазовье население. Его симбиозная трансформация с местными племенами, привела к созданию новых общественно-этнических образований с характерными отличительными признаками и особенностями. Это позволило ученым классифицировать их как отдельные этнические культуры, поскольку других,обобщающихразличные этносы названий, еще не существовало. Вместо обобщающего слова «народ» исследователи этой ранней истории украинских земель стали обозначать его как определенная археологическая культура. Разность культур базировалась на только им присущим характерным специфическим особенностям производственной деятельности, ведения хозяйства, религиозных и культурных традиций. А отслеживалась эта разность в ходе проведения археологических раскопок.Всего на территории современной Украины открыто около двух

десятков культур бронзового века: ямная, культура шнуровой керамики, марьяновская, культура многоваликовой керамики, срубная, катакомбная и др. Протославянское население этого периода представлено белогрудовской, высоцкой и чернолеской культурами. На позних этапах своего развития – роменской.На территории бассейна Северского Донца и его окрестностей, археологи открыли и изучили такие разновидности культур, как катакомбная, срубная, бондарихинския и др.

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА
(второе тысячелетие до н.э.)

С начала и до середины 2-го тысячелетия до н. э. в бассейне Северского Донца обитали племена катакомбной культуры. Условное название «катакомбных» дал им по особой форме погребальных сооружений археолог В.А. Городцов, который в 1901 г. впервые раскопал большое количество курганов этой культуры на берегах Донца в районе Чугуева, Балаклеи и Изюма. Последующие исследования разных археологов показали, что катакомбная культура охватывала почти такую же большую территорию, как и древнеямная – от Днепра до Волги и от степей Крыма до южной части лесостепи на севере. Исключение составляет лишь территория вдоль среднего течения Волги, где на основе древнеямной культуры была зафиксирована так называемая полтавкинская культура.Исследования показали, что появление катакомбной культуры нельзя рассматривать как смену населения в степях Восточной Европы. Катакомбная культура развивалась на основе древнеямной и являлась ее продолжением.Археолог Т.Б. Попова выделяет шесть локальных вариантов катакомбной культуры, из которых два варианта относятся к бассейну Северского Донца: более северный – харьковско-воронежский и более южный – среднедонецкий. Граница между ними проходит примерно в районе Изюма. Эти локальные варианты, по-видимому, соответствуют отдельным племенам.В настоящее время раскопано уже несколько поселений катакомбной культуры (на р. Оскол и в Поднепровье).

Основные материалы для ее характеристики и последующей квалификации, пока дают погребения.Население катакомбной культуры хоронило своих покойников под курганами небольшой высоты, но часто довольно большого диаметра. Каждый курган содержит, как правило, не одно, а несколько погребений этой эпохи. Число их доходит до 25. По-видимому, в одном кургане хоронили всех умерших членов одной патриархальной семьи. Отдельная могила сооружалась следующим образом. Сначала вырывалась входная яма, обычно в виде прямоугольного колодца со ступеньками. В нижней части ямы в одной из стенок вырывалась пещерка – катакомба со сводчатым потолком, в которую помещался покойник.Стены их закрыты плетнем из прутьев или камыша и сверху обмазаны глиной. Пол также обмазывался глиной. Вход в катакомбу укреплялся двумя столбами и закрывался плетеной дверью. Дно катакомбы во всех местах часто посыпалось золой, известью, красной охрой. Иногда из камыша или из какого-то коричневатого волокнистого вещества устраивалась подстилка и даже подушка из бересты.Покойников клали на дно катакомбы или на подстилку в скорченном

положении на правом боку. Головой покойники ориентированы на юг, иногда с отклонением к юго-западу или юго-востоку, лицом обращены к входу в катакомбу. Редко встречаются случаи сожжения или захоронения расчлененных покойников.Согласно погребальному ритуалу, покойника часто, как и в древнеямных погребениях, посыпали красной охрой, отчего кости также оказывались окрашенными в красный цвет. Эта посыпка охрой, несомненно, имела культовое значение. Красная краска была символом огня, который по древним верованиям имел очистительную силу. В качестве заупокойной пищи покойнику у его ног или у входа в катакомбу клали части туш овец, коз, коров. Изредка находят костные остатки лошади. У головы покойника ставился сосуд с пищей. В некоторых горшках удалось обнаружить остатки проса.

М.Е. Фосс исследовала позднекатакомбную стоянку на песчаных дюнах первой надпойменной террасы реки Оскола у села Шелаева, близ Валуек. Остатков жилищ здесь проследить не удалось, но были обнаружены четыре очажные и ряд хозяйственных ям. В культурном слое найдена характерная керамика, биконическое пряслице, обломок бронзовой иголки и много кремневых орудий. Среди последних имеются ножи, скребки, наконечники стрел, резцы и пр. Кости животных сохранились в незначительном количестве. Определены кости коровы, свиньи, овцы.

С.А. Локтюшев относит к катакомбной культуре и обследованную им Кибикинскую стоянку у хутора Кондрашевки в среднем течении Донца. Эти раскопки показывают, что население катакомбной культуры, жившее в бассейне Донца, строило легкие наземные дома. Стены их имели деревянный переплетенный камышом каркас, который обмазывался глиной. Копией таких жилищ является катакомба в кургане у с. Воронцовки под Купянском, где вдоль стен был сооружен плетень, обмазанный глиной.

Данные, полученные в результате изучения поселений и погребений катакомбной культуры на Донце, свидетельствуют о том, что в первой половине 2-го тыс. до н. э. местное население занималось скотоводством, особенно овцеводством, и примитивным мотыжным земледелием, связанным с выращиванием такой неприхотливой и засухоустойчивой культуры, как просо.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА

На основе материалов, добытых при раскопках курганов на берегах Донца в 1901 году, В.А. Городцов выделил еще одну культуру бронзового века, существовавшую в бассейне Северского Донцапозже катакомбной. Эту новую культуру он по особой форме погребальных сооружений, назвал срубной культурой. Бассейн Донца племена срубной культуры заняли по-видимому, уже в средине II тысячелетия до н. э. и обитали здесь до первой половины 7 в. до н.э., когда на основе срубной культуры в степях Северного Причерноморья стала складываться скифская культура.

Археологические памятники бронзового исторического периода обнаружены и на территории современного города Чугуева на улицах Фрунзе (Осиновка) и Чапаева (Преображенка).Срубная культура в бассейне Северского Донца известна по курганам в виде невысоких насыпей. Обычно под курганной насыпью расположена прямоугольная яма, в которой поставлен сруб из бревен

дуба, березы или сосны. Иногда бревна отесывались на две или четыре грани. В срубах хорошей сохранности В.А. Городцову удалось наблюдать связывание бревен при помощи пазов в углах. Сверху срубы покрывались плахами из расколотых пополам бревен или даже тесаными досками и очень редко целыми бревнами. Средние размеры срубов: длина – 170 см, ширина – 120 см, высота – около 45 см. Дно могилы посыпалось известью, речным песком. Кроме того, подстилкой для покойника нередко служил камыш.При сооружении могилы большое значение придавалось очистительной силе огня. Само место, на котором сооружался курган, иногда очищалось огнем. На некоторых срубах заметно обугливание от воздействия огня. Изредка встречается и сожжение покойников. Насыпь делали постепенно, причем после сооружения определенной части ее на поверхности разжигался костер. После этого насыпь доводилась до полной высоты.

Поселения срубной культуры, как уже отмечалось, зафиксированы и в ряде пунктов бассейна Донца. К наиболее ранним, датируемым первым периодом развития срубной культуры (16 – 15 вв. до н. э.), относятся стоянки у села Герасимовки и у села Лукьяновки на р. Оскол. Керамика лукьяновской стоянки сходна с керамикой поволжских поселений срубной культуры, но имеет все же ряд особенностей. Здесь у многих сосудов темная почти черная лощеная поверхность. В орнаментации наряду с простыми узорами встречаются весьма сложные, образованные отпечатками шнура или зубчатого штампа. Особо надо отметить наличие сосудов, у которых вдавленные или врезанные линии узора заполнены белой пастой. Керамика этого типа обнаружена не только на поселениях данной территории, но и в курганном погребении близ ст. Борки.В 1956 г. другое раннесрубное поселение на р. Осколе раскапывалось С.С. Березанской у села Рубцы Донецкой области.

БОНДАРИХИНСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

На рубеже перехода от бронзового века к раннему железному веку, иначе говоря, в предскифскую эпоху племена позднесрубной культуры были не единственными обитателями берегов Северского Донца и его многочисленных притоков. В северной, преимущественно лесостепной части бассейна Донца жила группа населения, оставившая нам памятники своеобразной культуры, которая от одного из селищ в окрестностях города Изюма получила название бондарихинской. Известные в настоящее время материалы позволяют датировать основные памятники бондарихинской культуры 8 – 7 вв. до н. э., хотя не исключена возможность, что она появилась несколько раньше, еще в 9 в. до н. э.

Памятники бондарихинской культуры были впервые открыты и выделены из ряда других памятников конца бронзового – начала железного века в 1950–1951 гг. Открыли эту культуру археологи Харьковского университета и Института археологии АН Украинской ССР, работавшие независимо друг от друга в разных пунктах на территории Харьковской области.Селище у села Большой Даниловки расположено на песчаных дюнах пойменной террасы правого берега р. Харькова. Исследования показали, что это селище многослойно и содержит отложения, относящиеся к бронзовому

веку, к позднескифской эпохе, к культуре полей погребальных урн черняховского типа.Позже, в 1956 г. на селище бондарихинской культуры у села Оскола (Боровской район Харьковской области), удалось найти лезвие бронзового кинжала и небольшой железный нож.Эти находки особенно ясно показывают, что бондарихинская культура существовала в переходную эпоху, когда в хозяйстве применялись еще разнообразные бронзовые орудия производства, но наряду с ними появились первые изделия из железа.

В ходе разведок, на территории Харьковской области обнаружен еще ряд поселений бондарихинской культуры (у сел Новая Покровка Чугуевского района, Коробовы Хутора, Верхняя Писаревка, Мерефа и др.).

Это позволяет сделать вывод о том, что в левобережной лесостепи, в частности, в бассейне Донца в конце предскифской эпохи по каким-то, еще не совсем ясным причинам, происходило значительное передвижение племен. М.Я. Рудинский еще в 1928 г. высказал предположение о том, что бассейн Ворсклы был заселен в раннем железном веке племенами, пришедшими сюда с территории среднеднепровского Правобережья. Новые исследования ряда археологов подтверждают эту гипотезу. В частности, раскопки Г.Т. Ковпаненко поселения у села Хухры в Сумской области показали, что бондарихинская культура прекращает здесь свое существование не позже первой половины 7 в. до н. э. Вместо бондарихинской культуры на Левобережье появляется совершенно иная культура, в керамическом комплексе которой очень много чернолощенной глиняной посуды западных форм.Куда же исчезла бондарихинская культура, оставила ли она какой-то след в более поздних памятниках? В.А. Ильинская высказала мысль о том, что бондарихинская культура может рассматриваться в качестве основы для сложения юхновской культуры раннего железного века в бассейне р. Десны.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Для дальнейшего развития производства населению требовалось большое разнообразие орудий труда, улучшение их качества и увеличение количества. При этом такие материалы, как камень, кость и дерево, а также медь и некоторые другие цветные металлы, известные людям в бронзовом веке, уже не могли удовлетворить возросшие потребности. Медные и бронзовые орудия, в ряде случаев, не могли соперничать даже с изделиями из кремня. Кроме того, вещи из цветных металлов были мало доступны, потому что залежи руд, содержащих эти металлы, встречаются довольно редко.

Поиски нового материала привели к тому, что люди начали использовать для своих нужд железо. Первые изделия из этого прочного голубовато-серого металла появились в странах Малой Азии, Месопотамии и в Египте еще в начале II тысячелетия до н. э. Очень рано и, по-видимому, самостоятельно научились добывать и использовать железо негры в Африке. Позже изделия из железа появляются и на юге Европы.На первых порах железа было мало, оно очень высоко ценилось и применялось преимущественно как драгоценный металл для изготовления украшений или для инкрустации бронзовых вещей. Изредка из железа делали мелкие орудия. Серьезного значения для развития экономики эти первые случаи применения железа еще не

имели, но постепенно накапливался ценный опыт обработки нового металла, изучались его свойства. Только с переходом к изготовлению из железа большого количества разнообразных орудий производства, наступает настоящий железный век.

Весьма рано с процессом добычи железа ознакомились и племена, жившие в бассейне Дона и Донца. Об этом убедительно свидетельствует несколько археологических находок у села Семидворки в Воронежской области, в урочище Бондариха (близ Изюма) и у села Оскол.В примитивный плавильный горн, представлявший собой иногда простую яму с небольшим отверстием в нижней части для дутья воздуха, засыпали древесный уголь и измельченную руду. Вместе с рудой в горн попадало и некоторое количество пустой породы (кремнезем, глинозем и др.). Задача древних металлургов состояла в том, чтобы восстановить содержащуюся в руде окись железа в металлическое железо и отделить пустую породу. При горении угля, которое усиливалось путем дутья воздуха в горн через специальные глиняные трубки – сопла, образовывалась довольно высокая температура порядка 1300–1400°. Внутри сыродутного горна, в атмосфере, насыщенной окисью углерода, в результате ряда химических реакций происходило восстановление окиси железа в зерна металлического железа. Эти зерна накапливались на дне горна и слипались (сваривались) в губчатый слиток-крицу. Одновременно образовывался жидкий шлак, в который помимо пустой породы входило большое количество закиси железа.Потери железа при сыродутном процессе были очень велики. Б.А. Колчин, обстоятельно изучавший вопрос о добыче железа в древности, считает, что до 50% железа, содержавшегося в руде, оставалось в шлаке. Подобные находки зафиксированы и в бассейне Северского Донца. Одним из мест, где племена, жившие в бассейне Донца, занимались еще в начале железного века добычей руды и «варкой» железа, были окрестности с. Городища на территории нынешней Луганской области.

Более сложен по устройству другой сыродутный горн, раскопанный в 1936 г. И.Ф. Левицким у с. Новопокровки Чугуевского района, Харьковской обл. Остатки его были обнаружены на склоне песчаной дюны левого берега р. Уды. Вылепленный из глины с большой примесью песка горн имел форму полого внутри конуса и был установлен в неглубокой яме прямоугольной формы с закругленными углами. Основание горна в плане имело форму овала. Высота горна от основания до края обломанной верхней части – 0,72 м, а первоначальная высота, как полагает И.Ф. Левицкий, достигала 1 м. Внешние диаметры основания горна – 0,75 и 0,36 м. Диаметры внутреннего пространства – 0,44 и 0,24 м.Внутренняя часть горна была сильно прокалена, ошлакована и покрыта натеками железа. На высоте 13–15 см от основания горна в его стенках с западной и восточной стороны имелись отверстия для глиняных сопел, через которые нагнетался воздух. Диаметр отверстия – 3,5–4,5см. Нижняя часть горна была пробита во время выемки крицы и очистки его от шлаков. Только в одном месте внутри был найден большой кусок шлака со следами дубового угля. Горн использовался для нескольких плавок. И.Ф. Левицкий обнаружил в стенках нижней части горна остатки по крайней мере трех отверстий, пробитых и вновь замазанных глиной, смешанной с песком. Шлаки, вынутые из горна после плавки, отгребались в специальную круглую яму, которая была соединена с площадкой горна узким проходом. Рядом с этой ямой находились остатки

плохо сохранившейся наземной постройки с углубленным полом. В центре ее в небольшом углублении помещался очаг, обложенный кусками железной руды.

На территории Харьковщины найдены и остатки сыродутных горнов ямного типа, которые, несомненно, связаны с поселениями салтовской культуры 8 – 10 вв. Эти горны обнаружены на однослойном селище салтовской культуры около г. Балаклеи.

Добыванием железа в раннем железном веке занимались, конечно, далеко не на всех, но на многих поселениях в бассейне Донца. В целом ряде пунктов зафиксированы находки железных шлаков(на селищах скифского времени у сел Островерховки и Куряжа). Геолог Л.А. Корякин, производивший разведку вблизи расположения упомянутых выше остатков сыродутных горнов в окрестностях г. Волчанска, выяснил, что в районе поймы р. Волчьей имеется болотная руда в количестве, вполне достаточном для удовлетворения местных потребностей древнего населения. Находки импортных вещей 7–6 вв. до н. э. в бассейне Дона, (в древности греки называли его Танаис, а Северский Донец – (Сигрис) свидетельствуют о том, что население этой территории также в очень раннюю эпоху установило торговые сношения с греческими купцами. Одна из торговых факторий возникла, по-видимому, уже в 6 в. до н. э. на берегу моря у современного Таганрога, где было найдено большое количество архаической греческой керамики.

Исследования Т.Н. Книпович, Д.Б. Шелова и других археологов показали, что еще на рубеже 5 и 4 вв. до н. э. на берегу одного из рукавов в дельте р. Дона (Танаиса), у нынешней станицы Елисаветовской, возникает поселение, которое в 4 – 3 вв. до н. э. представляло собой крупный греко-скифский торговый город. Однако обмеление русла реки в этом месте создало ряд затруднений для торгового судоходства, и поселение у станицы Елисаветовской было заброшено. Во второй половине 3 в. до н. э. недалеко от него, на берегу другого рукава(сейчас он называется Мертвый Донец) Дона, у нынешнего села Недвиговки, возникает новый город. Этот город, как и река, на берегу которой он расположен, назывался Танаис. Существовал Танаис как важный, преимущественно торговый, центр до III века н. э. При археологических раскопках в 1955–1957 гг. на территории древнего Танаиса были найдены остатки домов с большими подвалами. В этих подвалах торговцы хранили сотни амфор с вином и другие продукты. О занятиях населения торговлей свидетельствуют также такие находки, как чашечка весов, гиря и монеты. Археологические данные, полностью совпадают со сведениями письменных источников. Крупнейший античный географ Страбон писал в 1 веке н. э., что здесь было «самое большое торговое место у варваров(варварами древние греки называли всех чужеземцев, негреков, независимо от уровня развития их культуры.) Это слово не имело вначале презрительного смысла, который ему стали придавать позже) после Пантикапея.Во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры с племенами, жившими по берегам Дона (Танаиса) и Донца (Сигриса), тесные экономические связи поддерживали жители поселений, расположенных в устье Дона.

В бронзовом веке вместо родовой общины появляется новая форма общественной организации – сельская или территориальная община, которая существенно отличается от прежней и оказывается более гибкой, лучше приспособленной к новым условиям жизни. Благодаря этому сельская (или

территориальная, или соседская) община, возникнув в ходе разложения первобытного общества, сохраняется в ряде мест очень долго и в классовом обществе, в государстве.В сельской общине, с одной стороны, еще сохраняются некоторые остатки коллективной собственности, а с другой, – все более укрепляется частная собственность. Отдельные семьи, входящие в сельскую общину, уже самостоятельно ведут хозяйство и владеют домом, приусадебным участком, скотом и различными орудиями производства. Пахотная земля, луга, леса, озера и реки находятся вначале в коллективной собственности всей общины. Отдельные семьи получают определенные наделы пахотной земли, которые периодически перераспределяются, чтобы каждая семья имела одинаковые по природным качествам участки. С укреплением частнособственнических тенденций переделы прекращаются и семьи закрепляют за собой выделенные им участки, получая право распоряжаться ими по своему усмотрению как частной собственностью.

В новых исторических условиях, когда укрепляются межплеменное разделение труда и обмен, а переселения и завоевания усиливают этническое смешение, происходит еще один очень важный процесс. Союзы племен становятся более прочными, более долговременными, родоплеменная разобщенность постепенно исчезает, и на этой основе происходит формирование народности. Народность объединяет уже не прежние кровнородственные связи, а главным образом связи политические и экономические. В процессе сплочения отдельных племен в единую народность вырабатывается также культурная и языковая общность. Из отдельных племенных диалектов выделяется какой-то один, который обогащается за счет других диалектов и становится общераспространенным языком народности.Процесс, разложения первобытнообщинного строя в зависимости от целого ряда внутренних и внешних условий развивался у различных племен неравномерно — у одних быстрее, у других медленнее. На юге Восточной Европы у племен, которые имели тесную и непосредственную экономическую связь с древневосточными и греческими рабовладельческими государствами, разложение первобытнообщинного строя происходило весьма энергично и в некоторых местах завершилось уже в раннем железном веке образованием государства. В более северных районах этот процесс шел несколько медленнее, но и здесь устои родового строя неуклонно разрушались.

КИММЕРИЙЦЫ
(11 – 7 вв. до н.э.)

Эпоха раннего железа характерна бурными политическими событиями, в центре которых находилась активная миграция различных этнических общностей. Это было вызвано как военными столкновениями, так и поиском более комфортных для проживания новых территорий. К этому времени относятся первые в истории человечества упоминания о собственных названиях народов, которые населяли территорию современной Украины. Таким народом в зоне Украинской степи были киммерийцы. Анализ археологических исследований свидетельствует о генетической связи киммерийцев с ираноязычными племенами срубной культуры. Киммерийцы были первым

народом, который приспособился к климатическим условиям восточноевропейских степей.

Кочевой образ жизни и воинственность этих племен,обусловили содержание их материальной культуры. Определяющим элементом ее стали вооружение конного всадника и амуниция боевой лошади. Основным оружием киммерийцев был дальнобойный лук со стрелами.Оружием ближнего боя служили короткие мечи, копья и кинджалы. Киммерийские металлурги одними из первых открыли секрет производства стали.Общество этих кочевников находилось на этапе разложения первобытнообщинного строя и стояло на пороге классообразования.Геродот называет киммерийских вождей царями.Поселения киммерийцев зафиксированы лишь на окраинах северной части украинского степного пространства. Своего следа на землях Подонцовья киммерийцы не оставили или же они были стерты временем.

СКИФЫ
(6 - 3 вв. до н.э.)

Скифы – первый исторический субъект письменной истории на территории Украины.Ко второй половине 7 века до н. э. окончательно оформляются характерные черты культуры ираноязычных скифских племен, которые занимают господствующее положение на юге Северного Причерноморья. Местное название этих племен было сколоты, а скифами их называли греки. О жизни скифов, кроме археологических данных, рассказывают различные древние авторы, и первое место среди них занимает греческий историк 5 в. до н. э. Геродот, который в 4 книге своей «Истории» дает разнообразные и весьма точные сведения об этих племенах. Скифы вели кочевой образ жизни. Основное их занятие–скотоводство. Оноопределяло особенности быта скифов и, в значительной мере, обеспечивало их необходимыми для жизни продуктами. Мясо скота употребляли в пищу. Использовали также кобылье молоко и различные молочные продукты. Шерсть шла для изготовления тканей и войлока, кожа – для одежды, обуви, ремней и т. п. Даже кости скота использовались в безлесной степи в качестве топлива.

Письменные источники(Геродот –«История», Страбон –«География») указывают на то, что скифы занимались иногда охотой, но существенной роли в их хозяйстве она не играла. Домашний скот в достаточной мере обеспечивал их мясом и шкурами. Не получила широкого распространения у степных скотоводов и рыбная ловля.Разнообразные находки свидетельствуют о развитии у скифов прядения, ткачества, различного вида ремесленного производства и торговли. У одного из хорошо осведомленных древних авторов имеется такое описание кочевого быта скифов: «...У них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода(объяснение, конечно, неправильное, но безрогая порода быков в Скифии действительно

существовала). В таких кибитках помещаются женщины и дети, а мужчины устраивались в них только на ночлег,днем они ездят верхом на лошадях». Геродот также неоднократно подчеркивает, что для скифов характерен кочевой быт, отмечая при этом, что в его время они не имели ни городов, ни укреплений. Археологические данные подтверждают, что лишь позже, с конца 5 в. до н. э. в некоторых местах степной Скифии возникают укрепленные поселения. Наиболее крупное из них,Каменское городище, было исследованное Б.Н. Грековым на левом берегу Днепра, близ современного Никополя. Оно занимает площадь около 12 кв. км. Здесь с конца 5 и до 3 в. до н. э. жило много скифских ремесленников и, возможно, находилась ставка скифского царя.

На голове скифы носили островерхие кожаные шапки в виде башлыков. Впрочем, очень часто они обходились без всякого головного убора, и их длинные волосы свободно падали на плечи. По-видимому, знаком отличия начальников была лобная повязка. Верхнюю часть тела покрывал перетянутый поясом кафтан. Кожаный пояс иногда оковывали металлическими пластинками. К нему привешивали оружие и другие предметы, которые необходимо было иметь под рукой. Скифы носили длинные штаны, сделанные из материи или из кожи. Эти штаны делались либо широкими, нависавшими над обувью, либо узкими, заправляемыми в мягкие сапожки с короткими голенищами. Сапожки над щиколоткой перевязывались тонким ремешком, а иногда такой же ремешок пропускался еще под подошву. Свою одежду скифы любили украшать различными вышивками и нашивными бляхами. Края кафтанов иногда опушивались мехом. В качестве верхней одежды скифы носили и теплые овчинные тулупы.Женская одежда состояла из длинного платья с узкими рукавами, перетянутого в талии поясом. Сверху набрасывалось длинное покрывало или халат с узкими рукавами. Волосы стягивались красивыми повязками. Головные уборы имели вид остроконечной или плоской, расширяющейся кверху шапки. В качестве украшений применялись различные нашивные бляшки, бусы из камня, стекла; из драгоценных металлов были сделаны серьги, подвески, перстни и браслеты.Для хранения, приготовления и принятия пищи скифы использовали разнообразную местную и привозную посуду. Местная глиняная посуда лепилась вручную, без применения гончарного круга, из глины, имеющей обычно примесь мелкого песка и шамота.

Скифы славились в древнем мире как умелые, храбрые воины; они имели очень хорошее для того времени вооружение. Основным наступательным оружием дальнего боя был лук со стрелами. Он делался из нескольких кусков упругого дерева и по форме напоминал букву «М».Стрелы делались из дерева (часто из березы) и имели в длину 60–80 см. Для придания им устойчивости в полете к хвостовой части прикреплялись птичьи перья. Наконечники стрел изготовлялись из бронзы, значительно реже из железа или кости. Независимо от материала, все скифские наконечники стрел – втульчатые, с внутренним отверстием для вставления кончика древка.Для хранения лука и стрел из дерева и кожи делался специальный футляр (горит, колчан), который подвешивался к поясу с левой стороны. У представителей скифской знати гориты украшались иногда золотыми обивками с различными изображениями. Стрел скифский воин носил с собой много, иногда более трехсот.Все остальное наступательное оружие скифов (дротики, копья, мечи,

кинжалы, боевые топоры) делалось из железа(в единичных экземплярах известны бронзовые наконечники). Кистеня и булавы тоже являлись важным оружием скифского воина.В ближнем бою скифы применяли (короткий 50–70 см) меч-акинак или кинжал.Основным видом защитного вооружения скифского воина был щит, сделанный из дерева, кожи, переплетенных прутьев или ремней. В определенной мере защитную роль играли также металлические бляшки, нашитые на пояс, кафтан и штаны.Представители скифской знати иногда имели в качестве защитного вооружения еще бронзовый шлем местного или греческого типа, панцирь из железных или медных пластинок, прикрепленных к кожаной рубашке.

Была у кочевников и своя религия.Геродот дает перечень имен скифских божеств, сопоставляя их со сходными, по его мнению, греческими богами. На первом месте он ставит скифскую богиню Табити, сравниваемую с греческой богиней домашнего очага Гестией. При этом Геродот подчеркивает, что Табити почитали во всей Скифии больше других богов, называли священной «царицей скифов».Скифы не строили храмов, не воздвигали алтарей и не сооружали статуй ни для одного из своих богов. В честь бога войны – Арея на территории каждого племени складывались огромные кучи хвороста и на вершине кучи водружался старинный железный меч. Этот меч являлся символом бога войны, которому приносили в жертву рогатый скот, лошадей и даже каждого сотого мужчину из числа захваченных в плен.Своих покойников скифы хоронили в могилах, над которыми сооружали курганы. Геродот обстоятельно описывает устройство могил, сцены прощания и обряд погребения скифских царей, используя, очевидно, рассказы ольвийских греков или живших в Ольвии скифов.По его словам, после смерти труп царя бальзамировали и на повозке везли от одного подвластного племени к другому. В знак траура те, к которым прибывал похоронный кортеж, отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку. После окончания обряда прощания со всеми подвластными племенами, останки царя везли в местность Геррос около днепровских порогов и с большой пышностью хоронили.Археологи раскопали здесь ряд царских погребений в курганах. Эти исследования значительно дополняют сведения письменных источников. Среди раскопанных царских курганов наиболее известны курганы 4 в. до н. э. Чертомлык и Солоха, которые содержали неограбленные или не полностью ограбленные могилы и дали много вещей, важных для изучения истории раннего железного века.

Курган Чертомлык расположен на правом берегу Днепра, в 20 км от города Никополя. Раскопал его в 1862–1863 гг. выдающийся русский археолог И.Е. Забелин. Высота насыпи – 20 м. На вершине кургана стояла каменная статуя, изображавшая воина с мечом и с колчаном. Нижняя часть насыпи укреплена каменной крепидой. Под центральной частью кургана в материке была вырыта большая четырехугольная яма с четырьмя катакомбами по углам. В могильных помещениях, в специальных нишах и тайниках найдено огромное количество самых разнообразных вещей: оружие, золотые и серебряные украшения, бытовая утварь, бронзовые жертвенные котлы, греческие глиняные амфоры, в которых хранилось вино или масло. Вместе с царем были похоронены его наложница, слуги, конюхи и вооруженные воины. В особых могилах были положены лошади со сбруей, украшенной золотом и серебром.

Курган Солоха расположен к югу от Никополя, на левом берегу Днепра. Раскопки его производил в 1912–1913 гг. И.И. Веселовский. Исследования показали, что курган высотой в 18 м был насыпан в два приема и под ним находилось два царских погребения. Первое погребение было почти целиком разграблено, второе, более тщательно замаскированное, сохранилось. От прямоугольной входной ямы к погребению царя, расположенному в катакомбе, вел длинный коридор. Вблизи царя был похоронен оруженосец и мальчик – виночерпий. В специальных нишах находилось 10 греческих амфор и три бронзовых котла с костными остатками жертвенных животных. В отдельной могильной яме был похоронен конюх и пять лошадей с богатой сбруей.С особой пышностью был погребен в кургане Солоха сам царь. Он был по обычаю похоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. На голове у него был бронзовый шлем, на шее – золотая грива с львиными головами на концах. Отдельно лежали остатки железной кольчуги и пара бронзовых ножей. Вся одежда покойника украшена множеством нашивных золотых бляшек. На правой руке было три, а на левой – два золотых браслета. Из наступательного оружия около царя найдены бронзовая булава-шестопер и железный меч с украшенными золотом ножнами и рукояткой. Из других находок особо надо отметить не имеющий себе равных по совершенству художественного оформления золотой гребень,на рукоятке которого изображена сцена сражения всадника и двух пеших воинов. У ног сражающихся лежит убитая лошадь одного из бойцов.

Пышность царских погребений, обилие в них дорогих вещей и наличие рабов свидетельствуют о глубокой социальной и имущественной дифференциации скифского общества. Остальных скифов хоронили гораздо скромнее. В течение 40 дней родственники возили тело покойника на повозке по всем его друзьям для отдачи последних почестей, а затем хоронили в могиле под курганом, снабжая соответствующими вещами, но, конечно, не в таком большом количестве, как в царских могилах.

Население, жившее в раннем железном веке в степях по берегам древнего Сигриса (Донца), оставило нам небольшое количество памятников, да и те изучены пока еще слабо. Поэтому представить себе жизнь местных племен в эту эпоху можно лишь в общих чертах, опираясь на письменные источники о скифах вообще и на аналогии в других археологических памятниках.Характерной особенностью этой территории является отсутствие селищ со сколько-нибудь ясно выраженными отложениями скифского времени. Это объясняется тем, чтоосновным занятием коренного населения было кочевое скотоводство. Разводили главным образом лошадей и крупный рогатый скот, а также овец. Корм для скота не заготавливали и поэтому на одном месте задерживались лишь до тех пор, пока хватало травы.Археологические находки подтверждают эту картину жизни скотоводческих племен.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ПРИДОНЦОВЬЯ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Картина жизни земледельческих племен правобережного Подонцовья в скифский период, малоизвестна, в равной мере, как и степень скифского

присутствия в этом регионе.Имеющийся в распоряжении археологов материал не позволяет судить о глубине проникновения скифов в зону Подонцовского правобережья.Следы скифского пребывания четко прослеживаются выше современного города Изюма в месте впадения Сухого Торца в Донец ина территории села Бригадировка Балаклейского района, где во время пыльной бури 1974 года в результате ветровой эрозии пахотных земель колхоза им. Кирова оголилось значительное количество подъемного материала, относящегося по мнению исследователей к скифским временам. Среди них пять бронзовых наконечников стрел, удила, боевой топорик, два наконечника копья, много монет более позднего времени. Металл боевого оружия был такой твердости, что его с трудом брало электроточило.

Выше по руслу Северского Донца от Балаклеи до Чугуева следы постоянного скифского пребывания не обнаружены, хотя это еще не факт, что они здесь совсем не находились. Следует учитывать, что северное Подонцовье, скорее всего, было южным рубежом скифских владений. Большая Днепро – Донецкая степь в этом регионе заканчивалась лесным левобережьем Северского Донца, которое представляло собой пересеченную ярами, балками, холмами, непроходимыми зарослями, речными заводями и топкими болотами земную поверхность. Для кочевого народа, привыкшего к степному раздолью, такая резкая смена ландшафта и,вероятней всего, климата, была более чем непригодна не только для кочевания, но и для жизни вообще. Это обстоятельство, в свое время, приостановило продвижение в этом направлении предшественников скифов – киммерийцев и будет играть определяющую рольв будущем, в период процесса так называемого Великого переселения народов по «коридору» южных степей Восточной Европы, северным ограничителем которого было русло Северского Донца.

Но не вызывает сомнения тот факт, что кочевой народ Скифии, соседствуя с оседлыми племенами Подонцовья (лесистого правобережья и лесостепного левобережья), в той или иной мере общались между собой. Греческие источники это подтверждают, не фиксируя при этом каких-либо вспышек взаимной воинственности, за исключением особогослучая – конфликта между персами и скифами во второй половине первого тысячелетия до нашей эры. (Об этом пойдет речь дальше).Большинство ученых придерживаются точки зрения, что скифское присутствие в Подонцовье носило форму локального, временного и эпизодического вкрапления скифских интересов в зону хозяйствования оседлых земледельческих племен. Скорее всего оно имело характер налаживания меновойторговли товарами, к которым обе стороны испытывали взаимный интерес. Скифов, к примеру, могло интересовать зерно, воск, мед, пряжа, мех, а земледельцев – конская упряжь, разного рода изделия из металла, оружие и т.д.

Более глубокому просачиванию скифов в северо-западном направлении мешал ландшафт: за Изюмом господствовало равнинное южное степное пространство, которое в совокупности с речной долиной Северского Донца, притягивало к себе первожителей. А нижнее Подонцовье, в том числе и современные Чугуевские земли, которые отдалены от Изюмщины какой-то сотней километров, знаменовало собой лесную местность, на которой непроходимые лесные дебри чередовались с блюдцами степныхостровков, изрезанных ярами, буераками, высокими холмами и глубокими впадинами,

речными долинами и болотными топями.Наглядно это отслеживается и в настоящее время в области прохождения «ростовской» автотрассы. Только на первых сорока километрах, начиная от Харькова, ее пересекают пять широких речных долин, в центре которых протекают полувысохшие притоки Донца, и столько же крутых подьемов и спусков в районе населенных пунктов Рогань, Каменная Яруга, Чугуев, Граково и Бригадировка. Еще ярче эта картина выглядит из окна поезда «Харьков – Донецк», где железнодорожная ветка пересекает около трех десятков не только глубоких впадин, но и тектонических разломов земной поверхности, особенно по мере приближения к Донецкому кряжу. Все эти естественные природные препятствия в совокупности с более суровым климатом отпугивали степных кочевников: их образ жизни не позволял им не только проживать в этой местности, но и долго в ней задерживаться. Вот почему скифы не моглиоставить следов своего длительного присутствия в северной части Подонцовья. А если оно и имело место, то носило временный характер и не было массовым. Скифы вообще не строили себе ни селищ, ни городов, за исключением их позднего периода господства в степях Поднепровья. Стоянки же их кочевищ являли собой места временного пребывания на определенной территории иопределялись сытностью кормовой базы для выпасаемого скота.И,естественно,никакого культурного слоя почвы после себя скифы не оставляли. И если в исторической литературе речь идет о городищах скифского периода, то это значит, что они по времени возникли в скифскую эпоху их владычества в южных степях Восточной Европы. А строило их, как и в случае с «чугуевским» участком Подонцовского побережья, местное население. Причины строительства городищ – защитных сооружений фортификационного характера, скорее всего было связано с необходимостью защиты земель от угрозы внешнего вражеского вторжения. Харьковский археолог Г.Е. Свистун, проводивший в последние годы раскопки в исторческом центре Чугуева, в этом вопросе справедливо категоричен. «И никаких сведений, подтверждающих ранее выдвигаемые интерпретации относительно этнокультурной принадлежности городища (скифское, роменское, древнерусское), выявлено не было», –заключает он в своей книге «Чугуевское городище». Не обнаруживали их и его предшественники, исследовавшие Чугуевское городище в прошлом и позапрошлом веках.

Теперь пришел черед вновь возвратиться к земледельческим племенам Подонцовья, проживавшим на территории его правобережья и соседствовавших с ней регионах современных Украины и России. Вот как о них отзывается Б.А.Шрамко:«К северу от кочевий собственно скифских ираноязычных племен, в лесостепной части бассейна древнего Сигриса(Донца), в скифский исторический период проживало население оседлых земледельческих племен. Изучение остатков поселений на этой территории дает картину, прямо противоположную той, которую мы наблюдали в степи. Если на юге с трудом можно было зафиксировать следы скифскикого пребывания, то здесь, напротив, сейчас уже известно 18 городищ и около 50 неукрепленных селищ раннего железного века. Они расположены, главным образом, на правом берегу Донца и по таким его притокам, как рр. Уды, Мжа, Гомольша и др. В то время как правый берег Донца был сравнительно плотно заселен, на левом берегу встречаются лишь отдельные селища с незначительным культурным слоем, связанные, очевидно, с сезонным использованием в качестве пастбищ

прекрасных пойменных лугов. Самыми северными поселениями раннего железного века, известными в настоящее время в бассейне Донца, являются селище и городище у с. Сабынино, Белгородской области. Крайним южным форпостом было Северское городище у с. Мелового, Балаклейского района, Харьковской области.Обследование донецких городищ скифского времени показывает, что многие из них (например, городища у с. Большой Гомольши, у с. Каравана, у с. Яковлевки, у с. Городища, у г. Люботина, у с. Барановки) расположены на берегах небольших речушек, которые в настоящее время имеют воду только в период весеннего половодья, а затем превращаются в едва заметные ручейки или полностью пересыхают».

Наиболее распространенной группой поселений в верхнем течении Донца являются открытые селища. По месторасположению их можно разделить на две группы. Одни селища находятся на песчаных возвышенностях в пойме или на дюнах первой надпойменной террасы (например, селища у с. Кицевки Чугуевского района, селища Б. Даниловки Харьковского района, села ШмаровкиБогодуховского района и др.). Другие селища располагаются на высоких черноземных плато у берегов рек (например, возле Куряжа). В настоящее время из местных селищ наиболее исследованными являются селище у с. Островерховки Змиевского района Харьковской области и селище у ст. Шелковая около г. Люботина.Для сооружения городища выбирали место, достаточно хорошо укрепленное естественными препятствиями (рекой, оврагом, лощиной или заболоченным участком). Чаще всего таким удобным местом являлся узкий мыс на высоком берегу реки, ограниченный с двух сторон оврагами, а с третьей – долиной реки. Только одна сторона такого мыса, выходящая на береговое плато (ее обычно называют напольной стороной), нуждалась в специальном укреплении валами и рвами.Именно всеми этими достоинствами и обладало наше Чугуево городище в скифские времена.

Большинство донецких городищ скифского времени, судя по данным раскопок и пробной шурфовки, имеет мощный, хорошо насыщенный культурный слой и, несомненно, являлось местом постоянного обитания жителей (например, городища у сел Караван, Циркуны, Городище и др.). Некоторые донецкие городища состоят из одного главного двора и не имеют предградий (например, Люботинское, Б. Гомольшанское, Северское, Яковлевское и др.). В каждом конкретном случае это обстоятельство имеет свои причины.Городище у г. Люботина (Шейермановское) расположено на левом берегу небольшой речки Люботинки. Имеющиеся материалы позволяют датировать его примерно 6 – 3 вв. до н. э.Городище у с. Б. Гомольши и Северское городище (у с. Мелового Балаклейского районов) находятся на самом юге, на границе со степью, и не разрастались, повидимому, потому, что здесь в связи с частой военной опасностью условия для расширения территории были не особенно благоприятные. Особую группу укрепленных поселений образуют городища–убежища, на которых постоянного поселения не было, но куда укрывались жители окрестных селищ в случае военной опасности. К таким поселениям в скифское время относились Яковлевское городище и городище у с. Водяного.Для них характерны небольшие размеры и чрезвычайно слабо насыщенный вещественными остатками культурный слой. К ним относится и Чугуево городище. Оно содержит в себе следы культурных наслоений толщиной от 20 см и больше, но в своей основной массе все они

относятся к 7 веку и классифицируются археологамикак памятники Салтово – Маяцкой культуры.Около городищ, как правило, располагались одно или несколько селищ и курганный могильник. Так, например, селища имеются вблизи городищ у сел Сабынино, Водяное, Циркуны, Коробовы Хутора, и других, а около городища Караван зафиксировано даже четыре селища.

Оборонительные сооружения городищ раннего железного века достаточно мощны для того времени, но отличаются технической простотой. Заметно стремление максимально использовать для нужд обороны естественные препятствия и избежать лишних затрат человеческого труда.Там, где местность позволяла, вал и ров перед ним делали только с напольной стороны. На остальных участках лишь усиливали крутизну скатов до 30–40°. С этой целью верхняя часть ската на протяжении 10–15 м срезалась и упиралась в горизонтальную площадку шириной от 3 до 8 м.В некоторых случаях вместо горизонтальной площадки вдоль ската устраивался небольшой ров. Наконец, в тех местах, где склоны усиливались простым срезанием их верхней части, по краю городища насыпали дополнительно еще небольшой вал высотой около 1 м. Этот вал, конечно, не служил серьезным препятствием для нападающих, но вместе с деревянной оградой мог укрывать защитников городища от стрел, дротиков и камней, которые метал противник. Количество валов и рвов на одном участке оборонительной линии колеблется от одного до четырех.

Наибольшее количество земляных сооружений зафиксировано на городище у села Городища (Валковский район, Харьковская область), расположенном на левом берегу р. Одринки (левый приток р. Мжи). Это вообще одно из самых грандиозных оборонительных сооружений скифских времен в бассейне Северского Донца и одно из самых первых по времени возникновения.Размеры городища по данным съемки 1951 г. таковы: площадьглавного двора–21500 кв. м, первого предградья – 48100 кв. м, второго предградья – 194 200 кв. м.

«Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют считать, что основная масса городищ в бассейне Донца появилась в 5–4 вв. до н. э., хотя отдельно укрепления сооружались уже в 6 в. до н.э.».Констатация этого факта видным специалистом в области археологии Б.А.Шрамко и включение им Чугуево городища в число одного из восемнадцати, зафиксированных учеными в зоне верхнего и среднего течения русла Северского Донца, дает все основания соотнести его возникновение к скифским временам.Идело здесь вовсе не в том, что автору этой книги хочется оставить красочный с виду и значимый по сути штрих на карте чугуевской античности. В пользу этого предположения свидетельствует много доказательств, пока что косвенного характера. Первое – ландшафная пригодность местности; второе – ситуативная потребность в городищах, вызванная всплеском военной агрессии в скифский исторический период; третье – заселенность речной долины Северского Донца древними племенами в интересующее нас время;четвертое – наличе городищ ниже и выше «чугуевского» по руслу реки, которые датирутся скифским историческим периодом 5–4вв. до н.э.; шестое –фиксация других донцовских городищ с полным отсутствием в них культурного слоя того исторического времени. Данныефакты ученые объясняют использованием населением данных городищ лишь в качестве временного убежища. Вполне допустимо, что «чугуевское» было одним из таких.Кроме этого, следует иметь ввиду, что с момента

возможного появления Чугуево городища прошло две с половиной тысячи лет – времени более чем достаточнодля того, чтобы «древние свидетельства», если таковы там действительно существовали, были стерты с лица земли не только смывами грунта, оползнями, но и пульсирующей на этом пятачке жизнью различных этнических групп населения. Как отмечалось выше по тексту, даже если скифы под каким-то предлогом и находились на территории современной Чугуевщины, то уж точно в закрытом пространстве нашего маленького городища не жили – им не от кого было прятаться, сами были хозяивами окрестных земель.Следовательно, и культурный слой почвы они после себя никак не могли оставить. Можно предположить, что некоторые элементы скифской материальной культуры могли в свое время попасть на территорию подобного рода городищ, к примеру, в результате торговли или обмена между кочевыми скифами и оседлыми племенами Придонцовья. Но скифское присутствие в данном регионе носило временный и ограниченный по зоне присутствия характер.По этой причине процесс взаимопроникновения культур двух соседствующих народов, скорее всего, носил примитивный характер.

Борис Андреевич Шрамко не рискнул высказать предположение о том, что констатируемые им городища в бассейне Севсерского Донца могли возникнуть под воздействием событий, связанных с войной персов и скифов в 514 – 510 г. до н.э., но более чем прозрачно об этом намекнул:«Рассматривая жизнь скотоводческих скифских племен степей Северного Причерноморья, мы уже отмечали их воинственность, связанную с определенными историческими условиями. Отношения между скифами и соседними лесостепными племенами далеко не всегда были мирными. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют некоторые факты, приводимые Геродотом. Когда угрожала опасность, как это было в 514 г. до н. э. при нападении персидской армии Дария I, вожди («цари») тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов собирались на совещание и обсуждали создавшееся положение. Однако далеко не все выступили на помощь скифам. Больше того, некоторые из участников межплеменного совещания, видя, что тактика скифов может привести к разорению их земель, грозили скифам вооруженным сопротивлением.После разгрома войск Дария I международный авторитет скифов, несомненно, повысился, а одновременно с этим должны были усилиться и их притязания к соседним племенам, в частности, к тем, которые показали себя во время войны плохими союзниками. Некоторые соседние племена скифам удалось покорить, а другие упорно отстаивали свою независимость. К числу последних относилось, повидимому, население, жившее в лесостепной части бассейна Донца и строившее здесь мощные укрепления».

По мнению автора данной книги, теми «мощными укреплениями» как раз и могли стать 18 городищ в бассейне Северского Донца.Для более полной картины этих событий, следует их немного детализировать. В открытом столкновении скифы не могли противостоять армии значительно превосходящих по численности и вооружению персов, да еще не получив при этом поддержки соседствующих племен. Поэтому они применили по отношению к своему врагу изматывающую тактику отступления вглубь своей территории, северные пределы которой проходили, примерно, по руслу Северского Донца. Местному населению было от чего встревожится – к зоне

его обитания катились не одна, а сразу две волны воинства – отступающего скифского и наступающего персидского. У него было два выхода: или мигрировать вглубь современной территории Украины в направлении современных городов Валки – Полтава – Люботин – Охтырка и далее, или же оказать сопротивление обоим фигурантам приближающейся опасности. Судя по всему, население приняло второй вариант. Благо русло Северского Донца служило надежной преградой на пути к землям правобережного Подонцовья. А чтобы его укрепить, население принялось строить на обрывистой береговой линии правого берега реки крепости– городища.При том, в их сооружении несомненно принимало участие и население глубинных тыловых регионов, так как опасность грозила не только жителям береговой линии Северского Донца. Со слов Геродота, на этой не обласканой климатом северной территории, проживало «множество без счета». Объясняя факт скоротечности по времени возведения городищ донцовского правобережья в период скифско – персийской войны, Б.А. Шрамко ссылался именно на густонаселенность данного региона.

Вскоре выдохшиеся и измотанные степным преследованием врага персы, вынуждены были оставить скифов в покое и повернуть свое войско обратно. По сведению того же Геродота, несколько оклемавшиеся скифы, решили наказать несговорчивые лесостепные племена Подонцовского правобережьяи отправились к ним карательным походом. Геродот уточняет куда именно – «вземли племен меланхленов». А уже современные историки – исследователи, опираясь на разные источники, размещают племена меланхленов на огромной территории – от современной Чугуевщины и Балаклейщины до рек Псела и Сулы.Какой должна быть ответная реакция последних? Конечно же держать оборону по руслу реки. И если крепости не были воздвигнуты в начальный период скифско-персидской войны (514 г.до н.э.), то они просто были «обязаны» появиться после ее завершения (510 г. до н.э.).

Но вернемся к другим городищам скифского периода, локализованным археологами на участке южного степного рубежа Подонцовья. Из их числа Б.А. Шрамко исследовал городища у сел. Каравана, Водяного, Мохнача, Хорошево, Коробовых хуторов, Донецкое городище у ст. Карачевка и городище у города Люботина.Он обратил внимание на то, что указанные поселения не выходят за пределы южной границы лесостепной зоны. Границу древней лесостепи в пределах интересующего участка речного Придонцовья современные исследователи проводят по верховьям рек Орчика, Берестовой, Береки. Далее, примерно около города Балаклеи, она пересекает Донец, поворачивает на северовосток и идет вдоль его левого берега к верховьям Великого Бурлука. Отсюда граница лесостепи уходит приблизительно в направлении линии Валуйки – Лиски, значительные лесные массивы в области которых сохранились по этой линии до настоящее время. От истоков Северского Донца они идут вниз, главным образом по правому берегу реки, редко переходя на левый. Особенно много лесов в бассейнах правых притоков Донца: реки Уды (с притоками Лопанью и Харьковом), Мжи и реки Гомольши. Южнее лес только узкой полосой тянется вдоль самых берегов Северского Донца, несколько расширяясь лишь у городов Изюма и Славянска. Дальше господствует степь.Современное состояние лесостепного ландшафта, тоже нельзя полностью переносить в рассматриваемое нами далекое прошлое. В древности, в

частности, в средине первого тысячелетии до н. э., лесов, и особенно труднопроходимых лесных дебрей, было,несомненно, больше.

В хозяйственной жизни местных племен раннего железного века, что по времени почти совпадало с периодом скифского степного господства в Большой Южной Степи, основную роль играло земледелие. Климатические условия лесостепиблагоприятствовали этому. Наряду с оподзоленными здесь были плодородные черноземные почвы. Значительные лесные массивы служили хорошей естественной защитой полей от суховеев и способствовали накоплению влаги в земле.Уже в раннем железном веке здесь применялась не подсечная, а переложная система земледелия с обработкой земли плугом.Все приведенные выше факты, а также находки различных сельскохозяйственных орудий, отпечатки зерен на глиняной посудеи т. п. свидетельствует о том, что земледелие играло основную роль в хозяйстве местных племен.С земледелием теснейшим образом было связано и разведение домашнего скота.В составе стада у населения лесостепной части бассейна Донца в раннем железном веке преобладал крупный и мелкий рогатый скот (в Б. Гомольше – 50%, а в Островерховке – 65% всех особей домашних животных, найденных при раскопках). В большом количестве разводили также свиней, которых было сравнительно легко выкармливать, используя отходы земледельческого хозяйства, а также желуди, орехи и другой корм, который давали местные лиственные леса. Среди пищевых отбросов довольно часто встречаются и кости лошадей, мясо которых, также употреблялось для еды. Найдены кости домашних собак.Довольно ярко выражены в лесостепной части бассейна Донца следы занятия местного населения металлургией. На селищах у села Островерховки, станции Шелковая и села Б. Даниловки были найдены небольшие лепешкообразные слитки бронзы.

На селище у села Подворок обнаружено два бракованных трехперых наконечника стрел скифского типа;на селище у с. Б. Даниловки тоже найден бракованный бронзовый наконечник стрелы, у которого при литье не получилась втулка. Наконец, на селище Шелковое найден наконечник еще не заточенной стрелы с остатком литка.Обмен, несомненно, был еще натуральный, о чем ясно говорит почти полное отсутствие находок античных монет, которые датировались бы временем не позже 1 в. до н. э. Наиболее древней монетой в лесостепной части бассейна Донца является монета фракийского царя Лисимаха (306 – 281 гг. до н. э.), но найдена она в составе значительно более позднего клада с римскими императорскими монетами 2 в. н. э. Более или менее близка к рассматриваемой эпохе монета царя Митридата VI Евпатора (120 – 63 гг. до н. э.),которая была найдена в с. Знаменском, бывшего Валковского уезда, Харьковской губернии. Очень ценный материал, характеризующий уровень материальной культуры древнего населения пойменных земель русла Северского Донца в скифскую эпоху, дали места захоронения умерших сородичей. Всего в настоящее время в лесостепных захоронениях вскрыто более 30 могил. Конструкция их довольно однообразна. Прежде всего устраивалась прямоугольная яма с закругленными углами. В той стороне, где находится голова покойника, яма всегда несколько шире. Сверху яма перекрывалась бревенчатым накатником, а затем сооружалась насыпь кургана. Весьма своеобразно устроена могила в кургане у с. Б. Гомольши. Здесь внутри могильной ямы оказалось сооружение, имитирующее двускатную

крышу над покойником.В степной же части бассейна Северского Донца известно в настоящее время лишь десять скифских погребений в следующих пунктах: хут. Шпаковка, село Малая Камышеваха, хут. Бревин, село Райское, хут. Каменка, хут. Черногоровка, хут. Ступки, урочище Золотой рудник и село Криворожье.

Уздечный набор черногоровского кургана, как и другие находки стремяновидных удил в бассейне Донца, ведут нас на Северный Кавказ, где раньше всего были созданы определенные типы металлических уздечных наборов нашего юга, получившие затем широкое распространение.

Таким образом, даже при небольшом количестве известного и изученного материала, целый ряд убедительных фактов показывает, что местные племена уже в 7 – 6 вв. до н. э. вели меновую торговлю с соседними племенами, а через них устанавливали связи с более отдаленными территориями – от Венгрии и ионийского побережья Малой Азии на западе, до Месопотамии на юге. Конечно, непосредственного торгового обмена с такими отдаленными странами, как Месопотамия, не было, и вещи приобретались через целый ряд посредников. Однако некоторые из них явно были древневосточного происхождения и могли попасть в руки скифов в период их военных походов в Переднюю Азию, и уже ими были завезены в наши земли.Жизнь земледельческого населения европейской лесостепной зоны последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, южной границей которой ученые условно считают Изюм – Балаклею – Змиев – Чугуев – Люботин – Миргород – Лубны – Переяслав-Хмельницкий – Обухов – Фастов, имеет свою самобытную историю. Но она, к сожалению, кроме отрывчатых упоминаний в контексте истории кочевых племен Приазовья,Причерноморья, Подонцовья и Приднепровья ни в дореволюционной, ни в советской, ни в постсоветской историографии не нашла своего освещения. Этот огромный неисследованный пласт украинской истории, как и последовавший наложившийся на него пласт событий средневековья, требуют тщательного и глубокого изучения, такого, как изучена трипольская археологическая культура.

Трудно решить вопрос о том, с каким из племен Северного Причерноморья, упоминаемых античными авторами, мы можем отождествить население, жившее в 6 – 2 вв. до н. э. в лесостепной части бассейна Донца. Скорее всего в верхнем течении геродотовского Сигриса (Донца) можно поместить племя меланхленов (в переводе с греческого –«люди в черном»).

Древнейшее упоминание о меланхленах имелось в «Землеописании» греческого географа и историка Гекатея Милетского (конца 6– начала 5 в. до н.э.). Но, к сожалению, этот отрывок из сочинения Гекатея дошел до нас в таком изложении Стефана Византийского, что каких-либо определенных указаний на местонахождение этого племени не дает.Самые полные и достоверные, хотя и не всегда понятные современным исследователям, сведения по древней этнографии Северного Придонцовья и соседствующих с ним территорий, имеются в труде Геродота. Меланхленов он помещает между андрофагами и будинами. Первые находились к западу от меланхленов, а вторые – к востоку от них. Описывая восточную часть Скифии, Геродот отмечает, что владения царских скифов простирались до Танаиса (Дона). Земли к востоку от Танаиса принадлежали уже савроматам, выше которых жили

будины. К северу же от территории царских скифов, т. е. как раз где-то в бассейне Сигриса (Донца) обитали меланхлены.В другом месте своего сочинения Геродот уточняет, что от Каспийского моря до меланхленов 20 дней пути. Наконец, при описании наступательного движения войск персов вглубь Скифии, Геродот рассказывает, как скифы «согласно принятому решению, убегали в земли народов, отказавших им в союзе, прежде всего, в землю меланхленов». Западнее последних упоминаются андрофаги, невры и агафирсы.Следовательно, можно предполагать, что меланхлены жили где-то в бассейне верхнего течения Донца, недалеко от будинов (живших к востоку от них за Танаисом–Доном).Характеристика меланхленов, которую дает Геродот, так же не противоречит археологическому материалу, найденному в лесостепной части бассейна Донца. Геродот говорит, что это особое, не скифское племя, у которого были свои «цари», действовавшие в ответственных случаях самостоятельно.

В состав Скифии территория меланхленов не входила. Это независимое положение местного населения нашло свое отражение в возникновении здесь целого ряда городищ, которые служили защитой от нападения степных скифов. Отмечая политическую самостоятельность меланхленов, Геродот одновременно указывает, что образ жизни у нихскифский. Действительно, в материальной культуре местного населения имеется очень много вещей, которые были широко распространены в раннем железном веке, и на территории, где обитали скифские племена (оружие, конская сбруя, некоторые украшения). Впрочем, такое влияние ощущается не только на Донце, а во всей лесостепной полосе.Взаимопроникновение культур двух соседствующих между собой народностей объяснимо неизбежностью их общения, хотя и невсегда мирного.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: земли современной Чугуевщины, еще с античных времен, находились в зоне бурных политических событий развития европейского континента.Но их население активного участие в этом процессе не принимало, а только все время было вынужденно приспосабливаться к резко меняющимся обстоятельствам своего существования в связи с колонизацией южно-европейских степей сменяющими друг друга кочевыми народами.

САРМАТЫ
(5 – 4 в.до н.э)

В то время как в степях Северного Причерноморья господствовали скифские племена, к востоку от них, за рекой Танаисом (Доном), жили родственные скифам племена сарматов. Еще в 5 в. до н. э. Геродот упоминает одно из сарматских племен – савроматов. Другие греческие и римские писатели называют еще ряд сарматских племенных объединений: языги, аорсы, сираки, роксоланы, аланы и др.В 5 – 4 веках до н. э. сарматы были мирными соседями Скифии. Скифские купцы, направляясь в восточные страны, свободно проходили через сарматские земли. В войне с персами сарматы были надёжными союзниками скифов. Во времена царствования племенного вождя Атея,союзнические отношения двух народов еще сохранялись.Сарматские

отряды состояли на службе в войске и при дворе скифского царя. Отдельные группы сарматов селились на территории Европейской Скифии.В 3 веке до н. э. дружественные отношения сменились враждой и военным наступлением сарматов на Скифию. Агрессивная воинственность молодых сарматских союзов совпала по времени с ослаблением Скифского царства. В конце 4 века до н. э. скифы потерпели поражение от правителя Фракии Лисимаха,что дало возможность сарматам окончательно утвердить свое господство на территории бывших скифских владений.

Основой общественного устройства сарматов являлась родовая община, включавшая группу родственных семей. Жили они отдельными лагерями, в шатрах, напоминающих юрты монголов. Городов, во всяком случае на территории Украины, у них не было. Зимой они шатры утепляли, ни землянок, ни других стационарных жилищ не строили. Это был народ кочевой: на одном месте сарматы находились до тех пор, пока скот не съедал всю траву, затем перемещались в другое. При этом каждое племя имело свою территорию, выход за пределы которой приводил к межплеменным войнам. Питались сарматы мясом, сыром, молоком. Разводили лошадей и овец – тех животных, которые не теряли вес при частых перемещениях. Погребая умерших, они клали рядом с ними вещи, которыми те пользовались при жизни: мужчинам – оружие, конскую сбрую, кубки с вином; женщинам – украшения,зеркала,иголки.Основу сарматской «экономики» составляли войны и грабежи. Нападая на жителей греческих полисов, они захватывали провиант и уводили в рабство здоровых крепких мужчин. Сарматы не чуждались и ремёсел: обрабатывали шкуры, шили из них одежду, колчаны, шлемы. Сарматы умели добывать и обрабатывать металлы – литейщики отливали котлы, зеркала, металлические части конской сбруи; кузнецы ковали железные мечи, кинжалы; ювелиры из золота и серебра изготавливали украшения.В религиозных воззрениях сарматов особое место занимали культы солнца и огня. Поклонялись они и символу благосостояния – барану. В более позднее время сарматы переняли от скифов традиции поклонения мечу.Они, как и скифы, почитали аналогов греческих богов. В частности, Афродиту-Аргимпасу, которой даже ставили святилища. Эти сооружения имели форму круга и были своего рода духовным центром, объединяющим кочевников.Состояло святилище из вала и жертвенника.Сведений о человеческих жертвоприношениях нет.Несомненно, в этих святилищах, кроме принесения в жертву богине Любви животных, сарматы проводили эротические культовые ритуалы,наподобие тех, которые греки устраивали у алтарей храмов Афродиты. Сарматы любили пользоваться красивой посудой – амфорами, краснолаковыми кувшинами, тарелками, кубками. Эта посуда была греческого производства – собственные их керамические поделки довольно примитивны. Они обожали ювелирные украшения. Поскольку животные в их жизни занимали значительное место, это сказалось на их культуре – сарматские золотые и серебряные изделия выполнены в так называемом зверином стиле: на оружии, предметах быта, конской упряжи много изображений барсов, пантер, волков, медведей, оленей, козлов, кабанов, орлов, баранов, лошадей, чьи фигурки стилизованы, полны динамики и экспрессии. Распространенными сюжетами были схватки диких зверей.На сарматских золотых изделиях также

часто встречаются изображения Эрота и его супруги – Психеи. Своей письменности у сарматов не было, так же, как и чужой.

Описывая сарматов, античные авторы единогласны в оценке их агрессивности. Римский историк Тацит извещал, что «… когда появляется их конный отряд, никакой другой строй, пеший или конный, перед ними устоять не может». В бою эти степные кочевники пользовались арканами, мечами и копьями. Оружием дального боя, как и у скифов, был лук. Кочуя с места на место, сарматы передвигались за огромными табунами, отарами и стадами скота в кибитках и верхом на лошадях. В переводе с ираноязычного, слово «сармат» означает опоясанный мечем. Греческий историк Геродот так описывает сарматов: «Они высокие ростом, красивые, темноволосые, стройные, а пылающая в их холодных очах злость, вызывает страх. Сарматские женщины ездят на охоту вместе с мужчинами, ходят с ними на войну и носят одинаковую с ними одежду.Существует правило: ни одна из сарматских женщин не имеет права вступать в брак, пока не убьет своего врага». Женщины – сарматки, как и мужчины, были безгранично жестоки. В детстве им раскаленным мечом прижигали правую грудь, чтобы придать больше силы орудующей мечом правой руке.

В поисках новых земель для своих кочевий сарматские племена начинали вторгаться в степи на запад от Дона.Вначале господствовавшие в Северном Причерноморье скифы сдерживали их натиск, и сарматы проникали за Дон лишь небольшими группами.Усилению сармат способствовало оформление мощных племенных союзов во главе с аланами, аорсами, язигами и роксоланами.Наконец, во 2 в. до н. э. крупные силы сарматов, в авангарде которых были аланы, роксоланы и язиги, вторгаются в степи Северного Причерноморья и захватывают их вплоть до Днепра. В начале нашей эры сарматы достигли уже бассейна нижнего Дуная. Первое достоверное сообщение об этом вторжении сарматов на скифскую территорию имеется в «Истрии» Полибия. Он указывает, что находившийся на правом берегу Дона сарматский царь Гатал в 179 г. до н. э. принимал участие в заключении мирного договора со скифами. Следует иметь в виду, что сарматы установили свое господство в степях Северного Причерноморья не в ходе постепенного экономического и политического подчинения скифов, а в результате военного захвата. Римский писатель Диодор Сицилийский рассказывает, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».Одна часть скифского населения, уцелевшего от сарматского разгрома, была оттеснена в Крым, а другая была ассимилирована сарматами и восприняла их обычаи. Именно этим следует объяснять то, что во 2 веке на территории степей Северного Причерноморья наблюдается довольно резкая смена археологических культур.Племена, жившие в бассейне Донца, особенно в степной его части, одни из первых испытали на себе мощные удары сарматских отрядов. Здесь обнаружено несколько сарматских погребений наиболее раннего для территории Украины типа, который датируется 3 – 2 вв. до н. э. К тому же времени следует отнести и комплекс вещей из кургана у города Балаклеи, разрушенного при реконструкции железнодорожного пути в 1929 г. По-видимому, к этой же ранней группе сарматских погребений относится и могила,

обнаруженная на песчаной дюне левого берега Донца у с. Яремовки Изюмского района.

Обращают на себя внимание особенности сарматских погребений. Типичными являются небольшие курганы от 0,5 до 2 м высотой. Могильные ямы под насыпью имеют прямоугольную, квадратную и реже овальную форму. Иногда встречаются катакомбы. Покойники лежат обычно в вытянутом положении на спине. Вначале преобладает ориентировка покойников головой на запад, а с 4 в. до н. э. господствующей становится южная ориентировка. В качестве пищи для покойника в могилы клали части туш баранов, лошадей и коров.Инвентарь погребений невелик, но довольно характерен. Письменные источники изображают сарматов воинственными кочевниками. Действительно, в мужских погребениях, кроме керамики, бытовых вещей и деталей одежды, находят оружие и конскую сбрую.

В ранних сарматских памятниках еще сильно чувствуется влияние скифской культуры. Местная конская упряжь представляет собой лишь вариант скифского конского убора. Широко распространены бронзовые втульчатые наконечники стрел и железные мечи-акинаки скифского типа. Однако уже в раннюю эпоху у сарматов вырабатываются и свои оригинальные типы оружия.

АЛАНЫ

Аланы – одно из ираноязычных сарматскихплемен Скифии.История алан характерна величием этого народа и той славной ролью, которую ему пришлось сыграть в масштабе становления средневековой Европы.Слово «аланы» впервые встречается в китайских письменных источниках в 25 году нашей эры, как название сарматского племени, вытеснившего племя аорсов, обитавшего в китайской провинции Яноцай. Новые хозяева переименовали ее на свой лад – Алянь-ляо.Китайцы называли аланов словом «чжете», что в переводе означало воин или строевой латник. В первом веке нашей эры свидетельства об аланах встречаются у римских авторов. Название этого народа упоминается в пьесе «Фиест», автором которой является Луций Аннек Сенека. О происхождении слова «алан» существует несколько версий. Первая гласит, что оно имеет греческие корни и является производным от глагола, значащего странствовать или ходить.Вторая утверждает, что название пошло от древнеиранского слова «елен» – олень.Третья извещает что слово «алан» берет свое начало от скифско-сарматского словосочетания «аладин», где «ал» – все, «адин» – народ. В древнерусских летопсях аланы назывались «ясами», в армянских – «осами», в китайских – «алано», в грузинских и осетинских – «овсы».

В 1 – 3 вв. нашей эры аланы занимали господствующее положение среди сарматских племен Приазовья, откуда совершали набеги на Крым, Закавказье, Малую Азию и Мидию. В 372 году аланский племенной союз потерпел поражение от гуннов, после чего часть алан была вовлечена в только что начавшейся миграционный процесс, вошедший в истории под названием Великое переселение народов. Двигаясь на Запад, эта часть алан, пересекла Днепро – Донецкую степь, Западную Европу и, преодолев расстояние от

Кавказа до Пиренейского полуострова, достигла территории Северной Африки. На это ушло целое столетие. При этом, по пути следования, значительная часть аланских племен оседала на землях Приазовья, Подонья и Придонцовья. Б.А.Шрамко считает, что аланы в верхнем и среднем течении Северского Донца появились значительно раньше, чем те их соплеменники, которые мигрировали в эту местность во время расширения северо – западных границ Хазарского каганата в 7 – 8 веках.

Другая же часть алан, не выдержав агрессии гуннов, была вынуждена откочеватьв предгорья Кавказа (сегодня это территория Краснодарского края) и перейти к оседлому образу жизни.Вскоре значительная часть аланских племен поселилась в Центральном Кавказе (Ставропольский край). Их новые территориальные владения занимали земли от правых притоков реки Кубани(Зеленчук и Фарс) на западе, до реки Аскай на востоке; от главного Кавказского хребта на юге, до верховий рек Кумы, Малки и правобережья среднего течения реки Терек на Севере. Соседями аланского племенного объединения были: в Прикубанье – адыгеи (в настоящее время они соперничают с осетинами за право называться потомками древних алан); в зоне центрально-кавказских перевалов – горные грузинские племена, предки нынешних чеченцев и ингушей, а также племена горного Дагестана. Ученые считают, что в этом регионе в 6 веке сложились две аланские этнокультурные группы населения:западная – протодигорцы и восточная – протоиранцы. Первая локализировалась в верховьях Кубани, Пятигорья и современной Балкарии, вторая – на землях современной Чечни, Ингушетии и Северной Осетии.

Племенной союз алан стал основой объединения аланских и местных кавказских племен, и образования в 6 веке раннефеодального государства Алании. По меркам тех времен Алания считалась маленьким, но довольно сильным государством, заставившим соседние народы считаться со своими интересами в этом сложном межэтническом регионе. Но в начале 8-го века, оно не смогло противостоять многочисленным войскам Арабского Халифата, было завоевано и попало в политическую и экономическую зависимость от арабов. В 725 году сотни тысяч алан снялись со своих прежних мест обитания, покинули отроги родного им Предкавказья и отправились в поиск нового места жительства. Двигаясь в северном направлении вдоль русла Дона, они расселялись в бассейнах его притоков. В этом же году они появились и осели на берегах Северского Донца и Оскола.По времени эти события совпали с ростом могущества государства хазар – Хазарского каганата, территориальная колониальная экспанция которого в сжатые временные строки достигла земель Подонцовья.Поскольку, именно аланы являются основателями нашего города, автор, несколько отклоняясь от главной темы своего повествования, оставил за собой право поведать читателю о судьбе алан вообще – одной из самых многочисленных древней народности Европы.

В эпоху Великого переселения, мигрируя в западном направлении,аланские племена были единственным негерманским народом, создавшим в Западной Европе большое количество поселений и несколько государственных образований. Только во Франции и Северной Италии сегодня известно более 300 городов и селений с аланским названием. За редким исключением, все они находятся на холмах или горных возвышенностях и

вблизи водоемов, как дань народа своей горной кавказской родине. Но география расселения – не главное достоинство алан.Средневековые аланы явили собой народ, который оказал существенное влияние на формирование культурных ценностей и основ морали западноевропейских обществ. Именно они заложили в странах Западной Европы основы военного дела.Готы, франки и другие германские племена освоили приемы конного боя, только благодаря близким контактам с аланами – яркими представителями скифско – сарматского мира. К сарматско – аланской культуре восходят традиции средневекового рыцарства, в том числе облачение, вооружение, боевая техника, нравственный кодекс и идеология военной элиты. Аланская основа обнаружена литературоведами Западной Европы в легендах о короле Артуре и рыцарях круглого стола, которые послужили воплощением рыцарского идеала для средневековой литературы.Аланы совершали военные походы на территорию Римской империи. Император Гордиан III был убит в 244 г. при отражении нападения аланского отряда близ Филипполя. Императору Аврелиану в 3 веке пришлось вести с ними длительную и упорную борьбу. В 411 году аланский вождь Гоар в союзе с бургундским королем Гюнтером возвели на престол Восточной Римской империи своего ставленника Иови и долгое время негласно руководили делами чужого государства. Часть аланов в 406 г. двинулась вместе с племенами вандалов дальше на запад, в Галлию. Одной их группе во главе с царем Эохаром римляне предоставили земли для поселения в бассейне реки Луары. Известно, что в средине 5 в. н. э. аланский царь Сангибан владел старым римским городом Аврелианом (нынешний город Орлеан во Франции).Другая группа аланов вместе с вандалами в 409 г. вторглась в Испанию и одно время владела здесь землями в Лузитании и Картагене. Алан Павлиан Пепл занимал одно время пост префекта города Бордо. В 420 г. аланы в очередной раз вторглись во владения римлян, сначала в Испанию, а затем в Северную Италию и основали там свои колонии.Затем они захватили все территориальное пространство Галлии (современной Франции), превратив город Орлеан в центр своего господства. Но, столкнувшись с сопротивлением племен остготов и вестготов, в 429 году 80 тысяч алан переправились из Испании через Гибралтар в Северную Африку, захватили земли современного Туниса и Алжира и создали там свое королевство. На пути алан от Кавказа до Африки оказались такие государства Западной Европыкак Италия, Испания, Венгрия, Португалия, Франция и Швейцария.Но незаурядные военные достижения и военно – теоритические наработки алан, к сожалению, были поставлены на службу чужеродным королям и императорам других государств.

В степной части бассейна Донца найдено несколько богатых кургановпогребений аланских вождей. Одно из них было раскопано в 1901 г. В.А. Городцовым у с. Селимовки, бывшего Изюмского уезда, Харьковской губернии (бассейн притока Донца реки Бахмутки). Особенно увеличивается число сарматских курганных погребений в бассейне Донца на позднесарматском или аланском этапе присутствия в этом регионе (2 – 4 вв. н. э.). В это время аланские племена занимались преимущественно скотоводством и вели кочевой образ жизни. Весьма обстоятельную характеристику их хозяйства и обычаев дает историк 4 в. н. э. Аммиан Марцеллин. Он описывает алан как скотоводов, которые разводят главным образом лошадей, питаются «мясом и в изобилии

молоком, живут в кибитках с изогнутыми из древесной коры крышами, и перевозят их по беспредельным степям. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни...».

Аланы пришли на территорию Северного Причерноморья позже других своих сарматских сородичей, однако очень скоро начали играть здесь важную роль. Во 2 веке они возглавляли большой, но довольно пестрый по составу племенной союз и принимали активное участие в политических и военных событиях того времени. Кроме других степных кочевников, входивших в аланский племенной союз, главными из которых были болгары, им было подчинено сармато-меотское население Прикубанья. Судя по сведениям, сохранившимся в одном греческом хронографе и в отрывках из произведения сирийского историка Мар-Аббас-Котины, уже во 2 – 3 вв. н. э. где-то в степях Приазовья рядом с ираноязычными аланами кочевали основные массы населения тюркоязычных болгар.

Между алано-сарматами и населением античных городов Северного Причерноморья отношения были большей частью, дружественными, основанными на взаимовыгодных экономических связях. Крупным торговым центром в устье Дона вплоть до 3 в. н.э. был город Танаис (в переводе на древнерусский –Дон), который очень долго служил «общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников. (Следует помнить, что по античным представлениям этот город находился на границе Европы и Азии, которую проводили по р. Танаису(Дону)). В этот город по Меотийскому озеру(т.е. по Азовскому морю) следовали купцы из Боспорского царства; аланы доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а греки привозили на судах одежду, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Ремесленные мастерские Пантикапея, Херсонеса, Ольвии и других греческих городов – государств,производили в значительном количестве продукцию, специально приспособленную к вкусам аланской племенной знати, которая была их главным покупателем.Судя по имеющимся сведениям, в 208 г.н.э. угреков были специальные переводчики для переговоров с аланами.

Аланские курганные погребения на Донце имеют те же характерные признаки, которые присущи аланским погребениям Поволжья, Северного Кавказа и других местобитания этих племен. Они отличаются северной ориентировкой погребенных, устройством могил в виде глубоких, но узких ям –катакомб, а также наличием костяков с искусственно деформированными черепами. Обычай искусственной деформации черепа человека в раннем возрасте применялся еще в глубокой древности.Позднесарматские, аланские курганные погребения зафиксированы в разных местах степной, части бассейна Северского Донца. В частности, к ним относятся курган у села Прелестного в долине реки Сухого Торца, целый ряд погребений в кургане в окрестностях города Славянска, в бассейне реки Казенного Торца, одно из погребений в

кургане села Воронцовки, на реке Синихе (левый приток Оскола), курганы у села Нещеретово недалеко от Старобельска.

Аланский племенной союз существовал почти до конца 4 в., когда с востока нахлынули новые племена кочевников. В 375 г. отряды гуннов и их союзников перешли через Дон и, разгромив аланов, овладели степями Северного Причерноморья. Однако основные силы гуннов не задержались здесь долго и двинулись дальше на запад, в бассейн Дуная.Часть аланов вынуждена была подчиниться гуннам и принимать участие в их походах. Отдельные группы аланов судьба забросила вместе с гуннами, а затем и с другими племенами очень далеко. Аланская конница принимала участие к знаменитой битве 378 года под Адрианополем. В этом сражении войскам Римской империи, которыми командовал император Валент, был нанесен сокрушительный удар. В битве погибло много римских военачальников. Раненый Валент пытался спастись бегством, но был настигнут преследователями и убит. Современник этих событий историк Аммиан Марцеллин сравнивает разгром римских войск под Адрианополем с известной битвой при Каннах. Убедившись на горьком опыте в прекрасных военных качествах алланских конников, римские правители стараются привлечь их на свою службу. У императора Грациана во второй половине 4 в. н. э. был гвардейский отряд, состоящий из аланских воинов.

Современными потомками алан считаются осетины.Название «осетин» пришло в русский язык в 17–18 вв., когда начались первые русско – осетинские контакты.Слово «осетин» происходит от грузинских слов «овсы», «овсети», что означает земля овсов (аланов).Название«аланы» использовалось римлянами вплоть до конца 16 века. Последнее упоминание об аланах в византийской исторической хронике относится к образованию Аланской Христианской епархии в государстве алан – Алании.

КУЛЬТУРА ПОЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН

В первой половине 1-го тысячелетия н. э. в степном левом левобережье бассейна Северского Донца, жили не только скотоводческие аланские племена. Севернее, в лесостепной полосе, как и в скифское время, жило оседлое земледельческое население. Общий характер его материальной и духовной культуры, особенно обряд погребения, значительно изменяются. Своеобразный комплекс археологических памятников 2–4 вв. н. э. исследователи называют условно культурой полей погребальных урн Черняховского типа, или, более кратко, культурой полей погребений. Это название культура получила потому, что у местного населения, оставившего эти памятники, существовал обычай сжигать покойников вместе с мелкими вещами, а остатки трупосожжения складывать в глиняный сосуд (урну) и закапывать в землю на небольшую глубину.Поселения и могильники культуры полей погребений распространены в лесостепной полосе Восточной

Европы довольно широко: от бассейна Днестра до верховьев Северского Донца. Памятники этого типа имеются и в бассейне Дуная. На различных территориях культура полей погребений имеет некоторые своеобразные черты (различия в устройстве жилищ, в обряде погребения, в инвентаре). В бассейне Донцазафиксировано значительное количество поселений и могильников этой культуры, но изучены они еще недостаточно.Археологи располагают подъемным материалом из разведок у сел Довжика, Кочетка, Дергачей, Мартовой, Большой Даниловки, Тернового, Замиського Кута, Рассоховатого, Ореховских хуторов, Старой Покровки, Снежков, Верхней Писаревки, Погорелово, Западенек, Колесников, г. Волчанска, в черте города Харькова и его окрестностях и в других местах. Значительные раскопки памятников культуры полей погребений 2–4 вв. н. э. производились лишь в 1931 –1933 гг. И.Н. Луцкевичем и Т.И. Ивановской у с. Пересечного на правом берегу р. Уды. Ряд памятников этой культуры обследовал преподаватель Харьковского госуниверситета Б.П. Зайцев.

Исследования показывают, что местное население культуры полей погребений жило в неукрепленных селищах, расположенных обычно на склонах первой надпойменной террасы у небольших рек. Отсутствие городищ и некоторые другие факты свидетельствуют о сравнительно мирных взаимоотношениях со степняками – аланами. Возможно, племена культуры полейпогребений входили в аланский племенной союз.При раскопках на поселении у с. Пересечного были найдены жилища типа землянок и ямы для хранения зерна. Здесь же был обнаружен обломок древнейшего на донецкой территории каменного жернова. Эта находка очень показательна.Она свидетельствует о том, что земледельческое хозяйство уже значительно усовершенствовалось по сравнению со скифским временем, когда местное население применяло только зернотерки. Земледелие у племен культуры полей погребенийнесомненно было плужным. В бассейне Донца находки остатков плуга этого времени пока неизвестны, но на соседних территориях они имеются.

В настоящее время гипотеза о том, что культура полей погребений Черняховского типа принадлежит славянам, решительно оспаривается рядом археологов (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин и др), которые прежде всего отмечают хронологический разрыв и отсутствие культурной преемственности между памятниками полей погребений Черняховского типа и раннеславянской культурой 8 – 10 вв.Прекращение существования своеобразной культуры полей погребений в основном совпадает с гуннским разгромом аланского племенного союза в конце 4 века н. э., хотя в некоторых местах на Донце традиции этой культуры, связанные, очевидно, с сохранением отдельных этнически целых групп населения, прослеживаются значительно позже, вплоть до 8 века н. э. (Новопокровский могильник Чугуевского района и др.).

В 375 г. орда пришедших из Азии кочевников гуннов во главе со своим вождем Баламером переправилась через р. Дон, разрушила аланский племенной союз, а затем готский племенной союз, во главе которого стоял Эрманарих, и вызвала значительные передвижения племен на юге Восточной Европы. Полчища гуннов мечом и огнем опустошали и разрушали местные поселения, действуя со страшной жестокостью. Источники указывают, что побежденные «...были истреблены уннами (гуннами), и большинство их погибло; они их

ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при избиении».Образ жизни самих гуннов хорошо описывает их современник Аммиан Марцеллин: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны». И дальше: «Никто у них не пашет, и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – далеко оттуда, вырос – еще дальше».

Нашествие гуннов и господство этих примитивных кочевников на юге Восточной Европы на некоторое время замедлило социально-экономическое развитие тех племен, которые оставили нам памятники культуры полей погребений. Но само гуннское объединение было весьма непрочным. После смерти Аттилы в 453 г. оно распалось. Однако, и после этого в степях Восточной Европы не воцарилось спокойствие.В VI–VII вв. в степях Северного Причерноморья сменяется несколько других крупных групп кочевников, из которых одни быстро проходят дальше на запад, а другие задерживаются здесь более или менее долго.

ПЕРВОЕ ОСНОВАНИЕ ГОРОДА ЧУГУЕВА

В первой половине первого тысячилетия нашей эры на землях современной Слобожанщины и прилегающих к ней северозападных территориях нынешней Украины, по свидетельству Б.А.Шрамко, обитало население, археологическая культура которого классифицирована как культура полей погребений, о чем рассказывалось выше по тексту.Это,скорее всего, обобщающее название нескольких близких по образу жизни племен,обитавших на наших землях в промежутке времени между поздней античностью и ранним средневековьем. Говорить о его численности, как и о степени трансформации в плане совершенствования общественных отношений, которые бы соответствовали той исторической эпохе, не приходится – никаких сведений на этот счет не существует. Но в том, что влияние на них более развитых цивилизаций было незначительным, сомневаться не приходится – с севера потому, что там таковых еще не существовало, а южные центры более высоких жизненных стандартов находились сравнительно далеко.На северных от Придонцовья землях Восточно – Европейской равнины, между Черным, Белым и Балтийским морями в 5–6 веках только начался этногенезис протославянских племен, которые постепенно выделялись из общей массы индоевропейских племен.Этому способствовали события, связанные с миграционным процессом начавшегося еще в 4 веке Великого переселения народов. В основе

формирования единой славянской народности лежало кровное, языковое, территориальное и культурно-религиозное начало.

Отправной точкой событий, которые имели место на землях современной Чугуевщины в первой половине 7 века, стало основание в конце 5 века нашей эры в предгорьях Кавказанебольшого государства Алании. Оно былообразовано племенами алан, переселившимися в эту местность в 372 году с Приазовья после сокрушительного поражения от племенного объединения гуннов.Территориально Алания серповидно опоясывала горный массив северной части Большого Кавказа.Рядом с ней находилось государство хазар – Хазария, вблизи – Армения, Грузия, Албания (современный Азейбарджан). Все эти сведения необходимы для понимания той ситуации, в условиях которой стал возможен процесс основания нашего города.

В это же историческое время, южнее кавказского региона на землях современногоБлижнего Востока,набирало мощь государство арабов – Арабский Халифат. В 654 году арабский полководец Хабаб-Ибн-Маслаам захватил Армению и Грузию. А его родственник Рабидх-аль-Балхи покорил Албанию. При этом была взята штурмом считающаяся неприступной крепость Дербент. Захватив Закавказье, арабы двинулись на соседнюю Хазарию, но были разбиты возле хазарского города Беленджер. Но агрессия арабов на этом не прекратилась.Беленджер, после длительной осады и непрекращающихся штурмов крепости, пал только в 713 году.Войско арабов возглавлял полководец Маслаам. Но на этом арабо-хазарская война не закончилась. Она с переменным успехом длилась пятнадцать лет. И только в 721 году, уже другой полководец, Джеррарх, имея всего 25 тысяч арабских воинов, разгромил 40-тысячную хазарскую армию и полностью подчинил себе почти весь Хазарский каганат, который был жестоко разорен и разграблензавоевателями. Каждый конный воин арабской армии получил имущества на 300 динаров, а пеший – на 100. Учитывая то, что в казну халифа шла пятая часть добычи, контрибуция была огромной.

В 723 году Джеррарх решил завоевать оставшуюся равнинную часть Хазарии, но узнав, что хазары успели собрать огромное войско для ее защиты, предпочел покорить более слабое государство – Аланию. Несмотря на жестокое сопротивление алан, он уже через несколько месяцев все-таки смог ее захватить. Как и Хазарский каганат, Алания была разграблена и попала в вассальную зависимость от арабских завоевателей.Захватчики несколько месяцев вывозили в подконтрольную им Албанию все, что попадалось им на глаза – от орудий труда до продуктов питания. Аланы при этом лишились главного своего богатства – исчисляемого сотнями тысяч поголовья скота, лошадей, овец, быков, коз. Мало того, Джеррарх обложил все население Алании от мала до велика подушной податью, размеры которой обрекали аланский народ на вымирание. Собственных сил для освобождения от арабского ига Алания не имела. Расчитывать на помощь со стороны соседних государств – тоже не могла: арабы подчинили себе все Закавказье. В этих условиях у покоренного населения оставался только один выход – бежать от врага в безопасные места. И аланы этим воспользовались – собрали остатки своего имущества и оставили родные места.Исследовавшая эти события С.А.Плетнева в своей монографии «Хазары» сообщает: «Для алан этот поход Джеррарха имел тяжелые последствия. Разоренные захватчиками, а затем

систематически ограбляемые, они оставили насиженные и обжитые предгорья и двинулись в поисках новых земель, подальше от арабов – на север, в верховья Северского Донца, Оскола и Дона». Арабы алан не преследовали: отток значительной части аланского населения (позже и населения Хазарии) ресурсно ослабляло эти государства и тем самым умаляло его шансы освободиться от арабской колонизации.

Дождавшись весны 725 года, когда закончился отел домашних животных, а на пастбищах появилась необходимая для выпаса животных трава, аланы тронулись в путь. Их валки, состоящие из гужевого транспорта, нагруженного остатками сохранившегося домашнего имущества, растянулись на десятки километров. Впереди следовали стада крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади. Скорее всего аланские переселенцы двигались не «в слепую». Степное пространство им было хорошо известно, так как еще во второй половине 4 века, аланы, в составе племенного союза,обитали в степях Приазовья и Подонья и этот регион был им ведом. Кроме этого Б.А.Шрамко сообщает: «В первой половине I тысячелетия н. э. в бассейне Северского Донца жили скотоводческие аланские племена. Кочевья последних занималиюжную, степную часть бассейна реки». И если это соответствовало действительности, то та часть алан, которая двигалась в эту местность с предгорий Северного Кавказа, была основательно осведомлена о пребывании на территории Подонцовья своих соплеменников.

С.А.Плетнева, пишет о продвижении алан во время их переселенческого похода: «Это были те самые аланы, которые под натиском арабских войск, покинули привычные предкавказские равнины и предгорья и двинулись на север. Интересно, что шли они до тех пор, пока не достигали местности весьма напоминающей отроги Кавказских гор: правый берег рек по всей лесостепи высокий и гористый, левый – плоский, богатый высокой травой (как на альпийских лугах)». Вот на берегах этих рек и их притоков и устраивали свои новые места обитания беглые со своей страны кавказские аланы.

«Одна из групп аланских переселенцев, исходя из того, что они среднесуточно могли преодолеть не больше 25 – 30 километров своего пути, предположительно, через полтора – два месяца, добралась до «чугуевской горы». Всем своим видом она действительно, хоть и в миниатюре, но близко напоминала аланам привычный им кавказский ландшафт – горная возвышенность в окружении пойменных лугов речной долины Северского Донца. К сожалению, это событие – оседание алан на «чугуевской горе», по понятным причинам, не было никем и нигде зафиксировано: верховья Северского Донца представляли собой в то времядикую природную глушь. Была ли она в это время совсем безлюдной или же малозаселенной, тоже остается только гадать.Во всяком случае, С.А.Плетнева, исследовавшая этот исторический факт колонизации кавказскими аланами бассейна рек Оскола и СеверскогоДонца, о каком-либо противодействии переселенцам со стороны местного населения, не сообщает.Вполне возможно территория Подонцовья совсем опустела после варварства кровожадных гуннов. Но может быть в самых отдаленных и захолустных его местах, на ней, как утверждает Б.А.Шрамко, сохранились островки жизни аланского населения в виде «мелких осколков» некогда обитавшего в этих местах аланского племенного союза.

Существует версия, что аланы вышли к истоку Северского Донца выше современного Белгорода и продвигались по его руслу до тех пор, пока не достигли территории современного Чугуева.Но с моей точки зрения, у переселенцев был другой маршрут: они поднялись вверх по течению реки Оскол, далее, в районе среднего ее течения, резко повернули на запад, дошли до реки Великий Бурлук, правого притока Северского Донца и уже по его побережью проследовали в направлении нашего современного города. Впрочем, это не так уж и важно, если не учитывать то, что аланы изначально знали о конечной цели своего маршрута. Предположительно, из Алании они отправились, примерно, в средине мая, и уже в средине июля, а то и раньше, достигли земель нашего края. Документального подтверждения конкретной даты первого основания нашего города кавказскими переселенцами, о чем уже шла речь, не существует: аланы не имели своей письменности; событие само по себе не представляло значимой важности, да и фиксировать его просто было некому: севернее теперь уже «аланской горы» на Донце проживало еще более отсталое в культурном смысле население археологической культуры полей погребений, а южнее – остатки разбросаного по степи сармато – болгарского населения. Вполне допустимо, что на месте современного Чугуева, еще до прихода сюда кавказских алан, уже обитала некая группа родственныхпереселенцам болгаро –аланских племен и вытесненные арабами кавказцы шли по заранее известному им «адресу». Но что самое неожиданное, так это то, что пришлые аланы дали своей новой родине первое в этой местности топонимическое название – Чугуев. То, что данный факт не подлежит сомнению, станет известно во время анализа последующих событий.

Почти в это же время, в начале 7 века,происходит процесс возрождения Хазарского каганата, который в буквальном смысле свободно расширил свои государственные владения на территорию центральной части Днепро – Донецкой степи. Уже к концу 8века ее северные границы достигли русла Северского Донца. В результате аланский город Чугуев оказался на северной окраине Хазарского каганата,а его население, в составе населяющих это государство народов, стало участником создания на этих землях так называемой Салтово – Маяцкой археологической культуры, которая к настоящему времени довольно глубоко изучена специалистами в области истории и археологии.Благадаря этому, в плане познания материальной стороны жизни чугуевских алан вплоть до гибели Хазарского каганата, имеется много сведений в общем контексте жизнедеятельности проживающих здесь народностей.

Что же касается такого вопроса, как содержательная значимость самого слова «Чугуев», то оно до последнего времени являлось «тайной за семью печатями».Если что-тоне вызывает сомнения во всей этой истории с кавказскими аланами, так это их безошибочность в определении своего нового пристанища. Более подходящего места для основания города, чем то, которое пленило взоры кавказских переселенцев, трудно сыскать не только по всему Донцовскому правобережью, но и во всей ближайшей округе. Старое городище скифских времен (а что оно действительно было, автор не сомневается), удивительнейшим образом вобрало в себя все свойства поразительной фортификационной идеальности. Это была господствующая над окружающей местностью гора со срезанной вершиной. Если не «привязываться» к северной

его окраине (пл. Соборная, бывшая пл. Ленина), а целостно окинуть город взором с высоты птичьего полета, то мы практически не увидим, чтобы серповидно опоясываемый с юго-востока руслом Северского Донца речной мыс имел так называемую напольную сторону, которая бы связывала его с прилегающей равнинной земной твердью. По всему его трапецеобразному периметру от верхнего контура вниз тянутся крутые спуски, а в некоторых местах они переходят в вертикально отвесные рвы. Так это в наши дни, 1290 лет спустя после того, как здесь поселились аланы. Не следует напрягать фантазию, чтобы представить, как выглядело городище в то далекое время.Это на все сто процентов тот уникальный случай, когда можно сказать – сама природа предусмотрительно позаботилась о создании мощной крепости, защитные функции которой выполнял сам ландшафт. Не случайно французский инженер Боплан еще в казацкие времена внес «чугуевское городище» в список самыхзнаменитых крепостных изваяний природного характера на территории Восточной Европы.

Северную часть городища окаймляло русло реки Чуговки. При сооружении ростовской автотрассы, ее русло отодвинули от мыса в сторону микрорайона Зачуговка. Раньше река протекала под самой горой и имела довольно внушительные параметры. Еще в конце 19 века на ней стояли водяные мельницы и купали лошадей. С западной стороны городища проходил глубокий яр, прозванный населением города Студенным. По его дну тоже протекала безымянная речушка, единственный приток Чуговки, жалкое подобие которого сохранилось до сегодняшнего времени. Она впадает в Чуговку в самом начале улицы Зачуговской (Кирова).Нокавказских алан «приземлили» в нашем крае не только оборонительные свойства городища. Пойменные заливные луга речного левобережья, расположены на примыкающих к руслу территориях от современной Кицевки, Золотого Яра, Кочетка, Башкировки, Малиновки и переходящие на правый берег в районе урочища Фигуровка, служили переселенцам отличными пастбищами для скота. Дремучие леса давали материал для строительства жилья и защитных крепостных сооружений. Изобилие зверей и рыбы облегчало аланам решение вопроса обеспечения себя пищей.И лишь бурные миграционные процессы, имевшие место в 9-12 веках на территории Днепро – Донецкой степи осложняли жизнь первых «чугуевцев».

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ
(650 – 969 гг.)

По одной из версий, слово «хазары» происходит от тюркской основы «каз» – «кочевать». Хазария, Хазарский каганат – государство, возникшее в середине VII в. в Нижнем Поволжье и восточной части Северного Кавказа.Начиная с 630 года, многочисленные междоусобные столкновения привели к развалу Западно-Тюркского каганата. Результатом этого стало появление на его периферии в степях Восточной Европы двух новых политических образований. В Причерноморье возникла Великая Болгария, основанная ханом Кубратом в 632 году, а в Прикаспийском регионе – Хазария.Хазары первое время себя никак не проявляли, тогда как болгарское

этническое объединение стало мощной политической силой, но этот расцвет оказался кратковременным. Хазары вскоре «подмяли» под себябольшую часть болгар, вынудив последних откочевать за Дунай, положив тем самым начало современнойБолгарии; а оставшаяся часть признала власть хазар. После этого события правитель Хазарии принял высший в кочевой иерархии титул кагана. К концу7 века хазары контролировали бóльшую часть степного Крыма, Приазовья и Северного Кавказа.В этот период внимание Хазарии было обращено на Закавказье, чьи земледельческие государства сулили кочевникам богатые источники добычи. Вторжения туда осуществлялись двумя путями: через Дербент – в Кавказскую Албанию, Армению и далее в Иран, реже – через Дарьяльское ущелье, расположенное на территории Алании и ведущее в Грузию.Влияние хазар в регионе было столь значительным, что в ряде восточных языков Каспийское море получило название Хазарского.Однако экспансия хазар натолкнулась здесь на встречный натиск, когда на месте современного Ирана возникАрабский халифат. Его войска оккупировали Грузию и Кавказскую Албанию, после чего в 653 году вышли за Дербент и атаковали хазарское владение Беленджер. В 725 году арабы завоевали Аланию.

В начале 8 века развернулась непрерывная череда арабо-хазарских войн, успех в которых сопутствовал попеременно как той, так и другой стороне

В 737 году арабский полководец Марван ибн Мухаммад во главе 150-тысячной армии внезапно вторгся в Хазарию одновременно через Дербент и Дарьял. Войска взяли штурмом хазарскую столицу Семендер и достигли города ал-Байда, в котором располагалась ставка кагана. Каган бежал в глубь своих владений. В погоне за ним арабы зашли на север дальше, чем когда-либо: вплоть до «Славянской реки» – по-видимому, Дона или Волги. Хазарская армия была разбита, и каган запросил мира.

После того как арабы, обложив данью местное население, ушли с Северного Кавказа, Хазарии удалось восстановить свою независимость, но уже далеко не на той территории, которую она занимала до войн с арабами. Геополитическим последствием арабского натиска стало перемещение населения Хазарии от опасного кавказского пограничья во внутренние северные районы – Подонье, где расселились аланские и болгарские племена, и Поволжье. В низовьях Волги возникла новая хазарская столица – Итиль, вскоре превратившаяся в крупный торговый центр. Дагестан со старой столицей Семендером из центральной области превратился в южную окраину Хазарии. С этого момента политика Хазарии переориентировалась с завоевательных походов на развитие международной транзитной торговли.

История Хазарии делится на два периода – до и после принятия иудаизма.

В первый период роль хазар была прогрессивной. Они сдерживали натиск арабов, установили и контролировали порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития народного хозяйства этих стран и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы. Второй период резко отрицательный.

В начале 6 века н.э. в Персидской империи под бдительным руководством экзарха Мар-Зутры иудеями была организована первая социалистическая революция под лозунгами – Свободы, Равенства и Братства (эти события больше известны как восстание визиря Маздака). Уничтожалась

правящая каста – белые персы – потомки Славяно-Ариев, которые и создали Персидскую империю. Их объявили «врагами народа» и экспроприировали их богатства, которые поделили между бедными иудеями и иудейскими вождями. Но такой «справедливости» и «равенства» не оценили персидские бедняки и остатки персидской знати. Они организовали контрреволюцию и в 529 год н.э. свергли Кавада, а визиря Маздака жестоко казнили, вместе с его сторонниками, кого удалось найти.Уцелевшая часть сторонников Маздака успела покинуть созданную ими «страну социального равенства и братства» и с награбленными богатствами персидской знати, попросили убежища от «Персидской революции» у императора Ромейской империи (Византийской империи). Но иудейская «благодарность» оказалась весьма странной.Л.Н.Гумилев в своей книге «От Руси до России» пишет:«Евреи, нашедшие в Византии спасение, должны были бы помогать византийцам. Но помогали они довольно странно. Договариваясь тайно с арабами, евреи открывали по ночам ворота городов и впускали арабских воинов. Те вырезали мужчин, а женщин и детей продавали в рабство. Евреи же, дешево скупая невольников, перепродавали их с немалой выгодой для себя.Византийцы сами славились коварством, но даже для них подобное предательство иудеев было чрезмерным. И император Ираклий II предложил иудеям покинуть страну. Это произошло в середине 7 века. Византийские иудеи отправились не куда-нибудь, а в Хазарию, где ужесуществовала иудейская община.

В Хазарии из-за ее удачного расположения на основных торговых путях,торговля могла стать для иудеев «золотым ключиком», который открыл бы им «потайную дверь» к еще более быстрому обогащению.

Первым «эшелоном» в иудейском наступлении на еще ничего не подозревающую Хазарию был институт иудейских невест. Иудеи отдавали своих самых красивых сестер, дочерей, а порой и собственных жён, высшей знати Хазарии в качестве жён, наложниц или сексуальных рабынь влиятельным и богатым мужчинам – хазарам. Женщины-иудейки рожали для хазарской знати детей, которые по иудейским законам были иудеями, воспитывались своими матерями как иудеи, по иудейским традициям, но положение в социальной системе Хазарии наследовали от своих отцов. Дети, родившиеся от смешанных браков с иудейками, занимали высокое положение в хазарской иерархии, и способствовали своим сородичам в получении прав на торговлю.Постепенно иудеев по матери среди высшей знати Хазарии стало столь много, что они начали напрямую вмешиваться вполитическу жизнь Хазарского каганата. В799 год еврейский военачальник каганата Обадия произвел государственный переворот и превратил кагана в послушную марионетку.Иудаизм стал государственной религией каганата. Еврейские проповедники с большим трудом обосновали иудейское происхождение кагана и его близкого хазарского окружения, поскольку, согласно догмам иудаизма – узкой, сугубо национальной религии, иноплеменники не могут быть истинными иудеями. Это не позволило превратить в иудеев все остальные народы, входящие в состав Хазарского каганата (аланы, болгары, хазары).Следовательно, новая религия не объединяла, а разъединяла и без того не очень прочное государственное образования хазар.Принятие иудаизма каганом – главным правителем Хазарии и всей столичной знатью, оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях, мало

связанной со столицей и пользовавшейся на правах родовых старейшин большой поддержкой в своих аилах и кочевьях. Они и выступили против центральной власти. Обадия с помощью наемников – печенегов и гузов – развязал против внутренней оппозиции кровопролитную гражданскую войну. Степь заполыхала в ожесточенных межрелигиозных столкновениях. В ходе ее хазарские тюркии христиане были разбиты не иудеями, а нанятыми ими войсками. Часть из них была вырезана вместе с женами и детьми, другая часть покинула Родину и осела на территории современной Венгрии. После победы, хазарские иудеи обложили простых хазар тяжелой данью, превратили в настоящих безправных рабов, запретили под страхом смерти иметь оружие и обучаться владению оным. В очередной раз иудеи весьма своеобразно «отблагодарили» народ, предоставивший им убежище.

Захватив власть, иудеи превратили Хазарию в государство-паразит. Контролируя караванные пути и в первую очередь Великий Шелковый Путь, иудеи полностью захватили в свои руки торговлю между Западом и Востоком, Югом и Севером. Именно это и было целью прихода иудеев в Хазарию.В упоминаемой выше книге Л.Н.Гумилев писал:«Евреи, в отличие от хазар, к IX в. активно включились в тогдашнюю систему международной торговли. Караваны, ходившие из Китая на Запад, принадлежали в основном евреям. А торговля с Китаем в 8 – 9 вв. была самым выгодным занятием. Династия Тан, стремясь пополнить пустеющую из-за содержания большой армии казну, разрешила вывозить из страны шёлк. За шёлком и шли еврейские караваны в Китай. Затем они пересекали реку Яик и выходили к Волге. Здесь усталых путников ждал отдых, обильная пища и развлечения.Прекрасная волжская рыба и фрукты, молокои вино, музыканты и красавицы услаждали караванщиков.И у заправлявших экономикой Поволжья еврейских торговцев скапливались сокровища, шелка, рабы. Потом караваны уходили дальше, попадая в Западную Европу: Баварию, Лангедок, Прованс, и, перевалив через Пиренеи, оканчивали долгий путь у мусульманских султанов Кордовы и Андалузии…».

Контроль караванных путей, проходящих через Хазарию, позволил иудеям практически создать торговую монополию. Иудеи стали контролировать закупочные цены и цены для продажи привозимых и закупаемых товаров. Естественно, закупочные цены были минимальными, а цены продаваемых ими товаров максимальными. В результате, иудеи получали сверхприбыли за счет ограбления и производителей, и покупателей, которые были вынуждены принимать их условия. В руках иудеев торговля превратилась в паразитическое занятие. Кроме того, двигаясь со своими товарами из страны в страну, иудейские торговцы создавали в этих странах свои базы, которые становились их будущими площадками для экономического, а со временем, и политического порабощения этих стран. Через эти торговые базы иудеи просачивались в социально-экономические системы империй и государств.Иудейская Хазария превратилась в «раковую опухоль» на теле земной цивилизации, и стала очень быстро «расти», распространяя свои «метастазы» – фактории и торговые поселения практически в каждой стране Европы и Азии. В этих факториях действовали иудейские законы, а не законы стран, где они находились. Фактически, это были государства в государствах, через которые иудеи всё активнее вмешивались в социально-экономическую

жизнь других стран. Хазарский каганат стал и на пути молодой русской державы.

Вот что рассказывает об этих событиях митрополит Санкт–Петербуржскийи Ладожский Иоан в своей книге «Русская симфония»: «К средине X века киевский князь стал вассалом (зависимым человеком) иудейского царя Хазарии. Произошло это после карательного похода «достопочтимого Песаха – еврейского полководца, который воглаве наемной армии отбросил руссов от берегов Азовского моря, опустошил страну и осадил Киев.(Интересно, что в русской историографии этот эпизод ранней истории Руси Киевской замалчивается Соловьевым, Карамзиным, Костомаровым, Рыбаковым и многими другими маститыми историками – исследователями древнерусскогосредневековья.) Около 940 года от киевского князя отпало Днепровское левобережье, земли тиверцев и угличей в низовьях Днестра и Дуная, попали в руки печенегов, кривичи создали свое независимое Полоцкое княжество.Под мощным воздействием хазарских евреев Русь разваливалась на глазах, превращаясь в вассала иудейского каганата, вынужденого не только платить ему дань, но и воевать за его интересы, совершено чуждые славянам.Еще в самом начале IX века, власть в Хазарском каганате захватил некий влиятельный иудей Обадия. Он превратил хана из династии Ашина в марионетку и сделал талмудический иудаизм государственной религией Хазарии.С тех пор ее политика преследовала цели, происходящие из мессианических чаяний раввинов и их неутолимой ненависти к христианству.Первой заботой хазарских иудеев традиционно стала забота о богатстве.Черезтысячу лет после того, как еврейство отвергло Спасителя, иудеи-рахтониты(знающие дорогу) продолжали свято верить, что путь господства над миром (якобы обещанного им Святым Богом) один – золото.Богатство давало возможность подкупать союзников и нанимать воинов.Все это: торговое имущество, купленные союзники и воины-наемники – было брошено к достижению заветной цели: уничтожению или ослаблению ненавистного оплота Вселенского православия – Византийской империи. В 939 году по рождеству Христову войну против Византии развязал Хазарский царь Иосиф, которыйначал с того, что «низверг множество необрезанных», то есть попросту перебил христиан, живущих внутри Хазарии. Затем хазарское войско вторглось в Крым, взяло там три города «избив мужчин и женщин» и осадило Херсонес, где нашли себе убежище уцелевшие христиане.Составной частью кампании стал походна русские земли, закончившийся подчинением киевского князя Игоря. Он обещал «платить дань кровью», то есть в войне Хазарии с Византией выставить свои дружины против империи на стороне каганата. Этим, возможно и объясняются два его похода на Царьград, последовавшие один за другим в 941 и 944 годах. Подчинение Хазари сыграло роковую роль и в жизни самого Игоря. Общепризнанно, что он был убит во время сбора дани. Но остается открытым вопрос – для кого он собирал эту дань? Что заставило князя увеличить ее до размеров, вызвавших восстание древлян? Ответ прост: надо было платить Хазарии.

Когда Святослав Игоревич, занял Киевский престол, перспективы древнерусской державы были весьма мрачными. Она потеряла внутренне единство и внешнюю независимость, происками Хазарии оказалась втянута в войну с Византией, совершенно ненужную и чуждую русским интересам.

Но вернемся к Святославу.Война с Хазариеей за освобождение от вассальной зависимости, началась почти сразу после смерти князя Игоряв 945 году. В 50-хгодах X века она, то вспыхивая, то затухая, шла с переменным успехом. В 964 году Святослав совершил свой первый поход – на север, на Оку, в земли вятичей, освободив их от власти хазар и подчинив Киеву. В 965 году спустился речным путем по Волге к Итилю – главному городу Иудейской Хазарии. «И бывши брани, одоле Святослав козаром, и град их…взя», – свидетельствует летописец. Эта победа решила судьбу войны и определелила распад Хазарии. Еврейская община разбежалась.Гибель талмудистов Итиля, освободила как самих хазар, так и все окрестные народы, входившие в сферу влияния каганата. Князь благополучно вернулся домой в Киев, ибо местноенаселение Хазарии вовсе несобиралось воевать за чужие ему интересы.Вот как описал эти события русский летописец: «В год 965.Пошел Святослав на хазар.Услышав это же, хазары вышли навстречу воглаве со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и города их и Белую Вежу взял». Арабский историк Ибн-Хаукаль рассказывает об этом походе так: «Русы разрушили все это и разграбили все, что принадлежало людям иудейским, хазарским, болгарским и буртасским на реке Итиле. Русы овладели этой страной».

В самом конце10 века сын Святослава, Владимир, заключив союз с племенами гузов, вновь огнем и мечем прошел путем своего отца. Он захватил Хазарию и наложил на нее дань. Все восточные города Хазарского халифата были разорены, знаменитые сады и виноградники города Семендера были уничтожены. Итиль превращен в дымящиеся развалины. Хазария, как государство, прекратиласвое существование.Киевская Русь воспрянула в силе и славе.Зло всегда побеждается силой, а любое государство чего-нибудь стоит, если оно способно себя защитить. Наши предки об этом свято помнили, а наши современники эту истину совершенно забыли.

Первожители нашего города – кавказские аланы были современниками всех этих событий, но затерянные в глуши Подонцовья, вряд ли о них что-то знали.

САЛТОВО – МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА (650 – 969 гг.)

Салтово-маяцкаякультура –археологическая культура эпохи железного века на юге России и юго-востоке Украины.Датируется серединой 8 – началом 10веков, периодом господства в этом регионе Хазарского каганата. Такое название она получила по двум крупным археологическим памятникам – городищу близ села Верхний Салтов на левом берегу Северского Донцаи Маяцкому городищу, близи впадении в Дон реки Тихая Сосна (Воронежская область). Выделена в 1927 году Ю.В. Готье.

В узком смысле – это культура аланского, болгарского и хазарского населения лесостепной части Подонья и Подонцовья, сложившаяся в результате переселения в данный регионэтих и некоторых других народностей каганата.Она генетически связана с культурой алан Северного Кавказа. В широком смысле салтово-маяцкую культуру принято считать как

«государственную культуруХазарского каганата», определяя ее границы в рамках Подонцовья, Подонья, Приазовья, Таманьи, Восточного Крыма, Нижнего Поволжья иПрикаспийского Дагестана. Окончательное оформление концепция Салтово-маяцкой культуры, степного и лесостепного варианта,получила в работах С.А. Плетнёвой, став общепринятой в исторической науке. В настоящее время прямое тождество этой археологической культуры с Хазарией, остаётся широко используемым в научной литературе, хотя и подвергается критике со стороны некоторыхученых.Исследование памятников Верхнего Салтова началось в 1900 году местным учителем В.А. Бабенко, который на склоне одного из оврагов обнаружил древнее захоронение в катакомбе. Раскопками, проведёнными в послевоенное время, было установлено, что здесь находятся остатки древнего средневекового города. Располагался он на правом берегу Северского Донца.Его площадь составляла около 120 гектаров. Укрепления сохранились частично, остатки оборонительных стен, свидетельствующие о былой мощи древнего города, скрыты под землёй. Посредине городища проходил глубокий ров, разделяющий крепость на две части, периметр ограждался каменной стеной. Стены были укреплены с обеих сторон каменным панцирем, выложенным из плит песчаника. Вокруг городища находилось несколько неукрепленных селений. Возле северного рва городища обнаружено большое количество погребов и хозяйственных ям, однако не найдено ни одного жилища, что в очередной раз свидетельствует о факте использования городищ только в качестве убежищ во время надвигающихся опасностей. На селищах найдены фрагменты керамики, массивные рыболовные крючки, пряслица от ткацких станков, различные орудия труда.

В захоронениях чаще всего встречается обряд погребения свойственный аланскому населению: черепа в этих могильниках имеют искусственно сформированную в первые годы жизни человека продолговатую форму.Какая народность являлась носителем кремационного обряда погребения, археологи так и не выяснили, в равной степени, как и не смогли выделить чисто хазарской специфики захоронений сородичей.

Типичная модель жилой постройки Маяцкого комплекса– это прямоугольная полуземлянка, углубленная до 0,95 м, площадью от 11,7 до 18,3 кв.м. Строительная конструкция опорно-столбовая или дощато-плаховая. Коридор отсутствует. В центре постройки находится очаг. Для Верхнесалтовского комплекса характерна квадратная полуземлянка, углубленная в материковое основание на 1,4 м, площадью около 16 кв.м. Очаг расположен в центре или у стены жилища.В степном Подонцовье преобладают жилища квадратной формы (около 40 %), в лесостепном варианте – прямоугольной формы (около 63 %). Средняя площадь жилищ степного Подонцовья около 22 кв.м, в лесостепном варианте – около 14 кв.м. Очаги и печи встречаются в постройках обоих вариантов. Специальные печи для выпечки хлеба больше характерны для степных жилищ. В степном Подонцовье, по данным Л.И. Красильниковой, выявлена печь, встречающаяся практически в каждой третьей постройке. Таким образом, можно сделать вывод о наличии не только общих черт, но и видимых различий в домостроительной традиции населения степного и лесостепного вариантов салтово-маяцкой культуры.

Жители Хазарского каганата были не только кочевниками; найдено более сотни поселений с обширными следами земледельческого хозяйства. Археологические находки включают в себя такие сооруженияkак жилые дома, загоны для скота, сараевидные постройки и другие надворные здания хозяйственного предназначения.В каганате возводились и укрепленные города-крепости, такие как Саркел, Итиль, построенные из камня и обожженного кирпича. Кроме земледелия, население Хазарии занималось рыболовством, скотоводством и металлургией. Также в каганате было развито гончарное производство.Некоторые ученые считают, что у хазарского населения был свой алфавит,мотивируя это находками рунических граффити на кости и камне.Эти короткие записи пока не дешифрованы.

Духовная культура народов Хазарии довольно разнообразна.Поэтому, мнения историков иногда разнополярны в выводах, основывающихся исключительнона археологическом подъемном материале.Письменные источники, которые могли бы донести до нас подтверждение выдвигаемых версий или же оказать помощь в их опровержении, полностью отсутствуют.Найденные в ходе раскопок редкие символы и амулеты, дают возможность примерно определить мифологию и верования населения салтово-маяцкого времени. Ониотражаютразность религиозных взглядов разноэтнического населения Хазарского каганата.Отмечается такие традиционные формы древнейшихрелигий,как тотемизм, культ предков,промысловые и аграрные культы, шаманизм.

На территории Подонцовья археологами обнаружено много памятников Салтово – маяцкой культуры. В городе Чугуеве зафиксированытри селища и одно городище, относящееся к этому историческому периоду.У села Новопокровки Чугуевского района Харьковской области И.Ф. Левицкий, а затем Ю.В. Кухаренко вскрыли ряд погребений с обрядом трупосожжения и с инвентарем салтовского типа. Могильник этот находится рядом с селищем и Кабановским (Старопокровским) городищем салтовской культуры, да и в самих погребениях найдена керамика салтовского типа. Обнаруженый комплекс вещей, найденных еще в 1891 г. у села Тополи Двуречанского района, Харьковской области, датируется первой половиной 8-го века.

В нижнем течении р. Оскола, у села Пески Радьковские, во время раскопок в 1956 г. найдено салтовское селище. В урочище Пшеничновка, у села Залимана, Савинского района, Харьковской области, Н.В. Сибилев открыл бескурганный могильник с ямными погребениями в гробах. Территория правобережья Северского Донца не входила в состав собственно Хазарии, а местное аланское и болгарское население, судя по исследованным могильникам, локально проживалов этой местности. К этим поселениям относится и Чугуевское городище.Большинство хазарского населения занимало земли по правому берегу Нижней Волги, южнее современного Волгограда.Может быть именно по этой причине археологи до сих пор не могут выделить собственно хазарских древностей, которыесущественно отличались бы от памятников материальной культуры населения Днепро – Донецкого междуречья.

Общую характеристику лесостепного варианта Салтовско-маяцкой культуры дает С.А.Плетнева: «Этот регион занимал территорию верховий Донца, Оскола и Дона.Для него типичны группы, вернее гнезда, больших

поселений, сосредоточенных вокруг городищ.Последние представляют собой крепости на высоких пребрежных мысах. Как правило, они сооружались на местах древних скифских городищ.При этом их строители максимально использовали все прежние укрепления – подчищали и подновляли их. Высокие скифские валы еще досыпались, а на гребне сооружались белокаменные стены, сложенные без фундамента и без раствора из рваного мелкого камня в виде двух щитов и засыпки из щебня между ними. Толщина стен достигала 6 метров. Жилища на поселениях – полуземлянки с открытыми «тарелкообразными» очагами и изредка печами(глинобитными или каменками). Попадаются на них и остатки юртообразных круглых жилищ с очагами в центе пола. Каждое поселение сопровождается одним или несколькими могильниками. Подавляющим типом погребений на них являются катакомбные захоронения. Катакомбы состоят из двух частей: дромоса (передней части погребения, куда складывались вещи умерших, и предназначенные покойникам жертвоприношения) и погребальной полусферической или юртообразной камеры. Величина их зависит от количества погребенных людей. Мужчин и мальчиков хоронили вытянуто на спине, а женщин – скорчено на боку. Захоронения в камерах были одиночные, парные и семейно – групповые. Вместе с покойником в камеры помещалось большое количество личных вещей и орудий умерших, сосуды с питьем и пищей. В дормосах же хоронили убитых лошадей, коз, собак… Этот вариант оставлен аланскими племенами».

Комментируя этот рассказ археолога, следует отметить два важных момента. Первый касается строительства городищ: «…Как правило они сооружались на местах древних скифских городищ…». Второй – определения этнической принадлежности населения, которое во время существования Хазарского каганата обитало в бассейне Северского Донца –«Этот вариант оставлен аланскими племенами». Суммируя вышесказанное С.А.Плетневой, можно сделать следующий вывод – в раннем средневековье на территории современной Чугуевщины жили мигрировавшие сюда в 725 году кавказские аланы, которые скорее всего, тоже обживали не пустой мыс, возвышающийся на правом берегу Донца, а достраивали ранее сооруженную на нем крепость скифских времен. Это всего лишь версия, но ее невозможно опровергнуть, так же, как и доказать ее подлинность.Но с учетом мнения археолога, что осваивающее донцовское побережье аланское население использовало ранее созданные другими народами укрепления оборонительного характера и, принимая во внимание то обстоятельство, что мыс («чугуевская гора»), сообразно своим природным фортификационным свойствам не мог к началу 8 века нашей эры оставаться не задействованным в стратегических целях, склоняет автора к мысли, что древнее укрепление на месте теперешнего Чугуевасуществовало еще до прихода аланских беженцев из Северного Кавказа.

Что касается хозяйства населеня Салтово-маяцкой культуры, то о нем можно судить исключительно по тем вещественным остаткам, которое оно после себя оставило в 7 – 10 веках в культурном слое почвы в зоневерхнего течения Северского Донца. Археологам удалось отследить этот вопрос в результате раскопок, расположенных в бассейне реки археологических комплексов Старый Салтов, Маяки, Сидорово, Богородичесное, Сухая Гомольша и ряде других.

Старосалтовское городище, расположенное в Волчанском районе Харьковской области, было зафиксировано Д.И.Багалием.Оно занимает вершину горы, находящейся на расстоянии 1 км на юг от Старого Салтова. Наибольшая длина памятника составляет 120м, ширина – 70, общая площадь 5580кв.м. Культурный слой на городище отсутствует. (Кстати, как и на Чугуевском). Ширина стен достигала 6м, ширина бермы – пространства между рвом и стеной, – 7м. У самого подножья городища со стороны Печенежского водохранилища расположено селище, растянувшееся на три километра вдоль береговой линии Северского Донца. Севернее, на территории отделения «Сельхозтехники», был могильник. Обнаруженный инвентарь позволяет датировать могильник второй половиной 8 века. Из редкостных находок – обтянутая золотой фольгой бронзовая монета византийского императора Константина – (741 – 775 гг.н.э.)

Важным памятником салтовской культуры в бассейне Северского Донца является Сухогомольшанский археологический комплекс (Змиевской район Харьковской области), состоящий из городища с каменными стенами, селища и могильника. Местонахождение этого городища и сведения о его укреплениях, отмечены в «Книге Большому Чертежу»: «А ниже Змиева городища речка Комолша, а на Комолше – городище каменное, от Змиева верст з 10, лесом подле Донца. Оно расположено на мысу высотой около 30м. Стены городища просуществовали до 1875 года, а затем были разобраны местным населением на хозяйственные нужды. Городище занимает узкий мыс длиной 312м. Его площадь равна 2га, наименшая ширина – 45м, наибольшая – 82м. С напольной сторны находится глубокий вал и земляной ров, которые были сооружены еще в скифскую эпоху, но использовались и в средневековье. Ширина стен достигала 4,5м. Внутренность стен заполнена щебнем, глиной и землей. Ров был глубиной 2,2м, а шириной –1,75м. Вторая внутренняя линия обороны также состояла из каменной стены и выкопанного перед ней рва. Селище возле городища имеет площадь около 30га. Толщина культурного слоя здесь равна 60–100см. Общая площадь Сухогомольшанского городища равна 5836 кв.м. На могильнике выявлено 320 грунтовых погребений с обрядом захоронения – трупосожжения. Пепел помещали в урны, в качестве которых использовалась обычная керамическая посуда. Урны закапывали в ямах, длина которых равнялась 136 см, ширина –114см, глубина – 77 см. В одной из погребальных ям обнаружен комплекс вещей, накрытых бронзовым клепаным котлом: 2 стремени, 2 наконечника копья, 2 кресала для добывания огня, тесло – мотыжка, боевой топорик, складной серп и 9 ножей. На всех предметах видно действие погребального костра».

В 1977 году у села Пятницкое Чугуевского района (ныне Печенежского) Харьковской области на левом песчаном берегу реки Большая Бабка(правый приток Северского Донца), во время строительных работ обнаружили комплекс вещей, состоящий из согнутой пополам сабли, наконечника копья, удил, стремян, бронзового поясного набора, тесла– мотыжки, складного серпа. Рядом с ним зафиксировано еще пять погребений с обрядом трупосожжения. Интересные находки выявлены в поселке Кочеток Чугуевского района Харьковской области. Здесь в 1972и 1978 гг. были обнаружены средневековой палаш и снаряжение конного воина: боевой топор, наконечник копья, 13

наконечников стрел, удила, украшения для колчана, обломки средневековой амфоры.

Археологический комлекс у села Маяки Славянского района Донецкой области занимает площадь около 70га и состоит из городища, двух селищ и четырехмогильников. Само городище занимает 17,78 га. Схема укреплений, тип погребений и перечень подъемного материала, в основном, аналогична Салтовскому городищу.

На основании результатов археологических раскопок 28 укрепленных пунктов, 80 могильников и более 70 селищ салтовского периода, можно судить о материальной культуре производства населения салтовского периода существования, в том числе и на территории «чугуевского» Придонцовья. Основными занятиями жителей этого региона были земледелие, скотоводство, рыбная ловля, охота и ремесло. В лесостепной зоне поймы Северского Донца оседлое население было сгруппировано по руслу реки и на побережье многочисленных его притоков: здесь и вода, и выпасы, и сенокосы, и рыба, и птица,и материал для сооружения жилищ, и возможность передвижения с помощью плавательных средств. О стойловом содержании скота и зимней прикормке животных заранее заготовленными кормами, свидетельствуют места их постоянного нахождения. «Чугуевские салтовцы» в 7 – 10 вв. разводили коров, лошадей, коз, овец, свиней и водоплавающую птицу. Как тягловую силу они широко использовали быков, для верховой езды – лошадей. Суммарно, судя по обнаруженным костным останкам, последние составляли 30 – 35 % всего поголовья домашних животных. За ними следуют овцы и козы,крупный рогатый скот и свиньи. Судя по обилию встречающихся элементов конской упряжи(удила, стремена, седла), лошади служили еще и для перемещения колесного транспорта.Для стреноживания животных применялись железные и ременные пута из кожи. Большое количество обнаруженных пружинных ножниц и ботал (что-то в виде колокольчиков) свидетельствует о широком распространении овцеводства. Большая роль в пастушестве принадлежала собакам. У населения салтовской культуры она считалась ритуальным животным в честь которых приносились жертвы, которых хоронили в отдельных погребениях, рядом с могильниками собак. Исходя из рисунков на камнях, обнаруженных на Маяцком городище, в качестве вьючного животного салтовское население использовало и верблюдов. Как они туда попадали – остается загадкой.Убедительным подтверждением существования развитого скотоводства и стойлового содержания скота, являются многочисленные находки кос различных модификаций, а также наковаленок, молотков и точильных брусков. Последние были изготовлены из дерева, в которое втирался речной кварцевый песок.Землю салтовцы обрабатовали железным плугом, чересламиі ралом с железным наконечником.После вспашки почву обрабатывали орудиями другого типа – теслами, проушными мотыгами, заступами и топорами.Основной тягловой силой при вспашке были волы. Цикл сельскохозяйственных работ, связанных с обработкой земли, салтовцы заканчивали боронованием деревянными боронами с железными или деревяными зубьями, которыми разрыхляли почвенный слой.Главными земледельческими культурами у салтовского населения были карликовая пшеница, ячмень, просо и рожь. Самой распространенной выращиваемой культурой был ячмень, который широко культивировали когда-то еще оседлые

племена скифов.Кроме земледелия, население Хазарского каганата занималось еще и огородничеством, бахчеводством и виноградарством, сеяли коноплю. Обрабатываемые земли эксплуатировались несколько лет, затем забрасывались для возобновления их плодородия. Основным орудием для уборки урожая служил серп и коса. При уборке пучки пшеницы, ячменя, проса, ржи связывались в снопы. Молотьба осуществлялась различными способами: палками, цепами, ногами животных, доской – мялкой или ударами колосьев по твердому предмету.Зерно хранили в керамических сосудах, плетеных изделиях или в специально выкопанных в грунте земляных ямах цилиндрической формы, которые или обжигались, или обмазывались глиной.Переработка зерна на муку и крупу осуществлялась при помощи ручных жернов, рабочие детели которых были изготовлены из таких пород камня, как ракушечник, песчаник и кварцит, которые часто встречались в бассейне Северского Донца.

Имеющиеся архиологическиематериалы свидетельствуют о существовании у населения Салтовской культуры Подонья и Подонцовья различных промыслов. Одни из них были связаны с присваиванием готовых продуктов природы, а другие с необходимостью обработки металлов,шерсти, кожи, растительно – волокнистого сырья и камня. Широко распространенным занятием была рыбная ловля таких пресноводных рыб как карп, карась, щука, сом, судак, лещ, линь, красноперка, язь, сазан, синец, вырезуб, плотва, окунь и др. Гораздо позже, в документах 17 века, где обозначались места рыбных промыслов на Северском Донце, указывалось 124 вида рыб.Население Хазарского каганата использовало рыбу в пищу, в том числе и как приправу к пшеничным мучным изделиям. Вторичный рыбный продукт – клей шел на продажу соседствующим с Подонцовьем племенам. Рыбу «салтовцы» ловили при помощи разнообразных крючков, блесен, сетей, неводов,острог и гарпунов, остатки которых обнаружены во многих селищах бассейна Северского Донца.Широко распространенным занятием жителей Подонцовья была охота. Об этом свидетельствуют обнаруженные кости таких диких животных как свиньи, олени, лоси, тарпаны (дикие лошади), лисицы, зайца, козы, бобра и др. Из птицы – утки, гуся, дрофы, тетерева, лебедя, фазана.При изобилии дикого зверя и удачной охоте брали только шкуры и филейную часть мяса крупных животных. Для охоты использовался лук со стрелами, аркан, копье, проушный топор с удлиненной ручкой. Ловчие птицы– сокол, беркути орел. Охота была индивидуальная и облавная, длившаяся несколько суток.Основываясь на археологическом материале, ученые определили ряд занятий местного населения Подонцовья, связанных с переработкой продуктов растениеводства и животноводства. Оно занималось обработкой металла, кож, дерева, камня, кости, глины, изготовлением одежды и обуви, ремней, седел, сбруи, охотничьего инвентаря,емкостей для хранения жидкостей, сумок, керамической посуды, мешков, прядильных веретен и пряслиц, приспособлений для получения войлока, мехов для металлургических печей и кузнечных горнов, сельхозинвентаря, колесного транспорта и т.д. Население использовало при этом такие технологические приемы как пиление, долбление, сверление, строгание, шлифование ипр. У него имелась и собственная металлургия. Об этомсвидетельствует хорошо сохранившийся старосалтовский горн, обнаруженный в 1968 году на левом берегу Печенежского водохранилища. Вот как его описывает В.К. Михеев в своей монографии «Подонье в составе

Хазарского каганата»: «Нижняя часть горна, овальная в плане, имеет небольшие размеры – 2,65 х 51,0 см. Здесь есть сопло с остатками круглого налепа и отверстие для выпуска шлака. Средняя часть, постепенно сужаясь, переходит в плечо, а затем в овальную (23,0 х 30,0 см) трубообразную вертикальную горловину, высотой 26,0 см. с отверствиемдиаметром 1,0-1,5 см.Низ заполнен толстым слоем железного шлака. Общая высота горна равна 95,0 – 98,0 см.» Остатки подобного рода плавильных печей были найденных на территории Харьковской области – на Салтовском городище,Старосалтовском селище, Волчанском городище, у села Верхний Бишкин и в Новопокровке Чугуевского района. Металлообробка производилась в кузнице. Салтовские мастера кузнечного дела изготавливали боевое оружие – сабли, боевые гири,ножи,наконечники стрел, копий, гарпунов, весь охотничий, рыболовный, гужевой металлический,сельскохозяйственный, ремесленный инвентарь, бытовую посуду, вплоть до тонкостенных котлов. Сырьем для их изготовления служило не только железо, но и цветные металлы – олово, свинец, бронза и медь.Самым распространенным получения готовой продукции из них, было литье по заранее изготовленным литейным формам из глины и камня.Для повышения качества изделий, рабочие части орудий труда и оружия подвергались закалке.

В сфере общественно – политического развития салтовское население, включая и чугуевских алан, находилось на уровне разложения общинных отношений, когда кровнородственные связи уступали место территориальным интересам громад, а семьи становились самостоятельными хозяйственными единицами. Весьма заметным стало общественное разделение труда, укрепление частной собственности, развитие внутренней и внешней торговли, социальное расслоение населения.

Гибель Хазарского каганата привела к гибели и Салтово-маяцкой культуры. Ее концом считается печенежское вторжение в Подонье и Подонцовье в конце 9 века.Окончательно ее уничтожили чуть позже торки и половцы. И только затерянные в лесной глуши отдельные алано – болгарские поселения, вроде города Чугуева, продолжали оставаться ее носителями до начала 12 века.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

В то время, когда в степной части Днепро – Донецкой степи, всвязи с гибелью Хазарского каганата, на многие столетия прекратилась оседлая жизнь, на северных от Подонцовья землях стало набирать силы государство восточных славян – Киевская Русь, возникшее в 9 веке в результате объединения ряда восточнославянских и финно-угорских племён под властью князей династии Рюриковичей.

Самое первое упоминание слова «Русь» зафиксировано под 839 годом в финикийской хронике епископа Пруденция «Бертинские анналы», в которой говорится о присутсивви каких-то «росив» в составе посольства византийского императора Феофила к императору франков Ингельгейм. (К слову будет сказано, что город Чугуев был основан кавказскими аланами в 725 году, на 114 лет раньше этой даты.) Самое первое упоминание о Руси в арабской литературе

принадлежит ученому 9 века Аль-Хорезми, который в 847 году в своей работе «Книги картин земли» упоминает реку Друс (Днепр),которая берет начало с «Руськой горы». В византийских источниках первое упоминание о «росах» относится к 860 г. – именно в этот год они атаковали столицу Восточной Римской империи – Константинополь.Важным геополитическим фактором образования, существования и укрепления Киевской Руси, явилось завершение этногенезиса славянских племен, угроза внешней опасности со сторны соседствующих народностей, складывания внутри славянской этнической общности общественно-политических предпосылок государственной самоорганизации. Уже к концу 9 века Киевская Русь объединяла большую половину всех славянских княжеств:Киевское, Галицкое,Волынское, Полоцкое, Турово-Пинское, Смоленское, Новгородское, Ростово-Суздальское, Переяславское, Северское, Муромо-Рязанское, Тмутараканское, Черниговское.

Древнерусские летописи описывают историю восточных славян только современи, когда они начали расселяться на большом просторе Восточной Европы,создавая союзы племен. Этот процесс начался в конце 5 и в целом закончилсяв 8-9 веках. Восточнославянские союзы племен представляли собойэтнические сообщества, которые с одной стороны имели определенныелокальные особенности, с другой – были связаны между собой общностью территории, языка, религии, быта и совместного противостояния вражескому окружению соседствующих народов.Возникшие еще при родоплеменном строе большие и маленькие союзы племен приразвитии восточнославянского общества, постепенно перерастали в образованияболее высокого социально-политическогоуровня – племенные княжества. Ихсоздание обусловлено возникновением частной собственности и связанным с нейимущественным и социальным расслоением общества. Эти княжества былитеми общественно-политическими объединениями, которыезаложилифундаментвосточнославянской государственности. Летописи свидетельствуют, что первыми русскими князьями стали братья Рюрик, Синеус и Трувор, правившие соответственно в Новгороде, Белоозере и в Изборске.862 год по Рождеству Христову принято считать годом рождения русской государственности. Решающий шаг на пути ее становления был сделан в конце 9 века, когда Олег(882 – 912)захватил Киев и провозгласил его стольным градом Киевской Руси.

Киевская Русь 9 – 10 веков еще не знала классового устройства. Поэтомувосточнославянская государственность родилась в обществе, котороеоставалось родоплеменным. Власть в государстве не только отделилась отмассы народа (один из основных признаков государственности), но и приобрела индивидуальный характер, сталанаследоваться.Во времена переполненного событиями княжения Святослава (945 – 972),Древнерусское государство было поставлено на грань выживания. На земли и души славян открыто претендовала Хазария. На Западе процесс объединения Германии под эгидой саксонсой династии, делал ее источником мощной военной и духовной агрессии против славянскогонаселения Эльбы, Поморья и Вислы. Киевскому князю Святославу удалось ликвидировать все эти угрозы.

Годы княжения Владимира (978 – 1015) в Киеве, называют богатырской вехой в историиКиевской Руси. Тогда успешно и быстро возводилось величественное строениегосударства, творилась яркая и самобытная культура его народа. Владимирвзял под свою твердую руку еще недостаточно консолидированное государство. Власть племенных вождей и князей на местах, в отдалениот центра, была почти безграничной. Они неохотно исполняли приказы князя изабирали много дани, которая принадлежала ему. Поэтому он начал княжение стого, что посадил наместниками своих дружинников во многих городах Русскойземли. Дальше наступил черед основательного укрепления структурыгосударства и кардинальных изменений в его территориальнойорганизации. Около 988 года Владимир провел административнуюреформу. Вождей племенных княжеств он заменилсвоими сыновьями. И этим навсегда сломал сепаратизм племеннойверхушки. Он стал первым в истории собирателем русских земель: в летописях сохранились известия только о некоторых его походах: на вятичей, на радимичей, в теперешнюю Галицию. Он собрал земли и волости, бывшие в зависимости от Киева,устранил разных «светлых и великих князей», правивших здесь и не особеннорасположенных повиноваться воле киевских князей; «приручил» непокорные племена тиверцев, возвратил земли, захваченныесоседями, и этим последним внушил должное к себе почтение. С тех пор Киевская Русь становится действительнообъединенным централизованным государством. При Владимире в целом завершился процесс установлениягосударственнойтерритории, определились ее границы, которые в целом совпадали с этническимиграницами восточнославянской этнокультурной общности. На востоке КиевскаяРусь пролегла до междуречья Оки и Волги, на западе – Днестра, Карпат,Западного Буга, Немана, Западной Двины, на севере – Чудского, Ладожского иОнежского озер, на юге – Дона, Роси и Южного Буга.

Государственная, общественная, экономическаяи культурная жизнь Древней Руси сосредоточивалась в Киеве и вокруг него.Киев высоко возносился над другими городами Руси своими размерами, внешней красочностью, многолюдием и не случайно стал «матерью городов русских».

Главной заботой Владимира первой половины его княжения на Руси было отражение набегов степных кочевников с юга – печенегов. Князь приложилмного усилий для укрепления рубежей государства. В конце X века быласоздана большая, сложная и разветвленная система валов, крепостей,укреплений городов, которая должна была защититьРусь от степных кочевников. Владимира смело можно назвать первым реформатором Руси. Кромеадминистративной реформы он провел еще и судебную реформу, сделав этимбольшой вклад в развитие древнерусского законодательства. В 988 году Великий князь Владимир крестил Русь. Мало того, он приложил максимум усилий, чтобы распространить христианство в землях своегогосударства.Задумав сблизить свое государство с Византией, украсить егоблеском византийской культуры и образованности, он, естественно, должен былстремиться приблизить, по возможности, местный быт к формам византийскойжизни. Как выдающийся политик он осознавал, какимтесным узлом свяжет его земли распространение новой религии с ее блестящейобрядностью, законченными формами, прочно организованным

духовенством и тесно связанной с церковью книжностью, просвещением и искусством.

Об этом знаменательном в истории славянских народов событии следует рассказать более подробно. До принятия христианства славяне исповеловали языческую веру, предполагающую поклонение богам, олицетворяющим собой силы природы. Языческое мировоззрение покоилось на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных и вечных начал мира. Древние славяне рассматривали мир, как арену борьбы между добрым Белобогом и злым Чернобогом, которые требовали человеческих жертв для ублажения.Характеризуя языческую веру, Митрополит Иоанн пишет: «Христианское откровение о Святой Троице язычество переиначивало по-своему, вводя в официальный пантеон богов Сварога, то есть «небесный», как «бога – отца», Дажьбога – как «бога сына» небесного Сварога и Семаргла, крылатое божество, как «бога святого духа». Пресвятой Богородице противопоставлялась Макошь – богиня плодородия. И над всем эти царил кровожадный Перун – бог грома и грозы, покровитель воинов и князей».

В исторической литературе почему-то замалчиваются причины, по которымотец Владимира,великий киевский князь Святослав, упорно не желал принимать христианство, а Владимир, долго не решался на этот шаг. Дело в том, что религиозный вопрос уже тогда был если и не главным, то весьма значимым в деле общественно-государственного сплочения населения страны. Замена язычества христианством грозила распадом Киевской Руси. Находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, христианского Востока и Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Русь, ради спасения своей целостности, долго продолжала хранить свою изначальную языческую самобытность. И это понимал Святослав. Не мог не учитывать всех этих рисков и Владимир, раб самых варварских страстей: предательское убийство брата Ярополка, публичное насилие над его женой,пленной княжной Рогнедой, участие в человеческих жертвоприношениях, наличие трех гаремом с 800 наложницами – далеко не полный перечень злодеяний будущего крестителя Руси.

По свидетельству зарубежных письменных источников, «русы» являлись жестокими дикарями. В войне с Византийской империей они отличались невиданным даже по тем временам зверством. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа, жгли дома, монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин. При строительстве каждого нового города, народные старшины, по указанию жрецов, в основание городских крепостей в виде «строительной жертвы» замуровывали живого ребенка. Столь же беспощадны были исемейные обычаи.Вместе с умершим воином на погребальном костре сжигалась и его жены(славяне признавали многоженство). Закон позволял матери убивать своих дочерей, если они считались излишними в семье. В свою очередь признавалось иправо детей на убийство своих родителей, обременяющих семейство своей долгойстаростью или болезнью. У населения Киевской Руси существовал обычай кровной мести, удовлетворявшейся лишь смертью обидчика или его потомков.

Но Всевидящий Господь сподобил великого грешника в миру языческом Великого Киевского князя Владимира, стать крестным отцом своего народа.

Единственной религией мира, которая проповедовала любовь к ближнему, была и является христианство. Первой из русских князей крестилась княгиня Ольга. Ее в 957 году крестил сам Византийский патриарх в городе Константинополе.А вот своего сына Святослава она так и не смогла привести к Кресту, хотя желала этого всей своей душой. «О дорогое мое дитя, – говорила Святославу блаженная Ольга. – Нет иного бога на небесах наверху, ни на земле, ни внизу, кроме Того, Которого познала я, Создателя всея твари и Христа, Сына Божия…Послушай меня, сынок, прими веру истинную и крестись и спасен будешь».

Введениехристианства в Киевской Руси укрепилоавторитет и власть князя, оказывало содействие развитию государства.Христианство дало значительный толчок развитию древнерусской культуры.В Киеве, а дальше везде на Руси, начали создаваться школы и мастерские понаписанию книг, благоприятствуя этим превращению полудикой страны в культурное развитое общество средневековой Европы. Христианское вероисповеданиеввело Древнерусское государство в круг христианских стран мира, сделаввозможными равноправные взаимоотношения между ним и Византией,Германией и прочими государствами.

Во времена княжения Владимира Святославовича завершается второй этапв установлении государственности на Руси. Третий, заключительный, припадаетна годы правления в Киеве его сына Ярослава, получившего прозвище Мудрый (1016-1054).Уделяя внимание внешней политике, Ярослав не забыл и о внутренних делах.Князь приложил немало усилий для основания новых городов и развитиясуществующих, прежде всего Киева. Главным храмом государства стал Софийскийсобор, построенный в 20-30 годах 11 века. Во времена княженияЯрославазакончилось строительство Древнерусского государства. Было окончательносломан местный сепаратизм, стабилизировалась государственная территория играницы, усовершенствовался государственный аппарат. С именем Ярославасвязан и расцвет древнерусской культуры, прежде всего книжности. Вобщественной жизни с именем Ярослава связана память об устройстваадминистрации и суда, законов и права. Сохранился интересный уставего имени о том, что именно имеют право требовать себе от населениякняжеские чиновники, выезжая куда-нибудь в волость. Устав этот, не в пример сегодняшним украинским властям, должен был ограждать население от излишних поборов княжьих чиновников.

Имя Ярослава носит и сборник древнейших законов под названием «Русская Правда».Ярослав Мудрый умер 20 февраля 1054 года в возрасте 76 лет и был погребен вмраморном саркофаге в Софийском соборе. Его останки сохранились до нашихдней. При Ярославе Владимировиче Киевская Русь достигла зенита своегорасцвета и могущества, став в один ряд с западноевропейскими странамисредневекового мира.

Владимир Всеволодич Мономах (1113- 1125)сделал вклад в древнерусскую историю нетолько громкими победами над половецкими ханами. Защита родной земли отврагов всегда считалась на Руси наивысшей добродетелью правителя. Громкимипобедами над кочевниками, Мономах заслужил славу и популярность у народа.Он был сильным и мудрым правителем: восстановил единовластнуюмонархию времен Ярослава Мудрого, прекратил междукняжеские усобицы, внес большой вклад в укрепление

централизации Киевской Руси, разгромил половецких ханов, способствовал общественно-экономическому развитию Киевской Руси. При нем интенсивно развивалось сельское хозяйство иремесленное производство, оживилась торговля, основывались новые города иразвивались старые. Вырос авторитет Руси в средневековом мире.

ЕдинствоДревнерусского государства поддерживал сын и приемник Владимира на киевскомпрестоле Мстислав (1125-1132). Он сдерживал княжеские раздоры и делал все дляконсолидации государства. Мстислав объединил силы южнорусских князей исовершил несколько удачных походов на половцев, прогнав их за Дон и Волгу.

Но Мстислав Великий уже с трудом поддерживал, созданную его отцом и дедом древнерусскую централизованную монархию. Его наследники, удельные местные князья в результате междоусобных войн внутри государства ослабили Киевскую Русь, чем и воспользовались в 1237 - 1241 гг. монголо-татары.

Главной причиной гибели Киевской Руси стало разделение государства на полторадесятка княжеств, правители которых, по крайней мере, часть из них, началасоперничать с великим киевским князем, который с 40-х годов превращаетсялишь в формального главу государства.Политическое могущество и военная мощь Древнерусского государствадержалась на крепком фундаменте: развитой и богатой экономике. Земледелие искотоводство не только предоставляло возможность прокормить население страны,но и экспортировать сельхозпродукцию в соседние земли. Города, были заселены ремесленниками, изделия которых пользовались спросомна Руси и за рубежом. Опустошительные вторжения кочевников причерноморскихстепей, изнурительные, почти беспрерывные гражданские войны между князьямихотя и приносили вред, но долгое время не могли подорвать экономику Руси.

Сельское хозяйство было основой древнерусскойэкономике и показывало высокий для своего времени уровень развития. Оноопиралось на древние традиции восточных славян, которые с незапамятныхвремен были земледельцами. Основными зерновыми культурами в Киевской Русибыли рожь, просо, ячмень, пшеница и овес.

Другим важным видомсельскохозяйственной деятельности русских людей было скотоводство. Средисельских промыслов особенно развитыми были охота и рыболовство. Охота налесных и степных зверей и птиц обеспечивала население мясом. Мех был одной из главных статейдревнерусского экспорта во многие страны Европы. Значительного расширения и высокого уровня развития достигло наРуси ремесленное производство. Основной его отраслью была металлургия,которая вместе с земледелием заложила фундамент хозяйственного прогрессаДревнерусского государства. Высокого уровня мастерства достиглирусские ювелиры, оружейники, кузнецы, плотники. Изделиярусских мастеров не уступали зарубежным, были лучшими образцами мировогоискусства. Социально-экономическая, политическая и культурная жизньКиевской Руси сосредоточивалась в городах. Преобладающее большинство ихжителей были ремесленниками разных специальностей. Городские рынки – торги– были одновременно главными площадями, на которых бурлила жизнь.

Во второй четверти 12 века Древнерусское государство распалось на 15 самостоятельных княжеств. Хронологическим началом раздробленности считается 1132 год, когда после смерти Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, власть киевского князя перестали признавать Полоцк (1132)и Новгород (1136), а сам титул стал объектом борьбы между различными династическими и территориальными объединениями Рюриковичей.Летописец под 1134годом в связи с расколом в среде Мономаховичей записал: «разодралась вся земля Русская».

На протяжении 12 – 13 столетий часть населения южнорусских княжеств из-за постоянной угрозы, исходившей из степи, а также из-за непрекращавшихся княжеских усобиц за Киевскую землю, переселялась на север, в более спокойную Ростово-Суздальскую землю, называемую также Залесьем или Опольем. Пополнив ряды северной группы славян, переселенцы с многолюдного юга быстро составили большинство на этой земле. Именно на этот период приходится основание и быстрый рост многочисленных городов Ростово-Суздальской земли (Владимир, Москва, Переяславль-Залесский, Юрьев-Опольский, Дмитров, Звенигород, Стародуб-на-Клязьме и др.).В ходе двух крупных междоусобных войн середины 12 века Киевское княжество утратило Волынь (1154),Переяславль (1157) и Туров (1162). В 1169 году внук Владимира Мономаха, владимиро-суздальский князь Андрей Боголюбский, послал на юг войско во главе со своим сыном Мстиславом, которое захватило Киев. Впервые город был жестоко разграблен своимиже, русскими людьми, были сожжены киевские храмы, жители уводились в плен. На киевское княжение был посажен младший брат Андрея.Киев начал постепенно терять, а Владимир – приобретать политические атрибуты общерусского центра. В 12 веке кроме киевского князя титул Великого стали носить также владимирские князья, а в 13 веке соперничашие за право присвоить его себе князья галицкий, черниговский и рязанский.В 1203 году Киев был вторично разграблен смоленским князем Рюриком Ростиславичем, боровшимся против галицко-волынского князя Романа Мстиславича.Киевская Русь, как единое государство, прекратило свое существования и превратилась в арену внутреннего противостояние между представителями региональных элит. Это обессилило ее и превратило в легкую добычу татаро-монголов. В битве на реке Калке (1223), в которой участвовали практически все южнорусские князья, произошло первое столкновение Руси с ними.В ходемонгольского нашествия на Русь, начавшегося в 1237 году, в декабре 1240 года Киев был обращён в руины.Его получили во владение владимирские князья Ярослав Всеволодович, признанный монголами старейшим на Русских землях, а позднее его сын Александр Невский. Они, однако, не стали переезжать в Киев, оставшись в отчинном Владимире. В1299 году туда же перенёс свою резиденцию киевский митрополит. Титул «великих князей всея Руси» с начала 14 века стали носить владимирские князья. Дальше пошли процессы возвышения Московского княжества,централизации русских земель вокруг Москвы, захват южных и западных земель бывшей киевской земли Великим княжестом Литовским, Речью Посполитой; образование Московского государства.Но это уже другая тема для повествования.

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ПОДОНЦОВЬЕ

Этногенезис (некий временной период, в течении которого вырабатываются основополагающие признаки и свойства, характерные для определенной этнической общности) славянских племен начался еще с конца 5 века и длился несколько столетий. Это происходило на территории, которая по определению древнерусских летописцев, в своих южных границах соседствовала с лесостепной зоной Подонцовья. Еще в 30-х годах 19 века В.В. Пассек (1808 – 1842),русский историк, этнограф, писатель) обратил внимание на Донецкое городище у ст. Карачевка под Харьковом, снял его план, расчистил древний ров и нашел некоторые вещи, которые отнес к 12 веку, ко времени существования здесь древнерусского летописного города Донца.

И.И. Ляпушкин (1902 –1968) советский историк и археолог) впервые вполне определенно, на основании археологических разведок 1948 г., отметил существование на Северском Донце целой группы раннеславянских поселений роменской культуры 8 – 10 вв. Он указал на наличие роменской керамики и на упомянутом выше Донецком городище, где она встречалась во время раскопок русского археолога В.А. Городцова (1902 – 1968),но не была тогда определена как раннеславянская. К поселениям с остатками роменской культуры И.И. Ляпушкин отнес ещё городища у сел Хорошево, Мохначи и Водяное. На этих трёх городищах были зафиксированы также находки скифского времени, а на Донецком и Хорошевском городищах отмечено наличие древнерусских культурных отложений 10 – 13 вв. Раскопок в этих пунктах И.И. Ляпушкин не производил, и поэтому, хотя факт распространения роменских поселений на Донце был установлен, еще нельзя было сказать ничего конкретного о занятиях местных жителей, об устройстве жилищ, о планировке поселений, об укреплениях городищ и о многих других сторонах хозяйства, быта и культуры придонецких славян. В 1952 г. Б.А.Шрамко были вскрыты остатки раннеславянской роменской полуземлянки на городище у с. Водяного.

В 1953 г. обнаружены ясно выраженные отложения Роменской культуры с остатками полуземляночных жилищ и хозяйственных помещений на городище у Коробовых Хуторов и на селище, расположенном на первой террасе правого берега Донца напротив Задонецких хуторов. Рядом с последним зафиксировано городище Гайдары со следами древнерусского поселения 10 – 13 вв. Одновременно древнерусская керамика найдена на селище Кузьма около села Черкасского Бишкиня. В 1953 и в 1954 гг. Б.А. Шрамко, совместно с С. А. Плетневой, производили раскопки на городище у села Мохначей, где были обнаружены поврежденные поздним кладбищем остатки поселения роменской культуры. В 1958 г. новое городище с отложениями роменской культуры было обнаружено у села Большого Городища на левом берегу р. Корочи (правый приток р. Нежеголь, которая в свою очередь впадает в Северский Донец западнее Шебекино).

В настоящее время можно считать установленным, что южная граница основного массива славянских поселений на Донце в 8 – 13 вв. проходила немного ниже современного города Змиева, примерно у впадения в Донец речки Бишкинь, не выходя за пределы лесостепи. Эти земли начинали заселяться северянами еще в раннеславянскую эпоху, не позднее 8 в. В 884 г.,

как известно, киевский князь Олег подчинил своей власти северян, и их территория вошла в состав Древнерусского государства. При этом, как указывает летопись, Олег «возложил на них легкую дань и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их и вам им платить незачем». В заселении берегов Северского Донца принимали участие, по-видимому, не только северяне, но и вятичи. Об этом свидетельствует найденныйН.В. Сибилевым на Донце обломок серебряного семилопастного височного кольца, которое очень характерно для уборов вятических женщин.На Донецком городище в 1958 г. найдены также медные решетчатые четырехпунктирные и шестипунктирные перстни. Перстни такого типа распространены только в вятической земле.Ниже по течению, в степной части бассейна Северского Донца, в эпоху раннего средневековья, как и в более древние времена, господствовали кочевые и полукочевые племена.Господство кочевников в степях не исключало того, что отдельные группы славянского населения довольно рано начали проникать далеко на юг, в том числе и на Нижний Дон.

ГОРОД ДОНЕЦ

В лесостепной части бассейна Северского Донца лучше всего исследовано славянское поселение на Донецком городище, расположенное на правом берегу р. Уды, на окраине города Харькова (недалеко от станции Карачевка). Здесь вэпоху Киевской Руси существовал древнерусский город Донец.Донецкое городище – это многослойный памятник, имеющий отложения различных культур. Вот что говорит на этот счет Б.А.Шрамко: «В нижних слоях городища в небольшом количестве встречаются обломки керамики, кремневые ножи, кремневые наконечники стрел, обломки шлифованных каменных топоров и другие находки бронзового века. Несколько более многочисленные остатки, относящиеся к скифскому времени. Именно в этот период на естественно хорошо защищенном мысу были сооружены первые укрепления. Судя по ряду признаков, городище скифского времени состояло из так называемого главного двора и предградья. Территория скифского городища включала в себя и детинец и часть посада более позднего древнерусского города. В пользу этого говорят не только находки скифской керамики как на теперешнем городище, но и характерный строительный прием. Как мы уже знаем, городища скифского времени в бассейне Северского Донца укреплялись одним или несколькими валами и рвами с напольной стороны.Из вещественных остатков в слое скифского времени найдены обломки глиняной посуды, глиняные пряслица, железный нож со слегка изогнутой спинкой, обломок железного псалия и пр. Обломки греческих амфор позволяют датировать это поселение концом 6 в. – началом 5 в. до н. э.».

В этой связи невольно напрашивается умозаключение следующего характера: Донецкое городище как по территории, так и по своим фортификационным характеристикам, существенно уступает Чугуевскому. По этой причине оно и не стало эпицентром массовой концентрации населения, а город Харьков возник на более подходящем в этом смысле, расположенном на удалении всего в нескольких километров от него Харьковском городище. Следовательно, соседствующее с Донецким, Чугуевское городище, если бы его

«основательно перекопать», далобы примерно такие же результатыв в плане его античной истории, как и Донецкое. Их территориальная близость не вызывает в этом никакого сомнения. И если на Донецком Б.А.Шрамко прослеживает присутствие человека, начиная с бронзового века и заканчивая славянским присутствием, то вероятней всего, такая же картина открылась бы и на Чугуевском. Но в отличие от пустующего ныне Донецкого, Чугуевское занято сплошной застройкой.

Местное славянское населениеЧугуевского городища, несомненно, поддерживало торговые связи с восточными купцами, которых в 10 в., по свидетельству арабских и персидских авторов, очень интересовал славянский хлеб и лен. Эти товары вывозили на Кавказ, в Среднюю Азию и в Иран. По свидетельству Ал-Истархи, в первой половине 10 в. город Дербент в Закавказье был известен как крупный центр торговли полотном, изготовлявшимся из привозного русского льна. В обмен на хлеб, лен, а также кожи, меха, мед, воск и другие продукты местного производства жители донецких славянских поселений получали от восточных купцов украшения в виде бус из стекла и сердолика, серебряные монеты-диргемы, которые также переделывались в украшения. В амфорах с юга привозили, очевидно, вино или растительное масло.

О том, что торговля с восточными странами велась очень интенсивно, свидетельствует накопление у местных жителей иногда огромного количества монетного серебра. В 1930 г. у с. Безлюдовки под Харьковом был найден клад начала X века, содержавших около 1100 серебряных монет. В составе клада было несколько подлинных восточных монет.

Известно, что у древних славян до принятия христианства был распространен обычай сжигать труп покойника. Арабский писатель Ибн-Фадлан еще в 10 веке обстоятельно описал похороны знатного руса по обряду трупосожжения, которые он сам наблюдал. Древнерусский летописец, автор «Повести временных лет», также рассказывает о языческом обряде погребения у славян, при котором покойника сжигали, а остатки трупосожжения складывали в глиняный сосуд и помещали «на столпе на путех», т. е. на возвышенности у дорог.

Необходимость более детально рассказать о городе Донце обусловлена тем, что он существал одновременно с аланским городом Чугуевым. Эти два города, находившееся на границе лесостепного порубежья и принадлежащих к различным этническим группам населения– аланам и славянам, разделяло между собой всего 40 километров – менее суток конного пути.Время возникновения города Донца достоверно не известно. Но ученые считают, что он был построен непозже конца 8 века.

Территориально городище расположено в Октябрьском районе города Харькова у самого Карачевского шоссе, которое почти переходит в улицу Харьковскую поселка Покотиловки.Свою известность этот археологический памятник получил благодаря упоминанию в Ипатьевской летописи (1185 г.) как древнерусский пограничный город Донец, куда бежал из половецкого плена Новгород-Северский князь Игорь Святославич летом 1185 либо 1186 года.Это предположение впервые высказал Н.М.Карамзинеще в 19 веке.

Расположение этого городища было хорошо известно с древности. «Книга Большому Чертежу» – один из первых письменных источников по истории нашего края, указывает точное его расположение.

Некоторые обнаруженнные в ходе раскопок находки, относятся еще к эпохе раннего железного века. О чем это говорит: мало-мальски рельефно приспособленные к устройству защитных сооружений места, были использованы людьми еще в глубокой древности. В5 – 4 вв. до н. э.впервые возникает угроза нападения кочевников на оседлое земледельческое население лесостепи.Поэтому, на территории Донецкого городища сооружается первое укрепление. По мнению исследователей, в это время здесь могли обитать племена меланхленов. Основой их хозяйства было пашенное земледелие. Скифское городище просуществовало с конца 6 по 4 век до н. э. Следов его насильственного разрушения не зафиксировано.

Периодами расцвета как одного, так и другого, можно назвать славяно – древнерусский период. Именно к этому времени относится подавляющее большинство найденных на городищах артефактов:на Донецком они относятся к раннеславянской роменской культуре 8 – 10 вв, а на Чугуевском – Салтово-Маяцкой, относящейся примерно к тому же историческому периоду.

Городище у современной Покотиловки роменского времени,было намного меньше укрепления скифской эпохи и располагалось на территории детинца. Его точный размер сейчас затруднительно установить из-за постепенного разрушения склона со стороны реки. Оборонительные сооружения были представлены изгородью из горизонтальных бревен, которые были закреплены между вертикально установленными парными столбами.

Выше роменского слоя 8 – 10 вв расположен слой, характерный для древнерусского населения Киевской Руси. Важно отметить, что в 10 в. на территории города Донца произошла смена населения. Новая археологическая культура генетически не была связана с предшествующей и значительно отличается от нее. Вероятно, местное раннеславянское население роменской культуры в 8 – 10 вв. н. э. входило в состав Хазарского каганата. Как показывают археологические исследования, в середине 10 века печенеги напали на Донец, разграбили его и ушли, оставив после себя пожарище и разрушения. Этот факт отчасти дает ответ на вопрос: «Где делось роменское население и почему произошлаего смена». Ученые связывают это повторное заселение территорий городища с деятельностью князя Святослава Игоревича, который разгромив Хазарский каганат, активно проводил политику укрепления и расширения Древнерусского государства. Именно по этой причине князь выбрал хорошо расположенное стратегически старое укрепление, пустующее после нашествия печенегов, и заселил его представителями своей народности. Уже к концу 10 в. Донец был включен в состав Киевской Руси и стал одним из пограничных городов Новгород-Северского княжества. И тогда же на городище приходит новое население, культура которого сильно связана с Чернигово-Сиверской землей.

В связи с фортификационными требованиями того времени, меняется и облик городища: детинец был укреплен деревянными конструкциями. Однако, основная масса городского населения проживала на территории не укрепленного городского посада – как и было принято тогда в древнерусских

городах.И в роменское, и в древнерусское время Донец имел развитую городскую инфраструктуру.

Основу хозяйства жителей городища традиционно с раннего железного века (как уже отмечалось выше) составляло земледелие, которое дополнялось охотой и рыболовством. На территории городища в слоях древнерусского времени, в большом количестве обнаружены хозяйственные и зерновые ямы, на дне которых археологам удалось найти остатки обуглившихся зерен. Оттиск злаковых растений обнаружен и на керамических изделиях. Их изучение говорит о том, что жители города Донца выращивали мягкую и твердую пшеницу, овес, ячмень, просо, рожь, гречиху, горох, лен и мак.На городище также было найдено большое количество разнообразных сельскохозяйственных орудий труда: серпы и оковки деревянных лопат, косы-горбуши, каменные жернова для помола муки. Местные жители разводили лошадей, коров, овец, коз и свиней. А уже в слоях 10 – 13 вв. были обнаружены кости кур и домашнего гуся.

Охота и рыболовство, хотя и носили вспомогательный характер, тем не менее существенно дополняли пищевой рацион и общие доходы местного населения. На территории Донецкого городища были найдены кости лося, благородного оленя, косули, медведя, дикого кабана, зайца, бобра, волка, лисицы, белки, куницы, хорька и различных мелких грызунов. Охотились также и на водоплавающую птицу: были обнаружены кости серой утки, кряквы, широконоски, шилохвости, гоголя обыкновенного, чирка-трескунка, белоглазого нырка, чернети морской, а также глухаря, цапли и орла.

В «Слове о полку Игореве» есть очень интересное замечание о том, как князь Игорь Святославич питался во время бегства из половецкого плена:«А Игорь князь поскакал,И побежал к излучине Донца [реки Уды],и полетел соколом под облаками,избивая гусей и лебедейк завтраку, и обеду, и ужину...».

На территории Донецкого городища было обнаружено и большое количество костей и чешуи рыб: щуки, окуня, карася, плотвы, сома, осетра, леща, красноперки, линя, сазана. О том, что рыболовство было серьезным промыслом для дончан говорят находки орудий для рыбной ловли: археологами были найдены всевозможные крючки из кости и металла, острога, глиняные грузила для сетей.

Невозможно представить древнерусский город без развитого ремесла. На Донецком городище горожане занимались металло- и деревообработкой, работами по камню, гончарным и косторезным производством.Добычу железа из руды сыродутным способом производили где-то неподалеку от городища. Археологами был найден фрагмент глиняного плавильного тигеля, а также шлаки, крицы, куски железной руды наковальни небольших размеров, зубила, матрицы, бронзовые штампы для изготовления украшений, литейные формы и многое другое, что указывает на существование местного металлургического производства. Местные мастера обладали высокой квалификацией: освоили поверхностную и сквозную цементацию, кузнечную сварку, закалку и отпуск.Донец оказался в числе тех древнерусских городов, которые были полностью разрушены и сожжены татарами в 13 веке.

Слой этого последнего пожарища хорошо заметен при археологических исследованиях во всех разрезах. Деревянная крепостная стена во время пожара разрушилась, остатки недогоревших бревен упали частично на внешний склон

возвышенности, а частично внутрь детинца. Забутовка срубов, частично обожженная, рассыпалась, прикрыв те остатки деревянной конструкции, которые еще не успели сгореть.Следы разгрома крепости видны не только по слою пожарища на месте оборонительной стены, но и при раскопках остатков жилых сооружений. Во время раскопок В.А. Городцова в 1902 г. недалеко от остатков печи второго жилища были обнаружены осколки обуглившегося человеческого черепа. Остатки человеческого костяка со следами ударов каким-то острым рубящим оружием и со следами воздействия огня были найдены и в 1957 г. в верхнем слое почвы посада.Таким образом, археологические раскопки ясно показывают, что город Донец был разрушен в неравной героической борьбе с полчищами захватчиков татаро-монголов. После этого разгрома прежняя полнокровная жизнь города уже не возродилась, однако какое-то население некоторое время еще оставалось на старых пепелищах, судя по находкам здесь некоторых вещей и монет конца 13 – 14 века. В частности, в 1960 г. на посаде Донца был найден серебряный пражский грош Венцеслава III (1378–1419) (Определение сотрудника Гос. Эрмитажа В.М. Потина). Количество населения в городе после татаро-монгольского разгрома значительно уменьшилось и часть территории посада, как показывают раскопки, была в это время превращена в кладбище. Но и после того как это место совсем опустело, превратившись до конца 16 века в «дикое поле», воспоминание о существовавшем здесь древнерусском городе не изгладилось в народной памяти. Документы 16 – 17 вв., о которых упоминалось ранее, точно указывают место Донецкого городища, т. е. остатков города Донца.

Раскопки Донецкого городища и селища открывают перед нами неизвестные по письменным источникам, но яркие страницы жизни древнерусского города, который был пограничной крепостью Киевской Руси. Примерно такой же пограничной крепостью, но только Хазарского каганата, был и аланский Чугуев. И несмотря на то, что они принадлежали разным государственным образованиям, их судьбы вобрали в себя много сходного. Следы крепости скифского периода на Донецком городище сохранились благодаря тому, что оно после 13 века до наших дней оставалось пустынной местностью, а не было застроено в более поздние времена, как город Чугуев.

ПЕЧЕНЕГИ

В конце 9 в. Хазарский каганат, раздираемый внутренними противоречиями и религиозной смутой, потерял свое недавнее могущество. Зашевелились притихшие было соседние народы, один за другим стали выходить из хазарской конфедерации безропотно плативщие ранее дань кагану племена и племенные союзы.Повидимому, именно к этому времени следует относить формирование в восточноевропейских степях нового кочевнического союза – печенегов. О происхождении слова «печенег» («беченег»),существует несколько мнений. Одно из них представляется весьма вероятным: оно произведено от тюркского имени Бече – так звали, видимо, первого вождя печенежского племенного союза. Истории известно несколько аналогичных примеров именно такого происхождения этнического наименования племен– по имени первого главы правящего в союзе рода.

Как и все кочевнические объединения, печенеги были разноликим и разноязыким союзом племен: в него, помимо тюркоязычных орд, входили и другие группировки.В первые десятилетия своего существования орды печенежского союза кочевали в заволжских степях. Там началось формирование как политического объединения, так и печенежского этноса с общей для него материальной культурой.Зажатые в заволжских степях между значительно более сильными соседями – узами, кипчаками, мадьярами и Хазарским каганатом, почувствовав ослабление последнего, они ринулись к западным рубежам своих кочевий. Хазары попытались остановить движение печенежских орд, но не смогли.Путь печенегов по захваченным землям в конце 9– первом десятилетии 10 веков был отмечен пожарищами, гибелью подавляющего большинства степных и лесостепных поселений, замков и даже городов (на Таманском полуострове). Местонахождение кочевий тюркских печенегов можно с большей или меньшей долей вероятности определить в пределах Днепро-Донского междуречья. Название «тюркские» печенеги получили от наиболее страшного и опасного для них в те десятилетия соседа – гузов-тюрков. На запад от них лежали владения мадьяр-венгров и Руси. Последняя находилась севернее основного направления печенежского удара, направленного на захват степных пастбищ. Поэтому с нею печенеги столкнулись позднее. Вначале же они ударили по венграм, жившим тогда в Днестро-Днепровском степном междуречье, называемом Ателькуза. Для этого они прежде всего заключили военный союз с болгарским царем Симеоном, который, естественно, желал уничтожить такого опасного соседа, каким были венгры. Воспользовавшись тем, что основные силы венгров отправились в поход, печенеги ворвались в их страну и совершенно истребили, как пишет византийский император Константин Багрянородный, их семьи и прогнали воинов, оставленных для охраны кочевий. Вернувшиеся из похода венгры нашли свою землю «пустынной и разоренной», занятой к тому же свирепыми врагами. Убедившись, что им уже не удержаться здесь, венгры повернули на запад. Однако первым их побуждением был, видимо, захват наиболее близких от Ателькузы территорий, а именно лесостепных земель на русском пограничье. Случилось это в 898 г., о чем сохранилась краткая запись в русской летописи: «Идоша Угре мимо Киев горою... и пришедшие к Днепру, сташа вежами». Очевидно, они попытались задержаться здесь, но были встречены крайне неприветливо русскими пограничными полками и потому, не останавливаясь более и не вступая в битвы, двинулись через Карпаты в Подунавье. Там, по свидетельству летописца, они «почаша воевати» и, добившись победы, поселились на богатых землях Паннонии. Победа сделала печенег фактически единственными хозяевами приднепровских, донецких и донских степей вплоть до Волги.К середине 10 в. печенеги заняли в степях от Волги до Дуная громадные территории.

О политической географии Печенежской земли, о размещении на ней отдельных печенежских орд, или фем, обстоятельно повествует все тот же Константин Багрянородный. Характерно, что свое сочинение – поучение сыну, названное «Об управлении империей», Константин начинает с глав, характеризующих отношения печенегов с соседствующими с ними народами, которые попали в значительную зависимость от печенегов, грабящих их мирные поселения, мешающих торговле, вымогающих у них выкупы и откупы.

Особенно страдали от печенегов венгры и болгары, которые «многократно были побеждены и ограблены ими».Печенеги фактически уничтожили каганат еще до завоевательных походов киевского князя Святослава. Вот как описывает эти события С.А. Плетнева: «Они разрушили его экономику: большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья было сметено с лица земли. Население было частично уничтожено, частично вошло в кочевые подразделения печенегов. Только небольшое число их бежало на Дунай (в Дунайскую Болгарию), на Среднюю Волгу и в глухие уголки верховий Оскола, Дона и Донца, надежно защищенные от кочевых набегов лесными массивами».Хочу выделить последнюю часть цитируемого текста – «… и в глухие уголки верховий Оскола, Дона и Донца, надежно защищенных от кочевых набегов лесными массивами».Это ярко характеризует особенности Подонья и Подонцовья, как удаленныхот эпицентра бурных политических событий места – убежища, затерянные в труднодоступной лесной местности.Часть беглого болгаро-аланского населения Подонья отошла в южные районы каганата – в домен самого кагана. Заметно вырос пограничный донской городок Саркел. Именно тогда появились в городе первые славянские переселенцы – жители пограничных с каганатом славянских земель, бежавшие вместе с населением каганата от печенежского нашествия. Страшный урон претерпела торговля каганата, были нарушены его дипломатические связи. Печенеги, захватившие степи между Кубанью и Доном, отрезали Хазарию от Византийской империи. Кроме того, печенеги разрушили некоторые города на побережье и поселения в Восточном Крыму. Таким образом, все жизненно важные артерии каганата, связывавшие его с союзниками, торговыми партнерами и данниками, были перерезаны.

Государство, паразитировашее на торговле, шло к гибели, и уже к середине 10 в. оно сократилось практически до размеров личного домена кагана, расположенного примерно на территории современной Калмыкии.Печенегам хазары уже не казались сколько-нибудь опасными врагами. Очевидно, каганат даже и не пытался изгнать их со своих бывших земель. Да в этом уже не было необходимости, так как земли все равно остались бы пустыми – заселить их было некому.Ни гузы, ни каганат не тревожили печенегов. Византия была далекой и еще недоступной страной – дойти до нее было невозможно, поскольку печенеги должны были для этого пересечь Дунайскую Болгарию, оставив в тылу не только самих болгар, но и могучего, с каждым годом набирающего силу противника – Русь. Это была единственная реальная сила, способная противостоять кочевническим ордам.

Впервые русичи столкнулись с печенегами в 915 г., когда «приидоша печенези первое на Рускую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю». Очевидно, расселяясь по степи, захватывая все новые и новые степные просторы, печенеги попытались «освоить» и лесостепные области, принадлежавшие Руси. Натолкнувшись на сопротивление русских дружин, печенеги для обеспечения себе спокойного тыла, заключили мир с Русью и откочевали к границам более слабых противников: Болгарии и Венгрии.Тем не менее с Русью печенеги продолжали поддерживать самые разнообразные и оживленные отношения. Византия, обеспокоенная этим, а также возвышением Руси, постоянно стравливала печенегов с Русью, поскольку росы, по словам Константина Багрянородного, не могли ни воевать, ни торговать, если

находились не в мире с печенегами, поэтому они постоянно были озабочены тем, чтобы иметь мир с печенегами - пачинакитами. Помимо мирного договора 915 г., русский летописец отмечает еще один, и на этот раз уже военный, союз, заключенный князем Игорем с печенегами в 944 г. для совместного похода на Византию: «...совокупи воя многи варяги, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и печенегы ная... поиде на грекы в лодьях и на конех». Император Роман, услышав об этом, послал им навстречу «лучших бояр», откупился от Игоря и от печенегов, послав им «паволоки и золото». В результате Игорь счел возможным прекратить поход, однако это не избавило его от необходимости расплатиться с печенегами, пошедшими в этот поход ради возможности ограбить захваченные земли. Взамен византийских владений Игорь вынужден был разрешить печенегам «воевати Болгарскую землю». Игорь пытался нейтрализовать печенегов не только заключением миров, но и силой оружия. В 920 г. он ходил на них походом, что под этим годом зафиксировано в летописи: «воеваша на печенегы». О том, кто победил в этом походе и куда был направлен удар русских полков, неизвестно. Других сообщений о походах русичей на степняков не сохранилось. Да и вряд ли организация их была тогда возможна. Печенеги, кочуя на огромных пространствах южнорусских степей, практически были неуловимы, поскольку кочевали по ним круглый год, проводя все время в повозках и на конях.

Печенеги находились на той, так называемой, таборной стадии кочевания, которая характеризуется достаточно развитыми общественными отношениями – военной демократией. Во главе восьми фем, которые, очевидно, можно считать объединениями типа орд, стояли ханы – архонты, как называет их Константин Багрянородный, или, согласно русской летописи, князья. Орды делились на 40 частей, т. е. в каждую орду входило пять родов. Эта структура печенежского общества была прослежена этнографами и у некоторых ныне существующих народов, в частности у каракалпаков. Роды возглавлялись архонтами более низкого разряда – меньшими князьями. Роль племенных и родовых князей сводилась в условиях военной демократии к роли военачальников. Константин Багрянородный записал имена первых ханов, под главенством которых печенеги захватили восточноевропейские степи: Ваицу (орда Иртим), Куркутэ (Гилы), Каидум (Харавои), Гиаци (Хонон), Куел (Цур), Ипаоса (Кулпеи), Батан (Цопон), Коста (Талмат).

Каждая орда действовалав значительной степени самостоятельно. Во время грабительских и завоевательных походов и войн, некоторые из них особенно разбогатели и выделились в самостоятельные образования, лишь минимально подчиняющиеся центральной власти.Князья (ханы)-военачальники обладалиисполнительной властью. В экстраординарных случаях печенеги, как известно из более поздних (11 век) источников, собирали «сходку», являвшуюся, по существу, народным собранием – характернейшим органом военной демократии. О ней упоминают в своих сочинениях епископ Бруно и византийская царевна Анна Комнина. Постоянные войны, участие в грабительских походах – наиболее типичные черты этого общественного строя. Именно поэтому печенегов так легко можно было поднять в любой поход против любой страны, грабеж которой принес бы им выгоду. Чаще всего ими пользовались византийцы. Однако и сами они постоянно опасались за свои

крымские владения, в частности за Херсон, к стенам которого печенеги часто подкочевываливплотную.

В 965 г. при князе Святославе печенеги участвовали в русском походе на Хазарию. Прямых сведений об этом нет, но недаром византийский император подчеркивал невозможность для росов вести международные войны без предварительно заключенного с печенегами соглашения. В этом походе Святослав неизбежно должен был пройти через печенежские степи, для того чтобы достигнуть хазарских, городов: Саркела, который был первым взят и разгромлен его войском, и затем Итиля где-то на Нижней Волге. Мир Святослава со степняками был недолговечен. Три года спустя печенеги организовали большой поход на Русь. Святослав в то время вел завоевательную войну в Болгарии на Дунае, и вполне вероятно, что византийцы, напуганные близким соседством русской дружины, спровоцировали этот поход на страну, ослабленную отсутствием князя и лучшей части его дружины. Русский летописец так начинает рассказ об этом: «Придоша печенези первое на Рускуго землю... и затворися Ольга с внуки своими Ярополком, Олгом, Володимером в городе Киеве. И оступиша печенези город в силе тяжьце, бесчисленное множьство около города и не бе лзе вылести из града и вестипослати...».Город и княгиня с княжатами были спасены подошедшим к Киеву воеводой Претичем, уведомленным о бедственном положении города юношей-киевлянином, пробравшимся через печенежское окружение и переплывшим Днепр для того, чтобы попасть к черниговским воинам, стоявшим лагерем на левом берегу Днепра и не знавшим о бедственном положении стольного города.Печенеги, увидев подошедшие русские дружины Претича, решили, что это уже подобрался к ним с тылу Святослав, слава о непобедимости которого была настолько сильна, что степняки, не приняв боя, отступили, а князь печенежский просил мира и дружбы у Претича и поменялся с ним оружием: «...и вдаст печенежский князь Претичу копь, саблю, стрелы. Он же даст ему брони, щит, меч...». Пока шел этот обмен любезностями, Святослав действительно вернулся вместе с дружиной на Русь, собрал воинов и прогнал печенегов «в поле», т. е. далеко в степи, и вновь подтвердил мир с ними. Но ненадолго.

В 969 г. умерла Ольга, и некому стало удерживать неуемного князя дома.Разделив Русь между своими уже повзрослевшими сыновьями, Святослав двинулся в 971 г. на завоевание Подунавья. Вначале все складывалось благоприятно для русского князя, потом начались неудачи, и тогда он вспомнил, что, уходя из Киева, не заключил нового мира с печенегами: «печенеги с нами ратни». Несмотря на это обстоятельство, Святослав должен был возвращаться через враждебные степи по Днепру домой – в Киев. Болгары и византийцы поспешили сообщить печенегам, что Святослав идет из Доростола с полоном «бещислен» и с «малой дружиной». Печенеги засели на днепровских порогах, поджидая Святослава. Последний, узнав об этом, решил перезимовать в Белобережье. Зимовка была голодной и холодной. Весной ослабевшие воины не смогли прорваться сквозь печенежское окружение, и, когда Святослав подошел к порогам, «нападе на ня Куря (хан орды Гилы–князь печенежский) и убиша Святослава». Куря приказал затем отрубить голову Святославу и из черепных костей сделать окованную золотом чашу. Делать чаши из черепов убитых врагов – обычай, широко распространенный в среде

тюркоязычных народов. Кочевники верили, что таким образом переходят к ним сила и мужество поверженного врага. Интересно, что князь Куря и его жена пили из этой ритуальной чаши для того, чтобы у них родился сын, похожий на Святослава. Об этом могучем и отважном рыцаре слагались легенды не только на Руси, но и в степях.

После смерти Святослава наступательная деятельность печенегов усилилась. В ответ на это новый киевский князь Владимир Святославич занялся активным укреплением южных границ своего государства: «Нача ставити городы по Десне и по Устрьи, до Трубешеви, и по Суле и по Стуите». В построенные городки он селил воинов со всех концов Руси. Тогда же сооружена была часть знаменитых Змиевых валов, а имевшиеся ранее – обновлены и достроены. Об укреплениях-валах, расположенных южнее Стугны, упоминает в своем письме путешествующий по Восточной Европе в начале 11 в. епископ Бруно: «Русский государь два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве со всех сторон обведены самыми завалами». Это сообщение интересно еще и потому, что, судя по нему, расстояние между Русью и печенежскими кочевьями увеличилось вдвое сравнительно с временем Константина Багрянородного, при котором оно равнялось одному дню пути.

Несмотря на успешную в целом политику Владимира относительно печенегов, несмотря на укрепление границ и постепенное расширение территории, печенеги тяжелой тучей нависали над Русью. В 993 г. они перешли Сулу и встали на левом берегу Трубежа. На другом берегу, напротив, выстроил свою дружину Владимир. Поскольку начать битву и та и другая сторона затруднялись, печенежский хан предложил Владимиру единоборство богатырей. В случае победы печенежина его единоплеменники по договору могли три года подряд беспрепятственно грабить Русь, победа русского обусловливала три спокойных года – печенеги в течение этих лет обязывались не ходить на пограничные русские земли. Русский богатырь победил и спас Русь от разорения. Печенеги побежали, русские, преследуя их, многих посекли мечами и саблями. Владимир на месте победы поставил город и назвал его Переяславль.

Три года печенеги действительно не ходили на Русь, а в 996 г. вновь началась изнурительная борьба русских со степью. Летописец об этих последних годах первого тысячелетия написал: «Рать велика беспрестани». Судя по летописным сообщениям, печенеги подходили к какому-либо, видимо, заранее намеченному городку, брали его, грабили окрестности и отступали с полоном в степь. Никаких особых приспособлений для взятия стен у них не было, поэтому они, как правило, брали измором (как еще при Ольге и Святославе хотели захватить Киев). В летописи сохранился интересный рассказ-легенда об осаде печенегами Белограда. Когда начался «голод велик в граде», белоградцы придумали хитрость – из последних запасов, собранных со всего города, наварили бочку киселя и бочку сыты и вставили их в специально выкопанные колодцы, а затем пригласили десять лучших мужей печенежских в город и угостили их едой из колодцев. Изумленные печенеги убедились, что горожане их не обманывают, утверждая, что имеют «кормлю в земле» и что осада им не страшна – стойте хоть десять лет и губите себя, говорили

белоградцы. Печенежские ханы, испробовав киселя и сыты, приказали отойти от города – «восвояси идоша». Однако такие «хорошие концы» случались редко – обычно городки горели, люди угонялись в рабство, пашни вытаптывались. Поэтому князь Владимир всемерно стремился поддерживать мир.

В первые годы 11 в., уже упоминаемый нами епископ Бруно, проследовавший через Русь в землю печенегов, «от лица русского князя заключил с печенегами мир». Русский князь обещал при этом выполнить ряд требований степняков и «дал в заложники мира своего сына». В чем состояли требования – можно только догадываться. Видимо, печенеги, как обычно, требовали откупов, а вот заложником был, очевидно, нелюбимый сын Владимира – Святополк. Не случайно именно Святополк воспользовался помощью печенегов в борьбе за отцовский престол после смерти князя Владимира. Четыре года печенеги, участвуя в смуте, грабили и разоряли Русь. В 1019 г. Святополк последний раз пришел с печенегами «в силе тяжьце». Ярослав Мудрый, утвердившийся на киевском престоле, собрал свои дружины и вышел навстречу: «К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа...» Поражение печенегов в этой битве было настолько серьезным, что в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел. Русские не замедлили воспользоваться передышкой, и в 1032 г. «Ярослав поча ставити городы по Рси». Таким образом, Русь заняла территорию, долгое время остававшуюся нейтральной зоной, отделявшей ее границы от кочевой степи.

Пытаясь сохранить славу непобедимых и страшных врагов, печенеги предприняли отчаянную попытку сокрушить или хотя бы временно ослабить Русь. Для этого и был ими организован поход на Киев в 1036 г. Ярослав, бывший тогда в Новгороде, поспешил вернуться в свой город с сильной варяго-словенской дружиной. Очевидно, понимая все значение предстоящей битвы, Ярослав тщательно подготовился к ней. Выйдя тремя полками из города, русские войска сшиблись с печенегами на том месте, где во время составления летописного свода стоял уже Софийский собор. «...Бе бо тогда поле вне града», — писал летописец. «И бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав. И побегоша печенезе роздно и не ведахуся камо бежаче и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках и тако погибоша, а прок их прибегоша и до сего дни».

Блестящая и полная победа Ярослава фактически уничтожила печенежскую опасность.Этот народ, по своему социальному и культурному уровню развития, значительно уступал населению Хазарского каганата. Он принес на ранее занимаемую хазарами территорию разорение края, упадок экономики и средневековое варварство.После этого поражения под Киевом основная масса печенег ушла в степи Северо-Западного Причерноморья. Другие были расселены киевскими князьями вместе с торками в Поросье, где они стали известны под именем черных клобуков. Третьих принял венгерский король на условиях несения пограничной службы.Однако отдельные группы печенегов и торков продолжали кочевать в южнорусских степях в первой четверти XII века. Например, в 1103 году, возвращаясь из похода против половцев Владимир Мономах встретил на реке Сутени (Молочной) и забрал с собой на Русь печенегов и торков. До 1117 года печенеги и торки составляли гарнизон русского города Саркела – Белой Вежи.Свое присутствие на землях современной Чугуевщины, печенеги засвидетельствовали топонимическим названием Печенежская гора. Там находилось их стойбище, откуда они

осуществляли грабительские набеги на окраины древнерусского государства. Рядом с горой, где в настоящее время находится Печенежское водохранилище, располагались пастбища речной долины Северского Донца. Сейчас в этой местности находится поселок Печенеги, напоминающий современникам о том, что Подонцовье, хоть и находилось на границе южной степи, но было ареной важных исторических событий тех времен.

Что касается аланского Чугуева, то долго считалось, что ввиду того, что он находился на самой окраине печенежского территориального владычества, которую печенеги колонизировали в последнюю очередь без применения агрессии, методом постепенного просачивания в труднодоступные районы Донцовского правобережья, город смог уцелеть и попал в вассальную зависимость от степных кочевников. Уверенности добавляло еще ито, что, в «половецкие времена» в исторических документах Киевской Руси упоминается расположенный в этой зоне город «Чешуев». Созвучность его названия с аланским Чугуевом, не оставляласомнения в том, что это один и тот же город, название которого, как выяснилось позже, сначала переиначили половцы, а после – исковеркали на свой лад русские летописцы.С конца 9 века до татаро-монгольского нашествия в 13 веке в степях Северного Причерноморья господствовали различные тюркоязычные кочевники.

ТОРКИ

Племенной союз торков (гузов) был этнически очень пёстрым объединением. Кроме собственно торков и печенегов, в него входили берендеи, боуты, каепичи, коуи и другие племена. Эта смешанность сильно затрудняет выделение древностей собственно торков из массы других одновременных кочевнических памятников. Поэтому неудивительно, что С.А. Плетнева, специально занимавшаяся этим вопросом, указывает лишь на три погребения, которые по всем признакам несомненно являются торческими. Два из этих курганных погребений обнаружены у дер. Торской, Краснолиманского района, Донецкой области. Третье погребение найдено у хут. Марченки на р. Песчаной (недалеко от ст. Ясиноватая в Донецкой области). Степная часть бассейна Донца и его притоков, несомненно, была одним из основных центров, где располагались кочевья торков. Об этом свидетельствует и целый ряд древних географических наименований: реки Тор (Большой Тор, Казенный Торец), Сухой Торец, Кривой Торец, село Торское на р. Жеребце, пос. Торский, и Торецкий на р. Казенный Торец, Торское городище около Славянска.

Хозяйство и общественный строй торков, кочевавших и причерноморских степях, мало чем отличались от хозяйства и общественного строя скотоводов-печенегов. Однако их господство было очень непродолжительным. Слабый, разноплеменный союз торков оказался в средине 11 века между двух огней. Русские князья всячески старались ослабить степных кочевников и при каждом удобном случае наносили мощные удары по их кочевьям. Одновременно с востока на торков наступало сильное тюркское племенное объединение половцев (команов, кыпчаков). Под 1054 г. Лаврентьевская летопись сообщает о разгроме князем Всеволодом Ярославичем торков и одновременно о появлении на левом берегу Днепра

передового отряда половцев. Разгромленные торки частично бежали в Византию, частично перешли на службу к киевскому князю и были поселены на левом берегу р. Роси в Поднепровье. Заметного следа своего пребывания в бассейне Северского Донца торки не оставили.

ПОЛОВЦЫ

Русское название «половцы» происходит отдревнерусского «половъ,полова – мелкие частицы оставшиеся после обмолота пшеницы, имевшие желтый цвет.

Половцев еще называют «кимаки» или «кипчаки».Кимакскийсоюз сложился после гибели какого-то ранее существующего политического образования,вполне возможно от Западнотюркского или же Уйгурского каганата. Аналогичными путями, как правило, шло формирование всех степных кочевых и полукочевых империй в эпоху средневековья.Племяимак (кимак) встало во главе союза, а позднее – Кимакского каганата. В переводе с монгольского «имак» означает «змея». Главенствующее племя кимаков расселилось в основной массе по берегам Иртыша. Судя по сведениям географического трактата «Худуд ал-Алам» (982 г. н.э.) неизвестного персоязычного автора, кипчаки занимали отдельную территорию, расположенную западнее, примерно в юго-восточной части Южного Урала. Писавший свое сочинение в 10 в. Ибн Хаукаль на приложенной к сочинению карте отметил, что кипчако-кимакские племена кочевали вместе с огузами в степях севернее Аральского моря, ал-Масуди примерно в то же время писал, что все они кочевали по Уралу.Отдельные орды кимакских племен нередко кочевали на берегах Каспийского моря: это море даже называлось Кимакским.Основными западными соседями кимако-кипчаков в 10 в. были прабашкиры, с которыми в то время самые западные орды кипчаков наладили теснейшие контакты.

В 10 в. кимакский союз был крепким государственным образованием, известным в источниках под общим наименованием «Кимакский каганат». Экономическое развитие племен и орд кимакского объединения, раскинувшего свои поселения и кочевья по тысячекилометровой степи (от Иртыша до Каспия, от тайги до казахстанских полупустынь), было различно. Объясняется это прежде всего разницей климатических и природных условий.Археологические исследования, проводимые в Прииртышье, позволяют в настоящее время утверждать, что там кимаки вели полуоседлый образ жизни, а, следовательно, были знакомы с земледелием. Судя по тому, что ал-Идриси в 12 в. писал, как о хорошо известном факте о наличии в стране кимаков возделанных земель, о посевах пшеницы, ячменя и даже риса, земледелие было достаточно развитым. Об относительной оседлости кимаков свидетельствуют и сведения средневековых авторов о кимакских городах. Ал-Идриси описывает эти города подробно, подчеркивая, что все они хорошо укреплены, а в городе кагана, где была сосредоточена вся кимакская аристократия, находились базары и храмы. Очевидно, в центральных областях Кимакского каганата шел обычный для кочевых народов процесс оседания на землю, перехода значительной части населения к земледелию и ремесленному производству.

Несмотря на переход к оседлости какой-то части населения Кимакского каганата, многие входившие в него этносы в 10 в. продолжали вести привычную для них форму существования – кочевое скотоводство с некоторыми элементами оседлости. Особенно привержены были к кочевому образу жизни и соответственно к кочевому скотоводству кипчакские орды. Природные условия кипчакских степей способствовали процветанию на них развитого и хорошо организованного кочевого скотоводства. Степь была расчленена на участки с определенными маршрутами кочевий, летовками и зимниками. Места кочевания половцев прослеживаются установлением на могилах умерших родственников своеобразных памятников – каменных баб.Статуи представляли собой простые неровные стеллы нередко без всякой деталировки фигур. Лица у них прочерчены глубокими врезными линиями, часто «сердечками». Женские статуи отличались от мужских изображениями круглых грудей.Святилища сооружалисьтолько в память богатых и знатных кочевников, которые быликрупнейшими представителями родоплеменной аристократии, постепенно начинавшей феодализироваться в те столетия. Во главе Кимакского государственного образования в 10 в. стоял каган. Хакан (каган)– это «хан ханов», то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шахан-шах. Очевидно, «управители»-ханы находились в вассальной зависимости от кагана, а у них в свою очередь были вассалы.

Материальная и духовная культура половцев, как и других кочевых племен раннего средневековья, прослеживатся в захоронениях. В погребения умерших помещали вещи, необходимыми кочевнику в пути (на тот свет): сбруя коня, оружие, личные украшения и сосуды с ритуальной пищей. Рядом с покойником укладывался его верный товарищ – конь, без которого в бескрайних степях, где для жизни необходимы широкие передвижения, человек был фактически беспомощен.Ибн Фадлан рассказывает: «А если умрет человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук ... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме ... Потом поместят его в нем и дом над ним покроют настилом и накладут над ним нечто вроде купола из глины». Далее Ибн Фадлан писал об обряде действия: «Потом возьмут лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Кочевника всегда сопровождали на тот свет убитые кони, иногда и другие животные, а также убитые им враги в виде простых камней или грубых человеческих изображений из камня или дерева (балбалы). Кони нужны были для быстрого переезда – для перекочевки из одного мира в другой. Чем больше их было, тем лучше – тем богаче и подвижнее был умерший в новом для него мире.

С течением времени развивающееся хозяйство половцев потребовало расширения территорий обитания: кочевникам понадобились новые пастбища, что стало причиной их тотальной перекочевки на богатыезападные пастбища,

которыми раньше владели гузы. А.С.Плетнева сообщает: «Половцы двигалисьв плодородные донские и днепровские степи.К тому же в степях этих было почти пусто. Печенеги в большинстве своем, как мы видели, ушли к византийским границам, гузы (торки), разбитые русскими князьями, также метались по степному правобережью Днепра». Это является подтверждением, что в определенные временные периоды, Днепро – Донецкое междуречье выглядело пустынным.Огромный кочевой массив кипчакских орд в первое десятилетие 11 в. поднялся с насиженных мест в длительный и тотальный поход – нашествие. Целью его было отнюдь не мирное переселение (отселение) части кипчакского населения на новые земли, а завоеваниеновых пастбищ где-то в далеких западных областях.

Захват южнорусских степей начался с самого плодородного, самого богатого пастбищами, необходимыми для выпаса коней и крупного рогатого скота, района – с донецких, нижнедонских и приазовских степей. Эти же земли в свое время освоили в начале своего движения печенеги. Сейчас же половцы почти не ощущали сопротивления местного населения.С.А.Плетнева пишет: «В верховьях Северского Донца, в глухих, малодоступных для кочевой конницы местах обитали еще прежние хозяева лесостепной окраины Хазарского каганата – аланы. Правда, археологические исследования поселений, принадлежавших аланам и болгарам, дают нам неопровержимые доказательства гибели этих поселений не позже начала 10 в., т. е. под ударами печенежских полчищ. Однако история не знает примеров тотального уничтожения населения в периоды даже самых жестоких войн и самых страшных нашествий. Значительное количество людей, преимущественно женщин, детей, а также мастеров и мастериц, берется в рабство, причем нередко их оставляют на старых пепелищах, и они постепенно, хотя и не полностью, восстанавливают разрушенные поселки. Характерно, что антропологическое обследование кочевнических черепов 10 – 13 вв. показывает, что население того времени внешне почти не отличалось от жителей степей 8– начала 10 в. Весьма существенно также, что в южнорусских степях, особенно часто в бассейне Северского Донца, попадаются погребения 12 – 13 вв., сохраняющие в погребальном обряде черты, позволяющие их связывать с прежними обитателями степей – подданными Хазарского каганата. Это, во-первых, не типичная ни для печенегов, ни для половцев меридиональная ориентировка покойников (головами на север или юг), характерная только для древних болгар и алан; во-вторых, наличие в могилах подсыпки из мела или угольков и некоторые другие признаки. Например, именно здесь, на берегах Донца и нижнего Дона, кочевники в половецкое время особенно широко пользовались вещами, изготовленными и распространенными в предыдущую хазарскую эпоху: зеркалами, копоушками, глиняной посудой и т. п.Таким образом, первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кипчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат».

Следовательно, С.А.Плетнева, допускает, что к моменту появления в землях Подонцовьякипчаков, существовашие здесь алано – болгарские поселения не были полностью уничтоженыпеченегами.Так в южнорусских степях появися новый этнический, вначале весьма рыхлый массив. В данном

конкретном случае в начале 11 в. кипчаки стали тем мощным ядром, вокруг которого объединились все разрозненные и разбросанные по степи орды печенегов, гузов, а частично и остатки болгарского и аланского населения.Новое этническое объединение, складывавшееся в степях, получило в Европе новое имя: половцы. Так назвали их русские. Вслед за русскими так стали называть их и некоторые европейские народы: поляки, чехи, немцы. Самые ранние статуи половцев локализуются в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца и в Северном Приазовье. Это стелловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (грудью, руками, сосудом в руках и пр.), прочерченными по плоской поверхности или сделанными низким рельефом. Статуи ставили в равной степени мужские и женские. Как правило, о «донецком» периоде становления и формирования кочевого общества письменные источники сопредельных стран не говорят ничего: современников не волновали события, происходившие внутри степных формирований. Первые упоминания появляютсятогда, когда сформировавшееся сообщество новых владельцев южных степей было уличино внападении на ближайшего соседа. Для половцев таким соседом стала Русь.

В 1060 г. половцы сделали первую попытку пограбить богатые русские земли. Святослав Ярославич Черниговский с дружиной смог разбить вчетверо большее войско половцев. Множество половецких воинов было убито и потоплено в реке Снови, их предводители были взяты в плен, видимо, почти без сопротивления. «...Князи их руками яша», – писал летописец.Разгром был полный.Однако уже в конце января – начале февраля 1061 г. «придоша половци первое на Руськую землю воевати... Се бысть первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг; бысть же князь их Сокал...» То обстоятельство, что воевали с половцами в те годы черниговский и переяславский князья Святослав и Всеволод, говорит, видимо, о нападении половцев, граничивших с Русью на юго-востоке, т. е. кочевавших где-то в придонцовских степях.Следующий набег с той же юго-восточной стороны отмечен в летописи под 1068 г. На этот раз на речке Льте (в Переяславском княжестве) с половцами встретились соединенные силы «триумвирата» – полки Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Однако и они были разбиты половцами. После этого события стало ясно, что новая страшная опасность нависла над Русской землей.

Некоторые русские удельные князья начали политику заигрывания с половцами в княжеских междуособицах. Один из них –Василько Ростиславич,использовавший военный потенциал степняков, всегда готовых к бою и грабежу. Второй –Олег Святославич в 1078 г., бежавший от Всеволода Ярославича в Тмутаракань и затем «приведе... поганые на Рускую землю». Полки Всеволода были разбиты, и «мнози убьени быша ту». В дальнейшем этот авантюрный князь, образно названный в «Слове о полку Игореве» Олегом Гориславичем, неоднократно наводил половцев на Русь. Характерно, что на протяжении всего 12 в. его потомки особенно охотно роднились с половцами и, имея среди них многочисленную родню, постоянно призывали их к участию в междоусобицах.Характерно, что с приходом половцев, определился аспект взаимоотношений с Русью – заключение военных союзов. Причем по вине русских князей, весьма склонных к политическим интригам и авантюрам, половцы неоднократно обрушивались и успешно грабили беззащитные, враждующие друг с другом русские княжества.

К концу 11 в. процесс консолидации разрозненных половецких орд, кочевавших на Донце и в Приазовье, закончился. Земли были строго распределены между несколькими ордами. Каждая из них владела большим участком земли, протянувшимся в меридиональном направлении – от Донца к Азовскому морю. Очевидно, зимовища этих орд находились на берегу моря. Поскольку половцы на зиму не запасали сена, то они вынуждены были регулировать свои перекочевки так, чтобы зимой стоять в удобных местах, где скот мог легко из-под снега добывать сухую траву. У моря и по долинам многочисленных рек и речушек, естественных «хранилищ сена» (хорошо высушенной на солнце и ветре высокой и питательной травы – сухостоя), корма было много. Весной, после рыбной путины, после отела коров и окота овец, начиналось медленное движение вверх по рекам к донецким низинам, также полным высококачественной травы, где на летние месяцы половцы останавливались на определенных стойбищах-летниках, а затем по тому же маршруту, выпасая скот на уже вновь подросшей к осени траве, они спускались к зимовищам.Не только каждая орда, но и входившие в нее более мелкие подразделения, наделялись ханом участками земли, обязательно включавшими в себя зимник, летник и маршрут кочевки между ними.Русские летописцы, более других европейских хронистов,знакомые с половцами, уже в конце 11 в. четко выделили среди них «князей». К именам некоторых из них они прибавляли степной эквивалент этого русского титула – «кан» – хан: Тугоркан, Шарукан.

Организация набегов на Русь и более далеких походов на Византию и Болгарию, требовала постоянных военных союзов ханов отдельных орд между собой. Таким образом, именно стремление к умножению своего воинского потенциала привело к образованию союзов орд – первых крупных степных объединений. Они фактически не имели никаких государственных учреждений. Тем не менее хан, выбранный главой такого объединения на съезде аристократии, обладал, видимо, очень большой властью. В основном эта власть заключалась в абсолютизации его права вести внешнюю политику союза: заключать мир, но главное, конечно, организовывать грабительские походы. Чем жестче вел свою линию хан, чем талантливее он был как политический деятель и полководец, тем сильнее была его власть над входившими в орды куренями и аилами. По данным русской летописи мы можем с достаточной долей вероятности говорить о том, что, во-первых, таких глав русские называли «великими князьями», а половцы – каанами, т. е. ханами ханов, а во-вторых, деятельность «великих князей» половецких стала особенно ощутима для Руси начиная с 90-х годов 11 в.О каких половецких ханах 11 в. особенно часто и с особым чувством антипатии говорится в русских летописях? О Боняке,Тугоркане и Шарукане. Недаром все они прочно вошли в русский фольклор как заклятые враги русских. Боняк фигурирует в западноукраинских сказаниях и песнях под именем Буняки Шелудивого, отрубленная голова которого катается по земле и уничтожает все живое на своем пути, а Тугоркан не раз упоминается в русских былинах.

В 1093 г. умер князь Всеволод, постоянно и в целом успешно отражавший от русского пограничья половецкий натиск. Особенно неистовал хан Боняк.На протяжении всей своей долгой жизни враждебность Боняка по отношению к Руси была так сильна, что он почти не участвовал в

междоусобных войнах русских князей. Борьба с половцами становилась с каждым годом все ожесточеннее. Они не щадили ни женщин, ни детей. Для того чтобы измученные пленники не бежали, половцы калечили мужчинам ноги: резали пятки и в рану засыпали «тернии» – чаще всего рубленый волос конских хвостов.

Несмотря на то что уже в 1097 г. умный и дальновидный Владимир Мономах, учитывая сложившуюся обстановку, предлагал русским князьям объединиться для борьбы с половецким бедствием, еще пять лет князья «утрясали отношения». Только в записи 1102 г.летописец, наконец, получил возможность зафиксировать, что «вложи бог мысль добру в русьские князи, умыслиша дерзнуть на половце, пойти в землю их». Весной 1103 г. состоялся знаменитый Долобьский съезд князей, на котором произошел хорошо известный спор. Святополк с дружиной считали, что воевать весной нельзя – смерды, мол, должны пахать и сеять, а Владимир ответил: «...оже начнеть смерд орати, и половчин приеха вдарить смерда стрелою, а кобылу его поиметь, а в село въехав поиметь жену его и дети и все именье возметь...» – и затем призвал воинов к походу. Святополк согласился с Владимиром, после чего оба брата обратились с предложением похода к другим русским князьям. И только Олег ответил «не здравлю», а остальные присоединились.

Сбор был назначен в Переяславле. Туда, кроме Владимира и Святополка, подошли полки еще пяти князей. Далее «поидоша на коних и в лодьях и приидоша ниже порог, и сташа в Протолчех и в Хортичим острове». Передохнув на Хортице, они отправились в глубь степи на речку Сутин, до которой следовали четыре дня. Летописная Сутин – это река Молочная, впадающая в Азовское море. Владимир точно рассчитал время похода – весной, когда скот у половцев бывал обессилен скудным зимним питанием и отелами, и его фактически было невозможно спешно перегонять на недоступное для врагов место. Русский летописец очень выразительно рассказывает о произошедшей битве. Несмотря на то что половцев было больше – «не бе перезрети их!», они испугались соединенных и уже раз победивших их русских полков, в результате чего получилось, что они ослабили натиск. «Дремахи саме и конем их не бяше спеха у ногех», – образно заключает летописец. В бою были убиты, видимо, почти все участвовавшие в битве половецкие «князья» – всего двадцать: это были Урусоба, Кочий, Ярославопа, Китанопа, Кунам, Асуп, Курътык, Ченегрепа, Сурьбарь и другие.

Для реванша Боняк должен был искать союзников среди своих соплеменников. Этим союзником стал глава восточного (донецко-приморского) объединения – Шарукан. В 1107 г. Боняк и Шарукан организовали совместный поход на Переяславское княжество. Собрав большие силы, они подошли к пограничному городу Лубны (на Суле) и встали там на левом берегу, поджидая русские полки. Святополк и Владимир не только собрали большое войско для отпора, но, видимо, смогли быстро переправиться на «половецкую» сторону реки Сулы и неожиданно с победным криком бросились на половецкий стан. Половцы «от страха не възмогоша и стяга поставити, но побегоша хватаюче конии». В погоне большинство бегущих были порублены русскими конниками, многие взяты в плен. Убит был брат Боняка Тааз, в плен взяты хан Сугр с братьями. Едва избежал плена и «великий хан» Шарукан.Но главная цель –

оттеснить половецкие зимовища с земель, фактически вплотную подходивших к русской границе, не была достигнута.

В 1111 г.Владимир вновь на Долобьском съезде князей начал уговаривать весной идти на половцев. На этот раз в походе участвовали Святополк, Вячеслав, Давид и Владимир с сыном.Вот как описывает эти события С.А. Плетнева: «Из Переяславля выступили на вторую неделю поста, т. е. 26 февраля, в воскресенье; через пять дней, в пятницу, были уже на границе «поля половецкого» – на реке Суле, затем в субботу подошли к Хоролу и здесь «пометоша сани»; значит, до 4 марта они шли по степи еще на санях, на Хороле их оставили и далее пошли к «Дону» – Северскому Донцу, последовательно пересекая Псел, Голтву, Ворсклу и еще «многие реки». Следует помнить, что была ранняя весна и, возможно, реки еще не вскрылись. Этим объясняется стремительность марш-броска русских полков через пересеченное реками почти 500-километровое степное море. 19 марта, также в воскресенье, они подошли «к Донови». Здесь «оболичишася во броне и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю». Жители этого городка вышли навстречу русскому войску и приветствовали его подношением угощения рыбой и вином. Судя по тому, что Владимир приказал подходить к городку с пением молитв, встреча их была организована также христианами. Факт этот представляет значительный интерес, поскольку свидетельствует о наличии в степях среди донских половцев населения, готового перейти на сторону Руси как по религиозным, так, возможно, и по политическим соображениям. Скорее всего, это были асы-ясы-аланы, оставшиеся в степях после прихода сюда печенегов, а затем половцев, бывшие подданные хазарского кагана. Как и их сородичи – аланы, жившие в предгорьях Кавказа, они, вероятно, в массе своей приняли христианство. Не подлежит сомнению, что христиане и земледельцы аланы с большой охотой перешли бы под власть русских князей.

Городок Шарукань на берегу Донца (Дона) принадлежал, судя по названию, лично великому хану Шарукану.Жители были обязаны выплачивать ему дань. Поблизости от Шаруканя стоял еще один «город», т. е. небольшое укрепленьице, – Сугров. Видимо, хозяином его был хан Сугр, попавший в 1107 г. в плен к русским. Поскольку городок, а значит, и кочевья Сугра находились в непосредственном соседстве к Шарукану (между городками всего один день пути, т. е. не более 40 км), можно предполагать их близкое родство (братья, отец и сын).Хан Сугр не встретил русских дарами, и поэтому городок был взят и сожжен. После этого русские полки, по словам летописца, ушли «с Дона» (вероятно, имеется в виду с берега Донца). Первая встреча с половцами произошла «на протоке Дегая» – видимо, на каком-то небольшом ручейке в бассейне Донца. Половцы были разбиты, отступили и вновь собрали силы. Через два дня на реке Сальнице(вблизи современного города Балаклеи) половецкие полки снова преградили путь русским, и «брань бысть люта», – писал летописец. С большим трудом досталась русским победа. Взято было «полона много и скоты, и кони, и овце, и колодников много изоимаша рукама».Несмотря на разгром половцев у Сальницы, их военный потенциал остался весьма значительным. Поэтому Владимир вновь начал готовиться к походу на восточное (донецкое) объединение.В 1116 г. он послал своего сына Ярополка, а Давыда– сына Всеволода «на Дон».С.А.Плетнева сообщает: «Молодые князья вновь на берегах Донца захватили городки Шарукань и

Сугров, а также третий город – Балин. Эти сведения объективно свидетельствуют о том, что три упоминаемых в русских летописях городки, расположенные в среднем течении Северского Донца, не были уничтожены печенегами. Кроме того, Ярополк взял там себе красавицу жену – дочь «ясского князя», что еще раз подтверждает заселенность городков Шарукань, Сугров и Балин ясским (аланским) населением».

Характерно, что в 1116 г., когда в поход пошли только молодые князья, они не решились после повторного взятия городков идти вглубь степи: сил для этого было недостаточно. Тем не менее одна из задач, поставленных Владимиром, была решена: половцы ушли из этого региона и более уже не возвращались сюда.В летописи неоднократно повторяется, что Владимир Мономах не только «пил золотым шоломом Дон», но и «приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя агаряны». Изгнание половцев с их уже крепко освоенных земель по среднему Донцу было первым достижением Мономаха.В 1125 г.он умер.

Как и после смерти Святополка, половцы несколько воспрянули духом и в мае этого года прорвались в окрестности Переяславля, к городу Баручу, предполагая захватить вежи зимовавшей там орды торков. Однако они были быстро оттеснены к Суле Ярополком Владимировичем и там разгромлены. «...Часть их избиша, а часть истопе в реке...» – записал летописец.Сил у половцев явно не хватало, тем более что нажим со стороны Руси некоторое время и после смерти Владимира не ослабевал: его сыновья продолжили политику отца. О его сыне Мстиславе Владимировиче, умершем в 1132 г., летописец спустя почти сто лет после его смерти написал, что он загнал половцев «за Дон, за Волгу, за Яик».

В заключение следует сказать, что этот период половецко-русских отношений нашел отражение не только в официальных государственных документах – летописях, но и в устном народном творчестве, прежде всего в былинах, сохранивших нам даже некоторые ханские имена, принадлежавшие наиболее рьяным врагам Русского государства. Мы уже говорили о страшном Буняке – отрицательном герое многих западноукраинских народных песен.Несомненно, к тому же времени относится и большая часть былин о нашествии на Киев кочевых орд. В некоторых из них орды возглавляются Кудреванко-царем или Шарк-великаном. Оба имени убедительно сопоставляются академиком Б.А. Рыбаковым с Шаруканом, или ханом Шаруком. В других былинах главой обложивших Киев кочевников называется Тугарин Змеевич, которого уже давно ученые сопоставляют с Тугорканом. Таким образом, все три «великих хана», неоднократно упоминаемые летописью, фигурируют и в былинно-песенном русском наследии. Представляет интерес и тот факт, что Тугарина в былинах постоянно величают Змеевичем. Орда по-печенежски– каи (змей).Естественно, что русские знали половецкие названия и их значение, а, следовательно, легко переводили их на русский язык.В летописи после победы над половцами 1103 г. говорится, что Владимир «скруши главы змеевыя».Да и построены Владимиром валы на русском пограничье, тоже называются «змиевы валы».Именно так, видимо, появился в былинах Змеевич. Змеи проникли в русский фольклор значительно шире. Определенный «пласт» русских сказок буквально заполнен трех-, семи- и двенадцатиглавыми Змеями или Змеями Горыничами, лютыми врагами русских

богатырей. Обычно «Змеи» из года в год подходили к пограничной реке Сула, грабя окрестности пограничных крепостиц, форсируя реку и прорываясь на земли Переяславского княжества. Самое название реки Сула происходит от тюркского «sulaq», что означает «полноводный». На русско-половецком пограничье, да и во всех русских южных городах половецкий язык был общеизвестным. Поэтому тюркские названия рек, небольших городков, урочищ легко воспринимались русским населением. Впрочем, как мы видели, разноплановое общение с половцами способствовало проникновению не только отдельных слов и понятий в древнерусский язык, но и целых образов в древнерусский фольклор и даже в письменную культуру.

Итак, в 30-х годах 12 в. закончился очередной половецкий период истории южнорусских степей. За ним по пятам пришел монгольский, окончательно закончившейся только в 1480 году. Последним народом, господствующим в этом регионе, были татары Крымского ханства.Далее эти земли вошли в состав российского государства. И только с обретением Украиной независимости в 1991 году, часть их стала владением украинского государства.

ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЙ К ИСТИНЕ

Ни один город Харьковской области не носит такого замысловатого имени, как город Чугуев. В этом плане с ним может «соперничать» только город Балаклея (в переводе с татарского –«рыбное место» или «сухая рыба»). Слуховое восприяте названия нашего города наталкивает на мысль о чуждости его происхождения – ираноязычного или тюркоязычного. Исследование его исторического прошлого всякие сомнения на этот счет развеяли. Официально город получил такое название после своего второго основания в 1638 году. Тогда имя Чугуеву было присвоено пришлыми с России основателями вне всякой конкуренции с другими возможными вариантами – заложен то он был не на пустом месте, а на древнем городище, которое еще с времен раннего средневековья известно в древнерусских письменных источниках как «Чешуевское», а в документах Московского государства 15– 16 веков именуемое не иначе, как «Чюгуевское». Здесь вопросов не возникает: чугуевское городище сохранило свое название не только в древнерусских летописях 12 в. (г.Чешуев), и не только в документах Московского государства 14 – 15 вв. (г.Чюгуев), но и было определенно четко зафиксировано учеными-исследователями уже как Чугуевское в числе более десятка других городищ времен Салтово – Маяцкой культуры 7 – 10 вв. в бассейне Северского Донца. Но кто первый, когда и при каких обстоятельствах «свил гнездо» на месте нашего современного города и «окрестил» именем, которое, не затерявшись в веках, дошло до наших дней – оставалось большой загадкой. Равнозначно, как и сама содержательность этого названия. Хотя версий на этот счет существует много. Главная из них извещает, что свое название Чугуев получил от слова «чуга» – верхней одежды, которую носили чугуевские первожители. Кто они были, в какое конкретно историческое время обитали, как сложилась их дальнейшая судьба – было неизвестно.Если особо не вникать в суть вопроса, то версия преемлима. Всякое в жизни случается. Взять, к примеру,

топонимическую «расшифровку» названия города Кременчуг, что в Полтавской области. До недавнего времени считалость, что в основе этимологии этого названия лежит два слова: «кремник», что в переводе с татарского означает «маленькая крепость» и слова «чуг». Относительно первого спора нет – город стоит на берегу Днепра на высоте 190 м над уровнем моря, свое начало берет действительно от маленькой крепости. А вот значимость слова «чуг» – было явно вымышленное: на строительство крепости возили кремень и при движении он якобы издавал характерный звук – чуг.

Но вернемся к Чугуеву. Здесь возникает целый ряд вопросов: существует ли в мировой практике традиция давать имена городам «в честь» какого-то вида одежды? К примеру, город «Плащ», город «Мундир» или село «Брючное». Можно конечно сослаться на исключение, что тоже не убедительно. Судя по описании чуги, одежды, ранее довольно распространенной в России и в некоторых других европейских странах, она носит сезонный характер, не отличается изысканностью и не является праздничной.За что же ей честь такая была оказана первожителями нашего города? Автору этой книги так и не удалось узнать, ктоже первый и когда озвучил эту довольно шаткую версию с чугой. А всякая версия без обоснования– это только молва из области устного народного творчества. Но все-таки вернемся к чуге.

Из материалов Википедии:Чуга (чухания, чуча, чухуния, цуха, гунька) (польск. Czuha, венг. Szűr, укр. Чуга) – мужская верхняяодеждажителейКарпат – русинов, гуралей, лемков, бойков, гуцулов,проживающих на территории Польши, Украины, Венгрии, Румынии, Моравии.Слово «чуга» происходит от турецкого слова, обозначающего «сукно».Своего рода, широкий плащ из коричневого домотканого шерстяного сукна с фальшивыми рукавами, которые сшивались снизу и служили просторными карманами, с очень длинным воротником, свисающим за плечи до уровня пояса, который, в дождливую погоду или шторм мог быть накинут на голову и служить капюшоном. Обычно, носится накинутым на плечи, как пелерина, достигая середины икры.Была широко распространена среди карпатских лемков.Самая старая фотография человека в чуге относится к 1870 г.На Слобожанщине чугой называли длинный кафтан.

Чуга – широко распространенный топоним в России:Чуга – деревня в Холмогорском районе Архангельской области;Чуга – посёлок в составе Корюковского сельсовета Катайского района Курганской области;Чуга – деревня в составе Никитинского сельсовета Катайского района Курганской области;Чуга – река в Архангельской области, приток Пинеги;Чуга – река в Якутии, приток Алдана. Как удалось выяснить,ни в одном случае эти названия не связаны с «чугой» – одеждой.

А вот что говорят о «чуге» словари: Чуга – «это длинныйкафтан»,«вид древней национальной одежды русского народа», «верхняя зимняя одежда времен Александра Невского», верхняя одежда жителей Карпат». Автор пытался найти хоть какую-то серьезную зацепку, в пользу выше упомянутой версии, анализируя другие слова с корневой основой «чугу». Согласно китайским историческим источникам в 5 – 7 веках нашей эры в одной из центральных областей Китая, существовал род «чжус – чжуэ», что в русской

транскрипции звучит как «чугай», а тюркоязычной – «чоль», что переводится на наш язык как «степь». И хотя город наш и возник в степном крае, при чем здесь азиаты? Удалось установить, что в лексиконе древних славян существовали слова «чугарь» (голубь), «чугай» – человек, который занимается разведением голубей. В 14 – 15 вв. в Галичине было в обиходе слово «чугай» – человек, который служил при дворе у знатной особы и сопровождал ее во время путешествий. Снова не то. Не прояснил ситуацию и смысловой анализ таких слов как «кучугура», «чугун», кольчуга». Происхождение названия нашего города от слова «чуга» автор считает необоснованной, в равной степени, как и версии о том, что слово Чугуев берет свое началоот реки Чуговки – правого притока Донца, татарского слова «чугуне», что в переводе значит граница, имени половецкого хана Чугай и т.д.

Обнаружилось, что в России, на Дальнем Востоке существует село Чугуевка с населением 12171 человек – один из административных центров Приморского края. Но как выяснилось, его основали… выходцы из нашего Чугуева в 1905 году.

Когда же стало известно, кто является основателем города, все эти «гадания» рухнули как карточный домик: элементарная логика подсказывала, что, если имя городу дали кавказские переселенцы – аланы, значит и его истоки следует искать на горном Кавказе. Более того, искать у народа Осетии, который, по единому мнению ученых, является преемником древних алан.

История – это тугой клубок нитей, размотать который можно только обнаружив ихначало. В исследовании данной проблемы таким началом стало знакомство с экскурсионным путеводителем,изданным еще в 1981 г. в городе Пятигорске с названием «Путешествия по Ставрополью», под редакцией В.И.Колодяжного. В одном из повествований о достоинствах этого края неожиданно встретилось название одной из туристических жемчужин края – Чугуевой балке. И не беда, что речь шла исключительно о рельефно-климатических достоинствах уникального творения природы и проложенных по ее дну маршрутах.Важно было то, что ее название полностью дублирует название города Чугуева, имя которому дали пришедшие в нашу местность кавказские переселенцы еще в первой четверти восьмого века. А это уже прямая связь и неопровержимое доказательство кавказских корневых истоков возникновения Чугуева.

Теперь о самой Чугуевой балке. Кто не слышал о курортномкавказском городе Ессентуки? Он расположен в южной части Ставропольского края на высоте 625 м над уровнем моря в живописном предгорье северного склона главного Кавказского хребта. В советскиевремена – это излюбленное место отдыха высшей московской партийной элиты. Но ни это, ни сам город с его высокогорными здравницами не привлекает гостей Ставрополья так, как окраина Есентуков – туристическая мекка края – Долина Очарования или Чугуева Балка. Под этим названием она впервые официально упоминается в 1798 году в документах, касающихся основания города Ессентуки. Вот ее описание в упомянутом выше справочнике:«Чугуева балка – окраина города Ессентуки. Рядом с ней расположена железнодорожная станция Подкумок. Балка – чарующее волшебство природы: густые заросли и поляны душистого разнотравья, небольшие водопады и миниатюрные озерца с кристально чистой водой, грозные скалистые обрывы и островки ковыльной степи у верхней

кромки леса». А вот как своеобразно описывает Долину Очарования писатель А.Т.Губин в своей книге «Молоко волчицы»: «Сверху балка похожа на хвост огромного быка, снизу – на его чудовищно мощный лоб, заросший лесом. Скалистые ребра, поросшие ясеневой и кизиловой шерстью, источают ледяные родники, собирающиеся в звонкие ручейки».

Но сведений о самой балке мало, нужно было любым образом «докопаться» до сути ее названия. Топонимические обозначения местности, как правило, присваиваются тем или иным объектам природы местным населением в тесной ее привязке к каким-то особо характерным им качествам: признакам, свойствам, особенностям и т.д. Помогли краеведы города Ессентуки. Они выслали весь имевшийся у них материал, где речь шла о Чугуевой балке: статьи с ее описанием, фотографии, древние народные мифические сказания. Оказалось, что во многих местах Чугуева балка еще именуется как «горная балка».Сначалаэто вызвало некое удивление: балка – это рельефная низменность. Но, как позже выяснилось, «горной» ее, очевидно, нарекли потому, что по всей своей протяженности, почти на пять километров, она «зажата» с двух противоположных сторон возвышающимися над ней горными массивами, опоясывающих ее по всей длине. Дальше была просто удача – в одной из журнальных вырезок читаю: «…смотришь на балку с высоты птичьего полета и тебе кажется, что она рукотворная… горы – чугу нежно обнимают ее с обеих сторон, как бы защищаяэто чарующее сказочное творение природыот нависающих над ней массивных скалистых выступов и свисающих языковидных ледников». «Горы-чугу» – что это? Скорее всего это горы с определенными внешними особенностями. Но снова-таки, какими? А вот информацияиз одного туристического справочника: «чугу» – в переводе с древнеосетинского (читай аланского) языка, означает гору со срезанной вершиной! Как оказалось, горные массивы, окаймляющиеЧугуеву балку, именно такими и являются: «Густо поросшие кизиловым кустарником и разнотравьем, они легко проходимы и относительно равнинны. И если бы не разбросанные по их поверхности многотонные каменные глыбы и встречающиеся трещины в каменной тверди, то на них можно строить футбольные поля и марафонские беговые дорожки». Вот он ключ к многовековой загадке! Не зря говорят, что все гениальное – просто. Чугу – гора со срезанной, плоской вершиной! Именно такой является наша чугуевская гора, на которой в свое время и осели беглые со своей родины кавказские аланы. И снова вспоминаются относящиеся к тем временам слова С.А.Плетневой: «Это были те самые аланы, которые под натиском арабских войск покинули привычные равнины и предгорья и двинулись на север». И далее уже совсем в тему: «Интересно, что они шли до тех пор, пока не достигали местности весьма нароминающей отроги Кавказских гор: правый берег рек по всей лесостепи высокий и гористый, левый – плоский, богатый высокой травой(как на альпийских лугах)». Здесь известный археолог допускает некую неточность: правый берег Северского Донца не везде возвышается над речным течением, но в случае с чугуевским прибрежным мысом и с окружающими его великолепными пастбищами левобережья, она просто, как говориться, попала в точку – все списано с чугуевского рельефа.

Подводя итоги, уже не осторожничая, а с твердой уверенностью можно сказать: летом 725 года, пришедшие в нашу местность кавказские аланы

основали город и назвали его Чугуев, словом с коренной основой «чугу», где «чугу» с древнеосетинского (а значит,с аланского) языка значит «гора с плоской вершиной».

Как-то пересматривая один из семи томов издания «Природные заказники СССР», касающийся кавказского региона, я неожиданно наткнулся на название горы, которое меня поразило – гора называлась Чугуш! Проверил в «Атласе мира» – действительно такая гора значится. Она находится возле поселка Красная Поляна в междуречьи Большой Лабы и Мзымта, недалеко от городов Гагра и Пицунда. Именно с горы Чугуш начинается Большой кавказ – горная система, простирающаяся между Черным и Каспийским морями на 1150 км с северо-запада на юго-восток. Как оказалось, в самом начале Кавказского хребта у отрогов горы Чугуш и ближайших окрестностях в период раннего средневековья и существовало маленькое государство – Алания. Сегодня это территория Адыгеи в Краснодарском крае, народ которой соперничает с осетинами в праве называться наследниками алан. Земли уже не существующей Алании в раннем средневековье плавным изгибом огибали подножье горы Чугуш с северной стороны. Именно отсюда, по сообщению С.А. Плетневой: «Разоряемые захватчиками, а затем систематически ограбляемые, они (аланы) оставили насиженные и обжитые предгорья и двинулись в поисках новых земель, подальше от арабов – на север, в верховья Северского Донца, Оскола и Дона».

Достигнув в 725 году территории нашего современного города и обосновавшись на высокой «чугуевской» горе, они назвали свое новее место обитания Чугуев, в память о своей покинутой исторической родине– горе Чугуш, у подножья которой до этого веками жили. При этом с учетом соразмерности двух гор, покинутой и обретенной, не просто скопировали название первой, а несколько переиначили его с учетом миниатюрности второй, заменив букву (ш) на буквосочетание (ев). Что именно они вложили в новое смысловое содержание названия основанного им города, аланы навсегда унесли с собой. Можно только предположить, что оно, при полном сохранении основы названия кавказского горного массива, с помощью добавленного к ней окончания (ев), звучало уменшительно – ласкательно – (Чугуш – гора, Чугуев – горка). Но это уже ничего не значащая версия.

Что же собой представляет гора Чугуш, давшая название нашему городу? Местные жители издавна называют гору «вершиной земли».Она находится на территории Майкопского района Краснодарского края и относится к Кавказскому природному заповеднику.Еевысота составляет 3237,8 метра над уровнем моря. Вершина горы укрыта снежным покровом. На ней расположены десять ледников, которые питают истоки рек Березовой, Чессу, Киша и Белой. У окрестностей горы расположено три перевала: Западный, Восточный и Южный, озеро Чугуш и река Чугушка, получившие название от этого горного массива. Западней Чугуша, расположена гора Малый Чугуш (3063,0м) – первый из «трехтысячников» Большого Кавказа. В одном из литературных произведений автор рассказывает: «За майкопскими вековыми лесами, у самого края небосвода, чуть приметно дрожит, похожая на сидящую птицу, гора Чугуш. Издавна устьлабинцы называют ее Селезнем. Перед мокропогодьем она будто приближается к степи, выплывая из туманной пелены. И тогда станичники говорят: «Быть скорому дождю. Селезень плывет».

Подводя итоги, можно сказать: только в свой 1290 юбилей со дня своего первого основания, город получил свою полную «биографию». Для ее написания автору понадобилось без мала сорок лет. Были моменты, когда казалось, что все исследования зашли в тупик и работа приостанавливалась на целые годы. Но все же удалось преодолеть все лабиринты таинственной неизвестности чугуевского исторического прошлого и выпутаться из множества ее кривотолков. Об одном из них речь пойдет в следующем разделе.

ПОИСКИ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОРОДА

Самые серьезные испытания для первожителей средневекового Чугуева наступили с средины 10 века, когда перестал существовать Хазарский каганат, под государственным покровом которого город, существовал до его уничтожения печенегами и русскими войсками князя Святослава (965г.). Естественно, за этот период (240 лет) никаких сведений о жизни конкретно города Чугуева, как и других городов периода Салтово – Маяцкой культуры (7 – 10 вв.),не сохранилось. Дело в том, что ко времени начала летописания на Руси, Хазарский каганат уже прекратил свое существование, а другого государственного образования, в котором бы существовала своя письменность, вблизи от Подонцовья не существовало.Первыераннеславянские летописи появились толко в 1113 году («Повесть временных лет»)и в 1185 году («Слово о полку Игореве».) О жизненном укладе населения средневекового Чугуева можно судить лишь в контексте археологического воспроизведения культурно-хозяйственной жизни населения Хазарии.Но тот факт, что аланский Чугуев все это время существовал, нам сообщают письменные источники молодого славянского государства Киевской Руси. Оно возникло в начале 9 века северо-западней владений Хазарского каганата. Его окраины, на которых осели несколько славянских племен, граничили с хазарскими землями. Мало того, между населением двух соседствующих между собой государств существовал неизбежный в подобных ситуациях контакт, и не только торгово-экономический. По сведениям визанийских источников, часть славян мигрировала в столицу Хазарии город Итиль, где они занимались торговлейилислужили в войсках кагана. Хазарские купеческие караваны посещали государства Закавказья, города Византии, доходили до самого Киева, где уже в средине 9 века возникли их торговыецентры. Развитие торговли получило новый импульс после того, каквласть в каганате начали контролировать евреи, добившиеся принятия в Хазарии иудейской религии на государственном уровне. В планы хазарской правящей знати входила колонизация северных славянских земель, а в перспективе – и всей Киевской Руси. Но эти замыслы им не дали осуществить усиливающийся натиск на каганат со стороны печенежских орд, внутренняя политическая нестабильность в Хазарии и начавшаяся ответная агрессия со стороны Киевской Руси, вынужденной стать на защиту своих южных границ. Такие славянские племена, как поляне, славяне, вятичи и радимичи к тому времени уже попали в зависимость от хазар и платили им дань.

Летописец под 885 годом пишет: «Послал Олег к радимичам спрашивая: «Кому даете дань?» Они ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте

хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали». Эти данные свидетельствуют, что правящая княжеская элита Киевской Руси была осведомлена о существовании на южных рубежах древнерусского государства Хазарии. И как только у восточных славян на рубеже 9 – 10 вв. появилась своя письменность на основе глаголического алфавита (глаголицы), возникшая благодаря подвижничеству византийских монахов Кирила и Мефодия, русские летописцы довольно часто повествовали о хазарах. Правда, писать им приходилось, черпая сведения из устных пересказов тех русичей, которые хоть каким-то образом контактировали с хазарами, а то и того хуже – отображать прошлое с подачи третьих лиц по принципу: «мне говорилэтот, что ему рассказывал тот». Такая схема добычи информации приводила к искажению многих исторических фактов. Один из них касается и аланского Чугуева. В древнерусских письменных источниках, он упоминается четыре раза, но уже в измененной форме: название аланского города неизвестный русский летописец исковеркал до состояния легкой узнаваемости – Чугуев стал «Чешуевым». Но даже за это ему следует высказать большую благодарность. Только благодаря летописным сведениям стало известно, что история раннесредневекового Чугуева не оборвалась после исчезновения Хазарского каганата, что он смог самосохраниться не только в эпоху печенежского господства над Днепро –Донецкими южными степями(9 – 10 вв.), но и в более поздний период, когда место печенегов заняли половцы (11– первая четверть 12 в.).

Следует отметить, что за 1290-летний период существования Чугуева, ранний период его истории(725 – 1237гг.), никогоиз историков разных времен серьезно не интересовал и по этой причине не исследовался. Поэтому на летописное свидетельство о существовании затерянного в лесостепной глуши Дикого Поля городка Чешуева никто внимания не обращал. А если и обращал, то в подлинности его названия не сомневался, так как об аланском названии городка в «оригинале 725 года», небыло никому известно. Даже С.А.Плетнева, первая из маститых ученых, кто коснулся истории средневекового Подонцовья в контексте исследования ею более глобальных тем, связанных с печенежской и половецкой эпохами владения этой местностью, рассказав омиграции алан на побережье рек Оскола и Северского Донца, не смогла конкретно «приземлить» их на территории какого-то из 18 городищ Подонцовья от Вербовского на юге до Маяцкого на севере. О том, как изначально назвали кавказские переселенцы основанный на территории нашего современного райцентра свой город, она конечно же тоже не знала. Но в своих теоретических предположениях, куда пропал упоминаемый в древнерусских летописях город «Чешуев» и каким образом в этой же местности появился ранее не замечаемый русскими ваятелями старины и неожиданно обнаруженный ими половецкий город Шарукань,заявила: «Мы знаем..., что город Шарукань, названный в честь хана Шарукана в некоторых списках именуется Чешуевым. (С.А. Плетнева имеет ввиду летописные исторические своды времен Киевской Руси). Может быть, древний Чешуев – Шарукань находился на месте современного Чугуева, а Сугров – Змиева?»– риторически спрашивает сама себя московский археолог.

Если в первой части своего высказывания она уверенно констатирует факт отождествления русскими летописцами хазарского «Чешуева» и половецкого «Шаруканя» как одного и тогоже города, переименованного

новыми хозяивами степей на свой лад, то о локализации его на местности говорит весьма предположительно. Ее легко понять: как историк, она чувствовала, что город «Чешуев – Шарукань» – это и есть современный город Чугуев, но как археолог – не могла этого доказательно подтвердить, хотя и пыталась это сделать. В 1957 году группа молодых московских археологов под ее руководством проводила раскопки на Чугуево городище. Но они не дали в этом ключе никаких положительных результатов. В своем научном отчете о результате археологических раскопок на территории нашего современного города Чугуева, она констатировала: «Был обследован мыс, на котором в настоящее время находится город Чугуев, так же упомянутый в «Книге Большому Чертежу» в качестве древнего городища. Никаких признаков раннесредневековых сооружений или хотя бы обломков керамики, на мысу нет».

Это прозвучало как приговор древней и средневековой истории Чугуева – рыть дальше здесь нечего! Такое заявление известного уже в те годы специалиста общесоюзной значимости в области археологии, не могло не оттолкнуть следующие поколенияархеологов от «чугуевского мыса», как бесперспективного в плане дальнейших научно-поисковых раскопок. Даже профессор Харьковского университета Б.А.Шрамко, работая над своей фундаментальной книгой «Древности Северского Донца», обошел город Чугуев своим вниманием, что видно по его работе.

И не была бы С.А. Плетнева по-настоящему талантливым ученым – историком, если бы она однозначно и бесспорно -категорично заявила – нет на Чугуевском городище «признаков раннего средневековья» и никогда не было! В этом же отчете она оставила шанс будущим исследователям исторического прошлого нашего города обнаружить их: «Вероятно, они (эти признаки) полностью уничтожены позднейшими перестройками». По всему видно, что тема Чугуевского городища долгие годы была обьектом ее пристального внимания.Спустя 18 лет после вышесказанного, она дублирует свой вердикт такими словами: «Ксожалению, в обоих городах (Чугуеве и Змиеве) древний культурный слой совершенно уничтоженперекопами и постройками».По всему чувствуется, что С.А. Плетнева в практике своей археологической работы, видимо, неоднократно сталкивалась с подобного рода фактами, когда теоретически они налицо, а научно, с помощью лопаты, по обозначенной ученым причине, их подтвердить нельзя.Опытнейший археолог знала, о чем говорила: «раннее чугуевское средневековье» было удалено по времени от момента ее исследовательских изысканий более чем на 1200 лет! А от скифских древних времен, к которым автор данной книги предположительно относит появления первого городища на территории современного Чугуева – лет ровно в два раза больше.Но вернемся в средневековое Подонцовье и попробуем, основываясь на сведениях все той же С.А.Плетневой, воспроизвести события тех далеких времен. Итак, захватившие территориальное пространство бывшего Хазарского каганата печенеги, по всей видимости, весьма ощутимо потревожили население этого региона, в том числе и аланских городков Чугуева и Сугрова. И все же они сумели каким-то образом восстановиться и уцелеть. С.А.Плетнева: «В верховьях Северского Донца, в глухих, малодоступных для кочевой конницы местах обитали еще прежние хозяева лесостепной окраины Хазарского каганата – аланы».Об этом более чем

убедительно свидетельствуют события, связанные с походом Великого Киевского князя Владимира Мономаха на половцев в 1111 году. Оба упомянутых города (Шарукань –Чешуев и Сугров), расстояние между которыми равнялось одному дню пути пешего войска (приблизительно 35– 40 км) были захвачены русскими войсками с интервалом в один день. Об этом идет речь в датированной 1113 годом летописи под названием «Повесть временных лет». И не только в ней.

Светлана Александровна в присущей ей манере «осторожничать» (а события тысячелетней давности другого подхода и не терпят), при освещении вопроса касающегося существования аланско – половецких городков Шаруканя, Сугрова и Балина, пользуется словами «скорее всего», «вероятно», «видимо», «можно предположить» и т.д. Автор данной книги тоже оставляет за собой право предположить, что маститого московского археолога, по всей видимости, в определенной степени тема привязки их к конкретной местности, волновала. Иначе чем объяснить, что она в течении 25 лет несколько раз к ней возвращается. И если в начале этого срока она писала: «Может быть древний Шарукань – Чугуев находится на месте современного Чугуева…», то в конце сообщала: «Что касается конкретного определения места каждого из упомянутых летописью городов, то к сожалению, ни вЧугуеве, ни в Змиёве не сохранилось никаких следов древних культурных слоев и поэтому мы не можем с уверенностью говорить, что здесь в 12 веке стояли аланско – половецкие городки – зимовища. Тем не менее, в качестве гипотезы, локализация Шаруканя на месте Чугуева, а Сугрова – Змиёва, вполне допустима». Кажется, ничего нового во втором высказывании нет, но оно звучит несколько «теплее» и обнадеживающе, в первую очередь для «коллег по ремеслу», которым возможно суждено в ходе дальнейших исследований «чугуевского» вопроса докопаться до истины в прямом и переносном смысле этого слова.

Неуверенность С.А.Плетневой объясняется еще и тем, что многие из ее коллег определяли место нахождения трех половецких городков – зимовников совершенно в другом месте, чем это делала она.На карте, приложенной к книге А.И. Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения» (1794 г.), половецкие города Шарукань, и Сугров показаны таким образом: Сугров в устье р. Айдара, а соседний Шарукань– у самого устья р. Красной. А.И. Мусин-Пушкин был обладателем прекрасного собрания старинных рукописей и мог пользоваться источниками, которые не сохранились до наших дней. Этого не могла не учитывать С.А.Плетнева.Ошибиться она, видимо, не хотела – не тот уровень в иерархии советских ученых археологов она занимала.

Ученый-исследователь Н.В. Сибилев предпринял попытку отождествить половецкие города с определенными археологическими памятниками. Так, он считал, что остатки Шарукани – это Теплинское городище, расположенное на правом берегу Донца у с. Богородичного, Донецкой области; Сугров – это Сидоровское городище, расположенное в 10 км по прямой от предыдущего у с. Сидорово; Балин – это городище, которое находится в 4 км к югу у с. Маяки, в урочище Царино. Другой ученый, И. Кудряшов, в своих историко-географических изысканиях, присоединился к мнению Н.В. Сибилева и также

считал возможным отождествлять Шарукань с Теплинским, а Сугров с Сидоровским городищем.

А вот Б.А.Шрамко высказал по этому поводу свое несогласие:«Этот вопрос еще нельзя считать окончательно решенным. В 1957 г. нами (вместе с С.А.Плетневой) было тщательно осмотрено Теплинское городище и снят его план. Все городище покрыто лесом и задерновано, но во время осмотра его территория была во многих местах изрезана окопами и ямами от землянок военного времени. Осмотр обнажений показал, что культурный слой городища насыщен очень слабо и вовсе не свидетельствует о том, что здесь был хорошо известный летописцу город. Кроме кремневых отщепов, здесь удалось найти лишь несколько фрагментов керамики салтовской культуры. По данным И.И. Ляпушкина Сидоровское городище и городище у с. Маяки также относятся к памятникам салтовской культуры. Во время наших разведок в I960 г. здесь также был найден только салтовский материал 8 – 10 вв. Никаких находок 12 в., которые можно было бы связывать с половцами или с каким-либо другим населением, здесь нет». Далее Б.А.Шрамко высказал мысль об алогичности размещения половецких городков в устье Дона более чем за сто километров от берегов Северского Донца:

«В походе 1111 г. русское войско, взяв городки, стоявшие на правом, высоком берегу Донца, переправилось еще по льду (был март) на левый берег. Там произошло у них первое столкновение с половцами (на Дегае), после которого русские, естественно, углубились в степь, преследуя основные силы половцев. Встреча произошла только через два перехода, т. е. еще через 70 км (минимум) у речки Сальницы (в районе нынешнего города Изюма). Предложенное Кудряшовым размещение городков ниже впадения Сальницы в Донец предполагает, на мой взгляд, ничем не оправданное, причем поспешное, возвращение князей из степной глубинки после взятия городков. Битвы с половцами по неясной причине также происходили на обратном пути, а значит, русские даже не собирались сражаться с половцами и, главное, разгромить их. А это, как мы знаем, не соответствует решению князей на Долобьском съезде: они направляли удары для уничтожения опасности, а не для грабежа ближайших кочевий.Таким образом, задача о местонахождении половецких городов пока остается нерешенной…Мне представляется, что более правы те ученые, которые размещают эти городки на Донце в районе современных городов Чугуева, Змиева и сел Коробовы хутора, Гайдары, т. е. на 100 км северо-западнее указанного Кудряшовым участка, а это значит, что городки и зимовища половцев располагались почти вплотную к русской границе: пограничный город Донец на реке Уды стоял всего в 30 км от Чугуева. В этом случае вполне понятно неистовое желание Владимира оттеснить половцев с занятых ими позиций. Они находились слишком близко от русских поселений и вследствие этого были особенно опасны для них».

Безоговорочно и однозначно локализировала печенежские городки-зимовники Большая Советская Энциклопели (БСЕ): «Шарукань (от имени половецкого хана Шарукана), город 11 – начала 13 вв., предположительно на Северском Донце, в районе гг. Чугуев – Змиёв. Возник на базе поселения аланов, имел смешанное население и был зимним убежищем половцев. В 1111 Ш. был взят войсками Владимира Всеволодовича Мономаха и др. русских князей. В 12 – начале 13 вв. Ш. запустел». Самая важная деталь в

энциклопедическом высказывании, не столько локализация половецких городков на «чугуевском» Подонцовье, столько констатация главного факта– «Шарукань … возник на базе поселения аланов». Учитывая то, что такое солидное издание советских времен, как БСЭ, составлялось и редактировалость «светилами» исторической науки СССР, знающими о чем утверждать, в совокупности с информацией С.А.Плетневой, которая практически «довела» северокавказских алан до самого «чугуевского» городища после их перемещения в 725 году с Алании в Подонцовье, а также принимая во внимание сведения «Книги Большому Чертежу» о существовании на «чугуевском» мысе раннесредневековой каменной крепости, факт основания аланами города Чугуева можно квалифицировать как бесспорный, не требующий других доказательств.

А вот как отобразила этот вопрос на своих электронных страницах народная энциклопедия Википедия: «Город Шарукань состоял из сравнительно небольшого числа каменных строений и намного большего числа юрт кочевников. В 1111 году Шарукань был взят войсками Владимира Всеволодовича Мономаха и др. князей. В 13 веке Чингисхан послал на разведку «западных земель» сильный кавалерийский корпус под командованием Джэбэ и Субедея, которые разрушили половецкий город в 1223 г. Половцы бежали на Запад, надеясь найти союзников в лице Руси. После Битвы на Калке некоторое время население города сохранялось, но повторный приход монголов во главе с Батыем заставил половцев уйти навсегда. Их племена осели в низовьях Дуная. В 12– начале 13 веков Шарукань запустел». Следовательно, на лицо и второй исторический факт – аланский город Чугуев, переиначенный древнерусскими летописцами в «Чешуев» в печенежское время, и переименованный в Шарукань в половецкий временной период их господства речным Подонцовьем, просуществовал с 725г. по 1223г. и был уничтожен татаро-монголами.

Хотя ради объективности ситуации по данной проблеме следует отметить, что в исторической литературе имеется пример категорического отрицания существования печенежских городков на территории современного Чугуева и Змиева. Он связан с публикациями на эту тему некого С.В.Трусова, который ссылается на автора болгарской летописи «Джаграф Тарихы» – Гандзы Барджака. Правда забыв добавить, что официальной европейской исторической наукой она не воспринимается. По его версии Шарукань, Сугров и Балин находились где-то в верховье Дона, в месте впадения в него притоков – рек Воронеж и быстрая Сосна. При этом Шарукань(Чугуев) у него называется Черши, Сугров –Сыгыром, а Балин – Балыном.С.В.Трусов город Шарукань размещает в современном русском городе Елец, а Сугров – в каком-то населенном пункте Чернова. Несостоятельность такой точки зрения не требует комментариев. Равнозначно, как и стремление краеведов – аматоров поселка Рогань Харьковской области, разместить половецкий Шарукань на территории Рогани.

С целью подтвердить или опровергнуть все эти сомнительные предположения ученых и кочующие по страницам исторической литературы версии на эти темы, с инициативы директораЧугуевского художественно – мемориального музея И.Е.Репина С.И. Бучастой, в 1996 году были организованы археологические раскопки Чугуевского городища под руководством научного сотрудника Харьковского областного исторического

музея Л.И.Бабенко, а в 2009 году исследовательские работы проводила экспедиция под руководством научного сотрудника Харьковского педуниверситета Г.Е.Свистуна.По результатам произведенных работ, он издал книгу под названием «Чугуївське городище», в которой имеются такие строки: «Заселение непосредственно территории исторического центра г. Чугуева, согласно археологическим данным, относится ко времени раннего средневековья, а именно к 8 – 10 векам н.э.»(что полностью совпадает с исторической концепцией С.А.Плетневой об основания Чугуева племенами аланских переселенцев с Кавказа в 725 году). И далее: «Как уже говорилось выше, в средине 8 в. часть аланских племен их Северного Кавказа мигрирует в лесостепной регион Северского Донца. Возможной причиной этого процесса были хазаро-арабские войны и связанная с воинскими действиями, которые проходили, в частности на землях алан, разруха.Указанные выше племена стали одним из основных компонентов салотово – маяцкого культурного сообщества. На территории города Чугуева возникает ряд поселений, центром которого становится общее городище – убежище, которое согласнописьменным источникам, известно с конца 16 века под названием Чюгуево…Археологические исследования, которые проводились в историческом центре современного города, доказывают, что еще в раннем средневековье здесь существовала сильная в фортификационном отношении крепость с каменной цитаделью и несколькими линиями обороны. Таким образом, полностью подтверждаются свидетельства письменных источников относительно существования старинной каменной крепости ко времени начала колонизации Слобожанщины в 16 – 18 ст. В самой крепости и вне ее границ зафиксированы следы жизнедеятельности раннесредневекового населения».

Теперь вернемся к заключению С.А.Плетневой: «Был обследован мыс, на котором в настоящее время находится город Чугуев, так же упомянутый в «Книгой Большому Чертежу» в качестве древнего городища. Никаких признаков раннесредневековых сооружений или хотя бы обломков керамики, на мысу нет».

Не будем гадать, почему в 1957 году только, начинающая свою научную карьеру 30 –летняя Светлана Плетнева, не смогла обнаружить то, что удалось открыть харьковскому археологу Геннадию Свистуну в 2009-м, спустя больше чем полвека. Автору данной книги важен результат поисковой работы этих двух археологов: С.А.Плетнева была первой и единственной, кто на основании письменных источников иностранного происхождения, фактически анонсировала основания нашего города аланами в первой четверти 8 века н.э.; Г.Е.Свистун убедительно свидетельствует, что следы проживания кавказских переселенцев на территории современного Чугуева явно дают о себе знать наличием каменной крепости на чугуевском городище, возникновение которой тоже датируется этим временем.Круг замкнулся. В исторической науке при выяснении тайн прошлого, нет более убедительного доказательства, когда сведения письменных и археологических источников по одному и тому же вопросу, совпадают. В нашем случае все именно так и произошло. На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно«но»: требовалось развеять сомнения А.С.Плетневой относительно отождествления аланского города Чугуева и половецкого города Шаруканя в качестве единственного предшественника нашего современного города. А еще требовалось привязать

его к конкретной местности, чтобы раз и навсегда вставить в средневековую историю нашего города таинственный замыкающий пазл достоверности его сложной и крайне запутанной биографии.То ли Господь смилостивился над теми, кто веками не мог прояснить данную ситуацию, то ли у Геннадия Свистуна оказалась «легкая рука», но сделанное имвесьма неожиданное, а в нашем случае просто сенсационное открытие, в миг расставило все на свои места – все гипотезы стали реальностью.

А произошло это так: раскапывая Кочетокское городище, которое находится всего в нескольких километрах от современного Чугуева, в районе одного из существующих еще в давние времена бродов через Северский Донец, ему удалось на двухметровой глубине среди боя керамической посуды древнерусской керамики обнаружить уцелевшее днище горшка с отпечатком общеизвестной в археологическом научном мире тамги (родового знака Рюриковичей) сына Владимира Мономаха Мстислава Великого. Для дальнейшего повествования, важно остановиться на личности князя, годы жизни которого 1076 – 1132г. Мстислав (в Св. крещении Феодор) Владимирович Великий в истории Киевской Руси значится как крупный полководец и государственный деятель. Его мать княгиня Гита, дочь английского короля Геральда второго, сам же он –правнук византийского императора Константина Мономаха и князя Ярослава Мудрого. Он княжил в Новгороде – Великом, Ростовском и Смоленских княжествах, совершал много славных победоносных походов против врагов своего государства. По мнению многих ученых, именно Мстислав Великий является последним редактором летописи «Повести временных лет». Он был и последним киевским князем, который как мог противостоял феодальной раздробленности Киевской Руси. После смерти был причислен к лику святых.

И вот этому человеку суждено было принять участие вместе со своим отцом Владимиром Мономахом в походе на половцев в 1111 году, о чем и идет речь в вышеупомянутой летописи. «Логовом» северной группировки половцев к этому времени было Подонцовье, а точнее – бывшие аланские города на Северском Донце, оставшиеся еще с времен господства на этих землях Хазарского каганата, рухнувшего под ударами киевского князя Святослава еще во второй половине 10 века. Города эти –уже переименованные половцами на свой манер –Шарукань, Сугров и Балин, существовали за счет земледелия, ремесла и торговли. Своим новым хозяевам – половцам, население этих затерянных в лесостепи маленьких городков сопротивления не оказало, предпочитая откупиться данью. Для самих половцев тоже был характерен такой подход в отношениях с покоренными племенами: привести их к смирению и заставить во всем безоговорочно подчиняться. В данном случае города эти половцы превратили в зимовники хана, а проживающее в них аланское население – в «обслуживающий персонал». В правилах половцев существовал обычай четкого распределения зон степного владычества между ханами с образованием центров, своеобразных столиц своих вотчин, которые они в обязательном порядке называли своими именами. Новому владельцу земель Подонцовья из трех городов больше остальных приглянулся аланский Чугуев, который он своей волей переименовал в Шарукань. Это событие и привело к тому, что упоминаемый в предыдущую печенежскую эпоху в древнерусских летописях город «Чешуев» с приходом в эту зону половцев

больше не упоминается. Причина этого и былы выяснена во время похода Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого на половцев в 1111 году: аланский Чугуев (летописный Чешуев) теперь в честь половецкого хана Шарукана стал городом Шарукань.

Теперь все это следует «разложить по полкам». Итак, в воскресенье, 19 марта войска Владимира Мономаха подошли «к Донови», т.е. Северскому Донцу, реке, которые русские летописцы называли Доном. Вплоть до находки Евгения Свистуна было неизвестно в каком самом месте русская рать вышла на берег Северского Донца. Об этом более чем убедительно поведала находка харьковского археолога – фрагмент кухонной керамики с оттиском «герба» рода Мстислава Великого на окраине современного поселка Кочеток. Об этом можно говорить со стопроцентной уверенностью: Мстислав ни раньше, ни позже в этих местах не был. Вероятность, что это керамическое изделие попало на кочетокскую землю позже, в 1116 году, когда в походе на половецкие городки приняли участие только молодые князья, полностью отпадает.«В тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк взял себе жену очень красивую – пленную дочь ясского князя». Троицкая летопись сообщает: «В томъ же лете Ярополкъ ходи на половьческую землю, к реце,зовомеи Донъ, и ту взя полонъ многъ и 3 городы взяша половечскые: Галинъ, Чешюевъ и Сугровъ, и приведе с собой Ясы и жену полони собе Ясыню».

В том, что они двигались по ранее проложенному Владимиром Мономахом маршруту, сомнений не возникает. Но в правилах тех времен, вещи, клейменные великими князьями, и всякая другая военная амуниция во время военных походов могли находиться исключительно в принадлежащем им «багаже».Клейменные изделия находились в обиходе княжеского двора и широкого распространения не имели. Данная находка является первой и единственной на территории Слобожанщины и за пределами древнерусского государства.

Далее, из летописи становится доподлинно известно, что в добровольно сдавшемся Владимиру Мономаху гороже Шарукань (Чугуев) проживало аланское население – во время повторного похода в 1116 году, молодой князь Ярополк, со слов летописца, взял себе в жены дочь «ясского князя». (В русских летописях алан называли ясами).И еще: в аланском Чугуеве (Шарукане) проживало население, исповедующее христианскую веру, которую они позаимствовали у Византии еще до переселения на Подонцовье. Переселившиеся на земли современного города кавказские аланы в 725 году впервые принесли христианство на земли Чугуевщины, что на 263 года раньше, чем князь Владимир Крестил Русь в 988г.

И, наконец, о самом главном: в течение длительного времени между исследователями чугуевского средневековья не существовало единой точки зрения относительно места нахождения летописной шарукановской столицы северной группировки половецких орд в Подонцовье.Ее размещали кому где нравилось: одни на территории современного Харькова, другие – на месте населенного пункта Рогань, третьи – вообще видели ее в устье Северского Донца. И только археологи С.А.Плетневаи Б.А.Шрамко, которые глубже остальных вникали в этоту проблему, придерживались точки зрения,

фиксирующей половецкие городки Шаруканьи Сугров на территории современного Чугуева и Змиева, хотя тоже с определенной долей сомнения.

Археологическая находка Г.Е.Свистуна, которую с учетом ее значимости, можно квалифицировать как важное историческое открытие, наконец-то всякие сомнения, касающиеся места размещения упомянутых городов в зоне Подонцовья, развеяла. Никому не придет в голову трактовать факт обнаружения на Кочетокском городище под двухметровым слоем поздних грунтовых напластований тамгу Мстислава Великого иначе, чем это сделал сам автор находки: «Таким образом, скорее всего, удалось нанести на карту точку прохождения русского войска и факт использования в своем маршруте определенного брода и дороги, ведущей к половецким городкам, упомянутым в летописях, но до сих пор не локализованных на местности – Сугрова, Балина, Шарукани и Чешуева».

Во всей этой истории следует учитывать несколько побочных фактов, которые неопровержимо свидетельствуют о ее достоверности. Во – первых, летопись «Повесть временных лет», повествующая о походе Владимира Мономаха и его сына Мстислава на половцев, датируется 1113 годом. Другими словами, она создавалась по «горячим следам» важного в нашем случае исторического события, что предопределяет участие в ее составлении непосредственных участников похода. Выше уже упоминалось, что по мнению некоторых ученых(Л.Н. Гумилева, Б.А.Рыбакова) эту летопись редактировал непосредственно Мстислав Великий. Во-вторых, о существовании «кочетокского» брода через Северский Донец в более поздний период нам сообщают такие исследователи нашего края как Д. Багалий и Слюсарский. В-третьих, продолжительностьпреодоления расстояний по времени от места перегруппировки войск Мономаха до половецкого Шаруканя, а затем от Шаруканя к Сугрову, соответствует реальной сегодняшней взаимоудаленности упомянутых объектов друг от друга.

Следовательно, войска Владимира Мономаха без всякого сомнения двигались обозначенным в летописи маршрутом,завершающая стадия которого выглядела так: «кочетокский» речной брод Северского Донца – г.Шарукань (Чугуев) – г.Сугров – река Сальница. Не исключено, что обратный путь в Киев пролегал поэтому же маршруту.

Подводя черту под вышеизложенными фактами, можно с уверенностью восстановить раннесредневековую историю нашего города. Он был основан аланскими племенами, выходцами из Северного Кавказа, мигрировавшими в 725 г. на чугуевское городище.Имя Чугуев изначально дали городу кавказские переселенцы. За всю свою раннесредневековую историю (725 – 1239 гг.) он сохранил свое существование в условиях хазарского, печенежского и половецкого господства и был разрушен спешившим к границам Киевской Руси монголо-татарами.

ЧУГУЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

О нем уже много сказано выше по тексту. Осталось все только подытожить для более целостного восприятия данного вопроса.

Когда речной мыс обрел статус городища, доподлинно неизвестно. Автор, с учетом предположений ученых, придерживается точки зрения,что первые укрепления на нем были сооружены примерно 2,5 тысяч лет тому назад.Вопрос не содержит в себе принципиальной важности. Главное состоит в том, что уже в то далекое время земли современной Чугуевщины были заселены племенами развивающегося человечества, о чем имеется множетво убедительных археологическихдоказательств.История сохранила собственное название племен, которые обитали на наших землях в скифские времена. Это были меланхлены – «люди в черном». В зону их расселения входило среднее Подонцовье и прилегающие к нему северо-западные территории, внешнюю ограничительную линию которых можно условно контурно провести по точкам расположения таких украинских и российских городов как Изюм – Полтава – Ромны – Новгород – Сиверск – Трубчевск – Курск – Белгород.

С большой долей уверенности о чугуевском городище можно говорить, начиная с первой четверти 8 века н.э., когда на нем обосновались аланы – переселенцы из Северного Кавказа. Дальнейшее развитие событий в этом регионе более чем убедительно свидетельствует о неприрывности обитания на его территории населения до первой четверти 13 века. Каким чудом оно смогло самосохраниться во время разгрома Хазарского каганата киевским князем Святославом и господства на землях Подонцовья печенегов и половцев, остается только гадать. Но то, что в печенежский период в письменных источниках Киевской Руси на его месте был расположен город Чешуев, а в половецкий – город Шарукань –просуществовавший вплоть до начала 12 века – факт,больше не требующий доказательств. Следующий период в истории городища, продлившийся целых четыре века, можно озаглавить как «пустошь Дикого поля». Жизнь на разрушенное монголо-татарами и заросшее прибрежным лесом чугуевское городище возвратилась только в 1638 году в процессе колонизации южных степей Подонцовья набирающим силу Московским государством. Этот возврат стал возможен благодаря оставшимся в русских архивах сведениям о существовавшем некогда в зоне южного русского пограничья средневекового города Чешуева. Интересно, что Московское правительство послало украинских казаков не на расположенное рядом Донецкое городище, входившее до монголо-татарского нашествия в состав Киевской Руси, а отправило их для строительства крепости на чугуевское, известное ему только по архивным материалам. Определяющую роль конечно же сыграл фактор расположениея его на Северском Донце и природные фортификационные свойства городища. Там и возник наш современный Чугуев, начав свою новую историческую летопись со средины 17века. А вот старая– оказалась совершенно забытой. И чтобы окончательно от нее отмежеваться, была придумана история с «чугой». Но, как говорится, из песни слов не выбросишь – отыскалась и раннее невидимая часть исторического «айсберга» нашего города. Дело за малым – воздать заслуженную дань прошлому нашей общей малой исторической родины.

О том, что задолго до казацкого Чугуева, существовал раннесредневековый аланский город, современник располагавшегося на землях современной Чугуевщины Хазарского каганата (7 – 10 вв.), сегодня признают все, кто хоть мало-мальски прикасался к «чугуевским» древностям. И может быть к данному времени наш город уже бы имел свою полную биографию,

еслибы история так крепко не запутала его прошлое. Автор более чем уверен, что в будущем исследователи приоткроют еще много тайн исторического прошлогонашей чугуевской земли.

Но вернемся к уже застроенному городищу в том варианте, что от него осталось после последних 378 лет хозяйствования на нем человека.Оно расположено на высоком правом берегу Северского Донца. Решающую роль в его выборе населением данного региона сыграли два обстоятельства: природные фортификационные свойства защитного характера и возможность контроля за прилегающей к нему местностью, особенно со степной, северовосточной стороны.Оно не теряло своей военно-стратегической значимости по меньшей мере около двух тысячелетий подряд, вплоть до конца 17 века.Впервые упоминается в письменных источниках Московского государства с конца 15 века. Общая площадь городища составляет примерно 21 га, верхняя площадка мыса занимает 14 га. За весь период его существования исследовано 0,23% от его общей площади и 0,35% от верхней площадки, что позволяет отнести его к числу малоисследованных. Первым его изучал русский этнограф В.В.Пасек(1808 – 1842 гг).Почти одновременно с ним городище исследовал Архиепископ Харьковский и Охтырский Филарет (в миру Д.Г. Гумилевский (1805– 1866 гг.), Д.И. Багалей (1857 – 1932 гг.) – русский и советский историк, ректор Харьковского госуниверситета. Но особая заслуга не столько в исследовании самого чугуевского городища, сколько его раннесредневековой истории, принадлежит С.А.Плетневой (1926 – 2008 гг)– крупнейшему специалисту по археологии, истории и культуре кочевых народов среденевековья.

Без всякого сомнения, после 1638 года, в целях приведения территории города «в порядок», был нарушен не только поверхностный ландшафт, но и его внешние контуры – засыпаны рукотворные рвы, разравнены валы, уничтожено все, что когда-то служило целям обороны средневековой крепости. Сообщником людей в уничтожении былого вида городища была и природа: вся современная улица Горького, опоясывающая восточную часть городища, выстроена на оползневых отложениях почвы прибрежного мыса.Еще в 60–70-х годах прошлого века девять домов по этой причине были признаны аварийными, а их жильцы отселены. Совсем недавно уровень воды в реке Северский Донец во время весенних паводков подымался так высоко, что в зону подтопления попадали «нижняя» Башкировка и Малиновка, вода плескалась чуть ли не у самой кромки бывшей улицы Ворошилова почти по всей ее длине.Сооружение Печенежской плотины и резкое изменение климата, привели к тому, что основательно обмелевшая речка редко какой весной выходит из берегов.

Сейчас трудно себе представить, что еще каких-то 500 – 700 лет тому назад по всему верхнему периметру превращенного в крепость речного мыса, наблюдались почти вертикальные обрывы почвы высотой в несколько десятков метров. Глубокие яры, отмежовывающие территорию городища от современной Преображенки и тянувшиеся примерно от улицы Кожедуба и ООШ № 8,мимо мясокомбината, нового автопарка и до места расположения бывшего мебельного комбината, служили его надежной защитой с западной стороны. На самом дне яра, по всей вероятности, протекала небольшая река, сохранившаяся до наших дней в виде маленького ручейка, который впадает в

Чуговку в районе начала улицы Кирова (Зачуговской).Некогда, в сотни раз полноводней нынешнего, правый приток Северского Донца – река Чуговка, исток которой находился у современного Зароженского лесного массива, протекала у самого обрыва городища, параллельно современной улице Кожедуба и служила его естественным «укрепрубежом» с северной стороны. Русло проходило по территории, где в настоящее время находятся ресторанные комплексы «Алекс» и «Принц».При строительстве Ростовской автотрассы оно было отодвинуто на несколько десятков метров в сторону Зачуговки. Далее был сам Северский Донец, огибающий городище с юго-восточной стороны от Башкировского моста и до самой Гридиной горы.Городище скорее всего не имело напольной стороны, которая бы связывала речной мыс с материковой частью почвенного массива. Другими словами, оно представляло собой гору с плоской вершиной, что и нашло отображении в его названии – чугуево – городище (чуга в переводе с древнеосетинского – гора).В ближайшей округе с «чугуевской горой» может соперничать только гора Кременец, что вблизи города Изюма, с той лишь разницей, что ее контуры не позволяли стать для людей древним пристанищем для обитания.

Если условно предположить, что городище на территории современного Чугуева берет свое начало со скифских времен (2,5 тыс. тет тому назад), то не вызывает сомнения факт, что за этот исторический период на нем проживали представители различных народностей, которые в той или иной мере приспосабливали его фортикационные свойства, исходя из своих интересов и возможностей. Сегодня, продвигаясь по его изрезанному буераками контуру, трудно сказать, какие из них рукотворные, а какие оставлены нам природой. Сомнения нет лишь в том, что детинец его – искусственно оборудованная защитными сооружениями часть городища, находились на территории современной площади им. Ленина и рядом расположенными сквере, тремя кирпичными пятиэтажками, Покровским собором и бывшим юнкерским училищем. Приглашенный 1989 г. в Чугуев автором данной книги русский археолог В.К.Крицин, специализировшийся на теме средневековья, в ходе визуального осмотра местности, на которой расположен наш город, прищел к заключению, что древнее чугуевское городищесуществовало в двух вариантах – усеченном и расширенном. Первый характеризуется устройством защитных сооружений, начиная от спуска на улицу Горького. Далее она шла в северном направлении по обрыву параллельно Донцу, резко поворачивала на запад в районе подвесного моста над ростовской трассой, снова резко поварачивала на юг, шла по частично засыпанному глубокому оврагу между Покровским собором и автостоянкой, в районе бывшей бани снова поворачивала на восток, шла мимо торговых рядов по улице Розы Люксембург в направлении вышеупомянутого спуска на улицу Горького, где сообщалась с возвышающейся над Северским Донцом кручей. В этом и сейчас легко убедиться, следуя по этому маршруту.Расширенный вариант городища предположительно включал в себя «усеченное» городище со значительным его расширением в южном направлении. От упоминаемого спуска к Донцу (ул. Горького) линия обороны следовала по восточной окраине речного мыса мимо Районного дома культуры и парка им.Репина, у начала улицы Постышева, охватывая часть современного Карбышевского жилого массива, поворачивала резко на запад и следовала в направлении ООШ №8, где, проходя через зону «магаданской» девятиэтажки

(напротив автовокзала), соединялась с глубоким разломом почвы, отделяющий современную Преображенку от Чугуева. Далее, плавно огибая мыс уже в восточном направлении в районе современной улицы Кожедуба, соединялась с общей линией обороны где-то в районе Покровского собора. У школы №8, в районе гаражного кооператива, до сих пор сохранились следы частично засыпанного глубокого рва, который прослеживатся почвенной оседлостью вплоть до улицы Харьковской. Автору удалось побеседовать с коренным чугуевцем, который принимал участие в засыпке этого рва в начале 30-х годов прошлого века.

Естественно, это только версия, которая требует основательной проверки, хотя многие факты свидетельствуют о ее достоверности. Один из них – проживание на территории Слобожанщины многочисленных племен меланхленов. Скорее всего это был союз родственных племен, который носил это обобщающее название. Греческий историк Геродот, вдоль и поперек исколесивший в течении 14 месяцев территорию Скифии, численность меланхленов в этом регионе определяет «множеством без счета». Следовательно, этой древней народности было под силу строительство больших городищ. В глубинных районах современной Украины в скифский период были сооружены Мотринское, Чигиринское, Трахтемировское и ряд других городищ, которые по своим размерам в десятки раз больше чугуевского.

Свыкшиеся с местным рельефом, жители Чугуева не склонны замечать, что живут на горной возвышенности. С какой бы стороны они не пытались попасть в центр города, обязательно должны преодолевать подьем.Две основные улицы Чугуева – Харьковская и Гвардейская, начинаются и заканчиваются спусками. К ним можно присовокупить улицы Каляева, Горького, Постышева, Пирогова (Гридина гора) и Якира. Все они рукотворны– прорезаны в земной тверди горы. Кроме них, существует еще более десятка троп, позволяющих населению спускаться к подножью «чугуевской горы» и обратно подниматься в город.Это – спуск к малиновскому мосту в районе улицы Карбышева, спуск к гаражам в районе ООШ №8, спуск к подвесному мосту – переходу на улицу Кочетокскую,спуск в районе железнодорожного вокзала и так далее. Следовательно, речной правобережный мыс Северского Донца, без всяких условностей и преувеличений, рельефно выглядит, как гора с плоской вершиной. Переселившимся на него в 725 году кавказским аланам, запечатлевшим эту особенность местности в ее первозданном природном виде, без всякого рода поверхностных построек, ничего не оставалось, как определяя название своего нового места жительства, «назвать вещи своими именами» – словом Чугуев, где «чугу», в переводе с древнеосетинского означает гору со срезанной вершиной.

В настоящее время городища, как такового, реально не существует – есть просто городская территория. Сменяющие друг друга поколения чугуевцев в своем подавляющем большинстве понятия не имеют, что их место жительства, представляет собой уникальную в историческом плане местность, на которой когда-то зарождалось, цивилизационно формировалось и эволюционно развивалось человеческое общество.Вне всякого сомнения, не смотря на тотальное разрушение поверхностных слоев почвы в результате хозяйственной деятельности проживающего на городище населения, в ней наверняка продолжают еще храниться следы античного и средневекового

человеческого присутствия.Автор не сомневается, что рано или поздно они откроют перед чугуевцами новые страницы исторического прошлого нашего славного города Чугуева, как одного из самых значимых исторических центров не только Слобожанщины, но и Украины в целом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Структурное построение и отдельные содержательные особенности настоящей книги требуют дополнительного пояснения. Первое – это наличие обширного вспомогательного материала в виде исторических эпизодов развития человечества, проживающего в различные временные эпохи как в непосредственной близости к территории современной Чугуевщины, так и далеко за ее пределами. Это вызвано необходимостью воспроизвести глубокое историческое прошлое нашего края не только на фоне античности и раннего средневековья, но и в контексте с его характерными свойствами и особенностями. Ведь земли современной Слобожанщины, следовательно, и Чугуевщины, являлись составной частью южного степного пространства Восточной Европы, на территории которой зрела и оттачивалась цивилизация человечества. Кроме этого, все события, которые имели место на Подонцовье в упомянутые времена, так или иначе были связаны с общими геополитическими процессами, имевшими место не тольков Донецко – Днепровском лесостепном регионе, но и в весьма отдаленном зарубежье, начиная от Кавказаи Ближнего Востока и заканчивая Дунаем.В длившийся целыми тысячелетиями сценарий древнего периода развития человечества были вплетены судьбы десятков различных народностей и этнических групп населения, без упоминания исторического прошлого которых древняя история жителей Подонцовья теряла бы свою выразительность и локальную самобытность.

И, наконец, о самом главном – целевой направленности настоящей книги. Она состоитв том, чтобы на основе собранного материала воссоздать историю Чугуевщины в ее полном объеме и на этой почве воздать должное ее уникальности. А это значит «узаконить» историю города на официальном уровне, что в несколько раз увеличит его туристическую привлекательность, раз и навсегда положит конец уже набившему оскому пустословию на эту тему. Данная книга – это всего лишь своеобразный пролог для последующих поисков краеведами новых страниц исторического прошлого нашего города. Она так же призвана сдвинуть с мертвой точки вопрос о воссоздании полной его «биографии», об открытии не столько памятника основателям Чугуева, сколько создания в его историческом центре некоего архитектурного ансамбля на данную тему, о введении в школах факультатива по изучении истории нашего города, о расширении зоны его экскурсионной привлекательности. По этой части с Чугуевым не может сравнится ни один город украинской Слобожанщины, особенно если ко всему изложенному в данной книге добавить целостную историю города после 1638 года и до настоящего времени. Надеюсь, что это когда – то произойдет.

Автор

г.Чугуев, 2015 г.

Книга вторая

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

ВСТУПЛЕНИЕ

Второе основание города Чугуева в 1638 году – событие, довольно подробно описанное в исторической литературе. В настоящее время, благодаря документам Московских государственных архивов, известны практически все его подробности. Данная книга – это попытка автора впервые их систематизировать и обобщить в целостную картину. При этом приподнести ее не как «голый» факт случившегося, а сделать это в связке с тем временным периодом, в недрах которого произошло мучительное воскрешение разрушенного татаро-монголами в начале 13 века раннесредневекового аланского Чугуева. Как и в первой части этой книги, речь пойдет о той общественно-политической атмосфере, которая бытовала в ту историческую эпоху теперь уже на землях не только Подонцовья, но и России, Польши, Украины и Крымского ханства. Интрига взаимоотношений этих четырех фигурантов и привела к появлению не только нашего города, но и возникновению на карте современной Украины такого региона как Слобожанщина, первенцем которой суждено было стать именно Чугуеву, городу по истине уникальному: он является первым городом эпохи раннего средневековья на территории центральной части Юго-Восточной Европы; его основателями были христиане, пришедшие на Подонцовье на 263 года раньше крещения Руси; он удивительным образом смог самосохраниться на правобережье Северского Донца более 500 лет, пережив несколько «оккупаций» степными завоевателями; в 1111 году Чугуев (половецкий Шарукань) оказал дружелюбные почести Великому Киевскому князю Владимиру Мономаху во время его похода на половцев; на него, начиная с 15 века, были устремлены взоры царей набирающего силу Московского царства; с 1638 года Чугуев становится форпостом России в ее политике колонизации Дикого Поля; он – первенец Слобожанщины; на землях Чугуевского уезда строились Изюм, Балаклея, Харьков, Змиев; его основали украинские казаки, но город, в силу определенного стечения обстоятельств, был и продолжает оставаться русским; московские цари в своих письмах на имя чугуевских воевод, слово «Чугуевцы», в знак глубокого уважения к ним, неизменно писали с большой буквы; в 1654 году, решением Переяславской Рады, не Чугуевский уезд был присоединен к Украине, а Украина к нему; Чугуев – это место дислокации русского поместного войска, история Чугуева – это истории русского казачества, Чугуевский казачий полк – лучший полк Русской Императорской Армии, Чугуев – это почти 300 лет чести, доблести и славы его жителей, которые, по свидетельству И.Е. Репина, о себе непременно заявляли: «Мы не люди, мы чугуевцы!» А сколько уникальных событий таится на страницах исторического прошлого нашего города, начиная с 1638 по 1991 годы! Неизвестный источник опубликовал в сети Интернет данные,

касающиеся только одной страницы истории города – летного училища: «Статистика выпускников «Чугунки» (имеется в виду Чугуевское летное училище) просто потрясает: – трижды Герой Советского Союза Маршал авиации Кожедуб И.Н., Героев Советского Союза – 240, Героев России – 11, лётчиков-космонавтов – 15, Министра Обороны – 4 (Шапошников Е.И., Морозов К.П., Косташ И.Г., Гайчук В.В.), 4 Главкомов ВВС (Сорокин А.Н., Антонец В.М., Онищенко С.И., Зелин А.Н.), Заслуженных лётчиков-испытателей – 96, Заслуженных военных лётчиков – 120, генералов – более 100, военных лётчиков-снайперов – более 450, военных лётчиков 1-го класса – более 10 000, сотни командиров авиационных полков, тысячи командиров авиационных эскадрилий». Автор не ручается за каждую цифру, но в том, что приведенная статистика процентов на 90 соответствует действительности, не сомневается.

А все начиналось с Дикого Поля…

ДИКОЕ ПОЛЕ

Дикое Поле – историческая область неразграниченных слабозаселённых, никакой конкретной народности не принадлежащих, а поэтому слабозащищенных причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном на востоке. Согласно первым письменным историческим документам (Геродот и другие античные историки), на всей территории, находящейся севернее Чёрного моря (у античных авторов Понтийского моря), начиная с 5 до н.э. обитали скифы, хазары, печенеги, половцы и многие другие кочевые народы, речь о которых шла в первой части настоящей книги. Историки именовали это южноевропейское степное пространство Большой или Днепро – Донецкой Степью. На картах Речи Посполитой, выполненных Гийомом ле Вассер де Бопланом французским инженером и военным картографом, впервые (с 1648 года) появляется название Дикое Поле – польск. *Dzike Polie*, как синоним безлюдного южного степного пространства. Общепризнанных и бесспорных границ Дикое Поле никогда не имело. На карте голландца Николаса Пискатора (1697 г.) имя «DikiaPole» носит левобережье Северского Донца. Встречаются такие поздние названия Дикого Поля, как Калмыцкая степь, Печенежское поле и др.

Степи Дикого Поля были пригодны для развития скотоводства и промыслов, что способствовало началу их освоения еще в древние времена. До монголо-татарского нашествия в Диком Поле еще теплилась жизнь, поддерживаемая разного рода степными кочевниками, которые с четким постоянством веками здесь хозяйничали, а затем были вынуждены уступать эту южную степную жемчужину более сильным кочевым племенам. Последние из них, монголо-татары, «истолочив» его сначала своей военной агрессией в 1237 – 1241 гг., а в последующие столетия своими регулярными набегами на Киевскую Русь, на Диком Поле не осели, отдав предпочтение степному пространству Поволжья. Татары Крымского ханства, образовавшегося после распада Золотой Орды, лишь номинально считали Поле своей вотчиной, облюбовав для постоянного обитания Крымский полуостров. В 15 – 17 вв. оно было пустынным. Крымчаки лишь изредка появлялись на нем, выпасая табуны

лошадей и другой живности. Они веками бороздили его своими воинственными ордами каждый раз, когда отправлялись к границам России и Польши. Эта местность представляла собой царство дикой природы. Татары следовали по проложенным ими шляхам (сакмам). Главным из них был Муравский, проходивший южнее современного Чугуева. Существует несколько его описаний: «Муравский шлях шел от Перекопа через Дикое Поле по водоразделу рек Ворскла, Северский Донец, Сейм, между верховий притоков Оки и Дона через Куликово поле, далее следовал через броды реки Упы и её притоков до Тулы, где открывалась прямая дорога к Серпухову и переправам через Оку».

«Западная дорога – Муравская, или Муравский шлях – начиналась у верховьев р. Самары, притока Днепра, и дугой огибала притоки Северского Донца. Далее Муравский шлях проходил по водоразделу Ворскла– Северский Донец, оставляя к востоку крайние русские села и деревни Белгородского уезда. Севернее Белгорода, в степи, у истоков Северского Донца, Псла и Сейма находился Думчий курган. Здесь была развилка степных дорог. Главная отходила на восток, где у верховьев р.Сейм, Муравская дорога соединялась с Изюмской. На запад от Думчего кургана ответвлялся Бакаев шлях, Кальмиусский шлях, Кончаковский шлях и другие, проходившие между Пслом и Сеймом; в северо-западном направлении к верховьям Оки шел Пахнуцкий шлях». Как видим, по Дикому Полю пролегало несколько дорог, ведущих от Крыма к границам Московского государства. Считается, что они были протоптаны татарами, во время их грабительских нашествий на окраины России. Но исторически Муравский шлях существовал задолго до его фиксации под этим названием в письменных источниках. Когда с окончанием последнего ледникового периода сформировались речные долины и водоразделы бассейнов рек, по своим очертаниям современным, пути передвижения сначала стадных животных, табунов лошадей, а затем и отрядов кочевников, постепенно пришли к тому оптимальному варианту, который просуществовал затем тысячи лет. При перемещении травоядных животных по одному маршруту в течение столетий, происходил постоянный засев почвы семенами съеденных трав, что вело к формированию специфической растительности в полосе такого воздействия. От окружающего ландшафта такой путь, шириной от сотен метров до нескольких километров, достаточно сильно отличался своим цветом и структурой растительности.

К началу 17 в. степные и лесостепные пути Дикого Поля уже получили хорошо сложившуюся структуру и активно использовались разными народами для торговых связей и военных походов. Понятия дороги как таковой, в современном понимании, для таких огромных пространств просто не существовало. Были лишь направления, многовариативные пути, более или менее удобные и безопасные для передвижения.

По «Книге Большому Чертежу» и документам 16 в. сообщается, что Муравский шлях шёл «муравой», т.е. по траве, откуда и пошло его название. На нем не существовало переправ через мощные полноводные реки. Он был проложен, большей частью, по безлюдной степи, окруженный по сторонам высокой травой. Муравский шлях пересекал одиннадцать удобных бродов – Каганский, Абашкин, Шебелинский, Изюмский, Татарский и прочие. Польский историк и археолог Зигмунт Глогер считал Муравский шлях природной

восточной границей Киевщины. В начале 16 в. в Диком поле появляются так называемые «бродники» – беженцы из литовских, украинских и польских земель, занимающиеся охотой и различного рода промыслами. Далее степное пространство начинают осваивать так называемые украинские казаки. Вот как описывает Дикое Поле русский писатель Н.В. Гоголь в своем произведении «Тарас Бульба»:

«Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только дикие кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха...»

Вот как описывает Муравский шлях русский писатель Иван Бунин: «Летний вечер, ямщицкая тройка, бесконечный, пустынный большак… Много пустынных дорог и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины поискать. И ямщик мне сказал: – Это, господин, Муравский шлях называется. Тут на нас в старину несметные татары шли. Шли, как муравьи, день и ночь, день и ночь и все не могли пройти… Я спросил: – А давно?

– И не запомнит никто, – ответил он. – Больше тысячи лет!»

Вторая половина 16 и весь 17 век превратили Дикое Поле в «яблоко раздора» за право колонизации его земель между Россией и Речью Посполитой и украинскими казаками. Не претендуя на эту территорию, Крымское ханство тем не менее всячески пыталось закрепить за собой право монопольного его хозяина, чтобы беспроблемно использовать его степное пространство как плацдарм для вторжения в пределы Московского царства. Только за первые пятьдесят лет XVI века было совершено сорок три зафиксированных документами крупных набега татар на русское государство. В 1555 году на Муравском шляхе возле села Судбищи (Сторожевое), произошло знаменитое сражение между семитысячным русским войском под предводительством Ивана Шереметьева и шестидесятитысячным войском Крымского ханства под командованием хана Давлет-Гирея. Русские воины остановили крымцев и заставили их отступить. В сражении погибли около пяти тысяч русских воинов и втрое больше татар. Россия всячески стремилась отодвинуть свои южные границы подальше в степь. Во второй половине 17 века для охраны от нападений крымских татар была возведена так называемая Белгородская засечная черта с крепостями – Белгород (1589), Оскол (1586), Валуйки (1599). После возведения этих крепостей татары стали избегать Муравского шляха; зато он сделался главным путём для казаков,

направлявшихся в Крым за добычей. На территории Дикого поля происходил процесс формирования украинского казачества. А после его заселения выходцами их украинских и российских земель, его пространство вошло в состав современной Слобожанщины.

СЛАВЯНСТВО В 14 - 16 ВЕКАХ

В 1240 году татаро-монголы захватили Киев. Это положило конец существованию древнерусского государства Киевская Русь. В жизни славянского народа начался новый исторический период, определивший в конечном итоге дальнейшую судьбу этого весьма многочисленного этноса. Татаро-монгольское иго – система политической и экономической зависимости русских земель от государства монголов Золотой Орды, предопределяла разные варианты исторического будущего славянства, вплоть до потери им этнической самобытности и исчезновения как народности. Татаро-монголы «убрали» с политической карты средневековой Европы Киевскую Русь как славянское государство, но не смогли уничтожить ее народ. Киев, как и все земли русские, лежал в руинах. Францисканский монах Плано Карпини, который посетил этот город в 1246 году, насчитал в бывшей «матери городов русских» лишь около двухсот уцелевших строений. Из известных в 12 – 13 вв. русских городов, 49 были стерты с лица земли, а еще 15 – смогли восстать из пепла уже как маленькие села и хуторки. В первые пятьдесят лет после падения Киевской Руси на бывшей ее территории не было построено ни одного города. Огромнейшие демографические потери привели к резкому упадку хозяйственной жизни. Ханы Золотой Орды с одной стороны угнетали оставшееся в живых население Руси непосильными экономическими тяготами, а с другой – пристально следили за тем, чтобы покоренный народ не накапливал силы для сопротивления. Всякого рода неповиновения русских княжеств завоевателями жестоко подавлялись и приводили к новым разрушениям. Чтобы лишить Киев былого символа единения и величия Руси, монголы долгое время не выдавали ярлыка на право занять кому-то из русских Киевское княжество, а в 1300 году, чтобы окончательно положить конец бывшей столице Руси как религиозному и общественно-политическому центру русских земель, добились переезда Митрополита Киевского и всей Руси Максима из Киева в периферийный город Владимир.

Золотая Орда включила в сферу своего непосредственного господства лишь Половецкую степь, приблизив свои границы к русским княжествам к линии рек Рось на Правобережье, Псла и Ворсклы на Левобережье. Все остальное население Руси от мала до велика, от простого смерда и городского ремесленника и до князей, было превращено в данников хана, находящихся от него в экономической и политической зависимости. Вся политическая жизнь в покоренной Руси строго контролировалась ханами столицы монголов – Сарая. Даже такие князья относительно удаленных от Золотой Орды княжеств, как Данило Галицкий и Александр Невский были вынуждены ездить к монгольскому хану за ярлыком – разрешением княжить в своих землях. Что

касается политического статуса русских княжеств и степени их закабаления после монгольского завоевания, то оно было не одинаковым в разных княжествах Руси. Меньше всего политическому давлению со стороны Золотой Орды были подвержены города-республики Северо-Западной Руси Великий Новгород и Псков, а также Полоцкие земли. Значительно меньше, из-за своей удаленности, страдало от монгольского ига население Западной Руси, особенно Галицко – Волынское княжество. Больше всего угнетались такие княжества как Киевское, Переяславкое, Новгород – Сиверское, Владимиро – Суздальское и Рязанское.

Здесь уместно акцентировать внимание читателя на очень важный исторический момент из жизни покореннях татаро-монголами русских земель, который в 13 – 14 вв. стал определяющим в геополитическом размежевании бывших территориальных владений Киевской Руси на два региона: юго-западный и северо-восточный. Первый включал в себя земли русских княжеств, расположенных на территории современной Украины, за исключением ее нынешнего юга и Слобожанщины. Восточная граница его проходила примерно по линии расположения таких городов как Чернигов, Ромны, Черкассы, Первомайск. Центром являлось Галицко – Волынское княжество, возложившее на себя в лице Данила Галицкого обязанности собирателя всех земель этого региона во имя освобождения от монгольского ига. Во владении галицкого князя была почти вся центральная и Западная Русь. В 1250 году Батый прислал Данилу послов и сказать ему: «Дай Галич». Данило, не чувствуя в себе сил для сопротивляться, приехал в Орду на поклон, но цели своей достиг – Батый оставил за ним все его владения. Но нетерпимо унизительной оказалась князю эта поездка. «О зле зла честь татарская! – восклицает летописец, – Данило Романович князь великий, владевший Русской землей – Киевом, Волынью, Галичем, стоит на коленях, холопом называется, дань обещает платить, за жизнь свою трепещет, смерти боится». Оскорбленное самолюбие заставило князя искать возможности освобождения от позорного подданства татар. Он совершил попытку воспользоваться силами христианского Западаи на этой почве вступил в переговоры с Папой Римским Иннокентием IV. Тот склонил Даниила Галицкого к латинству, т.е. к замене православной веры католической. Князь дал согласие и в городе Дрогичине Данило короновался присланной ему от папы короной с титулом Галицкого царя. Но для борьбы с татаро-монголами нужна была не корона, а военная помощь. А та не приходила. Даниил порвал с Римом все отношения, но старт «папежной» вере был дан. Сопротивляться Орде одному у него не было сил. По требованию баскака Куремсы, он приостановил все военные приготовления для борьбы с монголами и в 1261 году был вынужден срыть все укрепления волынских городов. В 1264 году Даниил умер.

Не прошло и ста лет после смерти князя-патриота, как вся юго-западня часть земель бывшей Киевской Руси (земель современной Украины), без особых усилий была захвачена сначала маленькой Литвой, а чуть позже – Польшей (Речью Посполитой). Вся юго-западная Русь на многие века была оторвана от русской жизни. Она попала под гнет католической Речи Посполитой и веками подвергалась жестовому экономическому, культурному и религиозно - иноверческому насилию.

Политические дороги украинского и русского народа, сумевшего в 13 – 14 вв. сформироваться в единую этническую общность, окрепнуть, самостоятельно освободиться от татарского ига, отбиться от крестоносцев немецкого Тевтонского ордена и шведского короля, сохранить православную веру предков и консолидироваться в рамках национального государства, разошлись. Этот исторический факт является отправной точкой во всех последующих событиях, связанных с дальнейшими крайне сложными процессами взаимоотношений между русскими и украинцами, которые не прекращаются и по сегодняшний день. Каждая из двух сторон по разному смотрит на «корень зла», который располосовал некогда единое славянство на два «лагеря». Это отдельная тема для розговора.

Следует заметить, что изначально, сплотившиеся в Московское царство россияне и раболепствовавшие под игом Польши украинцы в образе степного казачества, столкнулись на Диком Поле в процессе его освоения. Столкнулись весьма жестко: Москва действовала в своих государственных интересах, украинцы же, в большей мере, были реализаторами политики польського короля, который использовал их в своем противостоянии с Россией. Чего стоит только один поход в Московские земли украинского казачьего гетмана Сагайдачного во главе многотысячного украинского войска или участие казаков в авантюре Лжедмитрия I, закончившейся захватом московкого Кремля.

История украинства периода 13 – 16 вв. – это тяжелая участь монгольских подданных, далее – добровольное вхождение в состав Литовского княжества, которое вскоре вместе с украинскими землями «проглотила» Польша. Далее – долгая и упорная национально-освободительная борьба украинского народа против поляков, в которой Московское царство, по понятным причинам, симпатизировало конечно же своим братьям по крови и вере. Оно в эту борьбу не вмешивалось, не желая втягиваться в очередной конфликт с Варшавой, но в самые напряженные моменты, оказывало украинцам всевозможную помощь и поддержку. Один из таких моментов – принятие к себе на службу в 1638 году сбежавших после поражения очередного антипольського народного восстания в Белгород казаков Якова Остряницы, результатом чего и стало основание Чугуева. А когда у украинского народа не хватило сил, а у Богдана Хмельницкого – воли и терпения во время освободительной войны 1648 – 1654 гг. против Польши, украинские земли, по настоятельной просьбе последнего, после знаменитой Переяславской Рады, вошли в состав российского государства, где и находились все последующие 337 лет, вплоть до 1991 года.

Вторая, северо-восточная часть погибшего от рук монголов древнерусского государства (позже названная Московией), в 13 – 15 векахвобрала в себя земли европейской части современной России. Страдая от монголов, они были подвержены и второй опасности – угрозе духовного порабощения со стороны римских пап Иннокентия III и Иннокентия IV, которые путем завоевания Прибалтийского края, поклялись «искоренить проклятый греческий закон (православную веру) и присоединить Русь к римской церкви». Но не вышло, не позволил Новгородский князь Александр Невский, отбросивший в 1240 и 1242 гг. папских наемников от северных границ русских земель. Вскоре их объединительным центром стала Москва,

положившая начало Московскому царству, которое подготовило почву и добилось после Куликовской битвы 1380 г. свержения татаро-монгольского ига. Мало того, в средине 17 века оно оказалось насколько сильным и самодостаточным, чтобы бросить вызов своему коварному врагу – одному из самых сильнейших государств средневековой Европы – Польше, присоединив по просьбе Богдана Хмельницкогов 1654 году к России ранее принадлежавшую полякам Украину. Это тоже отдельная тема, которая не затрагивает главное содержание данной книги. Уместно из этого выделить лишь два главных аспекта: первый из них состоит в том, что не воровала Россия «украинской истории»– историческая судьба украинского народа сложилась так, как она сложилась: он не смог на развалинах Киевской Руси консолидироваться для создания собственного государства, попал сначала в кабалу к Речи Посполитой, далее – в зависимость от России. В противовес этому факту, аспект второй: северо-восточная часть славянства, составившая в своей основе современный русский народ, смогла найти в себе силы состояться как мощное центрально-европейское государство. Основную территорию Русского государства, сложившегося в 15 в., составили Владимиро-Суздальская, Новгородско-Псковская, Смоленская, Муромо-Рязанская земли и часть Черниговского княжества.

Что же касается главной темы настоящего повествования, касающейся второго основания города Чугуева, то она непосредственно связана с выше описанными событиями, хотя и имевшими место значительно позже, в 16 – 17 вв. Их сценарий довольно простой: укрепляющее свое военно-политическое могущество Московское царство в зоне своих геополитических интересов на территории Подонцовья, схлеснулось в начале 17 в. с Польшей в состязательных намерениях расширить земли своих государств за счет колонизации ничейного Дикого Поля. А поскольку находившиеся в составе Речи Посполитой украинские земли вплотную с ним граничили, на этой почве произошло невольное столкновение не только российско – польских, но и российско – украинских интересов. В какой-то мере это заложило печальное начало взаимной неприязни двух близких по крови и религии народов – российского и украинского, представители которых вместе заложили Чугуев, но прожив в нем всего два года размежевались в кровавой враждебной потасовке. И хотя спустя всего 16 лет после Переяслава волей исторической судьбы, украинцы и россияне объединились в одно государство, это противоречие всегда давало о себе знать.

РУСИНЫ – ЛИТВИНЫ

Никакие древние «укры» истории не ведомы. У украинцев, как и у россиян с белорусами, одни предки – славяне. Разграничение этой некогда единой этнической общности по национальному признаку произошло после уничтожения государства славян – Киевской Руси в начале 13 века татаро-монголами. В силу региональной обособленности больших групп славянского населения, возникли три довольно близких по этническим признакам родственные нации. Одна из них, локализировавшаяся на территории северо-восточной части бывшей Киевской Руси, как ее правоприемница, оставила за

собой право называться русской. Точнее не оставила, а завоевала быстрее двух остальных, самоопределившись в нацию, соорганизовавшись в государство и отстояв право называться народом.

Население, которое осталось проживать на юго-западном пространстве древнерусского государства, на своей исконной исторической родине – от современного Ужгорода и Самбора на Западе до Киева и Черкасс на востоке, от Коростеня на севере и до Умани на юге, население, которое еще недавно, в своей основе, составляло сердцевину Киевской Руси, в силу разного рода обстоятельств, не нашло в себе сил и возможностей повторить подвиг своих северных собратьев по крови – самосохраниться и самовозродиться государством с брендом «Киевское» или «Русское». Больше того, оно, практически добровольно распрощавшись со своей самостоятельностью и безропотно приняв над собой политическое верховенство литовцев – народа, стоящего гораздо ниже по уровню своего культурного и политического развития, довольствовалось тем названием, которое дали литовско-польские завоеватели: жители окраины – «окрайны» Речи Посполитой, т.е. люди, которые жили на окраине чужого им государства. Поэтому в польских и русских письменных источниках 15 – 16 вв. территория современной Украины (без Слобожанщины), называлась Польская украйна. А уже отсюда – Украина и украинцы.

После присоединения Украины к России в 1654 году ничего не поменялось – она вновь продолжала оставаться «окраиной», но теперь уже Московского государства, с той лишь разницей, что «москали» стали называть украинцев на свой лад – «малороссами», прозрачно намекая, что «великороссы» – это они. Но в сущности – не это главное. Главное – совершенно в другом: длившееся почти шесть веков мытарство украинцев по трем чужим государствам, так и не удосужившихся «смостить» свое самостоятельное национальное государство в плоть до 1991 года, было той объективной реальностью, которую ни замарать, ни перечеркнуть. Случилось то, что случилось – экономический подъем Латвии и Польши в 14 – 16 вв. совпал по времени с политическим и экономическим упадком теперешних украинских земель. Сначала одно, а затем и второе государство, с целью расширения своих географических границ, использовав общественно-политическую слабость этих земель, без особого труда прибрали их к своим рукам. В 1654 году старанием Богдана Хмельницкого и волей русского царя Михаила Федоровича Романова Польская украйна всего лишь поменяла собственника и стала Русской украйной, долго именуемой Малороссией. Хотя версий на эту тему хоть отбавляй. Все они совершенно разные, в зависимости от русского или украинского авторства. Вот лишь некоторые из них:

«Сегодняшний термин «Украйна», относящийся к «державе Украина» ввел в широкий оборот польский король Стефан Баторий. «Украйнами» он называл земли Руси, захваченные Польшей. Постепенно словцо перешло и на землю Московской Руси, куда бежали от польского зверства карпаторуссы и малороссы, когда появилась «слободская украйна» с центром в Харькове. Когда при Екатерине II не только малороссийские, а и правобережные земли, и земли Дикого поля перешли к России, то название «украйна» потеряло смысл. Значительная часть польского общества не примирилась с этим актом. Поляки, после потери русских земель и «быдла» начали вести агитацию против России.

Украина – это антироссийский проект. Еще со времен Великой французской революции польский пан Ян Потоцкий запустил «утку», что на берегах Днепра живет не русский, а украинский народ. Очень скоро другой польский пан Ф.Чецкий озвучил новую теорию: украинский народ не имеет ничего общего со славянством, его предки – укры. Но вопреки деятельности графьев потоцких и чацких, широкие слои населения Малороссии, Новороссии узнали о своем нерусском происхождении лишь после переворота 1917 года. Еще в 1877 году канцлер Германии Бисмарк одобрил слово «Украина» для внедрения в качестве средства расчленения России, сказав: «Нам нужно создать сильную Украину за счет передачи ей максимального количества русских земель».

Согласно основной версии, распространённой в академической среде (в том числе и самой Украины), название «Украина» происходит от древнерусского слова «украина» – приграничная область, земля у края (тогда как термин «окраина» означал территорию вокруг краёв, границ). Слово «украина» изначально применялось к разным приграничным землям Руси и русских княжеств. В этом значении этимология слова Украина рассматривается у российских, а также у наиболее влиятельных украинских и западных учёных, таких как Орест Субтельный, Михаил Грушевский, Иван Огиенко, Петр Толочко и др. Ее указывают как основную Энциклопедия украиноведения и Этимологический словарь украинского языка. Слово «украина» существовало со времён Древнерусского государства – как минимум, с 12 века. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1187 годом в связи со смертью в Переяславской земле князя Владимира Глебовича («о нем же украинамного постона»), Земли Переяславского княжества действительно располагались на южной окраине древнерусского государства. Позднее – в летописях 1189 и 1213 годов (Галицко-Волынская летопись). Эти упоминания относились к окраинным территориям Переяславского (Посульская линия), Галицкого и Волынского княжеств. С того времени и почти до 16 века в письменных источниках это слово употреблялось в значении «пограничные земли», без привязки к какому-либо определённому региону с чёткими границами в том числе и далеко за пределами территории современной Украины, к примеру «псковская украина».

Как сообщается в словаре Брокгауза и Ефрона, после того, как в конце 16 века Южная Русь в составе Великого княжества Литовского вошла в Речь Посполитую, часть её территории, простирающаяся от Подолья на западе до устья Днепра («очаковского поля») на юге и включающая в себя большую часть земель будущей Екатеринославской губернии на востоке, стала в этом государстве неофициально именоваться «Украиной». Связано это было с приграничным расположением этих территорий в польском государстве: так, Самуил Грондский, польский автор истории восстания Хмельницкого (около 1660 г.) писал: «Латинское margo (граница, рубеж) по-польски kraj, отсюда Украина – как бы область, расположенная у края (польского) королевства». Таким образом, в течение 16 – 18 веков «Украина» становится названием конкретного региона, наравне с названиями других историко-этнографических регионов (Волынь, Подолье, Покутье, Северщина, Червоная Русь). Оно закрепляется за Средним Приднепровьем (Южной Киевщиной и Брацлавщиной). Жителей этой территории стали называть украинцами, украинными людьми или украинниками. Географическую, а не этническую

привязку этого понятия демонстрирует тот факт, что украинцами называли и служилую польскую шляхту на этих территориях. Число украинцев постепенно росло и название «Украина» распространилось на регионы за пределами первоначальной территории. Во времена восстания Хмельницкого оно стало применяться по отношению ко всей территории, где проходили военные действия. Понятие использовалось в письменных источниках и в произведениях устного народного творчества; пользовался им сам Богдан Хмельницкий и его преемники. Оно, однако, не распространилось на все южнорусские земли и не стало названием государства, потому, что его, как такового, просто не существовало. В официальной переписке Хмельницкий называл себя гетманом Войска Запорожского, земли же называл малороссийскими или «украинными».

С 18 века понятие «Украина» является общеизвестным наравне с официальным термином «Малороссия». По мере роста национального самосознания значимость понятия «Украина» повысилась, и само слово стало восприниматься не только как географический термин, но отчасти и как название этнического пространства. Особенно заметно это стало к концу 19 века. На рубеже 19 и 20 веков термин «Украина» как название всей этнической территории стал полностью самостоятельным и самодостаточным, вытеснив другие самоназвания, которые с тех пор употреблялись только на региональном уровне.

Отдельные деятели украинской диаспоры 20 века и некоторые украинские историки и лингвисты выдвигают версию, что название «Украина» происходит от слова «край», «краина» (укр. країна), то есть просто «страна», «земля, заселённая своим народом». При этом, по их мнению, термины «украина» и «окраина» всегда чётко различались по смыслу. К идеологам такой версии относятся Мыкола Андрусяк, Сергей Шелухин, Григорий Пивторак и др. Эта версия приводится в некоторых школьных учебниках по истории Украины. Утверждения популяризаторов этой версии встречают методологическую критику и обвинения в сознательном мифотворчестве.

Но вернемся обратно во времена татаро-монгольского ига. Киев находился в забвении; не имели своего политического лидера и западные земли после смерти последнего князя галицко – волынской династии; почти 80 лет титул хозяина украинских земель принадлежал удаленной от них Золотой Орде. Эти территории, по мере потери своей былой мощи монголами, подобно созревшему плоду, ожидали своего очередного завоевателя. Первыми, кто объявился в этом качестве, еще во времена монгольского ига, стала Литва. Это государство к середине 13 в., в противостоянии с немецкими колонизаторами Тевтонского ордена, не только одержало победу, но и укрепило свою мощь. В первые десятилетия 14 в. Великие литовские князья Гедимин и Ольгерд подчинили своему влиянию все украинское левобережье, а в 1362 году овладели Киевом. На следующий год они завладели территорией Подолья и большей частью современной Белоруссии, разгромив при этом вместе с украинцами войска Золотой Орды, пытавшиеся остановить литовскую агрессию. В результате Великое княжество Литовское стало самым большим в Европе. Захват украинских земель продолжался 150 лет. Для украинцев литовское господство было более приемлемым, чем иго Золотой Орды; литовское завоевание украинских земель не носило характер жестокой военной

агрессии. Здесь более уместны такие слова, как добровольное присоединение, проникновение, включение в состав своего государства; украинская знать в составе Литвы пользовалась такиме же правами и привилегиями, как и литовская, и поэтому не только не чинила сопротивления Литве, а наоборот, всячески ей в этом способствовала. Характерно, что литовское общество, которое находилось ниже «украинского» по своему общественно-политическому, культурному и религиозному развитию, попало под влияние славянских подданных: языческая религия литовцев была заменена христианской, украинский язык стал официальным государственным языком на большей территории Литовского княжества. В основу литовского законодательства легли законы князей Рюриковичей времен Киевской Руси. Если подходить объективно в оценке происходящих событий, то Литва, как государство, первой выступила в роли «собирателя земель» и довольно успешно сыграла ее задолго до того, как это право позаимствовала у нее Россия, соперник литовцев в геополитическом состязании за наследство древнерусского государства.

И неизвестно, как бы дальше сложилась судьба Украины, если бы в литовско - украинские дела не вмешалась соседняя Польша. Начало этому было положено объединительным процессом Казимира Великого (1320 – 1370гг.), который возобновил былую польскую монархию. В 1339 году он подписал договор с Людовиком Венгерским о совместном завоевании «Украины». Более двадцяти лет литовцы и украинцы отстаивали независимость Литовского княжества, особенно Галичину и Волынь. Польша заручилась поддержкой Папы Римского и свою агрессию на украинские земли преподносила не иначе, как крестовой поход против литовцев – язычников и украинцев – схизматов (православных верующих). В 1336 война окончилась польской оккупацией галицко – волынских земель. Но этого было достаточно, чтобы земли польской короны увеличились на 50%. Когда в 1370 году умирает польський король Казимир, согласно ранее подписанного договора, правителем Польши становится венгр Людовик Угорский, а потом его дочь Ядвига. Венгры оккупируют Галичину и Волынь. Но это было только начало польской экспансии на литовские земли. Дальнейшей ее колонизации способствовала и резко усложнившаяся международная обстановка на Балтийском побережье, где о своих территориальных претензиях все жесче заявлял Тевтонский орден. Ослабленная войной с Польшей Литва не могла ему противостоять одна, равнозначно как и Польша. Кроме этого с востока обеим государствам грозило своей возрастающей мощью Московское царство. В 1385 году Польша и Литва объединились в одно государство, подписав между собой так называемую Кревскую унию (договор). Он был скреплен браком литовского короля Ягайла и польской королевы Ядвигы. За руку невесты и трон польського короля, Ягайло письменно обещал передать Польше все украинские земли и окатоличить все население Литовского княжества. Но какое-то время (до 1569), Литва еще продолжала сохранять свою автономию в составе польського государства и даже вести независимую внешнюю политику. В начале 16 в. Великое княжество Литовское резко склонилось к упадку. В 1552 году Москва отобрала у него Чернигов и Стародуб на северо-востоке современной Украины. А в 1549 и в 1552 годах оно не смогло противостоять двум разорительным нашествием татар. В 1562 – 1570 гг. Литва увязла в новой войне с Московским

царством. Оказавшись перед угрозой массового вторжения русских войск в пределы своего княжества, Литва обратилась за помощью к Польше. Последняя дала согласие помочь, но при одном условии – объединить Польшу и Литву в одно государство. Такое объединение произошло в 1569 г. в результате подписания Люблинской унии. Так на политической карте Европы появилось новое государство с названием Речь Посполитая, что в переводе на польский язык означает «республика». Она стала самым большим европейским государством. Теперь в нее вошли все литовские и «украинские» земли, которые раньше принадлежали Литве. Если верить статистике тех времен, то из общей площади Речи Посполитой (815 тыс. кв.км.), поляки заселяли только 180 тыс. кв. км. Из общего числа населения (7,5 млн. чел.), поляки составляли около 50%, а украинцы – 28%, что составляло примерно 2 млн. чел. Вхождение Украины в состав Речи Посполитой значило переподчинение украинского народа воле чужой нации с другой религией и культурой. Этот момент стал определяющим в непрекращающемся протестном движении украинцев за свои социальные и религиозные права и свободы. В польско-литовский исторический период теперешние украинцы и белорусы называли себя «русинами» (от слова Русь); литовцы называли их «литвинами»; россиян соседствующие с ними народы называли «московитыми людьми», или просто «москалями», «украинцы» называли поляков словом «ляхи». Слова «укры» или украинцы не употреблялись.

Есть ли основания нам, современникам, упрекать своих давних пращуров в «военно-политической неповоротливости», гражданской лени, тупой беспечности и отсутствии должного национального самосознания, которые в общем итоге не позволили им реализоваться в истории раннего средневековья сильным и самодостаточным народом, сплотившимся в самостоятельное национальное государство, а не играть веками вторые роли на подмостках политической сцены литовцев, поляков и русских? Думаю, нет. Со стороны, события многовековой давности судить трудно. Но это уже другая тема.

МОСКОВИТЫЕ

В то время (конец 15 в.), когда окончательно и на века гибла возможность зарождения государственности на территории западной и центральной части современной Украины, вторая часть славянства, обосновавшаяся севернее этих земель, не без труда ее выстраивала. Организаторами и вдохновителями этого процесса стали князья – продолжатели древнерусской династии Рюриковичей. И называлось это государство Московское царство. А начал его строительство не кто иной, как сын Владимира Мономаха и правнук Ярослава Мудрого Юрий Долгорукий (1099 – 1157). Он правил Ростово – Суздальсим княжеством и прославился тем, что занимался переселением на земли своего княжества населения из юго-западной Руси, предоставляя ему ссуды и статус вольных поселенцев. Его, в какой-то мере, можно считать родоначальником еще древнерусского сепаратизма. Он уже в те времена, еще до вторжения на Русь монголов, стремился освободиться от власти Киева и даже разрушил его в 1169 году. Юрий Долгорукий построил такие города как Переяслав-Залесский, Дмитров,

Кострому, Юрьев, Звенигород, Пермышль, Москву. Сын Юрия, Андрей Боголюбский и его потомки продолжали укреплять и заселять свои земли, которые получили название московские. Они впитали в себя три переселенческие волны с юго-западных регионов современной Украины. Первая была спровоцирована печенего-половецкими набегами в 10 – 12 вв., вторая – татаро-монгольским нашествием на Киевскую Русь в 1237 – 1240 гг., третья была связана с захватом украинских земель литовскими и польскими феодалами в 15 – 16 веках. Следовательно, основы российской государственности на севере древнерусского славянского государства закладывались еще до гибели Киевской Руси. Надо отметить, что на этих землях издавна проживали такие коренные народности, как финские и чудские племена. Ассимилируясь со славянами и другими соседними этническими группами населения, за несколько веков там образовался народ, получивший название московский, который позже стал называться русским или великорусским со славянской корневой основой.

Русское государство становилось, множилось землями и людьми стараниями князей Рюриковичей: внука Александра Невского – Ивана I Калиты (1325 – 1340), который перенес столицу русских земель в Москву, внука Ивана Калиты – Дмитрия Донского (1359 – 1389), разгромившиего татаро-монголов на Куликовом Поле в 1380 г., правнука Дмитрия Донского – Ивана III (1462 – 1505), окончательно сбросившего с Руси монгольское иго в 1480 г. и присвоившего себе титул «государя всея Руси», внука Ивана III – Ивана IV Грозного (1530 – 1584), окончательно утвердившего монополию царской власти. В 1474 Москве покорилось Ростовское княжество, в 1478 – Новгородская республика, в 1485 – последний оплот сопротивления централизации власти – Тверское княжество.

Географическое положение страны, запертой среди мощных соседей, враждебное иноверческое окружение, внутренние неурядицы, связанные с насильственной централизацией русских земель, тяжелые природные и климатические условия, золотоордынское иго, экономическая изолированность, – все, казалось бы, исключало становление России как мощной централизованной державы. Русь молилась, защищалась, страдала, трудилась, воевала, проигрывала и побеждала, болела религиозными и политическими смутами, пережила смену правящей династии Рюриков на Романовых, но все-таки устояла. И в 16 – 17 вв. стала одним из самых сильных государств Восточной Европы, способной на равных соперничать со своими главными соперниками – Польшей, Турцией и Крымским ханством. Главной ареной этого соперничества стала борьба этих стран в ходе колонизации земель Дикого Поля.

ТАТАРЫ

Первое появление татар в Крыму относят к 1223 году, когда полководцы Джебэ и Субэтей вторглись на полуостров и овладели Судаком, разгромив русско-половецкое войско. В 1237 году монголы разгромили и подчинили своему влиянию крымских половцев. После этих событий весь степной и предгорный Крым стал владением Улуса Джучи, известного как Золотая Орда.

В ордынский период верховными правителями Крыма были ханы Золотой Орды, но непосредственное управление осуществляли их наместники – эмиры. Первым формально признанным властелином в Крыму считается Аран-Тимур, племянник Батыя. Многонациональное население полуострова тогда состояло, в основном, из кипчаков (половцев), греков, готов, аланов и армян, живших преимущественно в городах и горных селениях. Крымская знать имела кипчакско-монгольское происхождение. Ордынское правление для народов, населявших в то историческое время Крымский полуостров, было тягостно. Правители Золотой Орды неоднократно устраивали карательные походы в Крым, когда местное население отказывалось выплачивать ей дань.

К началу 15 века Крымское ханство начало обособляться от постепенно дряхлеющего монгольского государства и заметно усилилось. В его состав входила не только территория полуострова, но и обширные степные владения на континенте. В результате межплеменной борьбы за власть в Крыму победу одержал представитель династии Гиреев, объявивший себя единоличным правителем Крымского ханства. В 1441 году он был официально избран ханом и возведён на престол. К середине 15 века многолетнее стремление крымских татар к независимости увенчалось успехом. Сотрясаемая смутами Золотая Орда не могла уже этому помешать. Вскоре после отпадения Крыма, от неё отделились Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, а также Ногайская Орда.

С конца 15 века Крымское ханство совершало постоянные набеги на Русское Царство и территориальные окраины земель Речи Посполитой, которыми являлись сегодняшние украинские земли. Главным из их путей к Москве был Муравский шлях, шедший от Перекопа до Тулы между верховьями рек двух бассейнов, Днепра и Северского Донца. Углубившись в пограничную область на 100-200 километров, татары поворачивали назад и, развернув от главного отряда «широкие крылья» отрядов-мародеров, занимались грабежом и захватом ясыря (пленников). Торговля рабами была важной статьей экономики ханства. Пленники продавались в Турцию, на Средний Восток и даже в европейские страны. Крымский город Кафа был главным невольничьим рынком. По оценкам некоторых исследователей, на крымских работорговых рынках за два века было продано более трёх миллионов людей, преимущественно украинцев, поляков и русских. Ежегодно Москва собирала весной до 65 тысяч ратников, чтобы они несли пограничную службу на берегах Оки до глубокой осени. Для защиты страны применялись укреплённые оборонительные линии, состоящие из цепи острогов и городов, засек и завалов. На юго-востоке старейшая из таких линий шла по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова, отсюда поворачивала на юг до Тулы и продолжалась до Козельска. Вторая линия, построенная при Иване Грозном, шла от города Алатыря через Шацк на Орел, продолжалась до Новгород-Северского и поворачивала к Путивлю. При царе Федоре Иоанновиче возникла третья линия, проходящая через города Ливны, Елец, Курск, Воронеж, Белгород. Первоначальное население этих городов состояло из казаков, стрельцов и других служилых людей. Большое их количество находилось в составе сторожевой и станичной служб, которые наблюдали за движением крымцев в степи. Московское правительство стремилось свои оборонительные форпосты отодвинуть как можно дальше от своих границ в степное пространство Дикого

Поля, преследуя при этом две главные цели: упреждать нашествия татар на свои южные границы на дальних подступах и расширять свое государственное территориальное пространство в южном направлении. Эти же цели преследовала и Речь Посполитая, господствующая в то время на землях современной Украины. В зоне пересекающихся интересов двух этих европейских государств, находились земли нынешней Слобожанщины и южные степи Поднепровья. Пикантности этой ситуации добавлял еще один фигурант событий – украинские казаки, разбойничавшие в 16 – 17 вв. на Диком Поле, в том числе и на территории «чугуевского» Подонцовья.

КАЗАКИ

Казачество как уникальное сословие украинского общества возникло в условиях его тотального порабощения Польшей. Всячески преследуемые польской феодальной знатью украинцы (крестьяне и горожане) самой приемлемой и простой формой своего социального протеста избрали бегство за пределы польского государства на свободные земли Дикого поля. Мужчины оставляли свои семьи и уходили в самые отдаленные и глухие места, оборудовали там себе жилища, занимались разного рода промыслами, с чего на первых порах и жили. Слово «казак» имеет тюркские корни и означает название свободных, ни от кого независимых людей. Изначально они не были ратными людьми. Воинами они становились под воздействием внешних факторов степного существования: мечом нужно было не только защищаться, но и добывать средства для существования. Казаки вооружались и овладевали воинским мастерством сперва в целях самообороны от крымских татар. Позже при помощи оружия они обеспечивали себе жизненные блага. Главным их промыслом стали разбой и грабежи. До 1480 года, т.е. до массового закрепощения крестьянства польскими феодальными магнатами, казачество, как социальное явление, не носило массового характера. И только в начале 16 века его численность резко увеличилась. Были случаи, когда «в казаки» бежали целыми селами и хуторами. Бежали не только от плохой жизни. Воля и бесшабашность, неконтролируемый разгул страстей, возможность обогощаться не трудом, а путем разбоя и присвоения себе силой отобранного имущества, практически ничем неограниченная свобода, оторванность от семейной жизни, экзотика казацкого быта – все это вместе взятое соблазняло мужскую часть украинства. Среди казаков были крестьяне, мещане, священники, провинившееся перед законом, искатели приключений, просто не нашедшие своего места в жизни люди. В основной массе это были украинцы. Но среди казаков встречались русские, поляки, евреи, молдаване, белорусы и даже татары. Осваивая земли Поднепровья, они продвигались вниз по течению реки и ее южных притоков за пороги, подальше от польских пограничных застав в Каневе и Черкассах. Отправляясь в Дикое Поле, они собирались в большие коллективы (ватаги). Так легче было обороняться от рыскающих по степи татар и надежнее при организации грабительских походов. Своих вожаков казаки называли атаманами. Избирали их из числа самых опытных, изобретательных и смелых казаков. Чтобы обезопасить себя от нападений, они обустраивали в степи лагеря (сечи), которые по всему периметру имели защитные сооружения – засеки из стволов деревьев, рвы, земляные валы, связанные вереницы телег.

Так постепенно в Украине сформировалось целое казацкое сословие со своим жизненным укладом, обычаями и традициями. Можно даже говорить о неком казацком стереотипе, воплотившем в себе такие чисто мужские качества как сила, отвага, постоянный риск, воинственность, профессиональное бойцовское мастерство, презрение к смерти и т.д. Это были украинские «донкихоты», искатели приключений, любители экстрима, прожигатели жизни, сеятели чужой и своей смерти. Среди их интересов даже обогащение не являлось главным. Все это было наполнено исключительно внутренними побудительными мотивами – быть свободными, жить в свое удовольствие, пользоваться авторитетом в кругу сообщников, а если и умереть, так «красиво», в бою и с достинством. Защитниками украинского народа их можно назвать с большой натяжкой. Внешне это выглядело вроди бы убедительно: сражались с поляками, татарами, русскими людьми. Но в основе мотивации всей этой воинственности лежала борьба за расширение своих казацких полномочий, ответная реакция на стремление Польши и Крыма ликвидировать украинское казачество как явление, и банальное стремление грабить и за счет этого существовать. Казачество не было носителем украинской национально-освободительной идеи, не идентифицировало себя в роли старателей в деле создания собственного государства. Исключением может быть только война Богдана Хмельницкого с Речью Посполитой (1648 – 1654 гг.), хотя и здесь возникает много вопросов. Сам гетман до своего приклонного возраста, как и десятки тысяч других украинских казаков, служил польскому королю.

Польские власти, которые сперва побаивались степных разбойников, вскоре нашли им применение – нанимали за деньги для охраны границ своих имений от татар, организации вооруженные экспансии в российские земли и для подавления антипольских народных крестьянско – казацких восстаний.

В 1553 – 1554 гг. каневский староста, князь Дмитрий Вишневецкий (Байда), собрал несколько разразненных казацких ватаг и построил за порогами, на острове Малая Хортица, укрепленный военный лагерь – Запарожскую Сечь, которая стала колыбелью украинского казачества, получившего названия запорожского. В нее принимались только мужчины, исповедовавшие христианскую веру. Первыми кошевыми атаманами Запарожской Сечи были Дмитрий Вишневецкий, Богдан Ружинский, Иван Подкова, его брат Олекса Подкова, Самийло Зборовский. Первый был казнен в Стамбуле шахом, остальные – в Варшаве польским королем. Запорожцы осуществляли походы не только на Крымское ханство, но и на Турцию, преодолевая на своих «чайках» Черное море.

Существовало на Украине и другое казачество, именуемое реестровым, являющееся с точки зрения автора данной книги, величайшим украинским позором. Эточасть запорожских казаков, нанятых за деньги Польшей на государственную военную службу для организации обороны южных границ польско-литовского государства и выполнения полицейских функций внутри самой Речи Посполитой, нацеленных, прежде всего, на усмирение вольных низовых казаков Запорожской Сечи.Состав польского реестрового казацкого войска регламентировался правительственным списком (реестром). Обязанности, плата за службу и привилегии реестровых казаков определялись сеймом и королем Речи Посполитой. Реестровые казаки были выделены в отдельное сословие. Запорожские казаки, не находящиеся на государственной

службе, среди населения назывались низовыми, сечевыми или нереестровыми составляли, собственно, Запорожскую Сечь со своим войском, именовавшимся Войско Запорожское Низовое, в отличие от польского реестрового Войска Запорожского. Набирали в реестр, главным образом, зажиточных крестьян королевских имений и мелких украинских шляхтичей. Другими словами, основу реестрового украинского казачества составляла украинская национальная элита. Низовых казаков польские власти не признавали и постоянно вели с ними борьбу, как по собственной инициативе, так и по требованию Турции, побережье которой те периодически грабили. На пограничье с Диким Полем Польша выставляла залогу (гарнизон), который бы препятствовал бегству населения из владений польской шляхты на территорию Войска Запорожского Низового. Однако, несмотря на то, что реестровые казаки юридически считались сословной группой, за которой закон закреплял определенные права и преимущества, в действительности, это было далеко так. Местная польская оккупационная управленческая администрация на Украине всячески ущемляла права реестровцев, антизаконно заставляла их отбывать разные повинности, платить всевозможные сборы, отнимала закрепленные за ними земли и имущество, подвергала их таким же притеснениям и унижениям, как и своих остальных украинских подданных. Сплошь и рядом нарушались права реестровой казацкой старшины, которую старосты и шляхта всячески игнорировали, ущемляли её экономические интересы: стесняли в праве торговать, держать промыслы, корчмы. Здесь уместно вспомнить о писаре реестрового войска Богдане Хмельницком, имение которого разорил польский шляхтич Чаплицкий, что и стало одним из поводов для начала войны 1648 – 1654 гг. Притеснение верхушки реестрового казачества составляло главную причину козацких войн с Польшей конца 16 – начала 17 вв. под руководством Кристофа Косинского, Северина Наливайка, Матвея Шаулы, Григория Лободы, Якова Острянина, которые в советской исторической литературе почему-то назывались казацко-крестьянскими восстаниями. Казаки давали присягу на верность польскому королю, согласно которой они должны были отражать набеги татар на территорию Речи Посполитой, участвовать в войнах и в полицейских акциях − подавлять выступления крестьян и вольных казаков. Вот фрагмент из текста одной из таких присяг образца 1621 года:

«Я (Ф.И.О.) обязуюсь повиноваться королю Речи Посполитой, выполнять все приказы и постановления его королевской милости, пресекать всякое неподчинение и своеволие, а также, ни лично, ни через кого-либо не выступать против турецкого султана, ни на суше, ни на море, кроме как по приказу его королевской милости Речи Посполитой, если же кто-нибудь захочет такое сделать, а я про это прознаю, то обязан буду предупредить короля и гетманов, и сам того буду карать, выполняя свою повинность».

А вот присяга, данная старшим Войском Запорожским казацким гетманом Михаилом Дорошенко в 1625 году (такую же присягу давал и писарь реестрового Войска запорожского Богдан Хмельницкий):

«Я, Михайла Дорошенко, клянусь господу богу, в троице святой единому, что пресветлейшему королю польскому Сигизмунду III и его наследникам и Республике Польской в сей должности моей, согласно воле его королевского величества, во всем верность и повиновение сохранять буду, соблюдая во всем повеления его королевского величества и республики,

укрощая всякое своеволие и непослушание, а именно: ни я сам, ни посредством других против турецкого императора, ни сухим путем, ни морем, не буду ходить и воевать, разве только по повелению его королевского величества и республики. Напротив того, если б кто из войска его королевского величества, мне вверенного, или же кто со стороны вознамерился то сделать, и я про то знал бы, то обязываюсь доносить об этом его королевскому величеству и коронному гетману и таковым нарушителям королевского повеления сопротивляться. Никаких полчищ собирать и созывать без соизволения его королевского величества не буду, и даже таковые, по обязанности моей, стану преследовать; а также все условия, в самомалейших пунктах в бумагах панов комиссаров на Медвежьих Лозах прописанные, я со всею моей дружиною исполнять буду».

Реестровые казаки, в отличие от остальных, считавшихся в Речи Посполитой холопами, получили некоторые привилегии. Им польским королём были предоставлены войсковые знаки, регалии и атрибуты власти казачьего войска, называемые клейнодами. Оплата за службу производилась деньгами, одеждой и военными припасами. Содержание реестровых казаков для королевской казны было выгоднее, чем наёмные войска. Так, расходы на 6 тысяч казаков были меньше, чем на 600 наёмных немецких пехотинцев. Несмотря на это, польская шляхта ненавидела запорожских казаков за их своеволие и только от крайней нужды искала с ними согласия и помощь в военных и полицейских акциях. Реестровые казаки добивались: увеличения численности реестрового войска и оплаты за службу; права самостоятельного выбора старшего (гетмана) реестра, полковников и писарей; права независимого казацкого судопроизводства; права на греческую веру (православную); права на землепользование; освобождение от налогов и других повинностей (за исключением военной службы). Все перечисленные права и привилегии, в зависимости от политической ситуации в стране и от внешних угроз, то предоставлялись, то снова ликвидировались польским сеймом.

В ноябре-декабре 1638 года, после поражения казацкого восстания под руководством Якова Острянина (Остряницы), казачья старшина реестрового казачества подписала новые кабальные условия своих отношений с Речью Посполитой под названием «Ординация Войска Запорожского»: ликвидировалась выборность гетмана и полковников – они заменялись назначенными королем комиссаром и полковниками из политически благонадежной польской шляхты. Навсегда запрещалось назначать старшим Войска Запорожского из числа лиц казацкого происхождения. Любой реестровый казак не мог посещать Запорожье без разрешения, выданного комиссаром. Таким образом, «Ординация» была направлена на превращение Войска Запорожского в послушный войсковой контингент для выполнения полицейских функций на Украине и обороны южных рубежей Речи Посполитой. В разное время количество реестровых казаков менялось от 4000 в 1602 году до 50000 в 1609 году.

Роль и значимость казачества, как такового, в украинской истории значительно преувеличена. Породившая его социальная среда не могла наделить это сословие осознанным пониманием своей более значимой роли в украинской истории, чем ту, которую оно сыграло. Необразованная голытьба, которую поляки называли не иначе как «чернь», «быдло», «пся крев», была не в

состоянии перешагнуть за рамки самых примитивных чувственных инстинктов – личного самосохранения и легкого обогащения. Как известно, всякая свобода человека развращает, по меньшей мере не делает его лучше, добрее, честнее, ответственнее. А всякое изобилие плодит всевозможные духовные пороки. Украинское казачество в своем историческом развитии вволю тешилось и тем и другим. Хотя ради справедливости следует заметить, что и то и другое им дорого стоило – за него часто приходилось расплачиваться жизнью. Единственного, чего нельзя отнять у казачества, так это таланта и сноровки средневекового воина, смысл всей жизни которого составляли грабежи и войны. Им безразлично было кого грабить крымских татар, заморских турок, польских магнатов, торговые караваны или пробирающиеся по Дикому Полю иностранные посольства. Целью их помыслов и промыслов была нажива. Абсолютная отстраненность от политики и отсутствие патриотической настроенности как таковой, не позволяли им сознательно и последовательно защищать от поляков гибнущее украинство, не говоря уже о борьбе за национальную независимость и государственную самостоятельность. Казаки, кроме своего основного военного дела, были вовлечены в политические интриги контактирующих с ними Польши, России, Турции, Молдавии и Крыма, безразборно, со сменой нанимающих их сторон, защищали абсолютно чуждые им интересы. Море пролитой украинской крови, сотни тысяч бесцельно загубленных жизней – главный итог бытия украинского казачества, как низового, так и реестрового.

С реестровыми дела обстоят еще хуже: они вобрали в себе подлую продажность украинской национальной элиты тех времен, необузданную страсть к личному обогащению, безразличие к судьбе своей исторической Родины, наплевательское отношение к своему народу, частью которого являлись. В своем стремлении сравниться в политическом статусе и в имущественных правах с польской шляхтой, эта казацкая элита украинского общества верой и правдой служила не своей родине, а главному ее врагу – польскому королю. Ради этого они меняли свои фамилии, веру православную и национальность, защищая польские интересы, шли с оружием и губили своих братьев по крови – украинцев и русских. Вот поэтому отдельные строки нашего сегодняшнего украинского государственного гимна звучат, по меньшей мере, кощунственно, в равной мере, как и попытки переписать прошлое украинства. Горе тому народу, который не знает своей настоящей истории, а склонен придумывать ее на свой лад и вкус, преукрашать ее до неузнаваемости. Ведь только подлинная история умных учит, а глупых делает еще глупее. История украинства и без всякого рода ее вывертов заслуживает уважения.

Неблаговидной выглядит и роль беглых в Россию украинских казаков, которым волей случая было суждено стать вторыми основателями города Чугуева (первыми были кавказские племена алан). Они нарушили присягу, убили своего гетьмана и вернулись обратно к полякам.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Где бы не приходилось читать об основании Чугуева, рассказ об этом начинался с восстания украинских казаков под предводительством Якова Остряницы. И дальше по схеме: поражение казаков, бегство в Россию, отправка украинских повстанцев на Чугуево городище. Но основание нашего города имеет более глубокую предисторию. Он возник не спонтанно и не по воле слепого случая. Его появлению предшествовали события довольно бурных по тем временах геополитических процессов, происходивших на землях лесостепного Подонцовья в конце 16 – начале 17 вв. В том числе и таких, о которых, как в России, так и в Украине, не говорили ни в дореволюционные времена, ни в годы советской власти. Они касались основательно заидеологизированного вопроса российско – украинских отношений, которые веками излагались русской стороной в одном незыблемом формате «вечной и нерушимой дружбы» между двумя великими народами – русским и украинским. Все попытки украинцев посмотреть на это под другим углом зрения резко присекались российскими властями. Этого требовал московский идеологический постулат о «единой и неделимой империи», излагаемый сначала российской, а затем и советской официальной пропагандой. Но ситуация в этом плане была не такой уж и гладкой, как ее пытались преподносить.

Как известно, украинская и русская народности зараждались и формировались изолированно друг от друга на юго-западных и северо-восточных землях бывшего древнерусского государства. Украинская преодолевала этот сложный процесс не самостоятельно, а под влиянием соседних государств – Литвы и Польши. Российская – в атмосфере монгольского ига и путем трансформации славян со многими народностями Севера. Итогом всего этого стало появление двух близких по старому родству, но значительно разнящихся друг от друга, в том числе и ментальностью, народов, которые хоть и были рождены в одной колыбели – Руси Киевской, но выращенные в разных исторических условиях. Это стало заметно сразу же, когда их интересы впервые перехлестнулись в водовороте сложных геополитических процессов, имевших место в 15 – 17 вв. на украино – российском порубежье. Усугублял ситуацию и тот факт, что украинцы выступали, с одной стороны не как самостоятельный субьект, а в роли марионеток покорившей их Польши, а с другой стороны – в роли бесшабашного и никому не подконтрольного запорожского казачества. И в первом и во втором случае сгладить или хоть как-то уравновесить эти отношения не позволяло отсутствие украинской национальной государственности. А попытки Москвы делать это при помощи Польши, только усугубляли ситуацию. Столкновение это произошло, главным образом, в тот исторический период, когда на политическую арену Восточной Европы вышли такие государства как Польша и Россия. А местом столкновения стало Дикое Поле, в борьбе за колонизацию которого эти интересы и переплелись. Уже первые опыты этих русско-украинских пограничных конфликтов, убедительно показали, что ни общая «колыбель» Руси Киевской, ни территориальное соседство, ни близкое культурно-этническое сходство, ни приверженность обоих народов к христианской вере, представителями обоих сторон в расчет не принималась. Примечательно, что столкновения эти, в большой их части, имели место в географической зоне современного Подонцовья и изначально

приобрели кровавый характер. Главными их фигурантами стали Российское царство, Речь Посполитая и, в некоторой степени, Крымское ханство. В водовороте этого противостояния, где украинцы играли далеко не последнюю роль, и появился город Чугуев. По большому счету, манипулируемые Польшей украинцы, несколько десятилетий подряд, вплоть до воссоединения Украины с Россией в 1654 году, находились в состоянии открытого противоборства с ней. Все эти исторические вехи развития украинских земель изначально наложили свой отпечаток на резко осложнившееся отношения между Украиной и Россией в конце 20 и особенно в начале 21 века, когда Украина после развала СССР освободилась от российского диктата и стала самостоятельным государством. Главным поводом для позорного и крайне опасного размежевания славянства как раз и стало историческое прошлое во взаимоотношениях двух больших христианских народов.

В контексте главной темы данной книги – основания нашего города, ее автор поставил перед собой цель высветлить это событие на фоне той не простой общественно-политической обстановки, которая сложилась на территории современной Слобожанщины в 1630 – 1638 гг. На официальном уровне она была крайне тенденциозно и однобоко обнародована в 1954 году во время празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией. Три увесистых тома специально подобранных исторических документов на эту тему не оставляли никаких сомнений в том, что «вечная дружба» русского и украинского народов непоколебима со времен Б. Хмельницкого. Эта догма стала своеобразным «лекалом», с помощью которого выкраивались идейные основы взаимоотношений двух славянских народов в годы советской власти. С точки зрения государственной политики СССР, это был разумный подход: требовалось искусственно затушевать довольно много неприязненных страниц взаимоотношений между украинским и российским народами, имевших место в прошлых веках их порубежного сосуществования. Мол, кто старое вспомнит – тому глаз вон. Так и было до 1991 года. Обретение Украиной независимости тут же ознаменовалось яростной русофобией на тему: кто кого обижал, кормил салом, и кто был вечным врагом украинства, угнетал его, душил все его порывы к национальному обособлению и т. д. О днях сегодняшних и говорить не приходится – раздрай полный! И не только в отношениях между двумя соседствующими между собой государствами, но и между западными и восточными регионами самой Украины, издавна тяготеющих не к единому центру национального сплочения, тому же Киеву, а в противоположные стороны: Запад – к Западу, Восток – к России. Но сейчас не об этом речь. Многие из современников считают, что суть вопроса исключительно лежит в плоскости событий 20 века: ликвидация УНР, захват Украины российскими большевиками в 1918 – 1919 гг. и насильственное установление на ее территории советской власти; присоединение к СССР западных областей Украины и их «советизация» в 1939г., борьба с бандеровщиной в послевоенные годы, ограбление украинских вкладчиков Сбербанком СССР после крушение советской империи. Но все это не заложило трещину во взаимоотношениях между двумя народами, а только ее углубило и вмиг развеяло миф о «нерушимой и вечной дружбе» между ними. Но вернемся обратно в 16 век в район Подонцовья.

Обеспечивая безопасность центрально-русских регионов от нападения крымцев и стремясь одновременно «застолбить» ничейное пространство южной лесостепи как собсвенность российского государства, Московское правительство неожиданно для себя столкнулось с украинцами. Не имея своего собственного государства, а пребывая под властью Речи Посполитой, они тоже выступили в роли конкурентов, своеобразной «третьей стороной» за право осваивать земли Дикого Поля на свой лад и по своему усмотрению. Казачество, как оказалось, лишь частично вобрало в себя ту часть украинского общества (и то, только его мужскую половину), которая спасаясь от польского произвола и угнетения, нашла себе довольно своеобразное применение. Но казачество, как социальное явления вовсе не укрепляло позиции украинства как такового. Население вынуждено было просто массово бежать с польских земель туда, где бы оно было недосягамо для польских властей. Таким местом и были степи и лесостепи Дикого Поля, на которое к этому времени уже «положила глаз» Россия.

Произведенный анализ источников позволяет выделить два этапа российско-украинского порубежного взаимодействия в конце 16 – начале 17 в. Первый: 1580-е – 1604 г., когда началось более-менее постоянное соприкосновение россиян и украинцев на территории Днепро-Донского междуречья. Колонизация земель Польской украйны (окраины), развернутая российским правительством в конце 16 в., началась с северных ее регинов по линии современных российских городов Стародуб, Новозыбков, Рыльск, Суджа и далее Грайворон, Белгород, Валуйки. Она была призвана не только способствовать предотвращению татарских набегов, но и не допустить заселения указанного региона подданными Речи Посполитой – украинцами. На самом деле это означало расширение территории Речи Посполитой. В результате целенаправленной российской политики (посылки сторожей в последней трети 16 в., затем организации освоения края путем постройки крепостей в конце 16 – начале 17 в.) Россия смогла довольно основательно утвердиться на Поле, оттеснив своих соперников. В процессе колонизации русские переселенцы натолкнулись на неожиданное препятствие – украинских казаков, которые пытались осесть на землях, как свободных, так и уже заселявшихся российскими служилыми людьми. Вооруженные схватки и конфликты, происходившие на Польской украйне, позволяют говорить о столкновении двух колонизационных потоков. Следует отметить, что российская правительственная колонизация оказалась более эффективной, чем украинская народная, не имевшая государственной поддержки.

Второй этап колонизации приходится на смутное для России время. В 1604 г. после вторжения Лжедмитрия I в южные пределы России, ее колонизация Поля на некоторое время приостановилась. Теперь украинские казаки (черкасы) в ходе польско-российского противостояния выступали, как правило, не в виде гражданских переселенцев с Поднепровья, а в качестве воинов Лжедмитрия – Самозванца или же непосредственно самой Речи Посполитой. На этом этапе русско-украинские порубежные отношения превратились в открытое силовое противовстояние: состоявшие на службе у Польши украинские казаки вместо былого степного военного проказничества, руководимые польской стороной, вторглись в исконные глубинные российские земли, многие из которых разграбили и разорили. После подавления очень

болезненной для Москвы смуты и изгнания поляков с территории Московского царства, колонизация продолжилась.

Московское правительство на захваченных землях ставило свои сторожевья, станичные службы и крепости. При этом оно опиралось как на вооруженные царские войска и русских переселенцев, так и на добровольно перешедших в русское подданство украинских беженцев с польских земель. После принесенной клятвы на верность служения царю и России они зачислялись на службу в качестве «служилых людей». С последними у российской стороны проблем существовало куда меньше, чем с так называемыми украинскими «воровскими черкасами» (казаками). Именно эти два обстоятельства и легли в основу сосуществования украинского и российского населения на территории Дикого Поля в 16 – 17 вв. Эта незаселенная территория современного Центрально-европейского Черноземья, граничившая на юго-востоке с землями Речи Посполитой, а на юге – с Московским царством, в польских документах именовалась «Польской украйной», а в российских – просто «Полем». Жители украинских земель Речи Посполитой в ее документах именовались «литовскими людьми», «белорусцами», а казаки – «черкасами» (иногда «черкесами»). Появление этого термина связано с г. Черкасы, который стал во второй половине 16 в. центром украинского казачества. Черкасы, не приносившие присяги русскому царю и занимавшиеся разбоем на Поле, назывались «воровскими» черкасами.

В 15 – первой половине 16 века завершился процесс консолидации территории единого Российского государства и наступил новый этап в его развитии. Под эгидой Москвы были объединены все северные русские земли, не вошедшие в состав Речи Посполитой. Расширение границ Российского царства на протяжении 16 и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Основным было южное. После разорения Золотой Орды и падения монгольского ига степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды Крымского ханства. Они совершали набеги на русские, белорусские и украинские земли, грабили их и уводили население в рабство. Но проблемы, связанные с южнорусскими степями, этим не исчерпывались. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны Речи Посполитой и Крымского ханства. В Днепро-Донской лесостепи пролегли татарские дороги-сакмы, огибавшие лесные массивы и крупные реки. В 16 и 17 столетиях интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь 16 в. прошел под знаменем колонизации русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на исконные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия.

Правительственная стратегия Московского царства состояла в официальном включении этих и соседствующих с ними территорий в состав своего государства. Поскольку никаких границ в то время не существовало, факт своего владения этими землями наглядно демонстрировался сооружением на них объектов русского присутствия, которыми являлись сторожевые посты, крепости, города. Кроме этого специальные военизированные отряды русских служилых людей посылались глубоко в степь и на стволах столетних дубов

устраивали засеки, после чего на их гладкой поверхности выдалбливалось рельефное изображение герба России. В начале 16 в. Возникла Тульская оборонительная черта. К середине столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг, где и были заложены города Данков, Шацк, Орел и др. Таким образом, колонизация Россией своих южных окраин приобрела характер не только стихийный, но и государственный. Но аналогичные цели преследовала и Польша. Оккупированые ею украинские земли тоже граничили с Диким Полем.

Особую сумятицу в этот процесс вносило Крымское ханство. Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть своих владений. Они постоянно здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий. В силу этого, степняки стремились не допустить колонизации Дикого Поля другими странами. Кроме того, эта территория во второй половине 16 в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом, которое делало ханство практически неуязвимым. Ведь в случае похода на Крым русских войск, им длительное время приходилось продвигаться по безводной степи, имея громоздкие обозы. Хан же имел возможность собрать силы и постоянными нападениями небольших отрядов изнурять противника. Буферная зона являлась удобным местом для концентрации татар перед набегами и давала степнякам возможность уйти от погони. Уже к середине 16 в. российское правительство достаточно ясно осознало всю невыгодность для себя сложившейся в этом регионе геополитической ситуации. Поэтому во второй половине 16 в., как только появились силы и средства, Россия начинает продвижение на юг, в лесостепь. После завоевания Казани в 1552 г. Российское царство получило возможность активизировать свою политику на южном направлении. С этого времени началось последовательное строительство русских крепостей на ее окраине, к которой примыкало Поле. В результате сооружения городов на порубежье с Польской Украйной: Михайлова, Шацка, Дедилова, Волхова, Ряжска, Новосили, Орла, Епифани, Данкова и др. – Россия смогла приступить к мероприятиям, направленным на освоение территории собственно Днепро – Донецко – Донской лесостепи.

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба. Ее организатором являлся боярин М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставлялисьроссийские сторожи и станицы. Одна общероссийская сторожа находилась при впадении р. Балаклеи в Вапу, вторая – на левом берегу Дона, выше устья р. Хопер, третья – на р. Осколе, при устье реки Убли, а четвертая – на р. Сейме, при устье речки Хона. Самая западная сторожа с берега р. Сейм была переведена на Северский Донец, на устье р. Уды. В 1577 г. на сторожу к Северскому Донцу посылали боярских детей Брянск, Почеп, Стародуб и Новгород-Северский, Орел и Карачев, а вслучае необходимости – Новосиль, Волхов и Одоев. Сторожу на р. Осколе обеспечивали дети боярские из Тулы, Пловы, Соловы, Епифани, Венева, Мценска, а также из Волхова и Одоева. К этомувремени относится первая попытка Московского царства официально включить земли Поля в состав

России. Воевода М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский обозначили особыми знаками границы Российского царства в южной степи. С 80-х годов 16 в. развернулось строительство крепостей на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом.

В 1586 г. были основаны Ливны и Воронеж. Сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечить закрепление придонской части Поля за Россией. Такая задача стала вдвойне актуальной в связи с появлением в Днепро-Донской лесостепи черкас – украинских казаков, четвертого по счету субъкта степных домагательств. Таким образом, россияне и украинцы в 80-х годах 16 в. столкнулись на Поле как подданные враждебных друг другу государств – России и Польши.

Ущерб от черкасских вторжений в пределы Московского царства был довольно значительным. Во время набега в 1589 г. лубенскими черкасами было захвачено имущества на 5 тыс. рублей, взято в плен и убито более 200 человек. В ответ на активизацию украинских казаков российское правительство должно было принять соответствующие меры.

В 1589 г. «промышлятьнад черкасами» были отправлены князь Петр Горчаков и Иван Губин с отрядами из Шацка и Ряжска. Также 26 апреля1589 г. было велено Афанасию Федоровичу Зиновьеву с отрядом выехать из Путивля для государевой службы на Северский Донец и Оскол с целью вытеснить «воровских черкас» из пребрежной зоны этих рек. Таким образом, сторожевая служба, изначально направленная на борьбу с татарскими вторжениями, в конце 16 в. получила еще одну задачу – обнаружение и пресечение черкаских набегов. В 1591 г. в Ливнах уже стояли «две станицы добрые». Построенные на Поле крепости: Белгород, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов – выполняли роль не только заслона на пути татар, но одновременно являлись опорными пунктами в борьбе с украинскими казаками. Так, летом 1598 г. голова К. Мясной, посланный из Белгорода против татар, разгромил по дороге сотню черкас атамана Лепинского.

Опасность черкаской колонизации для России заключалась в том, что, закрепившись на Поле, украинские переселенцы, как подданные Польши, создали бы условия для присоединения этой территории к Польше. Но процесс расселения черкас на границах продолжался, и московское правительство остановить его не могло. В данном случае можно говорить о столкновении двух потоков колонизации Днепро-Донской лесостепи – русского и украинского. Таким образом, в процессе колонизации Поля, россияне неожиданно столкнулись с черкасами – украинскими казаками, которые пытались осесть на уже заселявшихся российскими служилыми людьми землях. И не только пытались осесть, но и совершали набеги, разоряя форпосты российского присутствия на уже колонизированных Москвой землях. Юридическиявляясь подданными Речи Посполитой, а фактически действуя самостоятельно, на свой страх и риск, они серьезно осложняли продвижение России на юг, мешая ей закрепиться на Польской и Северской окраинах в районе Чернигова и Стародуба. При том действовали они жестче татар. Те только периодически беспокоили российскую окраину, вторгались исключительно с целью грабежа и, в случае отпора, обычно обращались в бегство. Тем более татары почти не пытались осаждать остроги и крепости. Российские источники сообщают: «Воровские черкесы в конце 16 века разорили такие русские города-крепости

как Воронеж и Цареборисов. Черкесы приняли участие во время похода на Москву Лжедмитрия первого во время русской смуты в начале 17 в. На стороне польского короля Владислава выступили и казаки Запорожской Сечи. Запорожцы численностью до 20 тыс. человек двинулись в поход летом 1618 года. Во главе казаков стоял гетман Петр Конашевич Сагайдачный. Они овладели Путивлем, Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедянью, взял в плен русских послов, направлявшихся в Крым (вместе с «мягкой казной» стоимостью 10 тыс. руб.), а затем пошел на Рязанщину. Вместе с собой черкасы уводили молодежь, способную выполнять обязанности слуг. Только в Ельце и его уезде они захватили 500 русских пленников».

О серьезности ситуации с «воровскими черкасами» свидетельствуют царские грамоты, отправленные на Дон. Донским казакам запрещалось принимать к себе запорожцев, т.к. они присылаются польским королем (давнимврагом Российского царства). Черкасы характеризовались как подданные враждебной державы, нанесшие значительный ущерб России. Исходя из этого сложного положения, правительство требовало от донских казаков оставить дружбу с запорожскими и оберегать российские рубежи от вторжений. Не случайно вопрос о ситуации на границе был вынесен на обсуждение Земского собора. Приведенные факты убедительно говорят о напряженности, связанной со столкновением российского и украинского колонизационных потоков. Во многом конфликты провоцировались присущими порубежью особенностями. Отсутствие четкой границы создавало ситуацию, когда конкретную местность считали своей и Российское царство, и Речь Посполитая, и черкасы одновременно. Внимательно следили за Полем и татары. Строительство Белгорода, Оскола и Валуек и назначение туда воевод, вызвало нарекание со стороны Крыма. Борису Годунову была послана тайная грамота от Казы-Гирея, в которой он упрекал русского царя за постройку городов на территории своих «Донецких улусов». При этом хан заявлял о крайнем недовольствии Турции московской политикой и предупреждал о том, что дальнейшее продвижение России на юг «шерть и добро порушит». У хана был повод для беспокойства: к концу 16 в. контролируемые российским государством земли клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям.

Некоторые черкасы приходили в Поле для ведения хозяйственных промыслов. Они появлялись в районах, которые уже осваивалися российскими подданными. Стихийным акциям черкас администрация Речи Посполитой не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы ее противника и отвечали ее внешнеполитическим интересам. Русские старосты на местах вынуждали переселенцев с польской стороны принимать присягу на верность Москве, но даже после принятия, те ее постоянно нарушали. В 20-е годы 17 в. впервые отмечены случаи высылки отдельных «неверных» черкас в Сибирь. Так, 20 июля 1622 г. Боярская дума приговорила сослать в Сибирь восемь «выходцов черкас». Правительство с большой осторожностью относилось и к черкасам, находящимся на русской службе. Самоприбытие в русские пределы вооруженных отрядов вызывало тревогу, поскольку нельзя было быть полностью уверенным в том, что черкасы пришли на службу, а не в поисках поживы. Вместе с другими российскими ратниками, служилым черкасам поручалось «...идти с великим береженьем и ставиться в крепких местах, и

сторожи велеть держать крепкие, да и самим головам велеть беречь накрепко, а больше всего велеть им беречься ночью, чтоб на них татаровя и воры черкасы безвестно не пришли…» Приведенный отрывок царской грамоты отчетливо демонстрирует двойственное отношение российской администрации к черкасам: одних она воспринимала как служилых людей и подданных своего государства, а других – как разбойников, нападающих на ее окраины.

Между переселенцами с территории Российского царства и Речи Посполитой имелось существенное различие: русская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы.

Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся крупнейшими польскими землевладельцами, но не государством. В конце 16 – начале 17 вв. правительство Речи Посполитой, по причине слабой заселенности Польской Украйны, специальных распоряжений о переселении черкас не отдавало, но и не мешало движению украинцев в этот регион. Польше было выгодней, когда люди с ее территорий бежали не в Запорожскую Сечь, а в Поле. С черкасами – переселенцами российские власти пытались наладить мирные отношения, с «воровскими черкасми» боролись, как и с татарами. «Новый летописец» сообщает о том, что в 1611 г. «...пришли на украйны черкасы многие люди и многие грады и места повоевали. Собраху же ся украинские воеводы, князь Григорий Тюфякин, князь Федор Елецкий и иные многие воеводы, и пошли в степь, и побили всех черкас на голову, и полон весь отбили».

Вот почему начало 16 в. можно считать первым в истории взаимоотношений двух славянских народов периодом взаимной воинственности и вражды, которая несомненно наложила свой негативный отпечаток на атмосферу их будущих контактов. Во время, так называемой, Смоленской войны между Россией и Польшей, нападения черкасс на российские города принимали масштабы хорошо спланированной и организованной агрессии. Вот содержание одного из российских документов: «В августе, 26 числа 1625 г., черкасы под командованием полковников Пырского, Ловерко, Острянина (будущего основателя Чугуева) и урядника Сеножатского атаковали Курск. Бой длился с четырех часов дня до вечера. Куряне отбили приступ без особого для себя урона, сгорела только Стрелецкая слобода. Удалось даже захватить 14 пленных. На допросе и под пыткой один из них — Федор Харитонов показал, что под Курском было 3 тыс. литовских людей и черкас». Здесь же поименно перечислены командиры отрядов черкас. Это гетман Ильяш, полковники Григорий Черкасский, Данила Каневский, Яцко Острянин, Юрко Латыш, Иван Чигиринский, Филоненок Косынский и полковник Белецкий. Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. Первоначально белгородские станичники обнаружили сакму, а затем и самих черкас. Последние, в количестве около 2 тыс. человек, расположились в 70 верстах от города. В отсутствие Я. Острянина ими командовали казацкие полковники Филипп и Семен. Московский боярин М.П. Волынский послал в разведку отряд Николы Тарасова, которая вернулась в Белгород 3 мая с захваченным в плен «языком», черкашеном Семеном Петровым. Он сообщил на допросе, что полтавский полковник Яков Острянин

направил письма в Переяславль и другие «литовские порубежные городки» с предложением всем полковникам и урядникам сходиться к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород. Помимо Острянина черкасами командовали полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор второго отряда происходил в Лубнах. Его численность достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везелицы, они начали штурм Белгородской крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться, уничтожив 230 нападавших. Потеряв надежду захватить Белгород, черкасы отступили.

Вот как характеризирует ситуацию тех времен известный российский историк А.И. Попков: «Итак, в 1632 – 1634 гг. российско-украинское порубежье стало ареной широкомасштабных боевых действий. Активное участие в них принимали «воровские черкасы». В отличие от татар, они довольно успешно штурмовали российские крепости, чем оказали значительное влияние на ход всей кампании в целом. Факты показывают, что во время войны этнокультурная близость населения приграничной территории практически не проявлялась. Принадлежность украинцев к православной церкви в обстановке войны 1632 – 1634 гг., не удержала последних от участия в боевых действиях на стороне католической Речи Посполитой. На первое место выдвинулся политический фактор: антагонизм государств, на территории которых проживали русские и украинцы. Ожесточенные боевые действия серьезно деформировали их взаимоотношения. Механизмы, обеспечивавшие сосуществование населения российско-украинского порубежья, наметившееся в 20-е годы 17 в., в 1632 – 1634 гг. перестали функционировать.

Характеризуя российско-украинское порубежье в 20 – 30-е годы 17 в., можно отметить, что позиции России в данном регионе, остались довольно прочными. В это время сохранялась опасность со стороны «воровских» черкас. Масштабы черкасских вторжений были меньшими, но бороться с ними было труднее, чем с татарскими. Судя по всему, интенсивность столкновений возросла в начале 30-х годов. В это время российская колонизация Поля приобретает государственный характер. В ней в равной мере стали сочетаться элементы правительственной и народной колонизации. Заселение окраин со стороны России становится более интенсивным, что во многом объясняет рост числа конфликтов на порубежье.

Таким образом, для границы между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в рассматриваемое время были характерны вооруженные столкновения и военные конфликты, порожденные пересечением двух колонизационных потоков. В 1632 – 1634 гг. они вылились в ожесточенные боевые действия, сопровождавшиеся захватом крепостей и уводом в плен жителей пограничья.

По окончании Смоленской войны 1632 – 1634 гг., Российское государство развернуло строительство Белгородской оборонительной черты, что обусловило окончательное закрепление его интересов в данном регионе, позволило не только эффективно бороться с вторжениями татар, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией. В этот же период произошло сближение между Россией и Речью Посполитой, в основу которого лег договор

о совместной борьбе с татарами и другими общими врагами. Стабилизации взаимоотношений двух держав способствовал процесс демаркации границ, протекавший медленно, но, тем не менее, приносивший определенные результаты. В царской грамоте, направленной в Путивль, Брянск, Севск, Рыльск, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Курск, Белгород, Валуйки, Оскол и Усерд было велено отказывать перебежчикам из Речи Посполитой (особенно не имеющим имущества и семей), заявляя, что «...без службы их в Московское государство принимать не для чего». Более того, в 1636 г. воеводы российских приграничных крепостей получили указание не принимать на службу большие группы переселенцев из Речи Посполитой. Такое решение было вызвано необходимостью сохранения мирных отношений с Польшей, обострять которые после проигранной Смоленской войны было для Российского царства опасно. Воеводы могли разрешать селиться на подведомственной им территории только небольшим группам черкас с имуществом и семьями. Строжайше запрещалось предпринимать какие-либо меры для переманивания украинцев из польских земель. Но российское продвижение на юг активно продолжалось. В 1637 году оно достигло земель современного Балаклейского района, где сооружались укрепления. Строительными работами на Изюмской сакме летом 1637 г. руководил стольник А.В. Бутурлин. По его предложению, утвержденному Разрядом 9 июня 1637 г. силами московских стрельцов было начато возведение новой крепости на Красной горе, на правом берегу р. Корочи.

С увеличением числа живущих в России черкас возросло число их побегов со службы. Так, восемь черкас убежало из Оскола 18 августа 1636 г., украв у осколян 14лошадей. 11 августа 1638 г. из того же города убежали еще четверо переезжих черкас. При побеге они украли лошадей оскольских служилых людей. В начале 1639 г., ночью, из Белгорода в «литовскую сторону» убежал поп Мартын с попадьею, бросив свой двор и имущество. Погоня не принесла результата. Судя по этим фактам, Россия весьма ревностно относилась к подобного рода побегам, расценивая их не иначе, как предательство.

Основание Чугуева на бесчинства татар и «воровских черкас» на территории Подонцовья существенного влияния не оказало. Набеги продолжались и во второй половине 17 в. Иногда черкасы объеденялись с татарами. Первое их совместное нападение было в апреле месяце 1657 года. Чугуевский воевода от 20 апреля сего года доносил Белгородскому Воеводе: «В нынешнем году марта 4, Полковник Ивашка Серко со татарами и Змиевской и Цареборисов города и Маяцкие и Валковские и на Торских озёрах черкассы, забыв страх Божий и Евангельское целованье, великому Государю изменили. И в тех городах Воевод и приказных людей расстреляли и Великого Государя Русских людей вырубили и Великого Государя зелейную и свинцовую казну разграбили. И город Змиёв и Цареборисов и Валки огнём пожгли. Изменники черкасы приходили и под Чугуев город и в Чугуевском и Харьковском уезде села и деревни и хлеб выжгли и многих людей побили и в полон поймали и воевать пошли в черкаские города к изменнику Ивашке Брюховецкому». Другое нападение было в июне. Вот как его описывает Чугуевский воєвода: «176 (1668) июня 17, приходили под Чугуев с Ногайской стороны к крепостям татары и изменники черкасы многие, которые воевали Харьковский и

Салтовский уезды, и стада животинные отогнали. И пошли за реку Донец на Нагайскую сторону. И я ж того числа посылал за ними из Чугуева голову Стрелецкого и Казацкого. Он, голова, с Чугуевцами дошли в степь за реку Донец на речке Балыклее. И был у них бой с неприятельскими людьми. И на том бою взято полону и тот полон отбили, Самсона Зорина убили до смерти, да убили сына боярского Акинфия Федосова, казака Ивашку, стрельца Федота Пупова, да ранили чугуевцев разных людей 6 человек. С того бою неприятельские люди побежали к Савинскому перелазу. И чугуевец сотенный голова Александр Марченко с Чугуевцами тех изменников черкас и татар дошли в степи против Савинского перелазу. И был у них бой большой. И милостию Божиею их, неприятельских людей, многих побили и стада животинные отбили и остаточный полон, который взят был в Харьковском и Салтовском уезде. А остаточные неприятельские люди побежали в степь к Изюмскому перелазу». В письме от 25 июня 1668 года Чугуевский воевода писал: «и я в Чугуеве с Чугуевцами сижу в осаде накрепко и город Чугуев и всякую городовую службу креплю и старый тайник вновь построил и колодязь вычистили, да у того ж старого тайника построили Чугуевцы новый другой тайник, дубовый и другой колодязь в тайнике учинён и в приход воинских людей воды будет много в тайниках; да около города почал строить вновь отводы и вылазы для обереганья».

Третье нападение на Чугуев произошло в августе: «В нынешнем 176 (1668) году августа 21 приходили в город и в Чугуевский уезд воинские люди, татарове и изменники Черкасы многие люди, от Мерефы чрез леса и чрез реку Уды на село Васищево. И многих Чугуевцов всяких чинов людей под городом на полях, на жнивах и в отъездах побили и в полон поймали и жён их и детей, и стада конские и животинные все отогнали. И я того числа за теми татарами и изменниками черкасами с Чугуевцами ратными людьми ходил в поход и с теми татарами и черкасами был у меня бой и на том бою взяли языков 4 человека татар. А в расспросе те языки сказали, что приходил де с ними в Чугуев Мустафа Мурза, а с ним, Мурзою, было 1000 татар, а изменников черкасов 2000 человек; а посылал де их, татар и черкасов, Петрушка Дорошенко, Наказной Чигиринский Гетман, с Ивашкою Дубягою, да с Полтавским Полковником Косткою Коблицким».

Данная характеристика военно-политической ситуации на российско-украинском порубежье важна в плане четкого понимания той исторической ситуации, в условиях которой возник город Чугуев. Это событие следует воспринимать не как отдельно взятый факт, а как составную часть сложного процесса колонизации земель Подонцовья двумя соперничающими в этой области государствами – Речью Посполитой и Россией. А факт хозяйствования Московского правительства на землях современной Балаклейщины, говорит о том, что город Чугуев был основан не просто в Поле, а уже на колонизированной русской территории.

КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ

Теперь перенесемся на Украину, точнее на захваченные Речью Посполитой земли Польской Украйны. Территориально они составляли

западную и центральную зону современного украинского государства за исключением Дикого Поля, на которой в ходе излагаемых выше событий складывалась современная украинская Слобожанщина. К этому времени старая управленческая административная система древних русских княжеств была полностью уничтожена. После Люблинской унии 1659 г. все украинские земли в составе Речи Посполитой были разделены на шесть воеводств: Галицкое, Волынское, Подольское, Брацлавское, Киевское и Бельзское, состоящее из двух районов – Холмщины и Подляшья. Густота населения на украинских землях в начале 17 вв. составляла всего 7 чел. на один километр квадратный. Самое большое Киевское воеводство почти полностью обезлюднело. Основными социальными группами населения были шляхта (помещики – феодалы), горожане, крестьянство, казацтво и духовенство. Принадлежность человека к конкретной группе населения была не менее значимой гражданской категорией самоопределения, чем национальность или вероисповедание. Шляхта, кроме собственно польских магнатов, состояла из представителей 20 – 30 старых русских княжеских и литовских родов Рюриковичей и Гедиминасов и была сосредоточена в своей основной массе на территории Волыни. Это роды Острожских, Чортырийских, Збарских, Вишневецких, Заславских, Четвертинских и др. Они владели двумя третями всей земли Речи Посполитой. Самый богатый из них – род Острожских, владел 30% всей земли на Волыни (14 тыс. кв. км), 100 городами и 1300 селами. Значительную часть населения Польши составляла мелкая шляхта (8 – 10 % от всего населения). Титул шляхтича присваивался представителям остальных социальных прослоек за службу в войске и особые заслуги перед польским королем. Горожане составляли всего 1 – 1,5 % населения польского государства, а крестьяне – 80%. Сведения о казаках, которых польские власти официально не признавали, отсутствуют. Самым большим городом был Львов, в котором проживало больше 10 000 населения.

Хуже всех себя чувствовали крестьяне. Их отработочная рента (барщина) составляла в начале 17 в. четыре – пять дней в неделю. Они могли только обрабатывать свои земельные уделы, но собственниками всех крестьянских земель считались феодалы, которые имели право лично вершить суд над своими крестьянами. С 1496 года все крестьяне были закрепощены и не имели права менять своего места жительства. Оставлять его разрешалось только одной семье определенного села или хутора всего один раз в год. В то время как в странах Западной Европы крепостное право отмирало, в Речи Посполитой оно только утверждалось, при том в самой жесткой форме. Поляки всячески стремились вынудить украинцев презреть свою православную веру и принять католическую. Украинцы испытывали так же притеснение своих национальных традиций и обычаев. Это и стало причиной антипольских крестьянских восстаний, а также возникновения такого социального явления как украинское казачество.

У самих казаков, как низовых запорожских, так и у служивших Речи Посполитой реестровых в особенности, тоже были свои причины для восстаний против польских властей. Низовые истинно запорожские казаки по своей сути изначально являлись классовыми врагами польских феодалов. В своем большинстве это были беглецы из их феодальных поместий, которые зачастую прежде чем покинуть своих господ, стремились причинить обидчикам

побольше вреда – от поджогов до убийств. Реестровикам жилось спокойней: за свою службу они получали вознаграждения не только деньгами, но и разного рода привилегиями: им разрешалось заниматься торговлей, промыслами – иметь собственные винокурни, солеварни, шинки и т.д. Среднее звено украинских казаков реестровцев постоянно боролось за расширене льгот, а вот верхушка реестрового казачества добивалась еще и возможности сравняться с польской национальной элитой – шляхтой, в своих социальных и политических правах. Но это была «замкнутая» каста, в которую «чужих» не допускали. Да и вообще поляки относились к своим подданым с чувством брезгливого презрения, какие бы посты они не занимали в иерархии польского общества. И все же, заинтересованные в верной службе казаков Польской Короне, польские правящие круги были вынуждены время от времени «баловать» реестровиков своим вниманием.

В 1610 – 1612 гг. признанным лидером украинского запорожского казачества был Петр Конашевич – Сагайдачный. Он отличился не только тем, что в 1614 году его казацкая флотилия овладела турецким портом Синоп, а в следующем году разорила окрестности самого Стамбула, захватив при этом десятки турецких галер и пленив адмирала султанского флота. Он дал согласия принимать участие в войне против России. И ценой этого выторговал у польского правительства весьма существенные для реестрового украинского казачества привилегии. Забегая вперед, следует сказать, что они существовали недолго и постепенно были отменены. Но «вкусив» эти поблажки, казачья верхушка никак не желала с ними расставаться, что и вызвало бурный всплеск ее негодования, который пролился серией казацких восстаний, в том числе и под руководством Якова Остряницы.

Уходя в сторону от главной сюжетной линии данного повествования, следует остановиться на данном моменте и рассмотреть его несколько в другом ракурсе – в сфере только начинающих складываться русско-украинских международных отношений. Трудно предсказать, как бы они складывались, будь Украина самостоятельным субьектом международного государственного права. Но, к сожалению, в рассматриваемое время она таковым не являлась, а выступала в качестве слепого орудия собственника украинских земель Речи Посполитой. Официальной целью похода 20-ти тысячного казацкого войска во главе с Сагайдачным в 1618 году стало освобождение из русского плена сына польского короля, королевича Владислава. Оперативно преодолев Сиверщину, украинские казаки вторглись в пределы Московского царства. К тому времени оно переживало не лучшие времена в своей истории и не смогло остановить агрессию украинского казачества. Овладев российскими городами Ливны, Шацк, Ельц, Сагайдачный предпринял попытку захватить московский Кремль, но после сильного отпора его защитников был вынужден отойти. А вот город Калугу ему удалось взять приступом и разорить. Этот поход Сагайдачного стал определяющим в подписании 1 декабря 1618 года Деульского перемирия между Москвой и Варшавой, по условиям которого Россия была вынуждена вернуть Речи Посполитой отвоеванные у нее раньше город Смоленск, Черниговщину и Новгород – Сиверщину. Этот недружественный акт можно без преувеличения считать одним из кирпичиков закладывающегося фундамента взаимоотношений между двумя родственными народами. Следующими стали столкновения их интересов на почве выяснения отношений в ходе силовых

соревнований за колонизацию Дикого Поля в 16 – 17 вв. в зоне российско-польского порубежья.

Но вернемся к Сагайдачному, верой и правдой продолжавшего служить Польше. Украинское 40-тысячное войско оказало помощь Речи Посполитой в ее победе над 150-тысячным турецким войском в Хотынской войне. А гетман Сагайдачный сыскал себе славу непобедимого главнокомандующего. За это он в очередной раз «выторговал» у польского короля много привилегий для казацтва, что не могло не встревожить завистливую и жадную к собственному величию коронную польскую шляхту. Особенно после того, как в ее среде стали шириться слухи о намерении казаков отделиться от Речи Посполитой и создать свое собственное государство под руководством царя Наливая. Информацию про сепаратистские намерения украинского казачества фиксируют и королевские инструкции на сеймах 1615, 1616 гг. в которых шла речь об угрозе: казаки «создают в Украйне свое удельное государство». Это и стало причиной наступления польского государства на казацкие права и разрешенные вольности. Вторая причина грядущих восстаний была еще существенней: в декабре 1624 года, после трех успешных походов в Крым, Войско Запорожское подписало соглашение с Крымским ханством о совместных действиях против третьей стороны, что сильно испугало Польшу. Польский гетман Станислав Конецпольский собрал 25-тысячное войско и, чтобы «сбить спесь» с зарвавшегося украинского казачества, повел его против казацкого гетьмана Марка Жмайла, место которого вскоре занял Михаил Дорошенко. Битва казаков и поляков победителя не определила. Дело закончилось Куруковским соглашением в пользу запорожцев. В 1630 г. вспыхивает казацкое восстание под руководством Тараса Федоровича по кличке Трясило. Главная его причина – наступление католиков на православную веру. После нескольких боев стороны снова пошли на компромисс и подписали новое перемирие. И снова Польша была вынуждена уступить: увеличила количество реестровых казаков с 6 до 8 тысяч и амнистировала всех участников восстания. При этом казаки, со своей стороны, были обязаны сжечь свои «чайки» и не трогать Крым. Но на этом противоречия между казаками и Польшей не закончились. Первые совершили очередной поход в Крым, на что польский сейм ввел смертную казнь реестровцев за их измену польскому королевскому двору и решил возвести крепость Кодак возле первого днепровского порога, который бы преграждал свободное плаванье козацкой флотилии. Но гетьман Иван Сулима, захватил и основательно разорил уже построенную при помощи французского инженера Г.-Л. Де Боплана крепость. За это его отряд был уничтожен своими же, состоящими на службе у польского короля украинскими казаками – реестровцами. Сулима и его полковники были четвертованы в Варшаве. В 1637 г. начинается восстание Павла Бута, Павлюка и Дмитрия Гуни. О последнем восстании есть необходимость рассказать боле обстоятельно, по той причине, что Гуня являлся участником следующего восстания под руководством Якова Остряницы.

Ранее, в 1637 году Гуня принимал участие в восстании Павлюка. Решительный бой с поляками произошел в декабре 1637 г. под селом Кумейки Черкасской области. Слабо вооруженные повстанцы мужественно сдерживали бешеный натиск отборных польских войск. Лагерь из повозок, устроеный просто на марше, оказался ненадежный. Поляки легко ворвались в него и в

страшной резне, которая длилась почти целый день, повстанцы потеряли около 6 тысяч человек. Видя, что битва проиграна, гетман Павел Павлюк, вместе с отрядом конного казачества – самой боеспособной частью своего войска, вырвался из блокированного со всех сторон лагеря и отошел в сторону городка Боровица. А тех, кто остался в окружении истекать кровью, возглавил Дмитрий Гуня. На рассвете, перегруппировав оставленное Павлюком обессиленное войско, Дмитрий Гуня неожиданным ударом прорвал польскую блокаду и начал отступать. Чтобы увеличить маневренность своего войска и спасти его, Гуне пришлось оставить в городке Мошны весь обоз с ранеными, которых в тот же день поляки вырубали.Это было той трагической жертвенной необходимостью, которая позволила спасти основную часть войска. Гуня смог воссоединиться с Павлюком, но это ситуацию не улучшило. В лагере под Боровицей повстанческое войско оказалось снова расчлененным. Полки запорожских казаков под командой полковников Скидана и Остряницы еще перед битвой отступили в район Чигирина, а в лагере, под руководством Павлюка и Гуни, остались только крестьянские отряды. После тяжелого боя, когда Гуня почувствовал, что повстанцы намерены предать гетмана и сдать всю старшину полякам, собрал вокруг себя отряд преданных ему запорожцев, вырвался из лагеря и, форсировав Днепр, двинулся на Сечь. После этого полковник Дмитрий Гуня стал для казаков символом мудрости и надежности. На казацком круге его избрали кошевым атаманом. Ему верили, за ним шли, на него надеялись. Возможно, если бы следующее восстание возглавил Дмитрий Гуня, оно имело бы больше шансов на успех. Однако, в апреле 1638 года на большом казацком круге в Запорожской Сечи гетманом избрали Якова Остряницу, а Гуню объявили «первым полковником», то есть заместителем гетмана.

Польше удалось восстание Павлюка подавить. На этой волне успехов в противостоянии с украинским казачеством польский сейм утвердил решение под названием «Ординация Войска Запорожского», по условиям которого казачество как социальное сословие Речи Посполитой было ликвидировано. Ординация признавала право именоваться казаками только шести тысячам казаков, внесенных Польшой в реестровые списки и служивших польскому королю. Они, согласно Куруковской договоренности, должны были составить всего шесть полков. Остальные запорожские казаки, которые не вошли в реестр, должны были возвратится в положение посполитых – крепостных крестьян или же горожан приграничных с Полем территорий. Казаки Запорожской Сечи потеряли право самостоятельно избирать своего гетмана. Вместо него, король, по рекомендации польского коронного гетмана, назначал комиссара из числа лиц польского шляхетского происхождения. В его подчинении должно было находиться все казацкое войско вместе со старшинами. Высшую казацкую старшину – полковников и есаулов, тоже должна назначать Варшава. Упразднялся и казацкий суд. Горожанам и их сыновьям было строго запрещено записываться в казаки, а их семьям отдавать замуж за казаков своих дочерей. Запорожские низовые казаки вообще провозглашались вне закона. На территории Запарожской Сечи должен был постоянно находиться один из реестровых казацких полков, который бы производил надсмотр за казаками. В обновленной крепости Кодак Польша разместила залогу из 700 иностранных наемников, которые должны перекрыть

путь на Запорожье беглецам из польских земель и не допустить организации казацких морских походов в Турцию. Таким образом, Польша намеревалась полностью ликвидировать вольное украинское казачество на своей территории, а нанятых ею по реестру казаков превратить в составную часть своей регулярной армии. Как показало время, это была одна из больших ошибок польского правительства, которая ровно через десять лет Речи Посполитой очень дорого стоила: в результате национально – освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого (1648 – 1654) Украина была присоединена к российскому государству.

Бурю негодования среди украинского народа вызвала публичная казнь ранее плененных руководителей последних казацких восстаний Павлюка, Томиленко и Лихого, четвертованных в Варшаве. А в Киеве была совершена показательная казнь киевского сотника Богдана Кизима, которого поляки «посадили на палю». Но такими репрессивными мерами предотвратить новое восстание казаков Польше не удалось. В самом начале 1638 года козаки толпами повалили на Запорожскую Сечь. Попытка Польши захватить днепровское пристанище украинского казачества закончилась неудачно.

В этот напряженный момент сечевеки избирают гетманом Якова Острянина (Остряницу) – личность весьма загадочную. Вот как о нем говорит Большая Советская Энциклопедия: «Остряница Яков (год рождения неизвестен – умер 26.04.1641), один из руководителей крестьянско-казацкого восстания 1638 на Украине. Впервые упоминается в документах 1633 как полковник реестровых казаков. После подавления восстания 1637-38, возглавлявшегося Бутом, казаки весной 1638 вновь поднялись на борьбу. Избрав своим гетманом О., они направились на помощь восставшим крестьянам Киевщины и Полтавщины. Повстанцы создали под м. Голтвой (на Полтавщине) хорошо укрепленный лагерь, который успешно оборонялся против войск польского гетмана Потоцкого. Получив подкрепление, Потоцкий нанёс ряд поражений разрозненным крестьянско-казацким отрядам. После поражения восстания, в июне 1638 О. с частью казаков и их семьями (около 3000 чел.) перешёл в пределы России. Поселившись на Чугуевском городище (ныне г. Чугуев Харьковской области), казаки участвовали в борьбе с татарами, совершавшими набеги на южные границы Русского государства. О. был убит казаками, которые восстали вследствие притеснения их казацкой старшиной».

После поражения восстания Павлюка Польша торжествовала. 14 декабря 1637 года по инициативе Речи Посполитой в лагере под Боровицей состоялась казацкая рада. На ней украинская казацкая старшина, после выдачи полякам руководителей восстания Павлюка, Томиленка и Лихого и таким образом сохранившая свое существование, приняла унизительные условия капитуляции перед Польшей. Здесь же она передала полякам и символы существования Запорожской Сечи – клейноды – (от немецкого *kleinod* – сокровище, драгоценность) – драгоценные войсковые знаки, регалии, атрибуты власти казачьего войска. Обычно, войсковыми казачьими клейнодами являлись:

- Знамя (хоругвь) – символ войскового (и полкового) объединения. Оно хранилось в Войсковом храме на территории Запорожской Сечи и выносилось в особо важных случаях (праздник, похороны атамана);

- Бунчук – символ атамана во время похода, принадлежал всему казацкому войсковому соединению. В мирное время хранился в храме. Войсковой бунчук был сделан из конского хвоста;

- Булава – символ военной власти, которой наделён атаман (гетман);

- Насе́ка – посох с металлическим навершием, на котором первоначально насекались имена атаманов. Символ гражданской власти атаманов всех степеней;

- Палица, украшенная серебряными кольцами – символ войскового судьи;

- Пернач – символ власти полковника;

- Войсковая печать – в Войске Запорожском символ полномочий писаря,

- а также литавры, пушки, значки, посохи (трости), и другое.

Реестровые казаки принесли унизительную присягу с целованием флага Речи Посполитой на верность служения польскому королю Владиславу IV. По указу польского гетмана Потоцкого был утвержден составленный в Варшаве новый список казацкой реестровой старшины. Старшим среди них назначили переяславского полковника Илляша Караимовича, татарина по национальности, а военным писарем резко уменьшенного реестрового казацкого войска стал Богдан Хмельницкий, являвшийся типичным представителем продажной украинской казацкой элиты, которая вместо того, чтобы заниматься освобождением Украины от польской зависимости, прислуживала Польше и выторговывала у нее право быть равными с полькими шляхтичами. В молодости Богдан окончил католическую иезуитскую коллегию. Его отец в качестве сотника реестрового казака служил в польской армии и в 1621 году был убит турками в битве под Цицорой. В 1632 – 1634 годах Богдан участвует в русско-польской войне на стороне Польши и получает от польского короля Владислава IV золотую саблю за храбрость. В 1645 году, в качестве посла от польского правительства, он ездил во Францию, союзницу Польши, где от имени польского короля вел переговоры об участии украинских реестровых казаков в войне против испанских Габсбургов. И они, по мнению большинства исследователей этого вопрса, действительно в количестве 2400 человек воевали во Франции в составе войск принца Конде, осаждая Дюнкерк, отстаивая интересы чужих монархов. В их числе находился и Хмельницкий. Но все старания таких, как Хмельницкий, оказались напрасными. Варшавские аристократы брезговали не только рядовыми, но и такими титулованными казаками, как Хмельницкий. А накануне восстания Остряницы Польша вообще решила положить конец украинскому низовому запорожскому казачеству, а реестровых – превратить в послушное быдло.

Тем временем, в Украине усилились репрессии, которые, по мнению правительства, должны были напугать казаков и местных жителей, но вместо того, как и раньше, они вызвали лишь озлобление и волнения, которые могли в любой момент вызвать новое восстание. Это хорошо понимал Острянин. Вместе с Д. Гуней, К. Скиданом, М. Познанским, К. Кудрей и другими сподвижниками, он усиленно готовит казачество к очередному выступлению. В середине февраля польское правительство посылает на Запорожье своего комиссара – полковника Мелецкого с двумя полками реестровых казаков, чтобы изгнать из Сечи «всю казацкую чернь» и остаться там для стражи. Однако казаки во главе с Острянином встретили комиссара враждебно. Когда

он просил выдать главарей, ему ответили словами «очень неутешительного содержания». Так отмечал в донесении королю Мелецкий. К тому же реестровики не горели желанием выступать против соотечественников, а некоторые даже пристали к запорожцам. Взвесив обстановку, Мелецкий решил лучше поскорее вернуться назад. «Если бы я, – писал он, – не был таким осторожным, то меня бы обязательно убили».

Украина в очередной раз забурлила протестными возмущениями масс. На глазах у польских властей вызревало новое казацкое восстание, обещавшее по своему размаху превзойти все предыдущие. Ведь на кон был поставлен вопрос не о расширении казацких привилегий, как это было раньше, а о самом существовании украинского казачества, как такового. И такое восстание вспыхнуло.

ВОССТАНИЕ ОСТРЯНИЦЫ

Восстание началось в апреле 1638 года. Его возглавил только что избранный гетманом Запорожской Сечи Яков Остряница. Главной причиной восстания стало усиление феодально-крепостного гнёта на территории Поднепровья и всей юго-восточной Украины. Над ранее свободными крестьянами нависла угроза закрепощения. Такая же участь ожидала всех без исключения нереестровых запорожских казаков, которым предписывалось «прекратить казаковать» и вернуться к крестьянскому образу жизни. Главной движущей силой восстания стали казаки, уцелевшая часть которых после подавление восстания Павлюка, во главе с полковниками Дмитрием Гуней и Карпом Скиданом, отступили в Запорожскую Сечь. Казаки ждали весны, чтобы поднять новое восстание. Согласно «Летописи Величко», накануне похода Острянин обратился с универсалом к малороссийскому народу, в котором извещал, что выступит «с войском на Украину для освобождения православного народа от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения причиненных обид, разорений и мучительных ругательств… всему поспольству рода Русского, по обеим сторонам Днепра мешкаючого». Он призывал население присоединяться к повстанцам и остерегаться реестровцев. Листовки, распространяемые гетманом, расходились по всей Малороссии. Их развозили и разносили старцы-бандуристы, подростки и, по словам Острянина, даже монахи. Люди начали готовиться к восстанию: одни уходили в Запорожье, другие отправляли туда продовольствие, деньги, порох. Оно началось на левом берегу Днепра. Восставшим удалось захватить города Чигирин и Кременчуг, что создавало хороший плацдарм для дальнейших наступательных действий на позиции польских войск. Через некоторое время отряды повстанцев выступили из Запорожья, разделившись на три части. Первая из них во главе с Острянином, продвигаясь по левому берегу Днепра, направилась к Хоролу и Омельнику. Запорожская флотилия, возглавляемая Гуней, на чайках поднялась по Днепру и заняла переправы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирине. Скидан с остатком войска пошёл по правому берегу Днепра на Чигирин и занял его.

Первой целью, которую ставили себе повстанцы, было уничтожение той части коронного войска, которое располагалось на Левобережье под начальством Николая Потоцкого. Решение этой задачи взял на себя Острянин с основными силами повстанцев. Чтобы лишить противника возможности переправиться на правый берег, Гуня удерживал переправы. Задачей Скидана было сдерживание войск, которые предпримут попытку прийти на помощь Потоцкому.

Однако, несмотря на то, что Острянин двигался с большой осторожностью, Потоцкий получил известие о приближении повстанцев и отправился с войском им навстречу. С ним шёл и Караимович с реестровцами. Силы у Острянина были пока недостаточно большими, и он решил обороняться, заняв ближайший пригодный для этого населённый пункт. В начале мая повстанцы стали лагерем у местечка Голтва, принадлежавшего Иеремии Вишневецкому, использовав возвышенное место у впадения реки Голтвы в Псел. Город, огражденный частоколом, имел замок, от которого к болотистому и лесистому правому берегу реки Псёл тянулся узкий длинный мост. Повстанцы укрепили Голтву и стали ожидать подкрепления.

Потоцкий в начале мая также занял позиции под Голтвой. Свой лагерь он обнёс валом, который простирался между берегами рек. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег Псёла два полка иностранной пехоты и несколько тысяч реестровцев с приказом занять замок на противоположной стороне реки. Острянин разгадал этот план и послал в тыл отряда значительные силы повстанцев. Переправившись через реку, Караимович намеревался подступить к замковым воротам, но был встречен сильным огнём. Потеряв многих солдат убитыми и ранеными (ранен был и сам Караимович), отряд попытался вернуться к переправе, чтоб отступить на левый берег. Однако повстанцы уже забаррикадировали дорогу и открыли по отступавшим огонь. Польский отряд бросился искать спасение в лесном болоте и был там почти целиком уничтожен.

Штурм повстанческого лагеря, начатый на следующий день Потоцким был ознаменован большими потерями и успеха не принёс. В тыл польскому войску ударила пехота повстанцев, которая была до этого послана в обход войска. Она отразила и конницу Потоцкого, когда та перекрыла ей дорогу. Потерпев поражение, Потоцкий 1 маяотошёл в Лубны, которые были весьма выгодным оборонительным пунктом, и послал гонцов в Бар к коронному гетману с просьбой о помощи. Острянин двинулся следом за Потоцким на Лубны, намереваясь разбить противника до получения им подкрепления. Сам он не терял надежды на прибытие новых повстанческих отрядов. И на самом деле, его войско к тому моменту выросло до 12 тысяч человек.

6 мая под Лубнами между повстанцами и правительственным войском (около 6 тысяч человек) начался ожесточённый бой. Под вечер повстанцы решительным ударом принудили врага отступить. Войско Потоцкого бросилось на мост, который вёл к Лубнам, но мост обрушился, похоронив под собой множество солдат и реестровцев. Битва ослабила обе стороны, не дав ни одной из них преимущества, но Потоцкий всё же был в лучшем положении. Он заперся в Лубнах, а Острянин остался в поле. Поэтому последний начал отходить на северо-восток, а позже повернул на Миргород. Узнав, что на помощь Стефану Потоцкому уже вышли Николай Потоцкий и Иеремия

Вишневецкий, Острянин обошёл Лубны с юга и направился через Лукомль к Слепороду. На дорогу, которая вела из Пирятина в Лубны, Острянин выслал полк атамана Сокирявого с 1,5 тысячами человек с задачей ударить на Лубны в тот момент, когда на них он сам предпримет новое наступление. Но этому плану не удалось сбыться. В Лубны 29 мая прибыл Вишневецкий с приблизительно 2 тысячами человек и 12 пушками. Когда Острянин подходил к Слепороду, на него обрушились со всеми силами Потоцкий и Вишневецкий. Тяжёлый для казаков бой длился целый день. Ночью Острянин отошёл к Лукомлю, а оттуда вдоль Сулы к её устью на Жовнин (в настоящее время с. Жовнино Чернобаевского района Черкасской области), где стал лагерем. Там повстанцы построили мощно укреплённый лагерь и на протяжении июня и июля героически оборонялись от врага.

13 июля 1638 года польско-шляхетское войско окружило повстанцев и напало на их лагерь. Проиграв Жовнинскую битву, Острянин с частью приближенных казаков оставил лагерь восставших, с боем вырвался из окружения, переправился через Сулу и скрылся на территории российского города Белгорода. Оставшиеся повстанцы продолжили борьбу, избрав гетманом Дмитрия Гуню. Продолжение противостояния полякам с этого момента известно как восстание Гуни.

Казаки под его руководством держали оборону до середины августа. Поляки, взяли лагерь в осаду. В итоге, будучи лишёнными помощи извне и испытывая острую нехватку в боезприпасах, медикаментах и продуктах питания, казаки были вынуждены капитулировать. Лишь части казаков во главе с Гуней удалось прорвать окружение и пробиться в Донскую землю, за пределы Речи Посполитой. Карп Скидан, который в это время собирал подкрепления в Черкассах, вернувшись с подмогой в Жовнино на помощь восставшим, был ранен в бою против польско-шляхетского войска, захвачен в плен и казнен.

Командующий польскими войсками Потоцкий, войска которого понесли большой урон в битве у Жовнина, по согласованию с королем Польши, казна которой была сильно истощена этой и предшествующими козацкими восстаниями, приняли предложение повстанцев. Потоцкий даже не потребовал выдачи осажденными в лагере руководителей восстания. По условиям подписанного 28 июля 1638 года договора, казаки были вынуждены передать польской стороне всю имеющуюся артиллерию, клейноды Запорожской Сечи, отправить в польские земли всех беглых крестьян и горожан, признать назначенных польским правительством гетмана и полковников. Больше восстаний украинского казачества против речи Посполитой не было целых десять лет подряд, вплоть до национально-освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого (1648 – 1654 гг.).

Вокруг восстания Остряницы бытует множество кривотолков. Бросается в глаза разность в освещении исследователями одних и тех же событий, а еще больше в оценочном подходе к ним. В прежние времена никто особо не интересовался тонкостями предпоследнего протестного вооруженного столкновения украинского народа с Польшей, не вникал в его суть, не интересовался Остряницей как личностью. Все, кто о нем когда-либо писал, ограничивались довольно простым сюжетом событий – поражение восстания – бегство гетмана в Россию – основание им города Чугуева. В разных учебниках

и печатных изданиях, как российского, так и украинского происхождения, сообщение о восстании Якова Остряницы занимало всего несколько абзацев. В принципе, это вполне соответствовало мере исторической значимости этого ничем особо не примечательного события в чреде других, предшествующих казацких восстаний. Не проявляли к нему особого интереса и чугуевцы – жители города, основателем которого традиционно, но не совсем справедливо считался Остряница. Оно и понятно, до революции все подробности этого события невостребованно хранились в пыльных папках московских архивов, а в годы советской власти ее идеологи не переставали восхвалять руководителей народных масс как героев-защитников угнетенного украинского народа. Был еще один момент, который удерживал местных краеведов от героического выпячивания личности основателя города – его бегство с поля боя в Россию. Эту тему просто старались раньше не подымать – прямых доказательств правильности такого рода поступка в равной степени, как и обоснованных обвинений гетмана в его малодушии и трусости, не существовало и несуществует поныне.

Вот что говорит о Якове Острянице видный российский специалист в области исследования казацкого движения на Украине А.И. Попков в своей монографии под названием «Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)»: «В судьбах отдельных личностей причудливо и ярко отразилась история отдельных регионов. Для Днепро-Донской лесостепи, бывшей в 16 – 17 вв. зоной взаимодействия русских и украинцев («черкас» – по терминологии российского делопроизводства) и получившей в 18 в. название Слободской Украины, такой личностью является Яков Острянин (Ятцко или Яцко Остренин, Остряница). Точная дата рождения Острянина не известна, первые упоминания о нем относятся к 1621 г. Он происходил из г. Остра, находившегося под Киевом. В качестве довольно заметного военачальника Острянин проявил себя во время русско-польской войны за Смоленск 1632-1634 г.г., Пятитысячному отряду полтавского полковника Острянина весной 1633 г., удалось захватить и разорить г. Валуйки. Успех операции во многом объясняется внезапностью. Черкасы пришли к крепости не по Муравской сакме, как ожидалось, а «с Поля», по посольской дороге, переправившись через С. Донец у Святых Гор. Они подожгли острог, и воевода И. Колтовской с гарнизоном вынужден был идти из крепости на прорыв. От Валуек черкасы пошли в Белгородский уезд и 20 июля осадили Белгород. 22 июля они попытались взять крепость, но приступ был отбит, и отряд отошел на территорию Польского королевства».

Данная информация наводит на размышления следующего характера: Остряница воевал на стороне Польши, и не просто воевал, а руководил пятитысячным отрядом украинских казаков; казаки эти были реестровыми и состояли на военной службе в Польше; следовательно, и сам Остряница, находясь в чине полковника, пользовался доверием польского короля и принадлежал к польским наемникам, сражавшихся во время Смоленской войны (1632 – 1634гг.) в составе польского войска за черниговские и смоленские земли.

Свидетельства воронежского историка О.В. Корякина, касающиеся гетмана Остряницы, противоречат этому факту и предельно запутывают

ситуацию: «В конце февраля 1638 года, в Сечи произошло важное событие – низовое казачество избрало нового гетмана. Им стал хорошо известный всей Украине Яков Острянин, или как называли его казаки – Остряница. В прошлом боярин, выходец из мелких служилых людей в Литве, он в молодости нанимался для охраны шляхетских дворов, служил при селитряных варницах шляхтича Обалковского в Диком Поле. Оттуда, не став больше терпеть надругательство над собой, в конце 1629 бежал на Запорожье. Власти по наущению Обалковского, преследовали беглеца, требовали его выдачи. И когда в следующем году вспыхнуло казацко-крестьянское восстание под руководством Тараса Федоровича, Остряница принимает в нем активное участие. Весной 1633 г. он под угрозой лишения всех казацких привилегий, должен вместе с другими реестровым казаками воевать на стороне поляков против России. Но когда они пришли под Путивль, Острянин отказался воевать против русских ратных людей, его поддержали другие казаки, выбрав старшим. Вместе с Острянином они вернулись в Украину, несмотря на попытки поляков задержать и направить их под Смоленск. В последующие годы он на Запорожье. А осенью 1637 снова собирает значительные казацкие силы для подмоги Павлюку. Однако заслоны польских войск оказались сильнее повстанцев. К тому же Павлюк с товарищами к тому времени уже были предательски схвачены и отправлены в Варшаву и там казнены».

Из других источников становятся известны подробности разорения Остряницей российского города Валуйки и попытки захватить Белгородскую крепость 8 июня 1634 года. Под его началом находилось более чем две тысячи полтавских черкасов. Бой длился с 4 часов утра до 5 часов вечера. Атакующим удалось сжечь острог и захватить одну из пригородных слобод. Сам же Белгород устоял. Потеряв только убитыми 230 человек, Остряница отступил на земли Речи Посполитой. Но параллельно с этими сведениями существуют и другие, характеризующие Остряницу как активного участника антипольского крестьянско-казацкого движения: в 1929 году он бежит в Запорожскую Сечь; в марте 1630 года принимает активное участие в восстании под руководством гетмана Тараса Трясила, а в 1637 году помогает собирать войска уже другому, поднявшему очередное народное восстание против Речи Посполитой, казацкому гетману Павлюку. После его поражения в 1637 он снова появляется в Запорожской Сечи. Об этом довольно красноречиво и пространно идет речь в отчете польского шляхтича Мелицкого, который был послан в качестве руководителя отряда польских войск для вытеснения низовых казаков из Запорожской Сечи и полной ее оккупации польским военным гарнизоном. Именно Яков Остряница в этот напряженный момент, вместе с запорожцами не пустил Мелецкого в крепость. До столкновения дело не дошло. Причиной этого стало наличие в числе польских войск украинских реестровых казаков и благоразумие самого Мелецкого. Именно после ухода Мелецкого из Запорожья, казаки и избрали Якова Остряницу своим гетманом. Польский историк Окольский писал по этому поводу: «... выбрав себе Острянина старшим на Запорожье, запорожцы решили просить помощи у донских казаков. Затем разослали письма и грамоты в наиболее известные монастыри и города, отправили священников и монахов на Подолье, Покутье и Волынь, чтобы пробуждать к войне народ и шляхту греческого вероисповедания, используя

даже монахинь для этой пропаганды». В апреле 1638 году Остряница сам возглавляет восстание.

Одни источники говорят, что он впервые упоминается в документах польского правительства как Неженский полковник, руководивший казацкими отрядами на территории Полтавщины, другие свидетельствуют, что его фамилия впервые всплывает в 1633 году как полконика украинского реестрового казачества. Но ярче всего Якова Остряницу характеризуют лично составленные им универсалы «ко всему народу православному». Рисуя ужасную картину польского порабощения Украины, Острянин писал в них, что «Войско Запорожское всегда беспокоится за народ, живет его страданиями и не может видеть отцов и матерей своих всегда глумленых, и братьев, сестер и жен тирански забиваемых, окровавлюваных и мордуемых, в ломках ледовых в трескучие морозы погруженных и обливаемих, в плуг аки волов (чего под солнцем невиданно) запрягаемих ... чтобы хорошо тянуло...» Эти данные позволяют судить о Якове Острянице как о яром ненавистнике польской шляхты и как об авторитетном лидере низового запорожского казачества, которое не только доверило ему гетманскую булаву, но и пошло за ним. Трудно представить себе человека, который бы мог исповедовать столь двуликую мораль – служить Польше и в то же время ненавидить ее. Или поочередно служить то интересам народа, то защищать интересы его врагов – польской шляхты.

Налицо раздвоение личности. Складывается впечатление, что речь идет о совершенно разных людях. Об этом свидетельствуют и целый ряд других противоречивых данных из биографии Остряницы. (См. Приложение № 6)

Некоторые исследователи хода казацкого восстания Остряницы обвиняют его в полководческой бездарности: восстание начал поспешно, не собрал воедино все повстанческие отряды, распорошил силы, бездумно совершал со своим войском изматывающие марши и т.д. Но, как заметил Шота Руставелли: «Каждый мнит себя стратегом, судя бой со стороны». Да, судить бой через века, всегда легко. Хотя с другой стороны, учитывая предыдущий военный опыт гетмана в ходе Смоленской войны, выше перечисленным ошибкам Остряницы, действительно приходиться удивляться. Но больше всего вопросов вызывает моральноя сторона поведения Остряницы в самый кульминационный и крайне критический момент восстания – бегство гетмана из осажденного поляками казачьего лагеря.

В последнее время в исторической литературе встречаются отдельные публикации оправдательного характера в отношении этого события. Их авторы мотивируют поведение гетмана стремлением увести из лагеря женщин, детей и обоз с раненными казаками, которых ждала верная смерть. В данном случае сам по себе направшивается вопрос – а разве оставшимся в лагере повстанцам она не угрожала? Почему гетман не решился на массовый прорыв из окружения всего своего войска? Может потому, что это умаляло его личные шансы выжить?

Главная стратегическая ошибка в действиях руководителей казацких восстаний, состояла в том, что они давали возможность окружить себя. Так произошло в самый разгар восстания под руководством Северина Наливайко в 1569 году. Тогда войска польского гетмана Жолкевского взяли в окружение лагерь казаков вблизи города Лубны в урочище Солоница вблизи Сулы. После

нескольких безуспешных атак, польское командование привезло с Киева осадные пушки. Всего несколько залпов привели к гибели сотен повстанцев, в том числе женщин и детей. После этого лагерь был сдан неприятелю. Свидетелем этой трагедии был и Гуня. Скорее всего, Остряница боялся повторения подобного рода трагедии. Что самое удивительное, так это то, что именно эпизод с бегством не нашел оценки у большинства авторов, которые писали о восстании под его руководством. Но тот факт, что в обозе украинских казаков, которых Остряница привел в Чугуев действительно были женщины и дети, в какой-то мере служит ему оправданием. Хотя в своем большинстве они, скорее всего, являлись родственниками беглецов, прихваченных ими по этой причине. Начало восстания – это героика гетмана: бросить вызов польскому государству – поступок храброго и волевого человека. Конец восстания, бегство с поля боя – это позорный урон его человеческого достоинства и казацкой чести. Жизнь пестрит случаями, когда в экстраординарных ситуциях сильные личности отступают от своих жизненных принципов и предают не только товарищей, но и свои прежние жизненные устои. В случае с Яковом Остряницей можно было бы на этом и остановиться, если бы только не наличие в его биографии ряда других фактов мифического раздвоения его образа до состояния поразительной несовместимости.

ОСНОВАНИЕ ЧУГУЕВА

Спустя ровно четыре года после разорения Белгородского острога казаками Якова Остряницы, 12 июня 1638 г., судьба снова привела его к стенам Белгородской крепости. Только теперь гетман с черкасами пришли к ней не как вооруженные захватчики, а в качестве спасавшейся от польского уничтожения части повстанческого войска, брошенного гетманом Остряницей на верную гибель в осажденном лагере на берегу Сулы. Остряница вел людей в соседнее государство в надежде на царсую милость. И он ее получил. Несмотря на разорение ранее полком Остряницы Белгорода и Валуек во время Смоленской войны, черкасы были приняты со всем радушием и сочувственным пониманием. Данный факт таит в себе странность следующего характера: почему Москва проявила гостеприимство по отношению к своим злостным врагам? Российские документы тех времен пестрят сообщениями о жестком обращении российских властей ко всем тем, кто чинил против России разбой, жег станицы, убивая при этом московских служилых людей. Даже за клятвоотступничество – бегство принятых на государеву службу, черкасов ссылали в Сибирь. А тут такое неожиданное доверие и дружелюбие. Российское правительство и местные белгородские власти не только согласились принять недавних своих обидчиков в свое подданство, но и уважительно отнеслись к пожеланиям черкас, которые не хотели разделяться и сами определили место своего будущего пристанища на российских землях – старое и заброшенное Чугуевское городище. Скорее всего, это объясняется тем, что чераксы в поле зрения Московского правительства попали в нужное время и оказались в нужном месте: в процессе колонизации Россией Дикого поля несколько тысяч вооруженных ратных людей, при том в своем большинстве пришедших в Белгород вместе со своими семьями и изъявивших желание

поселиться на окраине уже включенных в состав российского государства земель, был для российской стороны просто удачной находкой.

Яков Остряница был не первым украинским гетманом, который просил в России политического убежища и житейского пристанища. В 1634 – 1635 гг. подобного рода переговоры с Москвой вел гетман Тарас Трясило, потерпевший поражение в 1630 году. В этом восстании, по некоторым данным, принимал участие и Остряница. Трясило предлагал России принять на ее территорию часть казаков Запорожской Сечи. Но его предложение было отклонено ввиду не желания Московского правительства осложнять свои отношения с Речью Посполитой после неудачно закончившейся для него Смоленской войны 1632 – 1634 гг. В случае же с Яковом Остряницей, Москва пренебрегла этой опасностью. Может потому, что ей некуда было деваться – почти три тысячи украинских беженцев уже находились на территории Белгорода. Да и само предложение Остряницы выглядело весьма заманчиво – сил у украинских перебежчиков было достаточно не только для того, чтобы устроить сторожевья на территории правобережного Подонцовья, но и построить на порубежье с контролитруемым крымскими татарами Полем целый город. Ситуация содержала в себе два положительных момента: с одной стороны, украинские казаки обладали всеми необходимыми навыками воинов для защиты весьма уязвимых южных российских границ, имевших лишь условное обозначение на местности и никем, пока, не признаваемых; с другой, обремененные семьями, переселенцы должны были «крепко» осесть в городе, пополнив тем самым число русских служилых людей. Москве было мало просто захватить новые земли, их требовалось еще и заселить. Другими словами, опоясать вновь захваченные Россией территории своеобразным «живым щитом» из подобного рода населенных пунктов. Только в таком случае ее новые территориальные приобретения получали статус законных и являлись самодостаточными для отражения внешней агрессии. Вполне возможно, что была еще одна причина для получения черкасами царского согласия.

На третий день по прибытии в Белгород Остряница с челобитным прошением в Москву направил полковника О. Попова, а с ним священника М. Гаврилова, сотников и рядовых казаков. В этой челобитной просители писали: «Гетман Яцко Острянин и они, полковники и мещане и пашенные люди из Литовские стороны пошли в русское государство на вечную жизнь. Польские и литовские шляхетские люди их Христианскую веру нарушали и церкви Божии разорили, а их самих побивают, и жен, и детей забирают в хоромы и пищального зелья засыпа им в пазухи, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их, и всякие строения разрушили и пограбили». Просьба гетмана Остряницы к Московскому правительству зачислить прибывших в Белгород казаков на государственную военную службу, совпадала с реальной потребностью русских властей крепить своим людьми и подданными государства сторожевые заставы и возводимые городки-крепости на российско-польском и российско-татарском пограничьи.

В грамоте Разрядного приказа о необходимости устройства казаков, полученной тульским воеводой, говорилось: «били челом» представители казачества, «гетман Яцко Острянин и они, полковники, и черкасы, и мещане, и пашенные люди литовской стороны пошли на наше имя, на постоянную службу от жестокого гонения и от смертного убийства папежен польских людей, не

желая быть в папежський вере потому, что они издавна православные крестьяне веры греческого закона. И они люди свободные и знатные». От имени российского царя запорожским казакам приказано передать, что «мы, великий государь, для христианской веры будем их держать под нашею царской высокие рукой во всяком сохранении и на их челобиття ученико проявлять милость. И они бы на наше царское жалованье были надежны, и на Чугуеве на вечную жизнь строились; и нашей царскому величеству служили против недругов наших, где будет наше царское повеление, стояли и на татарских путях, и на перевозах над татарами промышляли, и наше государство от басурман оберегали, сколько благ Бог помощи подаст...» В грамоте Разрядного приказа тульскому воеводе от августа 1638 говорится, что пришедших с Острянином «велим устроить на Чугуеве городище всех в одном месте, и по вашей мысли в одном месте устроить их мочно, для того, как они будут блиско Муравске сакмы, и нашему делу чаять прибыльнее и от татарского приходу остерегательнее».

В Москве о подобного рода зверствах польской шляхты знали от многих перебежчиков из Польской Украйны, которых, после принесения ими присяги, расселяли по приграничным городкам – крепостям, размещенным в качестве защитных форпостов так называемой Белгородской оборонительной черты. Единственное чего требовала от них принимающая сторона – верного и добросовестного служения интересам Московского царства. Одних казаков на городище русский царь конечно же не отпустил – боялся измены. Кроме этого, добраться до городища, обосноваться на новом месте, организовать сторожевую охрану местности, да еще до начала зимы и крепость выстроить – было делом весьма затратным, объемным по характеру и сложным по причинам технического обеспечения. Согласно русским источникам, общее количество украинских переселенцев вместе с их семьями, составляло около трех тысяч человек. Да и прикрытие такой большой массы народа от вполне возможного нападения крымских татар, было крайне необходимой задачей. Московское правительство взяло на себя не только финансовое, но и военно-техническое, инженерное, продовольственное и охранное обеспечение. Мероприятие того стоило: во-первых, крымские татары действительно представляли для России большую опасность. И не только тем, что разоряли окраины Московского царства, но и в таком важном для нее геополитическом вопросе, как территориальное прирастание южными землями, расширение своих границ за счет черноземных степей ничейного Дикого Поля. Во-вторых, Москва не могла медлить в этом вопросе, так как аналогичные планы вынашивала и постоянно враждующая с ней Польша. Земли «Польской украйны», которыми она тогда монопольно владела, вплотную граничили с Диким Полем. И хотя Польша по своей территории была самым большим европейским государством, от планов присовокупить к своим украинским владениям еще и Дикое Поле, она не отказывалась. Ситуация с украинскими перебежчиками в Белгороде для Московского правительства складывалась весьма удачной и перспективной: в степь направлялись казаки, люди военного ремесла, что в тех условиях было весьма значимо, особенно в плане неизбежного противостояния их с крымскими татарами; поставить город-крепость и наладить в нем сторожевую службу – было возможно только такой массой народа; наличие фактора семейственного оседания на землю, в большой степени гарантировало, что

переселенцы не разбегутся при первых же возникших трудностях. Для предотвращения этого, Московское правительство вместе с переселенцами отправило на Чугуево городище российских стрельцов и многих служилых людей. Россия и до появления Остряницы с казаками-перебежчиками неоднократно принимала ищущих убежища на ее территории выходцев из Украины, но с таким большим количеством столкнулась впервые. Просьба гетмана Остряницы к Московскому правительству зачислить прибывших в Белгород казаков на государственную военную службу, совпадала с реальной потребностью русских властей крепить своими людьми и подданными государства сторожевые заставы.

В атмосфере резкого обострения интересов России и Речи Посполитой за политическое и военно-стратегическое первенство в политике колонизации земель Дикого Поля царь и Московское правительство не случайно обратили свои взоры на территорию Подонцовья. Тысячекилометровое русло Северского Донца, рассекающее его на две части – степь и лесостепь, и с древних времен служившее природным фортификационным препятствием оседлого населения донцовского правобережья от орд степных кочевников, не потеряло своей стратегической ценности и к началу 17 века. Только теперь уже для крепнущего Московского царства, интенсивно географически углубляющегося в южное степное пространство Поля. Ситуация осложнялась тем, что после распада Золотой Орды, у него в этом регионе появился новый и весьма коварный враг в лице Крымского ханства. В этих условиях Москва была крайне заинтересована в возведении защитных сооружений в зоне своего южного государственного «подбрюшья». И не где-нибудь в степи, а именно на правом побережье Северского Донца – естественного природного рубежа защитного характера.

В Москве о существовании древнего «Чюгуево городища» на Донце, было известно давно, еще со времен царствования первых московских князей. В «Росписи польским дорогам» упоминается приказ царя Фёдора Иоанновича (1584-1598 гг.), в котором велелось «город поставить на Донце, на Сиверском, на Чугуевом городище». Но приказ этот так и осталсся «на бумаге»: то ли время еще не пришло, то ли действительно Москву оттолкнула «непригодность» городища. В 1626 году российский царь Михаил Фёдорович Романов, вновь возвращается к данной теме: пишет воеводе князю Тюфякину: «Послал бы служилых, жилецких и иных людей, стрельцов, казаков на Чугуево, земляные и деревянные крепости велел бы поделать… и тем людям роспись». Выгодное фортификационное положение Чугуевского городища заставляло правительство вновь и вновь рассматривать это место, как весьма подходящее для новой крепости.Еще раньше, в 1596 году оно было обследовано тремя царскими изыскателями: Иваном Лодыженским, Третьяком Якушкиным и Никифором Спиридоновым, которые докладывали в Разрядный приказ, что городище «некрепко и неугодно». Они были близки к истине. Разрушенный четыре века тому назад татаро-монголами аланский Чугуев лишь затерявшимися в густом прибрежном лесу развалинами напоминал о том, что когда-то здесь пульсировала жизнь. Здесь хозяйничала дикая природа. Вся территория «чугуевской горы» и прилегающие к ней окрестности, густо заросли вековыми дубами, ясенем, соснами и представляла собой непроходимую чащобу. Крепостные сооружения времен Хазарского каганата были разрушены татаро-монголами и временем. И не удивительно, что первые

русские исследователи определили его как непригодное для стрительства крепости.

Московские бояре Максим Ладыженский и Николай Спиридонов, которые по указу царя уже успели побывать на его территории и первоначально оценившие его как бесперспективное, во время второго его посещения, уже в кампании со специалистом по фортификационным делам, нашли его «весьма полезным». В отчете правительству Максим Ладыженский сообщал: «Осмотрел леса дремучие, боры сосновые мачтовые, реку широкую на Чугуево городище. Местность исследовал и замерял. Окружность городища составляла 502 сажени» (Сажень – старорусская единица измерения расстояния, которая равна 2м 16 см). О существовании этого городища было хорошо осведомлено и население окраинных рубежей Речи Посполитой. Дело в том, что Дикое Поле, куда территориально входила и речная долина Северского Донца, начиная с 15 века, служило ему убежищем от всяческих притеснений польской шляхты, особенно после поражений казацких восстаний. Здесь, среди дикой природы, беглецы были недосягаемые для польских властей. На территории Придонцовья делало свои первые шаги будущее запорожское казачество. Именно здесь, по мнению многих историков, устраивались первые «сечи» – места укрытия беглых с польских земель горожан и крестьян. На берегах Донца ютилось много бродников – промысловиков и мелких казацких ватаг, обитавших летом в куренях, а зимой – в землянках. Неизвестно, какое бы еще время Чугуевское городище оставалось для России не больше, чем объектом пристального к нему внимания, если бы не вышел случай – бегство запорожских казаков в Белгород после разгрома очередного восстания и их просьба помочь обосноваться всей своей численностью на южном российском порубежье.

Правительство согласилось удовлетворить просьбу украинских переселенцев и сперва приняло решение поселить прибывших в Белгород беглецов северо-западнее этого города, на Карповом сторожевье. Оно являлось составной частью Белгородской оборонительной черты, которая как раз в это время спешно возводилась на южном пограничном российско-польском порубежьи и должна была прикрывать окраины Московского царства от вторжения крымских татар. Но Остряница и полковники это предложение не приняли, мотивируя свой отказ тем, что Карпово сторожевье находится близко к польским землям и селиться им там никак нельзя. Вероятней всего, Остряница и его люди боялись возможной мести со стороны польских властей за участие в восстании и за побег. Они просили поселить их в Диком Поле на Чугуево городище, на что Москва согласилась без всяких проволочек. Можно предположить, что выбор гетмана был не случайным: некоторые биографы Остряницы сообщают, что в молодости он работал на селитровой варнице, расположенной на Северском Донце недалеко от Чугуево городища. Следовательно, эта местность ему была хорошо известна.

Яков Остряница Чугуево городище для поселения украинских казаков выбрал не случайно. Его и пришедших с ним людей эта территория привлекала своей удаленностью от польских земель. Казаки предпочли опасность набегов крымских татар соседству с бывшими польскими поработителями. Просьба Остряницы была удовлетворена. В Памятке Разрядного приказа, ведавшего иностранными делами государства, было сказано: «…царь пожаловал их и

велел принять в свою государеву державу, в Московское государство, и пожаловал их по их челобитью устроить на Чугуеве вечное жилье». По данным этой памятки, состав прибывших в Белгород украинских переселенцев был следующим: «Гетман Яков Остряница с сыном, 1 военный есаул, 1 военный писарь, 10 сотников, 9 пятидесятников, 102 десятника, два священника, 887 рядовых казаков, крестьян и мещан, всего насчитывалось 1014 человек, а с женщинами и детьми – больше трех тысяч человек». Если приведенные цифры соответствуют действительности, то, примерно, треть вырвавшихся из окружения повстанцев, составляло гражданское население. Именно это обстоятельство больше всего вселяло уверенность у Московского правительства в то, что в таком составе переселенцы прочно осядут на новом месте жительства, образуют крепкую городскую общину, способную не только город выстроить, но и надежно нести охрану государственной границы России. Были произведены все требующиеся расчеты по обеспечению переселенцев всеми необходимыми ресурсами для переезда на Чугуево городище, строительства жилья и крепости, снабжения продовольствием, занятия хозяйственной деятельностью, а также для несения военной сторожевой службы. Белгородским воеводой был подготовлен в необходимом количестве гужевой транспорт, собрана живность для последующего ее разведения на новом месте, припасен хозяйственный инвентарь, выделены необходимые запасы соли, зерна, муки, разного рода боеприпасов, хозяйской утвари, сельхозинвентаря и т.д.

Всем переселенцам на Чугуево городище Московское правительство назначило денежную помощь в следующем размере: «гетману и его сыну – по 40 рублей и 20 четей ржи, есаулу – 15 рублей и 10 четей ржи, писарю – 10 рублей и 8 четей ржи, сотникам – по 8 рублей и 8 четей ржи, пятидесятникам – по 7 рублей и 7 четей ржи, десятникам – по 6,6 рублей и по 6 четей ржи, рядовым – по 5 рублей и по 5 четей ржи». Четь – мера объема сыпучих тел равна 200 литрам. Вместо ржи было принято решение выдать деньги. За 1 четь переселенцы получили по 13 алтын и 2 деньги. Это денежное жалование они должны были получать ежегодно, вплоть до 1641 года, пока построят город и как следует не укоренятся на новом месте. Примерно такую же денежную помощь получали и другие переселенцы на территорию российского государства, которых Московское правительство расселяло вдоль оборонительных линий на южных окаринах государства. По тем временам это были большие деньги. Российские служилые люди, которые вместе с украинскими переселенцами обживали Дикое Поле и несли сторожевую службу, получали на 3 – 5 алтын меньше.

По царскому указу М.Ф. Романова от 28 июля 1638 года М. Ладыженский вместе со священником М. Ключаревым выехали из Москвы в Белгород, где получили в свое распоряжение вооруженный отряд, состоящий из 202 стрельцов, детей боярских станичников и казаков, которые отправлялись вместе с переселенцами и были обязаны охранять их по пути до Чугуево городища. Царской грамотой «… велено князю Петру Пожарскому гетмана и черкес, и мещан привести к кресту (т.е. принести присягу на верность служения царю) и отправить всех на Чугуево городище с женами и детьми и со всеми животы». Это и было сделоно на окраине города Белгорода перед тем, как прозвучала команда трогаться в путь.

Как известно из архивных источников, с Острянином в Чугуево городище поселились его сын, генеральный есаул, сотники и 1019 казаков. Всех их наделили землей и оказали помощь для первоочередного обзаведения. Черкасы сохранили свою прежнюю организацию, лишь несколько трансформированную в российских условиях. Гетманский титул Острянина закреплял это казацкое устройство на будущее. Вместе с тем, помимо власти гетмана, на чугуевских черкас распространялась также власть российского воеводы, с которым в Чугуев были присланы русские служилые люди. Документы не говорят о том, был ли зависим Остряница от первого чугуевского воеводы боярина Максима Ладыженского. Но, судя по всему, последний находился в его подчинении в плане осуществления общего надзора Московского правительства над реализацией «чугуевского проекта». Иначе и быть не могло. Украинский гетман в своих правах был ограничен своим статусом «просителя» и был нужен российской стороне в качестве связующей силы для казаков – переселенцев и рычага воздействия на них в ходе строительства крепости. Все остальные заботы организационного и материального характера Москва брала на себя.

Непосредственно процессом переселения украинцев по пути их следования на Чугуевское городище, руководил Максим Ладыженский, хорошо знавший к нему дорогу. Был ему и персональный царский наказ: «Учинить крепость на Чугуево городище и стоять на татарских шляхах и перевозах». Из российской казны было выделено 975 рублей на выплату жалованья русским служилым людям. Кроме этого, гетман Остряница получил в свое распоряжение «пищаль, ядра в четыре гривенки, 40 пудов зелья пищального, 5 пудов зелья пушечного, 50 пудов свинца и двух человек пушкарей». Оружие и боеприпасы были необходимы переселенцам на случай внезапного нападения на них татар по пути следования к городищу и организации обороны первых строителей Чугуевской крепости.

2 августа 1638 года огромная по своей протяженности колона переселенцев оставила Белгород и тронулась в путь. Местные церковнослужители вывели ее за город, благословили на дорогу и на новое дело, окропив святой водой «всех до последнего». В честь отбытия колонны был произведен выстрел из вестовой пушки Белгородской крепости. На передних телегах везли иконы и другую церковную утварь. Храм Божий в Чугуеве переселенцы намеревались строить «тотчас же по прибытию». Другое имущество тоже было погружено на телеги, запряженные волами и лошадьми. Поскольку наезженной дороги к Чугуево городищу не существовало, специальный отряд казаков – всадников вел разведку местности и специальными вехами обозначал маршрут движения. Второй отряд, состоящий из стрельцов, общей численностью около ста человек, охранял колону с флангов и тыла. Все взрослые мужчины ехали на лошадях и были вооружены. На телегах находилось разного рода имущество, женщины, старики и дети. Все остальные передвигались пешим ходом. Скот: коров, волов, быков, коз и овец – вели привязанными к телегам или гнали женщины. Минуя реки и глубокие овраги, колона переселенцев с непродолжительными остановками для отдыха и кормления животных, постепенно двигалась по Дикому Полю в сторону Чугуево городища. Погода стояла жаркая, а доверху загруженные телеги, пересеченная спусками и подъемами местность, переправы через мелкие

речушки, плохо переносимая животными жара, не позволяли переселенцам двигаться быстро. Скорость колоны не превышала 15 – 20 километров в сутки. Двигалась она преимущественно в утреннее и вечернее время. По ночам кормили животных, ремонтировали повозки, готовили на костре пищу и, конечно же, несли круговую охрану временного лагеря. Место стоянки выбирали удобное для обороны на случай нападения татар. Примерно через неделю, без особых приключений, колона добралась к месту назначения. Точное время ее прибытия неизвестно. Принято считать, что она достигла пределов Чугуево городища 8 августа вечером или 9 августа утром.

Исторической датой второго основания нашего города, официально считается 10 августа 1638 года (первый раз Чугуев был основан выходцами из Северного Кавказа – аланами примерно в средине июня 725 года). Именно 10 августа прибывшие из Белгорода на новое место жительства чугуевские казаки получили первое в истории Чугуевщины «письмо». Им стала скрепленная печатью Разрядного приказа грамота Московского правительства, адресованная боярину Максиму Ладыженскому. Ее доставили московские стрельцы. В грамоте говорилось: «Максиму Ладыженскому по нашему указу велено на Чугуево городище учинить крепость какую пригоже помысля с нашими людьми и поговори с черкасским гетманом, и с полковниками, и с сотниками, и со всеми лучшими людьми… Велено гетмана Яцка Острянина, и полковников, и черкес, и все Запорожское войско, и мещан привести к кресту. Писано в Москве, лета 7416-го, августа первый день». На этой грамоте, которая в настоящее время хранится в Русском государственном историческом архиве, сохранилась личная пометка боярина Максима Ладыженского о том, что грамота получена «в 7416 году в десятый день августа». По новому стилю это 10 августа 1638 года. В этот день была освящена вся территория Чугуево городища, а все прибывшие принесли клятвенное обещание верой и правдой служить интересам Московского царства и русскому царю. Так христианская вера второй раз пришла на чугуевскую землю после ее освящения аланами в 725 году.

Прибывшие на Чугуево городище переселенцы без промедления приступили к строительству крепости (острога), церкви, хозяйственных построек и жилья. Работы было достаточно много, но главные усилия переселенцев были сконцентрированы на постройке крепости. Следовало спешить. В предстоящую осень и зиму появления татар, привыкших разбойничать в этом регионе только в теплое время года, не ожидалось. На время холодов татары откочевывали на зимние стойбища, которые располагались южнее, в приазовских степях. А вот весна 1639 года, обещала быть тревожной: внезапно возникший город татары наверняка без внимания оставить не могли. Следовательно, к этому времени необходимо было возвести все крепостные стены, башни, выкопать рвы и приготовиться к возможной осаде.

С первого дня своего прибывания на городище, в степь и на существующие перелазы через Северский Донец, расположенные в районе таких современных населенных пунктов как Кочеток и Малиновка, были отправлены сторожевые отряды из казаков и московских стрельцов. Они, по заранее утвержденному распорядку, круглосуточно несли сторожевую службу, наблюдая за прилегающей к городищу лесостепи. Опасность нападений со

стороны крымских татар и «воровских черкас» подстерегала первожителей города на каждом шагу. Поэтому строители крепости постоянно держали при себе оружие. К тем, кто работал за пределами городища на заготовке леса, была приставлена охрана из казаков и русских служилых людей. План сооружения крепости был составлен в Москве. В его основе были чертежи возведения подобного рода строений в других городах Белгородской оборонительной черты. Главным строительным материалом являлся лес, который рос как на территории самого городища, так и вокруг него по берегам Северского Донца. Его заготавливали бригады лесорубов, сменяя друг друга для отдыха и починки инструментов. Вырубка леса на левом берегу Донца производилась еще и со стратегической целью – необходимо было очистить от деревьев всю прибрежную полосу и тем самым исключить скрытное приближение татар к реке. Срубленные стволы переправлялись на правый берег по воде. Группы возчиков, при помощи волов, стягивали их на самую вершину горы (в настоящее время это площадь Соборная (бывшая пл. Ленина)), где на высоком правом берегу Донца сооружалась крепость. Там хозяйничали землекопы и плотники, руководимые М. Ладыженским, П. Щетининым, Я. Остряницей и казацкой старшиной. Работа кипела целыми сутками, затихая только в глухую темень. Спешили не только потому, что опасались нападений татар – торопились основные строительные работы закончить к зиме. На юго-восточной и северо-западных окраинах пустовавшего четыреста лет подряд старого городища расчищались старые рвы, насыпались валы, ставились бревенчатые засеки – частоколы внешних крепостных ограждений. Ускорению работ способствовало использование защитных сооружений старого городища, что, безусловно, экономило значительные трудовые ресурсы на обустройство новых фортификаций. Строительство требовало, с одной стороны – оперативного и умелого руководства, организационного и материального обеспечения всеми необходимыми материалами, а с другой – строгой дисциплины и больших физических усилий чугуевских первожителей. Переселенцами двигали не столько клятвенные обещания царю исправно воплощать его волю, сколько ясное понимание ситуации: без крепости они подвержены огромной опасности со стороны татар, а без жилья им просто не перезимовать. Всякого рода трудности, беды и общего рода старания по их преодолению людей сплачивали во все времена, равнозначно, как и маячащая в подобных ситуациях перспектива их преодолеть. Кроме этого, у пришедших на Чугуево городище запорожских казаков и их семей, которые чудом унесли ноги из окруженного польскими войсками повстанческого лагеря и таким образом спасли свои жизни, другого выбора, чем обосноваться на русских землях, вдали от «клятих ляхів», просто не существовало. Да и проявленная к ним забота со стороны российского царя давала о себе знать. Подогреваемые такого рода интересами, строители Чугуева за первые шесть месяцев достигли больших успехов в строительстве города. И это при том, что довольно значительная часть населения была вынуждена круглосуточно нести караульно – сторожевую службу на ближних и дальних подступах к городищу. Работы не прекращались даже в зимний период. Одновременно сооружалась крепость, жилые дома, хозяйственные постройки и церковь. Следует отметить и всяческое пособничество строителям города со стороны Московского правительства. Оно пристально следило за ходом сооруженя города – крепости. Связь с российской

стороной осуществлялась через Белгородского воеводу, который руководил отправкой в Чугуев всех необходимых материалов и средств. Москва, через посредничество Белгорода, оказывала чугуевским первожителям существенную помощь продовольствием, орудиями труда, строительными материалами, гужевым транспортом, что в условиях осенней распутицы и зимней дороги доставляло ей много хлопот и оборачивалось немалыми финансовыми расходами.

У присланных инженеров имелись не только чертежи будущей крепости, но и опыт по ее возведению. Она мало чем отличалась от недавно выстроенной Белгородской, разве что меньшим количеством кольцевых оборонительных сооружений и некоторыми ландшафными особенностями. Московские документы того времени не зафиксировали вплоть до лета 1649 года каких-либо серьезных столкновений чугуевских строителей с татарами или «воровскими черкасами». Видимо, откочевавшие в свои зимние улусы крымчаки, какое-то время находились в неведении о строительстве крепости на территории древнего городища, а разрозненные ватаги разбойничавших на территории Подонцовья украинских черкас отпугивало довольно большое количество вооруженных собратьев, организовавших круговую охрану строящегося города.

В первые месяцы после прибытия Якова Остряницы с казаками на территорию городища, над ними нависла опасность со стороны Польши, обескураженной как большим оттоком ее украинских подданных на российскую территорию, так и успехами Москвы в деле колонизации земель Дикого Поля. Уже 11 августа 1638 г. в Белгород к воеводе П. Пожарскому полтавский урядник Сокольский с Польской Украйны прислал «лист», в котором требовал выдачи Польше изменника Я. Острянина с беглыми черкасами. Пожарский отправил полученную грамоту в Разряд, ведавший внешней политикой российского государства. Сам он не имел полномочий для принятия соответствующего решения. В феврале 1639 г. в Чугуев приехал миргородский черкашенин Савва Сергеев, сообщивший о готовящемся Польшой войске из 2 тыс. гусар и 4 тыс. немцев, «...чтобы Чугуев разорить и гетмана и казаков побить». Белгородский воевода довел эти сведения до дьяков Разрядного приказа, а в обратной отписке на свое имя получил задание «учинить присмотр за Чугуевом». В конце апреля поступили данные о разведывательном походе под Чугуев полтавского полковника Вороны с четырьмя сотнями черкас. В то же время черкасы в Полтаве говорили: «...мирное постановление нарушить, а Острянина де и Розсоху с товарищами де им на Чугуеве доступить». В Путивль 23 мая 1639 г. поступили сведения о состоявшейся в Чигирине раде украинских казаков – реестровиков, находившихся на службе у Речи Посполитой. По словам Федора Ляхова и Степана Хромого, посылавшихся для разведки в Польшу, на раде было приговорено идти войной на черкас, поселившихся в Чугуеве. Весной вторжения не произошло. Оно было предотвращено дипломатическими усилиями Московского государства. Такого рода пограничный конфликт между Россией и Польшей мог бы перерасти в полномасштабную войну между двумя соседствующими государствами. Обе стороны к ней были не готовы. Полковники реестрового украинского казачества, участь которого в этой войне была бы неизбежной, принимать участие в карательном походе на Чугуев тоже

отказались. Но спустя некоторое время, поход черкас под Чугуев все же состоялся. Двухтысячный отряд из Любеча, Миргорода и Голтвы, ведомый беглым Чугуевским изменником Данилой Писарем, в сентябре 1639 г. остановился в трех верстах от города Чугуева и готовился к приступу, но из крепости к ним перебежал черкашенин Захарко, который сообщил, что в городе знают об их появлении и готовы к отражению штурма. Черкасы ушли назад в польские земли. Но скорее всего их отпугнули не только сведения черкашина Захарко. Еще весной 1639 г. в Курск, Яблонов, Усерд и Оскол были посланы грамоты с приказанием в случае вторжения с территории Речи Посполитой в город Чугуев, собрать войска и выбить противника с российской земли. И такие войска были действительно собраны в Белгороде и ждали команды. Опасность миновала. (См. Приложение №6, п.2)

Чугуевский воевода и гетман Остряница пристально наблюдали за тем, чтобы все чугуевцы оставались верны принесенной российскому царю присяге – верой и правдой служить Московскому государству. И речь здесь не только в активном участии в сооружении крепости и несении сторожевой службы. Стараниями Польши, не решившейся силой вернуть обратно сбежавших с ее земель запорожских казаков гетмана Остряницы, делалось все возможное, чтобы подорвать этот российский проект: в Чугуев тайно засылались провокаторы с так называемыми «зазывными письмами» (см. Приложение №6, п.10), в которых при помощи разного рода соблазнов и обещаний, беглым людям предлагалось вернуться на польские земли. Захватившие украинские черноземы польские магнаты лишались рабочих рук – кто не ушел в казаки, тот стал переселенцем. Вот почему первой чугуевской администрации вменялось в обязанности следить, чтобы никто из чугуевцев не только не бежал из города, но и не имел преступных связей с «воровскими черкасами», татарами и особенно «ляхами»; не занимался разбоем и грабежами, соблюдал установленные воеводой порядки в городе. Поводы для этого были: уже в 1639 году отмечены случаи бегства черкас из Чугуева в, так называемые, литовские земли Польской Украйны. Один из них описан в донесении П. Щетинина, полученом в Москве 5 июня. Побежали двое черкас, подговорив с собой двух чужих жен. Изменники были настигнуты черкасами, посланными за ними воеводой. Один беглец был убит в ходе перестрелки с преследователями, остальных привезли в Чугуев. Далее воевода добавлял, что Полтава недалеко, поэтому нет возможности удержать черкас от побега. А 16 мая к нему приходили черкасы всем войском и просили казнить изменников смертью, т.к. иначе невозможно остановить поток беглецов, уводящих с собой их дочерей и жен. В приведенном примере важна не бытовая сторона (увод чужих жен и дочерей беглецами), а указание на то, что из Чугуева бежало много черкас, и побеги эти не прекращались. Особого внимания заслуживает мнение местного воеводы, считавшего, что виной всему была близость польской границы. В этом же году из Чугуева пытался бежать Герасим Михайлов. О побеге донесла его собственная жена Марья. За беглецами послали в погоню чугуевских черкас под командованием сотника Богдана Матюшенко. Михайлова поймали. За службу сотник был пожалован отрезом тафты и пятью рублями. Жена изменника получила за донос пять рублей.

По указанию Разряда, жалованье велено было выдавать в Чугуеве публично, в присутствии гетмана и всех чугуевских жителей. Вероятно,

подобным образом российская администрация стремилась обеспечить предотвращение побегов в дальнейшем. Тем не менее, в следующем году ситуация не изменилась. Известно, что 3 сентября 1640 г. город покинули четверо чугуевцев (трое с семьями, а один, оставив жену). Двое из них были пастухами, поэтому беглецы прихватили с собой десять лучших лошадей, и сотник Розсоха не смог догнать изменников. В этом же году неожиданно с Чугуева убежал и сам сотник Розсоха, оставив в городе на своем подворье 56 голов скота и 16 свиней. (Приложение №6, п.10). Примечательно, что поводом к побегу послужили слухи о якобы принятом в столице решении о расселении чугуевских черкас по разным российски городам степного порубежья. Слухи естественно запускались польской стороной, с целью внести сумятицу среди первожителей города. По свидетельству русских исторических документов, Розсоха находился в довольно дружеских отношениях с гетманом Яковом Остряницей, и расчитывал на повышении по службе. Но этого, по какой-то причине, не произошло. Он завидовал своему «обласканному» Московским правительством другу и на этой почве постепенно превращался в его недоброжелателя, обвинив последнего в клятвоотступничестве и связях с польской стороной. Когда же его козни против Остряницы оказались провальными, он сам сбежал с Чугуева. Позже выяснилось, что Розсоха тоже получал из Польской Украйны «зазывные листы». Писал их в Чугуев полтавский урядник Станислав Гульчевский: «...жалеючи о том, что удалился в дальние страны от имения своево, и для того нарочно посылаю к вам с тем листом моим чтоб еси в свое имение возвратился, обещаю вам в том моим добрым шляхетцким словом, что ваш наименьший влас с головы не спадет, потому что я узнал правду вашу и ведаю о том добре, что еси то по неволе учинили, постереглись здоровья своево, что те самовольники неодиножды мало вас не убили, и для тово ничево не опасался, да и жена ваша никакова зла от меня не имела; и то все, что еси оставил, все в целе вас ждет, я приказал, чтоб ничего не истеряли до вашего приезду». В следующем письме польский урядник добавлял: «...всякий из вас, а хотя и сам Острянин ничево не опасаясь, хотя б и большое что провинились, чтоб безо всякого опасенья воротились и шли на Опошлинский перевоз в слободу, где мне то место дано, и там бы селились и разживались, а льготы на 30 лет неотменно, в том вам и лист свой дам».

Имели место и случаи, когда черкасы целыми группами добровольно приходили и просили разрешения поселиться в Чугуеве. Именно такой случай зафиксирован в 1640 году, когда 40 человек украинцев из Приднепровья, во главе с атаманом Михаилом Карповым осели на «вечное житье» в нашем городе (см. Приложение №6, п.3).

Очередные чугуевцы, пытавшиеся убежать, были задержаны 3 октября 1640 г. В ходе расследования выяснилось, что к побегу их подговаривали заезжие в город торговцы. Нанятые поляками купцы еврейской национальности скрытно вели подстрекательную работу, выискивая в первую очередь тех чугуевцев, у которых накопилось много обид на власть или же тех из них, которые пропили царское жалованье, домов не построили и скитались по городу без дела. Такую же агитацию вели многие черкасы, приезжавшие из Польши и клявшиеся воеводе, что пришли на «вечное житье» в Россию. Чтобы хоть как-то препятствовать подрывной работе польских агентов в Чугуеве,

Московское правительство издало указ не принимать в Чугуев «нововыезжих» черкас, а направлять их в Москву, где определяли дальнейшее место их службы.

Но это было не главным в желании отдельных переселенцев оставить город. Не всем им заведенные в городе порядки пришлись по душе. Первожителей Чугуева утомляли трудовые и военные повинности, а также хозяйственные хлопоты, связанные со строительством жилья и освоением выделенной земли. Те, кто имел большой «казацкий стаж», отвыкли от необходимости содержать себя ценой стараний воинов и землепашцев. В дополнение к этому, не все оказались способными привыкнуть к строгой дисциплине жителей прифронтовой крепости, которым постоянно угрожала опасность быть убитыми или же плененными татарами. Кроме всего прочего, у некоторых прибывших в Чугуев казаков, остались семьи в населенных пунктах Польской Украйны. До появления «зазывных листов» казаки боялись к ним возвращаться по причине мести местной польской администрации за участие в восстании. Когда же Польша объявила казакам амнистию и озвучила ее в своих, адресованных чугуевцам, «листах» соблазн уйти обратно на свою родину, многократно возрос.

Побеги чугуевцами совершались по разным причинам: кто-то не смог как подобает устроить свой быт – не построил дом, не обзавелся хозяйством и семьей; кто-то не желал нести сторожевую службу и подвергать себя постоянному риску; кто-то не смог преодолеть в себе вольный дух казачества с его фривольностью и бесконтрольной вседозволенностью; кого-то влекли оставленные в Польской Украйне семьи и имущество; кто-то был обижен администрацией, а кто-то повелся на обещание польских властей. Запорожские казаки бежали не только из Чугуева, но и с других порубежных с лесостепью русских городов. Моральная сторона вопроса их не беспокоила, в том числе и процедура клятвенного целования креста на верность царю.

Если в целом дела со строительством крепости и организацией сторожевой службы складывались неплохо, то в отношении соблюдения дисциплины первыми чугуевскими переселенцами, существовали проблемы. Вот что говорит по этому поводу автор монографии под названием «Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)» А.И. Попков: «Уверенность столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей, способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к русским служилым людям, а вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как большинство жителей Российского царства. Кроме того, черкасы, сменив подданство, не могли сразу осознать свое новое положение и иногда продолжали вести себя как самовольные запорожцы, а не как члены российской служилой корпорации. Так, пришедшие с Я. Остряниным черкасы в первый год после своего переселения из Польши опустошили расположенные рядом с Чугуевым откупные вотчины и бортные хозяйства белгородцев. Мало того, судя по донесениям станичников и других жителей Белгородского уезда, чугуевские черкасы постоянно совершали набеги за рубеж чугуевских земель, откуда везли мед и гнали скотину». Сказывалась старая казацкая привычка грабить всех без разбора, будь это татары или жители расположенных у крепостных стен Белгорода слобод. Не являлись примером в этом плане и сам

гетман со старшиной, о чем наглядно свидетельствует следующий случай. Как-то вблизи города «воровские черкасы» настигли и ограбили «государевых людей», посланных в Чугуев с донесениями. Гетман Остряница и сотник Розсоха с казаками отбили у воров нагарабленное, в том числе и несколько лошадей, но возвращать их владельцам решительно отказались, мотивируя это тем, что отбитое в бою имущество по праву принадлежит им. Следовательно, украинское казачество, не в пример западному рыцарству, никакого представления о чести и порядочности не имело – во главу угла ставилось стяжательство, нажива и корысть.

И все же, стараниями Московского правительства, трудовым и ратным усердием пришлых на Чугуевское городище казаков-переселенцев, строительство города-крепости к концу 1640 года близилось к завершению. Значительный объем работ, связанных с постройкой защитных сооружений, массовое отвлечение казаков на сторожевую службу, случавшиеся перебои в обеспечении строительными материалами, обусловили медленные темпы обустройства быта строителей города. Возведение жилья было возложено на каждого преселенца индивидуально. Первые дома построили воевода, гетман, сотники и те, кто имел на это деньги. В результате археологических раскопок, проведённых в Чугуеве несколько лет тому назад, были найдены и исследованы остатки одного из временных жилищ первопоселенцев. Данное жилище представляло собой так называемую землянуху – углублённую на 2 м в землю, с овальным очертанием земляного пола, с глинобитной печью и конусовидной крышей, плетённой из прутьев и перекрытой дёрном. Такая крыша носила название шиш. В тесном, но, тем не менее, тёплом жилище могли проживать один-два человека. Но землянки являлись временным жильем, которое впоследствии должен заменить дом со всеми наземными жилыми и хозяйственными постройками.

В декабре 1640 воевода Максим Ладыженский подал в Разрядный приказ строительные книги с описанием выполненных работ. В них значилось: «Поставлено на Чугуеве острогу чугуевскими черкасы и ратными людьми 6 башен, да меж башен поставлено острогу 422 сажени (888 м), зелейный погреб выкопан и сруб вставлен дубовый 4-х сажен». (Видимо две остальные башни находились еще в стадии строительства.) Сам же Ладыженский был отозван Московским правительством обратно в Москву. Его опыт понадобился для сооружения других фортификационных обьектов Белгородской оборонительной линии.

Город с трех сторон, кроме стороны, выходящей к реке окружал ров глубиной в 2 сажени и длиной 232 сажени (примерно 5 км). На самом его дне строители поставили так называемые «честики» – вкопанные вертикально в землю заостренные деревяные колья на тот случай, если крепость будет подвергута штурму. Стены возведённой крепости представляли собой острог – вертикально врытые в землю брёвна, заострённые кверху. Такая оборонительная конструкция называлась надолбы. В зависимости от степени опасности надолбы устанавливались в один, два, а то и три ряда. В таком случае, надолб выглядел как коридор, внутри которого могли находиться защитники крепости. В качестве строительного материала по внешнему периметру использовался дуб. Внутренние ряды были выполнены из ясеня, сосны или ели. Толщина бревен равнялась обхвату рук. Они были соединены

между собой специальными надолбами, зарубками и деревянными тигелями, глубокое проникновение которых в соприкасающиеся по всей вертикали бревна, делали надолб монолитным сооружением. Главное предназначение надолба – не допустить проникновения на территорию крепости врага и особенно конницы неприятеля.

Сама крепость занимала большую часть древнего Чугуево городища, отдельные элементы остатков которого были использованы ее новыми строителями. Ориентировочно, она находилась на месте, где в настоящий момент расположено здание штабов военных поселений. Обмеры Чугуевской горы, сделанные руководителем работ дворянином Максимом Ладыженским, свидетельствуют: «…около города по мере 502 сажени (1 сажень = 2,16 м). А горою вниз до реки Донца 30 сажен, а с другой стороны от долу вверх 40 сажен, в третью сторону 12 сажен, а в четвёртую сторону пришло место плоское». Описание Чугуева в более позднее время, позволяет судить о его конструктивных особенностях: «Город Чугуев построен в 147 (1639) году острогом дубовым стоячим с кровати и обломы и катки и людницы…Чугуевская крепость имела 8 башен: Пречистинскую проезжую, Наугольную, Бряславскую, Наугольную, Проезжую с московской стороны, Наугольную, Тайницкую, Наугольную с калиткою «для прохода к воде». Из них Пречистинская и Проезжая были шестиугольными, прочие – четырёхугольные. Все башни были крыты дранью, то есть колотой доской без дополнительной обработки». В названиях башен отражалось их назначение и особенности конструкции. Так, Наугольными назывались башни, стоявшие по углам крепости. Пречистинская получила своё имя от стоявшего невдалеке от нее храма Пресвятой Богородицы (Пречистой Девы Марии). Тайницкая находилась в восточной стене и её название следует связывать с находившимся здесь же подземным ходом или тайником, как тогда говорили. Название «Пытоеная» одной из Наугольных башен, встречающееся в источниках, свидетельствует о том, что именно в ней была расположена пыточная камера. Шестиугольная Пречистинская башня располагалась посередине южной стены и задавала направление улице нагорной слободы. Современная улица Гвардейская практически полностью сберегла направление улицы того времени. Ворота Пречистинской башни обеспечивали доступ в крепость жителям нагорной слободы Никольской и подгорной Станичной. Проезжая шестиугольная башня, расположенная в противоположной стене, давала доступ в крепость жителям слободы, расположенной ныне на территории Зачуговки. При перепланировке центра города в 19 веке это направление выезда превратилось в дорогу, ведущую в поселок Кочеток. С 80-х годов 20 века дорога превращается в пешеходную тропу. Существенным элементом в крепостных сооружениях были всевозможные запорные устройства. В Чугуеве ворота на ночь и в опасное время татарских набегов заставлялись рогатками, то есть подвижными толстыми стволами деревьев со вставленными в них с четырех, а то и шести сторон, заостренными четырехгранными кольями. На подступах к крепости разбрасывались рогульки – железные крючки в форме птичьей лапы. В описании Чугуева за 1678 год в перечне оружия упоминается 24 тысячи рогулек. Рогульки ранили копыта неподкованных татарских коней и выводили их со строя. А вдоль стен размещались катки – брёвна, которые во время штурма сбрасывались

(скатывались) на противника. На случай осады в Чугуеве устраивались тайные хода. 25 июня 1668 года чугуевский воевода писал царю: «и я в Чугуеве с Чугуевцы сижу в осаде на крепко и город Чугуев и всякую городовую службу креплю и старый тайник вновь построил и колодязь вычистили, да у того ж старого тайника построили Чугуевцы новый другой тайник, дубовый и другой колодец в тайнике учинен и в приход воинских людей воды будет много в тайниках; да около города почал строить вновь отводы и вылазы для обереганья города». В описи города, относящегося к 1678 году, видим всё те же: «из города к реке Северскому Донцу 2 тайника, вода добра». Описание 1712 года извещает: «Около города с трёх сторон выкопан ров, в глубину с двух сторон дву сажень с четвертью, поперег три с четвертью сажень, с третьей стороны от реки Чугуевки в глубину два сажня без четверти, поперег два с четвертью сажень. Из города к реке Донцу тайник: в длину того тайника было двадцать три сажени; в тайниках выкопан колодязь, опущен струб дубоваго лесу 20 вецов. И в прошлом 702 (1694) году под городовою стеною от реки Донца в том месте, где тайник построен, обрынулась гора и от того обрыву в тайнике во многих местах с потолку земля осыпалась и потолок развалился». Во внутренности острога были: Соборный храм, домы – воеводы и начальников военной команды, Соборного причта, хлебные и военные магазины, таможня».

Проведённые в 2005 г. на месте Чугуевского городища археологические раскопки, позволили осуществить привязку некогда построенных здесь фортификационных сооружений к современному ландшафту. Были найдены и изучены остатки северо-западной Наугольной башни. Раскопки преподнесли редкую, необычайную находку, свидетельствующую о той серьёзностьи, с которой средневековые строители подходили к вопросу закладки города-крепости и их приверженности к старым языческим религиозным обычаям. Под основание именно этой башни строителями крепости была заложена закладная человеческая жертва – голова девочки возрастом 4 – 5 лет; у девочки обнаружено разрушение лицевой части; захоронение находилось на камне под нижним венцом в восточном углу постройки. Этот древний языческий обычай был связан с верой, что принесенная жертва сохранит крепость от огня и всякого рода разрушений и сделает ее неприступной для врагов.

По своей конфигурации крепость представляла собой прямоугольник длиной в 145 и шириной 120 сажней (313 х 259 м). Площадь каждой из восьми башен в среднем колебалась от 9-ти до 15-ти квадратных метров. Внутри крепости располагались административные и хозяйственные строения: соборный храм, воеводский дом, дома начальников военной команды, дома священнослужителей, приказная изба, «кружечный» двор, таможня, хлебный, соляной и пороховой магазейны (склады). В архивных документах упоминается о двух слободах, населённых ранее других: Станичной с северо-запада и Никольской – юго-восточной. Причем, уточняется, что храм Николая Чудотворца стоял за Никольскими воротами. Для защиты посада существовал вал, который тянулся вдоль современной улицы Пролетарской. «Топографическое описание Харьковского наместничества 1785 года» даёт интересные факты, позволяющие предположить, что вся нагорная часть была окружена валом. Дословно это звучит так: «Город Чугуев разделения по частям не имеет, а только состоит внутри стариннаго земляного валу. Около ж земляного валу и города слободы: 1-я – Калмыцкая…; 2-я – Чуговка…; 3-я –

Задонская. В северной части к крепости находился жилой квартал». В описании крепости, датируемом 1668 годом сказано, что в ней находился и дом воеводы, который состоял «из двух изб сцепных поземных, дощатого чердака, двух сеней и повалуши», из чего следовало, что построен он был на манер русских изб. В небольших деревянных домах жили семьи воеводы, гетмана, полковников, сотников и другой казацкой старшины. Дома остальных переселенцев были расположены за пределами крепости в, так называемом, пригороде и выше обозначенных селениях у самого Северского Донца. Само строительство домов возлагалось персонально на каждого переселенца. Их возводили как индивидуально, так и методом «толоки», объединившись несколькими семьями. Времени на сооружения собственного жилья не хватало, переселенцы были заняты на строительстве крепости и несении караульной службы. Большинство рядовых переселенцев первую зиму провели в землянках и полуземлянках. В домах, кроме «начальственного состава», зимовали и те, кто имел деньги на их строительство. Земля была распределена на участки одинакового размера. Посредине каждого из них возводился дом, а рядом – хозяйственные постройки: сараи, конюшни, погреба. Вцелом темпы строительства были высокими. Новый чугуевский воевода П.И. Щетинин, который весной 1640 года заменил отозванного в Москву М. Ладыженского, в своей первой отписке на имя царя о первых успехах чугуевцев в строительстве жилья сообщал: «Построили дворы: гетмана, войскового есаула, 10 сотников, 7 пятидесятников, 83 десятника, 698 рядовых черкесов. Всего дворами построились 710 человек. 210 украинцев из-за бедности своей не могли построить своих дворов». Если выходить из простого расчета, что в каждом построенном дворе проживало три человека, то получается, что жильем было обеспечено 2,1 тысяч переселенцев. Под прикрытием крепости, на северо-восточной и юго-восточной ее стороне, были выстроены Станичная и Никольская слободы, в которых жили низшие чины военно-поселенческой команды.

В общих чертах Чугуевская крепость близко напоминала собой ранее выстроенную Белгородскую крепость. Построенная в 1596 г. на Белой горе Белгорода крепость представляла собой прямоугольное в своей основе строение размером 230 на 234 м. Детинец был обнесен деревянной стеной, рубленной, вероятно, «тарасами» состоронами 1,4 – 1,9 м. Крепостные стены находились на земляном валу, покрытом обожженной глиной. Детинец имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. Перед стенами был вырыт ров глубиной до двух метров. Для снабжения гарнизона водой были устроены два подземных хода – «тайник» к Северскому Донцу и аналогичный ход в юго-западном направлении, выведенный в овраг, на берег ручья Ячнев Колодезь. С запада крепость опоясывали две линии укреплений, а с восточной стороны находился крутой обрыв. Второй пояс укреплений проходил полукольцом в 135–300 м от детинца и состоял из земляного вала высотой до 2,8 м. На валу, для прикрытия стрелков, находился тын из вертикально стоявших бревен толщиной 16–20 см. Перед валом имелся ров. Третья, внешняя линия обороны Белгорода находилась в 175 м от первой, состояла из рва и вала, имевшего сильно выступавшие вперед площадки для деревянных башен, квадратных в плане, размером 5х5 м, фланкировавших ров. По гребню вала стояли стены. Рубка башен и стен была двойной, с глиняным заполнением. Вероятно, стены

были с обламами, а расстояние между башнями не превышало 100–150м. Вал был обмазан необожженной глиной. Следовательно, Белгород был довольно хорошо укрепленной крепостью, имевшей три линии обороны. Основой обороны была прямоугольная крепость с рублеными стенами. Внешняя линия, принимавшая на себя первый удар, была укреплена сильнее, чем второй пояс, который, в случае прорыва противника должен был его задержать.

Главной обязанностью гарнизона Чугуевской крепости было несение караульной службы. В первые годы существования города ее осуществлеляли не только казаки и московские стрельцы, но и все взрослое население. В случае возникновения опасности как со стороны татар, так и «воровских черкас», оно под руководством воеводы ополчалось и отгоняло их от города в запредельные территории. Источники свидетельствуют, что военные тяготы были для чугуевцев предельно обременительны как в плане строжайшей дисциплины, так и по времени. Заменивший Максима Ладыженского, новый Чугуевский воевода Петр Щетинин привлек к ночному дежурству внутри крепости около сотни казаков и московских служилых людей. Последние жаловались на него в Разрядный приказ, указывая, что ни в одном другом порубежном со степью российском городе «так много людей на ночное бдения не выставляют».

Расположенный вблизи Муравского шляха, Чугуев не преграждал путь татарам к границам российского государства, но существенно усложнял их передвижение по прилегающей степной территории. Татары лишились самого существенного своего преимущества – внезапности нападений. Чугуевская сторожевая служба вовремя обнаруживала и предупреждала Белгород о появлении крымских татар в Поле. Огибая чугуевскую зону сторожевых постов, татары были вынуждены искать новые шляхи, строить новые перелазы, искать другие броды через Северский Донец. Но серьезных попыток захватить и уничтожить город татары не предпринимали. С одной стороны, штурм и осада крепостей были чужды татарской тактике внешней агрессии. Излюбленной манерой степных разбойников был внезапный налет, быстрый грабеж, захват пленников и поспешный уход в степь. С другой стороны, татары хорошо понимали, что крепость такого уровня защиты, им «не по зубам». Город имел большие запасы продуктов питания и боеприпасов, а пушкари так пристреляли очищенную от леса местоность на протвоположном левом берегу Северского Донца, где в настоящее время расположена нижняя Башкировка, что татары даже на расстоянии пушечного выстрела боялись к нему подойти. Кроме этого, все возможные места форсирования реки выше и ниже по течению, находились под присмотром чугуевских казаков. Город был практически неприступен.

Зафиксированы десятки случаев, когда мелкие группы татар прокрадывались сквозь лесные чащобы к окрестностям Чугуева, нападали на его жителей, которые были заняты на сенокосах, пастбищах, пасеках, огородах, рыбных промыслах или были увлечены охотой. В подобного рода ситуациях татары пленили людей, угоняли в степь табуны лошадей, скота и овец. В отдельных случаях чугуевцам удавалось настичь разбойников и отнять награбленное.

Как весна начинается с первой ласточки, так Слобожанщина начиналась с первого заложенного на ее территории города. Чугуев стал для российского государства той отправной точкой, которая на ближайшие десятилетия

определила вектор приумножения его территорий в зоне Подонцовья. Об этом идет речь в «Статистическом описании Чугуевского полка».

«По Писцовой книге 1647 году, Чугуеву пожалованы были земли и леса вверх по Донцу до Салтова, отселе на вершину речки Рогани, колодязя Немышли до ее впадения в реку Харьков, по течению оной до речки Уд, оттоль на Мерефу и Водолагу до Муравской дороги; оттоль до речки Балаклейки и до верховья речки Бурлука и впадения её в Донец». Так складывалась первая географическая карта Чугуевщины. Позже всё это пространство называлось Чугуевским уездом. По переписным книгам 1710 – 1712 годов, Чугуевский уезд ограничивался: а) Станом Удским, где были сёла: Покровское (Старое), Веденское, Терновое, Шубино, Васищево; б) Станом Верховским, где были сёла: Кочеток, Пятницкое, Большая Бабка, Пещаное, Тетлега. По «Регистру о состоящих селениях для укомплектования полков казачьих, регулярного Чугуевского и конвойного Его Светлости», составленному в 1782 году, к Чугуевскому Округу отнесены земли, занимающие пространство между Змиёвом, Печенегами, Мартовою, Салтовом, Пещаною, Каменною Яругою и Терновою, в коих, кроме Чугуева, было еще 36 слобод и сёл. «Регистр» важен тем, что он указывает на восточные и южные пределы былых древнерусских территориальных владений, попавших под влияние Московского царства в результате проводимой им колониальной политики в 16 – 17 вв. Географические неурядицы русских земель времен господства на них Золотой Орды, постепенно обретают картину своей былой реальности. Как доказательство этого факта –расположение древних городищ на территории Подонцовья, существовавших ниже от Белгорода по Северскому Донцу и его притокам. После городища Белгорода следует по течению Донца: Салтовское городище, ниже его Колковское гордище, за ним Гуменье (по Чугуевской переписке Гумницкое) городище, ещё ниже Чугуево городище (с 1638г. – г.Чугуев), затем на левом берегу Мохначёво городище, опять на правом берегу Змиёво городище; по другим памятникам, на берегу Донца Каменное городище, иначе Снетчино на Гомольше. По реке Удам, при впадении её в Донец, Кабаново городище на Кабановой поляне, вверх по Удам Хорошево городище, ещё выше Донецкое городище, а ещё далее Павлово селище. Левая сторона Донца обыкновенно называется Нагайскою, а правая – Крымскою; но иногда первая называется Русскою стороною, а начинаеися она ниже Змиёва городища. На западе от Чугуева, за Валками, расположено не мало и других городищ, остатков Русского владычества дотатарского времени. Таким образом, обширный Чугуевский округ был древним Русским округом, где, по изгнании нагайцев, русские цари восстановили былую целостность древнерусских земель времен Киевской Руси. Хотя сам Чугуев в состав земель Киевской Руси не входил, а земли к нему приписанные позже, составляли былые ее владения».

Совместными усилиями русских и украинцев была построена Чугуевская крепость, представлявшая собой острог с восемью башнями. В городе поставили соборную церковь, а в 1640 г, в пригородной слободе на средства черкас был выстроен приходской храм во имя Николая Чудотворца с пределом Параскевы Пятницы. Материальное положение жителей Чугуева было вполне удовлетворительным; у каждого из них был двор размером 7х8 саженей, достаточное количество плодородной земли, скота, различных угодий; многие занимались звероловством, рыболовством и бортничеством. Хотя из-за

бедности в 1639г. не построили дома 12 десятников и 198 рядовых черкас. Они и составили ту часть чугуевских первожителей, которые время от времени бежали из города в польские земли.

Примечательно, что Острянин, возглавлявший черкас после принятия ими российского подданства, во многом сохранил традиции казацкой вольности и самоуправления, но как показали дальнейшие события, довольно быстро адаптировался к положению российского должностного лица. В 1639 г. от черкас поступила жалоба на белгородского воеводу Пожарского, который вопреки царскому указу не прислал хлеба в Чугуев. Жалоба поступила от имени черкас, а не от лица их гетмана. Сам Острянин докладывал об этом так: «...и я потому на татар в поход не пошел, что не с кем, и в том государьска воля, то моя сказка, и впредь мне от их непослушанья поиску над татарами учинить не суметь». Следовательно, уже в это время среди переселенцев имелись существенные разногласия. Челобитчики просили царя выделить хлеб и вооружение с боеприпасами, в противном случае они отбудут с государевой службы. Вероятно, реакции на челобитную своевременно не последовало, и черкасы отказались выполнять свои служебные обязанности. Отношения чугуевских черкас с воеводами (чугуевским и белгородским) в последующем не улучшились. Большое неудовольствие черкас вызывала изматывавшая их сторожевая и станичная служба. В 1640 г. воевода П. Щетинин сообщал об усилении неповиновения со стороны черкас. Опасаясь их, воевода неоднократно обращался с просьбой усилить гарнизон Чугуева русскими служилыми людьми. Кроме того, чугуевские черкасы были недовольны своим гетманом. Они даже обвинили его в государственной измене – тайных связях с Речью Посполитой. В январе 1641 г. Острянин был вызван для объяснений в Москву. Поводом послужида коллективная челобитная (жалоба) чугуевских черкас, написание которой инициировал Розсоха.

Накануне сотник Попов отвез ее в Москву. В ней содержался длинный перечень причиненных гетманом обид. Из нее следует, что у Якова Острянина были свои крепостные. Сообщалось также об отправке Яковом своей дочери и зятя в Литву. Устно же сотник Попов заявил, что гетман присвоил себе землю сверх положенного ему участка. Однако в Москве решили дело в пользу гетмана. Он даже удостоился царской аудиенции. Приведенные примеры говорят о верности линии поведения, выбранной Яковом Остряниным. Здесь он действительно проявил образец порядочности к своим российским благодетелям. Остряница до конца своей жизни демонстрировал преданность московскому государю, повиновался представителям местной российской администрации и старался вписаться в государственные шаблоны системы управления российским городом на территории далекого от Москвы Подонцовья. Он постепенно перерождался в типичного русского бюрократа, для которого решающее значение стала играть «буква закона», а не старые казацкие правила и традиции. Черкасы, пытались реализовать свое право выбора предводителя, скорее всего, метя в гетманы обиженного Остряницей сотника Розсоху. Но это вступало в протворечие с догмами российской бюрократической системы: никакого самоуправства, все перемены только по воле и инициативе царя и его правительства. В результате, несмотря на общее недовольство чугуевских черкас, Яков Острянин сохранил свое положение.

Казацкая строптивость давала о себе знать с первых лет пребывания черкас в Чугуеве. На стороне последних был значительный численный перевес над московскими служилыми людьми, чем они и воспользовались весной 1641 года.

СМУТА

Главенствующее положение в городе занимал воевода. Он был наделен правом распоряжаться военными и гражданскими делами, всеми имеющимися в городе финансовыми, материальными и человеческими ресурсами. Он же вершил суд над провинившимися, определял степень их вины и меру наказания нарушителям установленных в городе порядков. Он же, являясь в Чугуеве официальным представителем российской государственности, выстраивал отношения и устанавливал порядки, в соответствии с действующим на то время российским законодательством, что естественно вступало в противоречие с казацкими привычками вольной бесшабашности. Весьма часто столкновение двух ментальностей – русской государственной и казацкой демократической, двух образов жизни и манер поведения, – русского долга и казацкой безответственности, двух представлений о чести и порядочности, приводило к конфликтам между высшими городскими чиновниками и казаками. Воевода вместе с гетманом, при поддержке представителей украинской казацкой старшины и московских служилых людей, вершил суд над провинившимися. Все виновники, особенно в деле несения сторожевой службы, помещались в местную тюрьму. Гетман Остряница, который по идее должен был отстаивать интересы казаков, все в большей степени занимал и поддерживал позицию городского воеводы. Его связывала не только клятва на верность российскому царю. Общение с высокими российскими государственными чиновниками, ощущение доверия самого царя, полноты делегированных гетману Московским правительством прав и полномочий и желание уравнять свой статус и общественное положение с русской боярской знатью, невольно закладывали трещину между ним и приведенными им в Чугуев казаками и казацкой старшиной в особенности. Постепенное ее углубление и привело в конечном итоге к трагическим последствиям, которые чуть было не сорвали стратегические планы российского правительства в части отводимой Чугуеву роли в деле колонизации земель Подонцовья.

Весной 1641 года страсти между чугуевской администрацией и украинскими казаками накалились до предела. Последние отказывались выполнять указания как воеводы П. Щетинина, так и гетмана Я. Остряницы. По городу ходили слухи, что из-за строптивости казаков, их в самое ближайшее время начнут переселять в другие российские города-крепости степного порубежья. Последней каплей, переполнившей терпение чугуевских поселенцев, стало отсутствие посевного материала, который не был завезен в город даже после челобитной казаков российскому царю. Все это и стало причиной восстания. Когда крепость уже была построена, а ранее пустынное и заросшее лесом Чугуево городище обрело вид города, когда основные трудности материального и военно-оборонительного характера остались позади, в Чугуеве произошла страшная трагедия. Об этом более подробно идет

речь в монографии А.И. Попкова «Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)»: «Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 г. чугуевские черкасы захватили башни и ворота крепости, убили Якова Острянина, ограбили воеводскую денежную казну и освободили заключенных из городской тюрьмы. Воевода Григорий Кокорев организовал оборону возле порохового погреба. Черкасы не смогли выбить служилых людей с занимаемых позиций и подожгли окрестные строения. Сотник Иван Крюков со стрельцами атаковал повстанцев в Московских воротах, очистив тем самым путь подкреплению. После прибытия ратных людей из пригородных слобод, черкас выбили из города, и они ушли на территорию Речи Посполитой. В результате боя было убито 119 русских служилых людей и 56 ранено, восставшие потеряли 272 человека. Изменили не все черкасы, часть из них даже сражалась вместе с воеводой. Успеху черкасского восстания способствовала малочисленность русских служилых людей в Чугуеве. По спискам 1640 г., в городе числилось 814 черкас и 300 русских служилых людей. О дальнейшей судьбе бывших жителей Чугуева можно узнать из отписки путивльского воеводы Петра Волконского: «...Чугуевские черкасы, Яцка Острянина сын, ездили к гетману Концупольскому (здесь и далее сохранено написание фамилии, имеющееся в тексте. – А.П.) бить челом об указе, и от гетмана де приехали, и гетман де Конецполской велел им, черкасом, селиться под своим городом, под Полтавою и в иных своих городах и слободах, а льготы де, государь, им черкасом, велел дать на шесть лет». По словам российских лазутчиков, посланных после этой кровавой бойни в разные пограничные города Речи Посполитой, черкас из Чугуева переселилось около 700 человек. Урядник Гульчевский, расселил чугуевских черкас в Полтаве, Миргороде, Гадече, Зенкове, Ромнах и Сорочине, установил им льготы на 20 лет и запретил их называть изменниками». Некоторые чугуевские черкасы-смутьяны, отказавшиеся возвращаться по только им ведомым причинам на земли Польской Украйны, разбежались по территории Подонцовья, примкнув к шайкам «воровских черкас».

Судя по количеству погибших с обоих сторон бывших побратимов, строителей города и его стражников (391 человек), бой был долгим и жестоким. Сабли скрестили профессионалы – запорожские казаки и московские служилые люди, в том числе и стрельцы. Ни три года совместного проживания на территории города, ни трудовая спайка во время сооружения крепости, ни проявляемая доблесть совместного противостояния татарам, ни общие славянские корни, ни общая православная вера не остановили первожителей Чугуева от бездумного кровавого уничтожения друг друга. Подробности этого внутрикрепостного боя – как он начался, сколько длился, кто именно из черкес стал на сторону чугуевского воеводы, кем и при каких обстоятельствах был убит Остряница – неизвестны. Известно только, что гетман пал от рук своих украинских собратьев по оружию – теперь уже чугуевских горожан, в самом начале столкновения. Можно предположить, что его смерть и стала поводом к вооруженному противостоянию между русской и украинской частью населения Чугуева.

Так начиналась наша родина, начиналась тяжело и, в прямом смысле, кроваво. Трудно себе представить усеянную трупами русских и украинцев территорию городища, окружность которого составляла чуть более километра.

После окружения Белгородской крепости и разорения украинскими казаками Валуек, чугуевская бойня явилась самым трагическим актом в истории только что начинающих складываться отношений между двумя по истине родственными народами. Сравнить ее в этом плане можно лишь с печально знаменитой битвой российской правительственной армии с одной стороны и поляков, татар и украинского казачества под командованием Ивана Выговского с другой, под городом Конотопом в 1659 году, в ходе которой была уничтожено все русское конное войско, а потери с обеих сторон исчислялись десятками тысяч. Сегодня не ведомо, где оставшиеся в живых чугуевцы захоронили почти четыреста жителей нашего города. Скорее всего первое чугуевское городское кладбище располагалось на юго-западной напольной окраине Чугуева, примерно в районе нынешнего мясокомбината.

Неожиданностью этот бунт чугуевских казаков назвать нельзя. Конфликт между чугуевской городской администрацией в лице воеводы П. Щетинина и гетмана Я. Остряницы, судя по имеющимся фактам, вызревал несколько лет. В основе этого конфликта были две причины, носившие политический и экономический характер. Дело в том (об этом шла речь выше по тексту), что Речь Посполитая, хотя и не препятствовала силовыми методами России в ее политике колонизации земель Дикого Поля (у Польши и своих, точнее отнятых у Литвы, Белоруссии и Украины земель было предостаточно), но относилась к этому с враждебной ревностью и, как только могла, чинила препятствия этому процессу. Бегство украинского населения на российскую территорию достигло к тому времени угрожающих масштабов: густота населения польского Днепровского Левобережья составляла тогда 5 чел. на один километр квадратный. Киевщина совсем опустела. Сама по себе территория Украины, без главных товаропроизводителей – крестьян и мещан, мало что значила. Огромные землевладения польских феодальных магнатов испытывали острую потребность в дешевой рабочей силе, которая, как отмечал Еремия Вишневецкий, «вся разбежалась и показачилась». Колонизация огромного лесостепного пространства современной Слобожанщины и заселение его украинскими переселенцами напрямую «било» по экономически интересам Польши. Она стремилась любыми путями вернуть в расположение своих земель сбежавшее население. Всем участникам антипольских восстаний негласно объявлялась амнистия и предоставлялись заманчивые льготы экономического характера. Во все новосозданные Россией города польское правительство направляло своих тайных агентов с «зазывными листами». В них оно, устами украинских старост, извещало о прощении всех «грехов» беглым украинцам, в том числе и участникам антипольских восстаний, и открыто приглашало их вернуться обратно в свои села и города к оставленным в них семьям. По неподтвержденным данным такие письма, со слов Миргородского старосты Степана Гульчевского и чугуевского сотника Гаврила Розсохи, тайно получали не только рядовые казаки, но и сам гетман Остряница. В них польское правительство, за большое вознаграждение, подбивало гетмана увести запорожских казаков обратно в польские земли.

Может такие письма и были, но Остряница на них не реагировал. На то имелось несколько причин, главной из которых была даже не присяга царю, а то, весьма вольготное социальное положение Остряницы, как второго по значимости чугуевского городского чиновника. Он получал от российского

правительства большое жалование, имел прибыль от своей хозяйственной деятельности – пасеки, животноводческой фермы, рыбных промыслов, сенокосов и т.д. На него работали по найму бедные казаки и пришлые в город люди. Что не маловажно – он пользовался уважительным доверием со стороны российских властей. Это уже составляло классово-экономическую подоплеку размежевания интересов гетмана и рядового казачества.

В челобитной Белгородскому воеводе казаки сообщали, что Остряница, пользуясь своим положением, отнимал у чугуевских поселенцев «у кого сено, у кого скот, у кого пасеку… а то и рогатиной мог заколоть». Ходили слухи, что часть средств, которые выделяло Московское правительство на строительство крепости и жилья переселенцам, разворовывалось гетманом и воеводой и в положенном объеме строителям не выплачивалось. В упомянутой жалобе значилось, что многие чугуевцы «через бедность свою оружие проели, шесть башен построили, а ров рыть не в состоянии, люди без хлеба». Видимо, власть не на шутку «испортила» казацкого гетмана. Как известно, праздность жизни – мать всех пороков. Скорее всего, дали о себе знать проявленные к нему царские милости и оказанные почести, неограниченная власть и накопленные богатства. За считанные годы Яков Остряница из казацкого «авторитета» (мужественным защитником украинства его назвать нельзя), превратился в «пана», которому интересы вчерашних сообщников по борьбе за лучшую жизнь теперь стали чуждыми. Польские обещания предоставить в случае его возвращения в Польскую Украйну всевозможные житейские блага, не шли ни в какое сравнения с теми благами, которыми он владел в статусе не столько казацкого гетмана, сколько подданного российского царя. Как говорится, от добра добра не ищут. И Остряница его не искал. Он верой и правдой служил интересам Московского царства, что естественно привело к трансформации его идейных и нравственных принципов: из казацкого вожака и побратима он постепенно превращался для бывших своих соратников во властного господина, на подобие российских служилых вельмож типа Ладыженского, Щетинина и др. Украинские казаки, которых Остряница привел с собой в Чугуев, не только теряли в его лице защитника своих прав и интересов, но и обретали отошедшего от казацкой морали властелина. В конечном итоге за это предательство он и поплатился своей жизнью.

Страдали первожители нашего города и от призвола вновь назначенного воеводы П. Щетинина, который «привел всех в смущение своей жадностью». Как свидетельствуют московские документы, его за скверный характер не любили не только казаки, но и свои московские служилые люди, обвинявшие его в казнокрадстве и жестком обращении с подвластными ему людьми, которые вместо благодарностей за уже почти построенную крепость терпели от него много обид. Обстановка среди жителей Чугуева постепенно накалялась. Опасаясь черкас, городской воевода неоднократно обращался с просьбой к Московскому правительству усилить гарнизон Чугуева русскими служилыми людьми.

Восстание против правящей чугуевской администрации носило массовый характер. Если принять во внимание, что после него город покинуло около 700 человек и приплюсовать к ним еще 270 погибших во время вооруженного противосстоянии русской части чугуевского гарнизона с украинскими казаками-предателями, то получается, что Чугуев оставила вся

украинская часть его населения. Интересно, что вместе с беглецами ушел и сын Якова Остряницы, Андрей. Какие у него были до этого взамоотношения с отцом, на чьей стороне он сражался во время военного путча на улицах города, принимал ли он участие в заговоре и далее в захоронении тела гетмана, неизвестно. По одним сведениям, он ушел из города в числе последних с небольшим отрядом приближенных к нему людей. Если это так и было на самом деле, то легенда о захоронении Якова Остряницы на древнем кургане на окраине поселка Малиновки, имеет право на существование. Не бросил же сын отца среди четырех сотен трупов, которыми была завалена чугуевская крепость после завершения абсолютно бессмысленной с точки зрения автора этой книги, кровавой бойни между русскими и украинцами. По имеющимся сведениям, Андрей Остряница, по прибытию в Полтаву, от имени беглых чугуевцев возглавил казацкую делегацию, которая была отправлена в Польшу с целью выторговать у польского правительства (у гетмана Конецпольского), более выгодные льготы для своего нового жизнеустройства на польских землях. В российских архивах до настоящего времени хранятся списки чугуевских казаков – клятвоотступников: Прокопин, Матюшевский, Бут, Гавриловский, Степанов, Попов, Минаев, Остряница, Розсоха, Кирпов, Четвертаков… Не нашему поколению их судить. Не от хорошей жизни они в Чугуев попали, не от хорошей жизни они его и покинули. И все же слов благодарности эти люди (я упускаю слово казаки), несомненно заслуживают – они основали Чугуев! Да, они нарушили присягу. Да, они оставили город на произвол судьбы. Но они его всего за несколько лет выстроили «с нуля» в условиях постоянно висящей над ними опасности, ценой невероятных физических усилий и с риском для жизни.

Администрация Речи Посполитой приняла черкас, бежавших из России, амнистировала их, позволила им поселиться на ее территории и предоставила всем обещанные льготы. Вероятно, переманить последних из России и тем самым ослабить ее позиции на Поле, было важнее разрешения старых недоразумений. О том, насколько были заинтересованы польские власти в возвращении переселенцев, можно судить также по последующим событиям. После приема чугуевцев, в Речи Посполитой ожидали начала военных действий со стороны Москвы. Начали даже укреплять остроги и углублять рвы вокруг городов, расположенных вдоль границы с Россией. В Чугуеве 3 мая 1641 г. был пойман черкасский лазутчик Ерема Игнатьев, сообщивший под пыткой о готовящемся побеге черкас из Оскола и Курска. В свою очередь, русские лазутчики выяснили в разговорах с бывшими Чугуевскими жителями, что перед побегом они договаривались о совместных действиях с оскольскими и корочанскими черкасами, а теперь ожидают их к себе в Польшу. По этим вестям яблоновский воевода отправил в Корочу дополнительную сотню стрельцов и выставил заставу в Белгородском уезде. Такие меры преследовали цель перехвата черкас, которых могли направить из Речи Посполитой в Корочу для агитации украинцев к уходу из этого российского города.

Разрядный приказ предпринял ряд мер для успокоения служилых черкас, остававшихся в России после измены чугуевцев. Так, 14 мая 1641 года, он направил грамоту в Воронеж, объявляя царскую милость воронежским черкасам и гарантируя, что измена чугуевцев никак не скажется на отношении к оставшимся верным черкасам. Подобную грамоту получил курский воевода, строго выполнивший все содержавшиеся в ней предписания. Точно такая же

грамота была направлена в Валуйки. Воевода зачитал ее черкасам, которые в ответ заверили его в своей преданности и сообщили, что ничего не знают о письмах и людях, призывающих бежать за рубеж.

В связи с Чугуевской «изменой» от имени валуйских черкас атаман Василий Марков летом 1641 г. подал воеводе Федору Голенищеву-Кутузову коллективную челобитную. В ней валуйские служилые черкасы просили освободить себя от поруки по черкасам Ивану Павлову с 18 товарищами, переведенными в Валуйки из Тамбова. Челобитная была вызвана тем, что Павлов и другие холостые украинцы не строили дворов и не разбивали огородов, а значит, легко могли сбежать. Воевода удовлетворил просьбу челобитчиков, освободил их от ответственности за действия нерадивых товарищей. При этом последних поместил в тюрьму. После чего В. Марков с валуйскими черкасами подали новую челобитную. Только теперь они просили выпустить заключенных из тюрьмы и ручались за них «голова в голову».

Узнав об измене запорожских казаков в Чугуеве, московское правительство поспешно приняло решительные меры, связанные с повторным заселением города. Опустевший Чугуев мог стать легкой добычей татар. Удерживать они его конечно бы не стали, а вот разорить и сжечь могли. Поэтому из приближенных к Чугуеву русских городов Белгорода, Валуек, Воронежа и ряда более глубинных российских городов были срочно направлены отряды московских сторожевых людей – стрельцов и русских казаков. На место сбежавших с Чугуева черкасов, в город вскоре были присланы из разных мест России боярские дети, стрельцы, пушкари и русские казаки; украинским переселенцам Московское правительство больше не доверяло. Дабы успокоить «общественное мнение» в других российских городах и хоть как-то загладить свою вину в недосмотре за чугуевскими бунтарями, Московское правительство разослало грамоты всем градоначальникам, в которых вина за случившееся в Чугуеве возлагалась на воеводу П. Щетинина.

Наученные горьким опытом казацкой смуты в 1641 году, вновь присланные Московским правительством начальствующие русские чиновники ввели строгое правило для чугуевских «сведенцев»: каждый из новоприбывших должен был пройти процедуру поручительства. Это оформлялось в письменном виде в журнале «поручных записей». В Церковно – археологическом музее Киевской Духовной Академии до сих пор хранится документ об этом свидетельствующий: «…чугуевские полковые казаки поручилися, если при чугуевском новоприборном казаке по Иваше Павлове, чыне Гридине в том, что ему Ивашке за нашею порукою жить на Чугуеве и служить Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Руси казачью службу всякую вряд с своею братьею и с Чугуева не сбежати и Государю не изменить и в Крым, и в Ногаи и в Литву и в Немцы не отъехать и государева денежного и хлебного жалования, и коробина, и пороху, и свинцу несть и не пропить, и не проворовать, и в карты и зерне не играть и вином и табакомне торговать…»

Так в городе появилась семья Ивана Павловича Гридина. Фамилия Гридиных долгое время была одной из самых старых и многочисленных в Чугуеве. В народе она закрепилась в названии одной из улиц города – Гридина гора.

Повторное заселение Чугуева производилось по инициативе и под тщательным контролем как царя, так и Московского правительства. В одном из дореволюционных изданий это излагалось следующим образом: «Грамотою от 10 февраля 1641 года дано было знать, что в Чугуев послано было на службу 300 стрельцов; а грамотою от 20 февраля объявлено, что эти стрельцы посланы на год, «до зимнего пути 150 (1642) года». Грамота 9 мая 1641 года говорила, что предписано выслать в Чугуев с денежным жалованьем боярских детей, станичников и казаков из Белгорода 35, из Курска 70, из Оскола 50. К ним то, конечно, относилось убеждение грамоты 9 мая 1641 года остаться навсегда в Чугуеве. В 1642 году князь Гагарин доносил: «а всего, Государь, на Чугуеве разных служилых и жилецких людей 408 человек, а ныне многие Чугуевские служилые стрельцы и казаки разбежались». По другой его отписке 1642 года видели мы, что убежали многие из 99 детей боярских, присланных на вечноё житьё из Мценска в 1641 году. Царскими грамотами от 21 июня и 2 июля 1641 года дано знать, что в Чугуев посылаются 3 боярских детей на вечное житьё с жалованием и велено отдать им дворы «изменников Черкасс»; а в другой грамоте 1641 г. сказано, что посылаются из Мценска 100 чел.; распоряжение о них – прежнее и ещё прибавлено: «а которую рожь к нынешнему 149 г. сеяли изменники Черкассы, и ты бы ту рожь переписал и на десятинах роздал детям боярским, мценянам и всяким служилым людям». Отписка воеводы от января 1642 г. говорит, что 99 мценян, присланные в 1641 г., убежали и не отысканы. Царская грамота от 13 января 1643 г., назначая денежное вспоможение для постройки домов Чугуевским служилым людям, предписывает составить точную опись: а) всем наличным людям; б) людям, выбывшим из Чугуева, с означением времени и причины; в) всем угодьям, полям, лугам и усадьбам. Далее: «а станичников к урочищам посылал бы еси с Благовещеньева дни или ранее, смотря по весне и по тамошнему времени, и держал бы станичников в станичной службе с весны во всё лето и до больших снегов, и берегли бы на крепко, чтоб Татарове и воры черкассы к Чугуеву и к иным Украинным городам безвестно не пришли и людей не побили и в полон не поймали; а то бы еси станичникам сказал имянно, чтоб они в станице ездили и до урочище доезжали и сакмы Татарския переезжали и на Чугуев приезжали с прямыми выстьми, а не с ложными». Царская грамата от 12 апреля 1650 г., извещая о высылке денежнаго жалованья 50 станичникам Чугуевским, предписывает им «служить по прежнему указу к Борисову, к Салтовскому городищу, Изюмскою сакмою, и к Валкам вверх по Студенку, до тех урочищь доезжати».

Паралельно с заселением Чугуева, предпринимались меры по укреплению его обороноспособности. Грамотою от 4 февраля 1644 года царь извещал Чугуевского Воеводу, что в Чугуев послано 20 000 рагулек железных – самого действенного оружия от татарской конницы. Они были скрыто размещены на всех наиболее опасных подступах пригорода. Вскоре чугуевский гарнизон был укомплектован до требуемой численности. Участь вновь прибывших ратных людей была значительно легче, чем переселенцев из Украины. Их встретил только что выстроенный город – крепость с жилыми и хозяйственными строениями. Но тем не менее, многие служилые люди, как видно из царских грамот, с города все-таки продожали бежать. Поток новых переселенцев продолжался и в последующие годы. В 1647 г. в Чугуеве уже насчитывалось более 1000 одного мужского населения. Среди них: детей

боярских – 190, казаков – 300, стрельцов – 194, воротников – 6, плотников – 3, церковнослужителей – 9. Пришлые с разных концов России люди были названы «сведенцы», т.е. люди, которых свели в Чугуев с разных мест. Поменялась и вся правящая администрация города, в котором теперь постоянно присутствовал представитель Московского правительства – чиновник из Разрядного приказа. За непродолжительное время были отлажены все старые порядки, касающиеся сторожевого патрулирования приграничных с городом территорий. В 1647 году на южной окраине города были построены государственные мастерские, кружечный и гостиный двор для приезжих купцов, 5 хлебных магазинов, 3 бани, 4 церкви, дамба и водяная мельница на Донце. Вся прибыль от их деятельности поступала в царскую казну.

Как и раньше, главным требованием российских властей к чугуевцам оставалось добросовестное несение сторожевой службы и защита края, считавшегося законной собственностью российского государства. Особую опасность таили в себе татарские грабительские набеги, которые после казацкого бунта в Чугуеве значительно участились. В 1641 году чугуевский воевода князь Горчаков доносит царю: «а которые, Государь, Чугуевские жительские люди ездили для сена и дров на р. Таганку: и они, Государь, татарове тех Чугуевских людей всех поймали… а по смете тех татар на сакме человек с полтораста, а чаят Государь, тех татар от больших людей. А в походы мне за теми татары послать некого».

В следующем году тот же воевода снова доносит: «под городом с твоими Московскими стрельцами и со всякими Чугуевскими служилыми и жжилецкими людми, был бой. И Божею милостью твоим Государевым счастьем татар от города отбили, слободы жечь не дали и многих татар перебили и переранили… И татары пошли от Чугуева. И я послал за ними в поход.» Летом 1643 года чугуевцы выдержали несколько нападений татар и «воровских черкас» и благополучно их отразили. Так в июне было два нападения, а 13 июля голова, сын боярский Максим Марченко догнал татар на реке Бабке, «и разшиб на двое… – иных многих убили и отбили лошадей 40 взятых у Чугуевцев». Это были передовые отряды, которые вели за собой по Муравскому шляху 7000 человек, ворвавшихся двумя днями позже в Курский уезд. На возвратном пути, главные силы с добычей пошли на Крым, а другие, около 2000, разбившись на мелкие отряды, три раза подступали к Чугуеву и не овладев им, разорили окрестные слободы и селения. В августе этого же года Чугуевский воевода доносит: «… и на полях, Государь, татарове Твоих Государевых Чугуевских служилых людей в полон поймали и гурты консиия и животныя отогнали. И к посадам, и к слободам приступили. И у тех, Государь, служилых и всяких людей с ними, татары у посада бой был часу до седьмого…в слободы не пустили и слобод воевать не дали, многих татар побили и ранили, того же часу я, холоп твой посылал за ними в поход … дошли до татар под Салтовским городищем и татар громили и многих побили и ранили и в реке потопили… и полону 34 человека и лошадей со 100, коров 300 да животины отбили…». Но, как видно из следующего донесения, Чугуевцы понесли большой урон в людях: «твоих служилых людей большая половина лежит в больницах и у иных многих служилых людей лошадей нет, но отняли татары и черкасы». В 1644 году нападение татар повторилось, но уже в больших размерах. Отдельные шайки появились в пяти верстах от Чугуева на

селитровых варницах и захватили 16 чугуевцев. Но на этот раз большая беда миновала – татары ушли в сторону Карпова городища: «… по смете до 40 тысяч татар пришед и против Карпова городища полдневали, стояли многое время станами по степи, в шатрах и палатках, длиною возле Ворскла верст 8, а шириною на 1,5 версты». По этим данным можно судить о степени той военной опасности, которая подстерегала представителей уже русской переселенческой волны в наш город. Но постепенно, по мере довольно активного продвижения России вглубь Дикого Поля, Чугуев перемещался со степного порубежья в приграничный тыл колонизованных Москвой земель Подонцовья. Как-то весной 1647 года группа украинцев из польских земель пришла на реку Балаклея и начала заниматься там рыбным промыслом. Когда чугуевский воевода сообщил об этом Москве, на его имя была срочно отправлена грамота, в которой говорилось: «…послать на Балаклею конный отряд и сообщить, что чугуевские земли и всякие на них угодья исконно принадлежат Российскому государству и они бы с той Чугуевской земли со всяких угодий сошли в литовскую (польскую, авт.) сторону добровольно без всякого дурна. А нет – выселить невольно». Что и было «в четыре дня исполнено». А еще через несколько дней чугуевским воеводой была снаряжена группа российских казаков, которая в сопровождении представителя Разрядного приказа (очевидно специалиста в области картографии) выехала вглубь Дикого Поля и расставила «межевые вехи чугуевских угодий». Так зарождалась современная Чугуевщина. А уже за ней – и остальная Слобожанщина.

К Чугуеву были приписаны разные земли и леса по окружности к городу. С уменьшением опасности от татарских набегов, жители Чугуева, вместе с новыми переселенцами расселились на большом пространстве и основали такие села как Покровское, Поды, Лаптево, Каменная Яруга, Пятницкая, Большая Бабка, Тетлега, Кочеток, Зарожное, Введенская, Васищево, Шубино и др. С 1651 г. черкасы уже начинают населять колонизированные Россией земли более многочисленными партиями и образовывают вторую линию укрепленных городов: Змиев, Изюм, Харьков, Охтырку, Сумы и др. Теперь Чугуевцы помимо своей станичной службы имели возможность более свободно заниматься сельским хозяйством, животноводством, по указу Великого Государя ходили по 30 человек на Торские озера варить соль, занимались «Государственными пасеками». Им даже поручалось ухаживать и кормить лосей: «приказывается Чугуевцам со всяким усердием за теми зверями ходить и кормить их неотложно… чтобы те лоси к рукам были привычны». Посылали Чугуевцев и для «береженья» не только соседних, но и удаленных за десятки верст городищ Тор, Цареборисов, Валки, Харьков, Змиев. Сторожили и татарские перелазы на реке Северский Донец в районе Салтовского и Гумецкого городища. Паралельно со всем этим, чугуевцы, как военнообязанные, постепенно втягивались в зону общероссийских военных интересов. Московское правительство уже недовольствовалось тем, чтобы Чугуевские казаки сторожили только свой город и Поле. Структурно Чугуевский казачий гарнизон входил в состав Белгородского полка. В 1658 году Чугуевцы в приказном порядке впервые оставили свой город и вместе с белгородцами выступили в польский поход, принимали участие в осаде Смоленска, и во всех других полевых сражениях. Автор книги «История

Чугуевского казачьего полка» Борис Хлебников утверждает, что в этом походе у Чугуевских казаков уже имелся свой флаг. Но это уже другая история.

Теперь о судьбе крепости. На последнем этапе существования Чугуевской крепости, её фортификации значительно упростились. Согласно сведений, приведённых Филаретом, защитные стены были уже лишены обламов и представляли собой обычный заострённый кверху частокол. Потеряв своё передовое значение после строительства Изюмской засечной черты, Чугуевская крепость ещё некоторое время продолжает своё существование. Согласно с реестром крепостей 1729 года фортификация была переведена в разряд иррегулярных. Разгром Крымского ханства Россией в 1783 году привёл к полному уничтожению крепостных строений за ненадобностью. На карте города 1824 года видим лишь оставшийся крепостной ров, который в конце 18 – начале 19 века был окончательно засыпан.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Основание Чугуева, это не просто появление города на Подонцовье, это маленький, но яркий штрих в истории зараждающихся украинско-российских отношений между народами, которые в силу своей географической близости, религиозного и национального родства, были просто обречены на контакт между собой. К большому сожалению, эти контакты, в силу многих причин и разного рода обстоятельств, в свой изначальный период не носили дружественного характера. Чугуевский опыт сотрудничества русских и украинцев тоже, к сожалению, не оправдал надежд ни той, ни другой стороны и закончился кровавой драмой. Все потому, что симбиоза намерений российской стороны как государственной структуры и чаяний казаков – по случаю собранной разношерстной массы из низшего слоя, подконтрольного Речи Посполитой украинского общества, не произошло. Но даже плохой опыт полезен. Он учит.

Прошло всего десять лет после основания Чугуева и по стопам Якова Остряницы последовал казацкий гетман Богдан Хмельницкий. Уже в 1648 году он осознал, что спасение Украины в ее тесном союзе с Россией. Не с Польшей, не с Турцией, не со Швецией, а именно с Россией. Это был не простой выбор как для Хмельницкого, так и для России. Первого октября 1653 года царь Алексей Михайлович созывает в Грановитой палате «Земский собор всех чинов». Участники собора должны были дать ответ на вопрос: принимать ли гетмана со всем войском казацким под царскую руку после его обращения к царю, в котором говорилось: «Если, ваше царское величество, не сжалившись над православными христианами и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы (турецкий султан и крымский хан) подобьют нас, и мы будем чинить их волю. А с польским королем у нас не будет мира ни за что». На соборе свое мнение по этому вопросу высказывали представители всех социальных сословий русского общества, Патриарх и духовенство дали благословение. Боярская дума с думными боярами и думными дьяками ответила положительно, служилые люди (военнослужащие) обещали биться за это не щадя головы, купцы и торговые люди высказались жертвовать деньги на случай предстоящей войны с Польшей. Так было решено дело в Москве. Восьмого

января 1654 года в городе Переяславе собралась казацкая рада – высший представительный орган украинства (другого не существовало). Богдан Хмельницкий в присутствии московских послов произнес речь: «Нам нельзя больше жить без государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтобы вы избрали из четырех государей себе государя. Первый – царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй – хан Крымский; третий – король польский; четвертый – православной Великой Руси царь восточный. Турецкий хан бусурман, и сами знаете какие утеснения терпят братия наша христиане от неверных. Крымский хан – тоже бусурман. Мы по нужде свели с ним былую дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия; мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущие главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое сердце и прислал к нам ближих людей с царскою милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благотишнейшего пристанища; а буде кто с нами теперь не в совете, то куда хочет: вольная дорога». И рада закричала: «Волим под царя московского!»

Но, как оказалось, не вся казацкая элита Малой Руси согласилась с этим решением. И на этой почве началась растянувшаяся на несколько десятилетий руина, следствием которой стало разорение украинских земель и реки пролитой украинской крови. Ругал перед своей смертью Богдана Хмельницкого и Тарас Шевченко: «Якби то ти, Богдане п'яний,\ Тепер на Переяслав глянув!\ Та на замчище подивився!\Упився6! Здорово упився!\І препрославлений козачий \ Розумний батьку!... і в смердячій\ Жидівській хаті похмелився\ Або в калюжі утопився,\ В багні свинячім.\ Амінь тобі, великий муже!\Великий, славний та не дуже…\ Як бит и на світ не родився\ Або в колисці ще упився… То не кпав би я в калюжі\ Тебе преславного. Амінь.»

В настоящее время укореняется стремление рассматривать украинскую историю в отрыве от российской, от общей исторической судьбы двух народов, тесно переплетенных и взаимосвязанных на протяжении тысячелетия. Отрицается очевидное: становление украинской нации происходило в борьбе нескольких исторических тенденций, одна из которых – ориентация на Россию – победила и привела к возникновению независимого украинского государства в нынешних границах…В этих смутных условиях средневековое историческое прошлое нашего города, в определенном смысле, крайне важно современникам, с точки зрения честного и осмысленного отношения к этому вопросу. Яков Остряница был один из первых украинских политических поводырей, который всего десятью годами раньше Хмельницкого, пытался проторить путь народа своего в Россию. Может чтобы научить его своей национальной государственности? Не вышло…Чтобы о чем-то судить, следует знать историю. Иначе лучше не судить.

История – не старое платье, которое можно перешить в соответствии с веяниями моды. История – наука, объясняющая не только прошлое, но и служащая ориентиром в нынешнем бурном глобальном мире, полном угроз и новых вызовов. Сохранить и бережно восстановить исторический путь,

пройденный двумя народами вместе на протяжении тысячелетия – сегодня задача не только профессиональных историков, но и широкой, трезво мыслящей общественности двух братских народов. Автору остается надеятся, что настоящая книга, хоть в малой мере, отвечает этой благой цели.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Кривотолки

По какой-то роковой закономерности все, что касается самых важных вех в истории древнего и средневекового Чугуева, опутано некой недосказанностью и таинственным налетом сомнительности. Больше всего, до настоящего времени, существовало кривотолков о названии нашего города. Об этом уже шла речь в данной книге. Скорее всего, истоком большинства из них стала книга поручика царской армии Бориса Хлебникова «История 32-го драгунского Ее Величества Чугуевского полка», которая увидела свет в 1893 году.

В ней говорится: «В древнейших актах, касающихся Чугуева, например, в «Росписи Польским дорогам времен царя Федора Михайловича», Чугуев

именуется «Чюгуевым городищем». Корень этого слова «чюга»: само слово означает кафтан с рукавами по локоть, для путешествий и верховой езды, подпоясанный кушаком, поясом или тесмью. Чюга шилась из атласа, бархата, обьяри, бейберека, камки и сукна. Из описания «чюги», видно, что это костюм чисто восточный, схожий с нынешним одеянием киргизов, черкесов и других народов Кавказа, да и вообще востока. Носили «чюгу» и наши цари, как это видно из книги г. Строева «Выходцы царей»; тем не мение «чюга» никогда не была и не считалась русским платьем…Позже, при царе Алексее Михайловиче, «Чюгуево городище» именуется в актах просто «Чугуевом». Но и в данном случае, относительно правописания, следует признать, что название «Чугуево» также носит на себе все следы первоначального восточного происхождения. Чуг или чуга, – по-черкески, кабардински и трухменски означает «жар»; «чугуне» на тех же языках – межа». Изложенный взгляд подтверждается и результатами археологических находок, сделанных в последнее время в Чугуеве. При раскопках в нем найдены римские монеты Октавиана Августа, медные стрелы и прочие предметы тех же времен. Все это, в совокупности приведенных данных, дает основание предполагать, что еще в глубокой древности до нашествия татар и турок на юг России и Балканы, Чугуев был мирной колонией русских, которая вела некогда обширную торговлю с Грецией и Римом; но в те дни она не носила еще название «Чугуев». Впоследствии, заполнив юг России, татары с соплеменными им народами завладели этой местностью; по «чюге» – их костюму, в котором они совершали свои набеги на окраины тогдашнего Московского Государства, – и местность эта стала известна под названием «Чюгуев». Это «Чюгуево действительно приходилось тогда почти на меже Московского Государства с Царством Польским. Здесь-то во время могущества и владычества татар и было татарское поселение, передовой пост, с которого некогда наблюдали татары за движением московского войска. По свержении ига татарского и оттеснения их полчищ за пределы Московского государства и с образование православного казачества, пост этот был оставлен татарами, несмотря на продолжавшееся еще господство их в южных степях России».

Резюме: «на городі бузина, а в Києві дядько». Следует отметить, что Борис Хлебников был профессиональным военным и отнюдь не историком. В своей настойчивой попытке прояснить название нашего города, он смешал и перепутал не только временные периоды древней и средневековой истории, но и сами исторические факты исказил до абсурда. Однако это не помешало его трактованию вопроса о названии Чугуева более чем на столетие лечь в основу официально принятой версии – город получил название от татарского костюма – чюги.

Разберем все в порядке очередности. Чуга, как вид одежды, действительно существовала и до сих пор существует у многих народов, о чем уже говорилось. Не беда, что Б. Хлебников допустил неточности в характеристике ее внешнего вида. Но, стремясь увязать название этого вида одежды татар с «Чюгуевом», он не только погрешил истиной, но и исказил само ее название как одежды: ни в одном из словарей русского языка, в том числе и тех, которые уже были изданы в бытность поручика Б. Хлебникова, это слово не писалось с буквой «ю». Везде встречается только «чуга». Автор, что называется, «купился» на то, что «В древнейших актах Чугуев именуется

«Чюгуевым городищем». Все действительно так и было. Но Б. Хлебников не знал о том, что изначально название городу на Северском донце в 725 году дали переселенцы из Северного Кавказа, назвав его Чугуевом! Поразительно, но это факт – аланы назвали его в честь горы Чугуш, на отрогах которой проживали до самого своего переселения на речной мыс в Подонцовье. Видимо, оно было столь странным в своем ираноязычном произношении, что в X веке в устной интерпритации дошло до слуха древнерусских летописцев как «Чешуев». Под этим именем оно до сих пор и значится в исторических документах времен Киевской Руси. Второй раз Чугуев подвергся звуковому искажению уже историками Московского царства и стал «Чюгуевым». А если учесть еще одно его промежуточное – половецкое название «Шарукань», то наш город можно отнести к самым «несчастным» в плане перековеркивания его истинного имени. Б. Хлебников сообщает: «Позднее, при царе Алексее Михайловиче, «Чюгуево городище» именуется в актах просто «Чугуево». И такую трансформацию названия города он объясняет следующим образом: «это указывает, что к тому времени оно уже стало населенным пунктом», что выглядит крайне нелепо.

Далее, найденную на городище монету Октавиана Августа, он связывает с тем, что «еще в глубокой древности до нашествия татар на юг России и Балканы, Чугуев был мирною колониею русских, которая вела обширную торговлю с Грецией и Римом». Но Октавиан Август родился в 63 г. до н.э., а Киевская Русь, как государство возникает во второй половине 9 века. И никогда Чугуев не был ни русской колонией, ни частью древнерусского государства. И уж тем более не вел активную торговлю с Грецией и Римом. Если в древний исторический период кто-то на территории современной Украины и занимался торговлей с этими странами, так это греческие колонии в Крыму – Ольвия, Херсонес, Пантикапей и другие. Б. Хлебников утверждает, что во время господства татар на месте современного Чугуева было их «поселение, передовой пост, с которого некогда наблюдали татары за передвижением московских войск и по «чюге» – их костюму… местность эта стала известна под названием «Чюгуева». Но поручик царской армии не берет во внимание тот факт, что город «Чешуев» упоминается в древнерусских летописях еще в 10 веке, а под именем «Чугуев – Шарукань» известен с 1111 года, а «Чюгуево городище» появляется в документах Московского княжества в 14 – 15 вв. Татары же появились на территории Подонцовья только в начале 13 века. О какой «чюге» может идти речь? Да и не бродило русское войско на территории Подонцовья в период господства монголо-татар, по той простой причине, что войска не существовало, как и самой Киевской Руси. Следовательно, запущенная Б. Хлебниковым «утка», за неимением альтернативы, прижилась и по сей день здравствует. Вот как излагает этимологию слова «Чугуев» энциклопедия «Википедия»: «Город получил название от прежнего Чугуевского городища, находившегося на этом месте (возможно, названного по имени половецкого хана Чугая). Название, скорее всего, происходит от татарского слова «чуга», что означает узкий кафтан с короткими рукавами. Территория нынешнего Чугуева и называлась Чугой, что означало – тут живут люди, которые носят чугу». Узнаете «утку» Хлебникова?

Существует путаница и относительно конкретной даты основания Чугуева в первой половине 17 в. Некоторые документы московского

правительства 16 в. содержат сведения, извещающие о том, что город Чугуев был основан несколько раньше тех времен, когда на его территории появились украинские казаки Якова Остряницы, а именно – еще во времена царствования Ивана Грозного (1530 – 1584). Известный российский историк и этнограф В.В. Пасек (1880 – 1842) в своей работе «Очерки Харьковской губернии» извещает, что еще в годы правления русского царя Ивана IV на правом Берегу Северского Донца в 120 верстах от города Белгорода русскими служилыми людьми был заложен город, обнесенный земляным валом». Если бы на этом все и закончилось, то это сообщение В.В. Пасека можно было бы считать досадной ошибкой и не более того. История буквально пестрит подобного рода неточностями. Но он, в своем утверждении, посылается на «Атлас Харьковского наместничества с его топографическим описанием», увидевший свет в 1797 году и переизданный Харьковским губернским статистическим комитетом в 1902 г. под редакцией В.В. Иванова. В нем действительно имеются такие строки: «При правлении Ивана Грозного основан на правом берегу Донца в 120 верстах от города Белгорода город Чугуев». Слово в слово этот текст повторяется в справочном издании «Материалы для статистики Российской империи», вышедшем в 1839 году. Автор данной книги считает, что составители этих справочных изданий (1797–1902гг.) не затруднили себя более глубоким исследованием русских исторических источников, предметно касающихся этого события (скорее всего по причине его маловажности в контексте общероссийской истории). Из-за халатности какого-то нерадивого чиновника, который первым посеял эту историческую ложь, и которая все последующие годы механически перекочевывала из одного исторического документа в другой, и произошла вся эта путаница. Доказательством этого являются следующие строки из книги «Роспись польским дорогам Царя Феодора Ивановича». В ней говорится: «а только Государь и Великий князь Феодор Иванович всея Руси велит город поставить на Донцы на Северском, на Чугуеве городище…» (Федор Иванович (Блаженный) – сын Ивана Грозного (1577 – 1589гг.). Следовательно, документ более позднего периода свидетельствует о том, что сын Ивана Грозного всего лишь «велит город поставить». Другой источник времен царя Федора сообщает, что в ответ на царскую волю видеть город на «Чугуеве городище», каким-то неизвестным русским стратегом был составлен план построения целой линии укреплений для охраны окраин Московского государства от набегов татар, где среди прочих обозначено и Чугуевское городище (а не город). Оно в качестве городища упоминается и в «Книге глаголемой Большой Чертеж», сочиненной также в годы правления Феодора Иоановича. Из всего этого можно сделать вывод о том, что чугуевское городище было хорошо известно Московскому правительству задолго до того, как там появились казаки Якова Остряницы. А востребованным оно стало только в период российско-польского противостояния в конце 16 – начале 17 века во время соперничества России и Польши за право колонизации земель Дикого Поля. В 1596 году посланный Москвой для тщательного исследования местности Чугуевского городища («…сходить на Донец на Северский, на Чугуево городище, на другие городовые места по Донцу и другим рекам») боярин Максим Ладыженский в письме российскому царю сообщал, что «Чугуево городище пустынно и непригодно». И все же накаленность военно-политической обстановки на росийско-польском южном пограничье ускорила

действия русского правительства в плане продвижения территориальных колониальных захватов районов Подонцовья. 20 февраля 1626 г. первый государь из дома Романовых, Михаил Федерович Романов издал наказ, адресуемый белгородскому воеводе князю Григорию Тюфякину с предложением следующего содержания: «Послал бы служилых жилецких, охочих и иных людей, стрельцов и казаков на «Чугуево», земляные и деревяные крепости велел бы поделать… и тем людям роспись». Интересно, что в своей книге «История 32-го Ея Величества полка», ее автор, поручик русской армии Хлебников, ссылаясь на выше приведенный царский указ, пишет: «Вот год и день (26 февраля 1626 г., В.Л.), с которого Чугуев, а вместе с ним и Чугуевцы, безпорно могут вести свою историю». Хлебников конечно же понимал, что прописанная в указе царская воля, еще не основание считать ее датой возникновения города, который еще только предстоит построить. Скорее всего уже сам факт царского внимания к удаленному за сотни верст от Москвы крошечного правобережного речного мыса Северского Донца, был Хлебниковым удостоен чести запечатлеться в истории датой рождения маленького лесостепного городка.

Вводит в заблуждение исторического прошлого нашего города и широко известная «Книга Большому Чертежу», которая соробщает, что Чугуев, как поселение украинцев на южных границах российского государства возникло в 1627 году, т.е на второй год после царского указа. И только в книге «Экстракт о слободских полках», которая вышла в свет в 1734 году, сообщается об истинной исторической дате второго основания первого города современной Слобожанщины города Чугуева – 1638 г. В ней значится, что сооружен он был по указанию российского царя Михаила Федоровича Романова (1596 – 1645) российскими боярами Михаилом Ладыженским, Петром Щетининым и украинским казачьим гетманом Яковом Остряницей с казаками – переселенцами за казенный счет российского государства. Сведения эти важны с точки зрения правильной выработки исторической концепции очень важного вопроса – кто же на самом деле является основателем города?

В грамоте, адресованной первым чугуевцам, царь наказывал, чтобы они «стояли в крепости своей и нам служили и воров, которые начнут к ним из зазывными письмами приходить – ловить и приводить к воеводам нашим и наказным людям».

В завершение этой «прелюдии» к главной теме – самому факту основания нашего города, следует обратить внимание еще на несколько немаловажных детелей этого события. Во-первых, город Чугуев возник первым на территории современной украинской Слобожанщины. Об этом свидетельствуют обе исторические даты: 725 – год основания, 1638 – год возрождения. Появись он всего на несколько лет раньше последней даты – был бы разрушен татарами, как и Цареборисов. Во-вторых, возник на территории Московского государства и был построен стараниями его правительства. В-третьих, непосредственными строителями города стали сбежавшие в Россию украинские казаки после поражения восстания Остряницы. В-четвертых, возник как форпост в борьбе России не только против крымских татар, но и «воровских черкес», о чем до недавнего времени историки просто умалчивали.

Следующим, так и не разгаданным ребусом в истории Чугуева, является личность такой знаковой в истории нашего края фигуры как Яков Остряница.

Его биография весьма запутана: по одним сведениям, он родом из Полтавы, по другим – родился на Киевщине, по третьим – выходец из города Остра, что находится в Козелецком районе Черниговской области (отсюда и Остряница). С фамилией тоже большая путаница – Острянин, Остренин, Остряница, Остраница; с именем тоже – Яков, Яцко, и что самое поразительное – Стефан. Одни источники говорят, что он полтавский полковник, родившийся 26 апреля, вторые, что он полковник Неженский, рожденный 6 мая. Интересно, что в молодости он работал на селитровых варницах «у самых границ Дикого Поля». Такие варницы находились, судя по московским документам, недалеко от Чугуево городища. Не исключено, что будущий руководитель казацкого восстания 1638 года Яцко Остряница (или Стефан Остряница) до того, как стать гетманом Запорожской Сечи и возглавить восставние в 1638 году, потерпеть поражения под Жовнином и сбежать в Белгород, хорошо знал эту местность и именно поэтому попросил направить его с казаками на пустующее городище на Северском Донце.

Существует несколько версий относительно судьбы Острянина, не только противоречащих, но и взаимоисключающих друг другу, что вызывает определенное недоумение: речь идет о разных людях с одинаковыми фамилиями. По старинному устному преданию, разбив Потоцкого у местечка Полонного после сражения у Голтвы, Острянин заключил с ним вечный мир и удалился в Канев на богомолье, где впоследствии был схвачен вероломными поляками, доставлен в Варшаву и казнен там в 1638 г. (колесован). Кроме этого устного предания, сохранились ещё и письменные сведения о восстании Остряницы 1638 года и о последних днях его жизни. Этот материал содержится в книге «Истории Русов», написанной Георгием Конисским (1717 – 1795 гг.), епископом Русской Православной церкви в средине XVIII века.

«… по подлому своему коварству, непостоянные и вероломные, сведавши чрез шпионов своих жидов о поездке гетмана Остраницы без нарочитой стражи, <…> окружили его в Каневском монастыре ляхи многолюдною толпою войск своих. Они, перевязав весь штат гетманский и самого гетмана, всего тридцать семь человек, <…> приготовили для них в Варшаве казнь неслыханную в человечестве по лютости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придёт в голову её изобретение; а произведение в действо устрашило самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия Римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление своё в чистцу; но сии, ничего не отвечая, молились Богу по своей вере. <…> Гетман Остраница, обозный генеральный Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндич были колесованы и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и поднятые живые на сваи; есаулы полковые: Постылич, Гарун, Сутяга, Подобай, Харчевич, Чудан, Чурай и сотники: Чуприна, Околович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями стоячими к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнём; хорунжие Могилянский, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлей и

Загнибеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жёны и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполняли воздух воплями своими и рыданием, но скоро замолкли… оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решётках, под коими подкладывали уголья и раздували шапками и мётлами…»

Согласно же документам Московского правительства, Гетман Яков Остряница, бежал с поля боя в Россию, был отправлен на поселение на Чугуево городище, где после постройки города, был убит взбунтовавшимися казаками в 1641 году. Казненного поляками Остряницу звали Стефан. А «чугуевского» Остряницу – Яков.

Почти слово в слово с Георгием Конисским описание событий и казни Стефана Остряницы повторяется в книге Николая Маркевича (1804 – 1860), украинского историка, этнографа, писателя, «История Малороссии». Украинский историк и писатель П. Кулиш (1819 – 1897 гг.) считает, что это один и тот же человек. Но судя по тому, что один умер страшной смертью в Варшаве, а второй был убит в Чугуеве, речь идет о разных людях.

Достоверные ли изложенные выше факты? Судя по авторитету Георгия Конисского и Николая Маркевича, их творческому наследию, положению в обществе и моральных качествах, похоже, что да. Притом, последний, в своем повествовании о судьбе «своего» Остряницы, ссылается на «свидетельства летописца», хотя, к сожалению, не называет название летописи. Но зато он четко извещает, что поляками колесован был именно Стефан Остряница, а не Яков Остряница. Если это действительно так, то из всех возможных версий этой запутанной истории, самой правдоподобной является одна: каким-то невероятным образом на начальном этапе восстания его возглавлял Стефан Остряница, погибший в Варшаве, а после его смерти восстание продолжил его однофамилец Яков Остряница. И это не только версия автора настоящей книги.

Историк-исследователь этой головоломки А. Капустин выдвигает довольно смелое предположение: «Кто такой был гетман Яцко или Яков, Остренин? Нет сомнения, что московский Остренин есть то же, что казацкий Остряница. Однако нельзя признать гетмана Якова Остренина за одно лицо с знаменитым гетманом Остряницею, которого, по словам Конисского, зверски погубили ляхи в 1638 году:

а) Казацкий гетман, герой Остряница, назывался Стефаном, а наш Остренин постоянно называется Яковом;

б) Чугуевские черкасы прямо говорили своему гетману Остренину: «а в Гетмана тебе не выбирали в Литве, пожаловал де тебя Гетманом Государь Царь». Между тем несомненно, что Стефан Остряница избран был в гетманы самыми казаками;

в) наконец, нет причин не доверять Конисскому в том, что ляхи предали страшной смерти гетмана Стефана Остряницу в 1638 году».

Летописец о войнах Хмельницкого говорит: «присягу зломивши, Остряницю и Гуню убили в Варшаве, а Киримла сотника Киевского с сыном его на пали взбили и многих знатных четвертовали, а многих на гаках (на крючках) вешали». То же говорит и историк Ригельман.

Таким образом, можно предположить, что гетман Яцко Остренин был однофамильцем или родственником, может быть и братом, знаменитого героя-страдальца Остряницы и очень вероятно, что благочестивый царь, преимущественно из уважения к страдальческой смерти и заслугам гетмана Стефана Остряницы, почтил Якова Остренина, или Остряницу, званием «Гетмана войска Запорожского».

Прямых доказательств этой гипотезы конечно же не существует, но косвенных столько, что просто так от них не отмахнуться. И вопрос не только в путанице с местом и датой рождения, именем и фамилией. Обращает на себя внимание доброе и доверчивое отношение к «московскому» Якову Остряниц со стороны российского царя и правительства. С чего бы им вдруг взять и сделать ставку в таком дорогостоящем проекте как колонизация земель Подонцовья на человека (Остряницу), который за несколько лет до своего бегства в Россию, был ее злейшем врагом, и по приказу Польши разорял ее земли, пытался взять штурмом Белгород? Откуда к нему такое доверие и уверенность в непогрешимости гетмана со стороны Москвы, даже после того, как на него «посыпались» жалобы чугуевских первожителей? Может быть это действительно был другой Остряница? Обращает на себя внимание и содержащийся в Московском архиве документ, в котором Остряница выглядит в глазах чугуевцев как самозванец. После того как гетман спросил у взбунтовавшихся по причине отсутствия посевного материала, почему, мол, не спросили его дозволения жаловаться царю по этому поводу, «Черкасы всем миром закричали на Гетмана с большим шумом: «Ты нас завёл в Чугуев, а мы пришли за тобою, а в Гетмана тебе в Литве не выбирали, пожаловал тебе Гетманом Государь Царь».

Помочь разгадать эту головолому могли бы документы польских исторических архивов тех времен: производился ли акт «колесования» Стефана Остряницы в Варшаве в 1638 г. или нет? Может кто-то когда-то и докопается до истины.

А пока что нам никто не запрещает восхищаться «польским» Остряницей как мужественным человеком, отдавшим жизнь за Украину, и благодарить «московского» Остряницу, основавшего Чугуев и погибшего за него.

2. Археологические объекты г. Чугуева

1. Городище многослойное Салтово – Маяцкой культуры и казацких времен (VIII – X вв. н.э., XVII – XVIII вв. н.э.).

2. Селище Чугуевское – 1 Салтово – Маяцкой культуры и казацких времен (VII – VIII вв. н.э., XVII – XVIII вв. н.э.).

3. Селище многослойное Зачуговка, Салтово – Маяцкой культуры и казацких времен (VIII – X вв.н.э., XVII – XVIII вв. н.э).

4. Селище многослойное Чугуевское – 2 Салтово – Маяцкой культуры и казацких времен, (VIII – X вв. н.э., XVII – XVIII вв. н.э.).

5. Селище многослойное Преображенское, Салтово – Маяцкой культуры и казацких времен (VIII – X вв. н. э., XVII – XVIII вв. н.э.).

6. Селище Чугуевское – 3 Салтово – маяцкой культуры (VIII – X вв. н. э.).

7. Селище Гремячее Пеньковской культуры (V – VII вв. н.э.).

8. Селище Клугино–Башкировское – 1 Салтово – Маяцкой культуры (VIII – X вв. н. э.).

9. Селище Клугино–Башкировское – 2 Салтово – Маяцкой культуры (VIII – X вв. н. э.).

10. Селище Клугино–Башкировское – 3 Салтово – Маяцкой культуры (эпохи бронзы и Салтово – Маяцкой культуры (VIII – X вв. н. э.).

11. Селище г. Чугуев ул. Фрунзе (эпохи бронзы).

12. Селище г. Чугуев ул. Чапаева Бронзовой эпохи, Черняховской Культуры, казацких времен (III – V вв. н.э., XVII – XVIII вв. н.э.).

3. «Роспись польским дорогам времен царя Феодора Ивановича»

«От Ливен Муравскою дорогою, которою ходит Крымский царь до Изюмской дороги и до верх Семи проезду пол три дня, а Изюмская дорога пошла от верх Семи на лево меж Оскола и Донца.

А от Муравской дороги до Донца и до Чугуева городища езду пол 2 дни…

А только Государь Царь и Великий князь Федор Иванович всея Руси велит город поставить на Донце на Северском, на Чугуеве городище, а от Чугуева городища вверх по Донцу до речки до Тетлеги чистого места версты три.

А от судовые пристани что на Донце на Северском усть речки Везеницы ехати в судех на низ Донцом до Чугуева городища судном 4 дни, а от Чугуева городища до раздоров Донецких езду три недели, а от Раздоров Донецких до Азова – езду 4 дни, и назад от Азова вверх ехать до раздоров Донецких6 день, а от Раздоров Донецких до Чугуева городища вверх ехать пять недель, а от Чугуева Городища до судовые пристани до усть речки Везеницы вверх ехать судом 6 день».

4. Указ Михаила Федоровича об устройстве на Чугуево городище гетмана Яцка Остренина и Черкас в 1638 году

«Марта 11 дня по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси Указу память дьякам: думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову. В прошлом 1637 году приехал в Белгород на государское имя на вечную службу Запарожского войска гетман Яцка Остренин с сыном да с гетманом же приехали на государское имя на вечную службу Запарожского войска гетман и сотники и пятидесятники и десятники и рядовые черкасы что они в литовской стороне держали православную хрестьянскую веру и поляки де и папежане хотя их в неволю в папежскую веру учели их и жон их и детей побивать, и многие их братья и жены их и дети и всякие их родимцы побиты и они гетман и черкасы от того смертного убойства и не хотя быть в папежской

вере с женами и детьми пришли в Государеву сторону и Государь бы их пожаловал, велел бы им быть в своей государской державе в Московском государстве и пожаловал бы государь, велел их устроить на вечное житье на полк на Муравском шляху на Северском Донце на Чугуеве городище и государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси Запорожского войска гетмана и сотников и пятидесятников и рядовых черкас для хрестьянские веры пожаловал велел их принять под свою Государеву державу в Московское Государство, и пожаловал и велел их по челобитию устроить на Чугуеве на вечное житье, и по Государеву указу Запорожского войска гетман и сотники и пятидесятники и десятники и рядовые черкасы из Белгорода на Чугуев отпущены, а с ними для строения по Государскому указу послан Максим Ладыженский, а по Государеву Указу велено в Чугуеве всяким строеньям ведать в Белгороде стольнику и воеводе Кн. П. Пожарскому и в нынешнем 147 году Февраля в 21 день писал к Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси из Белгорода Кн. Пожарский, что по Государеву Указу на Чугуеве Максим Ладыженский острог ставит и Запорожские черкасы на Чугуеве дворами строятся и били челом Государю Запаорожского войска Гетман Яцко Остренин и сотники и пятидесятники и десятники и рядовые черкасы, что им на Чугуеве под дворы и под огороды места розданы а землями и сенные покосы и всякими угодьи они не устроены и Государь бы их пожаловал велел их землю и сенные покосы на Чугуеве устроить и Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Руси указал на Чугев послать свой Государев Указ из Поместного Приказу к Максиму Ладыженскому и велел на Чугуеве подгородние и дальние земли и сенные покосы и рыбник ловли и леса и бортные ухожья и перевесы и всякие угожья описать и земли пригородные и дальние измерить и рассмотреть которым землям и всяким угодьям быть к Чугуеву и которым землям всяким угодьям быть к Белгороду а для знатья всяких земель и всяких угодий указал Государь быть с Максимом Ладыженским тем за которыми на Чугуеве и около Чугуева были земли и всякие угодья в дачах и на оброке, а написав на Чугуеве земли и всякие угодья и сыскав прооброчные места подлинно указал Государь дати на пашню земель гетману 120 ч., сыну его 40 ч., войсковому есаулу 50ч., войсковому дьячку 40 ч., сотникам 10 чел. по 35 ч., пятидесятникам по 30 ч., десятникам 102 чел. по 25 ч., рядовым 8887 чел. по 20ч., белорусским попам 2 чел. по 30ч., детям боярским кормовым которых по Государеву Указу велено устроить на Чугуеве на житье 12 чел., по 25 четь и в поле а…. потому ж а для того дела Государь с Москвы послать к Максиму Ладыженскому приправочный список с белгородских писсовых с и соброшных со всех книг и по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Руси Указу дьякам думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Андрею Строеву велеть на Чугуево к Максиму Ладыженскому Государев Указ послать и велети да подьячему которого и с поместного приказу пошлют всякие земли подгородные и ддальше и сенные покосы рыбные ловли и леса и бортные ухожья и перечесы и всякие угодья описати и рассмотрети которым землям и всяким угодьям бытии к Чугуеву и которым землям и всяким угодьям бытии в Белгороду и меж белгородских и чугуевских земель велети межники учинить чтоб впред было вечно и стоятельно и велети гетману и всему запорожскому войску Государевы жалованные земли и к землям леса и сенные покосы и всякие угодья раздати

против Государева Указа тот час ныне ж по весне рано чтоб гетману и всему запоржскому войску нынешние весны на указанных своих землях хлеб посеять во время не испустя поры да с Максимом жже с Ладыженским велети на Чугуеве для знатья всяких земель бытии и белгородцом за которыми на Чугуеве и около Чугуево земли и всякие угодья в дачах и на оброке были а что Максим Ладыженский и подьячей на Чугуеве гетманом и сотникам и пятидесятникам идесятникам и рядовым черкасам и белорусским попам и детям боярским земель и сенных покосов и всяких угодий из дикого поля из дач белгородцекв и что у кого у белгородцев каких земель и всяких угодий из дач отойдет к чугуеву и которым лесам и речным ловлям бытии на оброке и за кем и что с которово обрачново места Государю в казну оброку платить и Максиму Ладыженскому и подьячему то все велети написать в книги подлинно по статьям и с теми книгами Максиму Ладыженскому и подьячему ехать к Москве а другие ж таковы же книги велеть отдать на Чугуеве воеводе заруками».

5. Челобитная чугуевских черкас 1639 года

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьют челом холопы твои Чугуевские переезжие черкасы гетман Яцко Остренин и сотники и пятидесятники и десятники и мещане всем миром. В нынешнем Государь во 147 г. прислан на Чугуев твой Государев Указ ис поместново Приказу к писцам к Максиму Алексеевичу Ладыженскому по подьячему к Михаилу Ключареву, а велено Государь нас холопей твоих на Чугуеве устроить землями и сенными покосы и всякими угодьи против твоего Государева Указа и четвертных дач по сколку кому четвертей ты Государь укажешь. А как Государь приехал по твоему Государеву Указу Твой Государев Воевода Кн. Петр Иванович Щетинин на Чугуев, и он Государь нам холопам твоим указал тот час про твою Государскую милость про семенной хлеб, про овес. И писцы Максим Ладыженский да подьячий Михайло Ключарев нас холопей Твоих по Твоему Государеву Указу устроили землями и сенные покосы и всякими угодьи и мы холопы твои обнадежились на Твою Государскую милость землю род овес попахали и семян государь овсяных нет и земли обсеменить нечем и мы холопы твои на Чугуеве пришли бить челом твоему Государеву воеводе Кн. П.Н. Щетинину и твой Государь воевода писал в Белгород к твоему Государеву стольнику и воеводе к Кн. Петру дм. Пожарскому в рознех числех трожды апреля 28, Мая 3, и Мая 6-го и твой Государев стольник и воевода Кн. П.Д.Пожарский твоего Государева жалованья семенного овса не прислал Мая 17-го числа на Чугуев, а испустя Государь семенную пору как уже минула семенная пора писал из Белгорода и Твоему Государеву воеводе ко Кн. П.И. Щетинину мимо Твоего Государева Указу, чтобы мы холопи твои люди бедные и до конца разоренные, безлошадные голодною смертью помираем с матерьми своими и з женами, и з детьми; на то мы холопи надеялись на Твою Государеву милость чтоб завести хлеб а у которых у нас у немногих холопей твоих остались лошади приели и Твоей Государевой службы служить нененачом; иной з бедности лошадь проедает а иные лошади и сьели а иные многие траву ели в из тое травы и от украинной болезни от цынги много нас померло а у иных Государь что

остальные пищали остались и те Государь за своею бедностью проели а как Государь мы холопи Твои по Твоему Государеву Указу землю под яровой хлеб попахали чая Твоего Государева жалованья дароваго хлеба многие закладывая последния свои, а у кого у нас у холопий Твоих у немногих осталось животины и ту Государь распродали, - наимывали земли свои пахать, что ты Государь нас холопей твоих пожаловал землю… ярового хлеба из Белгорода воевода Кн. П.Д. Пожарский нам холопем Твоим на Чугуев не прислал и мы Государь холопы твои нестерпя нужды своей и голоду хотели Государь поимав свои жены и дети по твоим Государь городам где души своя пропитать до Твоего Указу и Твой Государь Воевода Князь П.И. Щетинин нам холопам твоим всем говорил словесно чтоб мы холопы твои на Твою Государеву милость были надежны во всяких наших нуждах а Твоего Государь города не покинуть и мы Государь холопы твои обнадежась на твою Государеву милость до твоего государь указу служим и нужи терпим, а нас Государь холопей твоих службишка на Чугуеве есть: мы холопи твои острог и шесть башен поставили не ссилим и ров копать за тем, что мы люди безхлебные взяв твое Государь денежное и хлебное жалованье, хлеба купив, твое Государь дело делали – город а что Государь мы холопы твои по твоему Государскому Указу город поставили и ты Государь нас холопей твоих пожаловал нас пушками и пушечной казной и пороховою и свинцом и тех Государь пушек 5 больших из Белгорода твой Государев стольник и воевода Кн. П.Д. Пожарский нам на Чугуев не дал; пушек и пороховой казны немного и и вестовой пушки нет а что в прошлом Государь в 146 году дана нам из Белгорода вестовая пушка и та Государь пушка дирява стрелячь не мочно, у нас же Государь холопей твих наряда нет и в поход ходить несчим да мы ж Государь холопи твои устроились дворами и огороды по Твоему Государь Указу все; милосердный Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Руси пожалуй нас холопей твоих хлебом и солью пушками и пушечною казною и всякими пушечными запасы, литаврами и барабаны и знаменны а Государь в яровом хлебе что ты Государь нас холопей своих пожаловал велел нам дать и на семена и Твой Государев стольник и Воевода Князь П.Д. Пожарский твоего Государева Указу не послушал и на Чугуево хлеба не прислал что ты Государь укажешь как теперь праведному Государю об нас Бог известит чтоб мы холопи твои на твоей Государеве службе на Чугуеве с матерьми своими и з женами и з детьми в конец не погибли и голодн ою смертью не померли и впредь с твоей Государевой службы не отбыли и вели Государь нам холпем своим дать на свой государев город пушек и пищалей и зелья и всяких пушечных запасов и хлеба чтобы нам холопем твоим в приход воинских людей и осадное время сидеть бесстрашно. Царь Государь смилуйся».

6. «О прибытии Остряницы в Чугуев…и о печальной кончине Остряницы, убитого в Чугуеве возмутившимися товарищами его» (выдержки)

1. Г. князю Петру Ивановичу. В нынешнем 147 (1639) году июня 8-го писал ко мне из Курска Стольник и Воевода Иван Бутурлин: июня 3-го дня писал к нему из Рыльска Воевода Иван Олферов, прибегли в Рыльск Рыляне, посадские люди, из Литовских городов и сказали, что в Литовских городах

Поляки и Черкасы многие люди в сборе и приходить де им под Чугуев и под иные Государевы города, где черкасы живут.

2. Г. князю Петру Ивановичу. Тимофей Бутурлин. В нынешнем 147 (1639) году июня 15-го прислана, Господине, ко мне в Яблонов Государева грамота за приписью Дьяка Григория Ларионова, а в Государевой грамоте писано: писал из Белгорода Князь Пётр Пожарский к Государю на Москву, а к нему писал с Чугуева Максим Ладыженский, что февраля 14-го приехали на Чугуев с Литовской стороны, из Миргорода, Сенька Сергеев с торгом, а в допросе сказал, что в Литовских Украинских городах в сборе Гусар 2 000 человек да 4 000 немцев, а хотят идти те Гусары и Немцы к Чугуеву, чтоб Чугуев разорить, Гетмана и Казаков побить. Да апреля 26-го писал из Белгорода к Государю на Москву князь Пётр Пожарский, а к нему, Князю Петру, писал с Чугуева Максим Ладыженский, что апреля 13-го пришли на Чугуев из Литовской стороны, из города Плотавы Чугуевские черкасы, Афонька Гладченко да Фомка Омельянов, и сказали: как де они пошли из Литовского городка Плотавы и, будучи на реке Мерчике, и сними встретилися черкассы Андрюшка с Луцкова посеченный и сказал, встретился с ними Литовский Полковник Ворона, а с ним Черкас 400 человек, а тот Полковник Поляк с немногими людьми ходит подзирать под Чугуев; да он же слышал в Плотаве от Литовских людей в разговоре, – хотят де мирное постановление нарушить, а Остренина и Рассоху с товарищами на Чугуеве доступить; а по Украинским городкам всяких людей в сборе много, а хотят де однолично приходить в Чугуев, чтоб разорить, а Потоцкой в Украинном городке и с ним Ляхов тысячи две. И по Государеву Цареву указу, велено мне про Литовских людей проведывать, чтоб безвестно к Чугуеву не пришли, а будет ведано мне учинится, что Литовские люди пойдут к Чугуеву для разорения и по Государеву указу велено мне Литовским людям послать нарочно боярского сына доброго, кого пригоже, велено говорить, чтобы они мирного постановления не нарушали и в Государеву землю, к Чугуеву, не ходили. А будут упрямиться мимо вечного докончанья и крестного целованья, и по Государеву указу велено мне и всех Польских городов Воеводам над ними промышлять» и прочее.

3. Чугуевский воевода князь Пётр Иванович Щетинин доносит царю, что по царской грамоте, от 11-го марта 1640 года, прислано в Чугуев с гетманом Яцкою Остреиным 584 рубля жалованья для раздачи черкасам, вышедшим вместе с Остреиным, и деньги розданы. Он же доносит царю, что грамотой от 31-го января 1640 года велено «черкасов атамана Михаила Карпова» и его товарищей 40 человек, пришедших из Азова в Чугуев, устроить на вечное житье в Чугуеве и разделить им посланные из Москвы 549 рублей. В третьем донесении пишет, что в сем 1640 году «в разных месяцах и числах вышли из Литовской стороны на Московское государство разных городов черкассы Петрушка Васильев с товарищами 40 человек» и просят дозволения жить и служить в Чугуеве. По приложенному именному списку выходцев видно, что большая часть их холостые, и что иных из них родственники уже жили в Чугуеве, перейдя сюда вместе с Остреиным. Орловский воевода Иван Исленьев извещает Чугуевского воеводу, что по царской грамоте от 13 июля

1640 года он, выдав 8 рублей, отправляет к нему «черкашенина Яромку Юровкина с женою и детьми».

4. Воевода князь Пётр Щетинин доносит царю: 148 (1640) года июня 23 прислана ко мне, холопу твоему, на Чугуев твоя, Государева, грамота из Розряда за приписью Дьяка Григория Леонтьева, – велено Гетману Яцьке Остренину и сотникам и пятидесятникам и всем черкасам и Русским людям в Съезжей избе против твоей, Государевой, грамоты сказать вслух, что из Жигимонтова городка Станислав Гульчевский (По спискам 1644 года Станислав Гульчевский – начальник Миргорода) писал на Яцка Остренина, будто хочет тебе, Великому Государю, изменить, людей побить и перейти в Литву и ты, Великий Государь, такому сорному затейливому письму не поверил, и чтоб они, Гетман и сотники и пятидесятники и черкасы, на твоё Государево жалованье были надежны и на Чугуеве на вечное житьё строились без всякого сомнения и тебе, Великому Государю, служили, над Татарами, буде в твоё Государство пойдут, промышляли на сакмах и перелазах, и на всяких местах, и твоё бы государство от Татарской войны оберегали, чтоб Татар в Русь не пропустить, в Литву не ходить и Литовских людей не перезывать, чтоб в том ссоры никакой не было. И по твоему Государеву указу, Гетмана Яцка Остренина и сотников и пятидесятников и всех Черкасов и Русских людей призывал я к Съезжей избе, против твоего Государевого указа сказал всем» и прочее.«Да он же, Гетман Яцко Остренин, говорил предо мною, что он, Яцко, в Литву ничего не писывал и тебе, Государю, изменить не хочет, а пришёл к тебе, праведному Государю, на вечную службу, из Литвы, хотя бы не ведомо что на него писали, хотя тебя, Государя, привести на гневе и его от тебя, Государя, в опале видеть, только бы они были в Литве и они бы все переварены были от Ляхов в котлах; а хотя де будет у иной братьи на мысли что ни есть, и я де тому не сердцевидец, всякая мысль грудью закрыта, только у него нет никакие мысли изменить тебе, Государю.

5. Он же, князь Щетинин, доносит царю, что по царскому указу велено свободно отпускать черкасов на Дон и в Азов, кто только ни похочет, только доносить Царю, сколько и кто отправились туда и что в следствии сего «25 июня в нынешнем 148 (1640) году и в прошлом 147 (1639) году ушли на Дон до 135 человек Черкасов, в том числе сотник Степан Степанов, пятидесятник Пётр Сулея и атаман Михаил Карпов, другие побиты были Татарами и Литовскими ворами на пасеках, на рыбной и звериной ловлях, так что всего выбыло из Чугуева до 170 человек».

6. В августе 1640 года, пишет он же к царю, гетман Остренин доставил ему челобитную, а священники соборные – Михаил и Парфений, приходские – Николаевский Леонтий и Николаевский же Пётр объявили ему, что августа 24 призывали их Чугуевские черкасы, сотник Гавриил Разсоха с товарищами, чтобы они вместо их и гетмана приложили руки к челобитной, но они не приложили, потому что «Гетман Остренин вместо него руки

прикладывать не велел». Воевода прибавляет, что челобитная и разспросные речи священников препровождаются к царю.

7. Он же доносит царю, что:

а) По опасностям времени, он посылает каждую ночь стрельцов и сведенцев на стражу по острогу и городу, да по 100 человек черкасов по острогу и сам ходит ночью дозором; но русские первые все стали против сего и говорят, что такого числа людей и под таким надзором не посылают на стражу в русских городах. Следуя примеру русских, черкасы сотники Гавриил Разсоха и Онуфрий Попов также приходили к нему с ропотом на такие его распоряжения.

б) Августа 25 гетман Яков Остренин донёс воеводе, что сотники Разсоха и Попов вместе с другими выбрали челобитчиком черкашенина Андрея Божка и посылают его в Москву. Воевода приказывал, чтобы черкасы собрались к нему, но явились только сотники Разсоха и Попов. На вопрос – почему не явился Андрей Божко? отвечали: он послан в Москву. Почему послали его без отписки воеводы? От того, сказали, что не имеют нужды в отписке воеводы.

в) Гетман того же числа просил воеводу – спросить сотников Разсоху и Попова, почему они укоряли его, гетмана, в измене? Призванные сотники показали, что от Белгородского воеводы Замятни Леонтьева чрез Чугуевского черкашенина пришла весть, что государь скоро возвратит черкасов в Литву и по Чугуеву ходит слух, что царь то разошлёт черкасов по городам, то отправит их в Литву. Белгородский воевода в отписке своей от 28 августа писал, что он ни слов об отправлении черкасов в Литву не говорил никому и никогда, ни указанного черкашенина не видал. После того гетман просил дозволения жаловаться царю на сотника Разсоху с товарищами. Но «Черкасы всем миром закричали на Гетмана с большим шумом: челом бьём тебе, Государю, ты нас завёл в Чугуев, а мы пришли за тобою, а в Гетмана тебе в Литве не выбирали, пожаловал тебе Гетманом Государь Царь».

8. В начале сентября воевода писал к царю, что 30 августа 1640 года писал к нему из Литовского города Станислав Гульчевский о возвращении к нему трёх детей, взятых черкасами, когда переходили они с Остреним в Чугуев, и что дети действительно нашлись в Чугуеве. Вместе с тем доносит, что в Чугуев приезжают многие из Литвы, то как родственники поселившихся здесь черкасов, то под видом торговли, хотя иные привозят товару на какой-нибудь рубль, или с одним возом являются два и три человека, и что эти люди возбуждают против себя подозрение – не являются ли они «для лазутчества». Воевода спрашивает наставлений.

9. В половине сентября воевода жаловался царю на непослушание, будто бы оказанное ему чугуевцами. Именно, 11 сентября получены были вести, что татары на Изюмской сакме; а одна черкашенка показывала, что будто видела она в лесу, в 3-х верстах от Чугуева, татарин ведёт связанного белорусца. По приказанию воеводы, черкасы немедленно осмотрели лес, но не нашли даже и следа татарского. Воевода приказал потом осмотреть черкасам и русским Изюмскую сакму, но на этот поиск "Чугуевские Черкасы и Русские люди" не

пошли; отправились только 24 человека, в том числе 4 сотника: Демьян Бут, Онуфрий Попов, Богдан Матюшенский и Гавриил Гавронский. Эти люди не нашли татар на том месте, где указывали видевшие их прежде того, и возвратились в Чугуев. Воевода ещё пишет, что, по известию черкашенки об одном татарине, он велел выпалить в вестовую пушку, но так как очень скоро после залпа положили в неё порох, то он загорелся и поднял на воздух крышу башни и убил пушкаря.

10. Донесение его же к царю: «В нынешнем 149 году сентября 24 в другом часу ночи, пришёл ко мне Чугуевских черкасов Есаул Прокопка и сказал: ходил он ночной сторожи по караулам расставливать и послышал, плачет жонка, Сотника Гаврилы Разсохи сноха, жена сына его, Никиты, Меланья Фёдорова»; спрошенная Есаулом, она сказала, что свекровь её, Сотник Разсоха, с женою и детьми и с её мужем уехали из дома, сказав, что едут на пасеку, а между тем по 23 число их нет ещё в доме. То же самое объявила она и самому Воеводе. Воевода «послал на пасеку пятидесятников литовских 3-х человек, да 5 человек черкас и Русских людей». Посланные 25 сентября донесли, что «Разсохи нет на пасеке и с животиною, а сакма пошла к Литовскому рубежу, сакма не малая, чают, что по ней Литвы подъезжали; в ту ночь, как он Разсоха, побежал, у Черкас покрадены у многих людей лошади». Воевода послал в дом Разсохи, чтобы узнать, что осталось там? Оказался один сундук замкнутый; когда открыли его пред Воеводою, увидели – «в сундуке положены рогожи да каменья». Воевода говорил Черкасам, что они сами по своей воле пришли из Литвы, дали присягу служить Государю, «а ныне и начальные люди начали бегать». Сотники и Черкасы сказаи: «кто де ворует и бегает в Литву, мы того не ведаем; а есть де меж нами молва, что будет развод по городам и в Литву отдача и кто де у нас смышленные люди, и мы тому не верим». Далее пишет Воевода, что у него всех Русских – 190 казаков и 70 стрельцов; на Черкасов он более не надеется, почему «без прибавки Русских людей на Чугуеве быть не мочно». Наконец пишет: «да у Разсохи, Государь, нашли два листа в письмах, и я послал их к тебе, а чают таких листов и у многих Чугуевских черкасов».

11. В сентябре воевода извещал царя, что в то время, как у «Чугуевских Черкасов учинилось битье, многие роды пропали безвестно с Чугуева, (но поименованы только четыре семьи) и что иные оставили в домах даже свои пожитки, коров, пчел и домашнюю рухлядь».

12. «От Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея России, на Чугуево Воеводе Григорию Ивановичу Коеореву: Пожаловали есмя Запорожского войска Гетмана Яцка Остренина, велели ему на Чугуев из наших житниц дати нашего жалованья на семена 10 четвертей овса, а в таможенную меру… пис. на Москве, лета 7149 (1641) января 31 числа».

13. Царская грамота от 20 апреля 1641 года к воеводе Григорию Кокореву: «Писал еси к нам февраля 3, сказывал тебе Чугевский черкасский пятидесятник Федосько Дмитриев: февраля 1 приходил к ним, черкасам, в сотню черкашенина Матюшка Сапожника Татарченок Юрка и сказывал им, что

Черкашенин Матюшка хочет бежать за рубеж, а его, Юрку, емлет с собою». Юрий подтвердил тоже и Воеводе: «Черкашане сотники и пятидесятники» объявили, что «Матюшка вор и чают его быти всякого дурна». Царь предписывает допросить беглеца под пыткою: «для чего он с Чугуева в Литовскую сторону хочет бежать? и кого с собою подговаривал? И собою ли хочет бежать? или по чьему подговору? И с ним Чугуевские черкаские люди бежать хотели ль»?

14. Царская грамота от 9 мая 1641 года предписывает воеводе Кокореву – отдать московским стрельцам, которые изъявят желание навсегда остаться в Чугуеве, «изменничьи Черкаские дворы в меньшем остроге со всякими пожитки» и объявить при том, что им назначено будет денежное жалованье и отведена будет земля, земля же там», объяснить им, «добрая, хлебородная, с рыбными ловлями и всякими угодьи».

15. В 1642 году воевода, князь Василий Андреевич Гагарин, донося о состоянии Чугуевской крепости, писал: «да острогу, Государь, во многих местах высекли черкасы, как тебе Государю изменили, пошли с Чугуева». И он же в другом донесении писал, что в августе 1641 года присланы были из Мценска в Чугуев на вечное житьё 99 детей боярских, а в октябре того же года многие из них бежали и по январь 1642 года ещё не явились.

16. Наконец известно, что царская грамота в Воронеж с извещением об удалении Черкасов из Чугуева писана 14 мая 1641 года и в ней Царь писал: «в прошлом 146 (1638) году пришёл в наше Московское государство из Литовской стороны Гетман Яцко Остренин, а с ним сотники и рядовые Черкасы»… рассказав о бесчеловечных жестокостях, какими мучат Православных Ляхи, они просили: «для крестьянской веры от погубленья избавить и устроить их на вечное житьё на Чугуево городище, … а город и острог поставят сами… Нашим царским жалованьем на Чугуеве Черкаские сотники, пятидесятники и десятники и рядовые черкасы, все были пожалованы денежным и хлебным жалованьем и устроены были землями и сенными покосы и всякими угодьи». Сказав же, что Чугуевские черкасы, «убив Гетмана своего, побежали за рубеж», предписывает Воронежскому Воеводе: «а к Черкасам (Воронежским) держал бы береженье и ласку, чтоб Черкасов от жесточи в сомненье не ввесть».

По всем этим документам видим следующее:

а) Нестерпимые лютости ляхов, принуждавших православных принимать унию, вынудили Черкасов в 1638 году перейти на Чугуево городище, где они и построили город с крепостью. Сколько их перешло в Чугуев – не видно. Но видно, что Остренин привёл с собою несколько сот человек, если не несколько тысяч. С ним были сотники: Розсоха, Попов, Степанов, Бут, Матюшенский, Гавронский, Карпов, есаул Прокопий. После пришли к ним ещё партии Черкасов и между прочим Яромко Юровкин, едва ли не отец знаменитого полковника Григория Ерофеевича Донца. Царь с радостью принял и успокоил невинных страдальцев. Судьба мучеников унии лежала на сердце доброго царя. Ещё в 1625 году он приказывал доставлять ему подробные сведения об утеснениях черкасов и православия.

б) Кто такой был гетман Яцко или Яков, Остренин? Нет сомнения, что московский Остренин есть то же, что казацкий Остряница. Однако, нельзя признать гетмана Якова Остренина за одно лицо с знаменитым гетманом Остряницею, которого, по словам Конисского, зверски погубили ляхи в 1638 году: - Казацкий гетман, герой Остряница, назывался Стефаном, а наш Остренин постоянно называется Яковом; - Чугуевские черкасы прямо говорили своему гетману Остренину: «а в Гетмана тебе не выбирали в Литве, пожаловал Гетманом Государь Царь». Между тем несомненно, что Стефан Остряница избран был в гетманы самыми казаками; - наконец, нет причин не доверять Конисскому в том, что ляхи предали страшной смерти гетмана Стефана Остряницу в 1638 году.

в) В апреле 1638 года Московские послы говорили панам в Варшаве: «лутче, чтоб Королевское Величество казаков Запорожских дал на службу Царскому Величеству, а он им жалованье своё давать хочет, как и прежние Государи за службы их давали». Паны не дали никакого ответа на то. 6 декабря 1638 года Брацлавский воевода писал к Краковскому кастеляну: «Много раз писал я к Вам, милостивый государь, прося, дабы вы изволили напомнить Его Королевскому Величеству, чтобы этим своевольникам (Малороссийским казакам) пресечь путь к побегу в Москву, и чтобы Его Королевское Величество потребовали от Царя выдачи всех изменников, которые бежали туда». Чугуевские бумаги свидетели тому, что кровожадное домогательство польского магната не осталось без последствий. В конце мая 1639 года 6000 человек польского войска и сам коронный гетман Потоцкий стояли на границах, чтобы «Чугуев разорить, Гетмана и казаков убить». Война остановлена только тем, что царь указал Польше на недавно заключенный ею мир с Россиею. Но после того, ляхи, как видно по Чугуевским бумагам, обратились к другим мерам против Якова Остряницы. Сперва клеветали на него царю, что он готовит чёрную измену царю. Когда же не удалась и эта мера, подсылали лазутчиков, рассылали письма с ложными известиями о намерениях царя относительно поселившихся в Чугуеве черкасов, и с домогательством возбудить бунт против Остряницы и царя. К сожалению, безрассудный Чугуевский воевода своими распоряжениями по Чугуеву возбудил ропот даже в русских, а после того трудно ли было лазутчикам смутить черкасов? Сотник Розсоха, которого ляхи ставили наравне с Остряницею, конечно, не смотрел равнодушно на возвышение Остряницы в звание гетмана, когда он, Розсоха, не сделан был даже есаулом. И оскорблённый Розсоха стал действовать в Чугуеве за дело ляхов вместе с лазутчиками. Дело окончилось тем, что верный присяге и долгу признательности Остряница был убит, и черкасы удалились из Чугуева.

г) Все ли Чугуевские черкасы оставили тогда землю Московского царя? Значительное число их в 1639 и 1640 годах перешли на Дон; многие другие, конечно, расселялись по привольным урочищам Украйны, так как видим черкасов в разных городах на сторожевой службе в Белгороде и в Усерде в 1645 году. «В том остроге (Раздорном стоячем Остроге) с Усерда стоят головы, а с ними черкасы стоят по 15 человек, да по пушкарю, а переменяются понедельно». Разрядная роспись: «лета 7152 года ноября 20 дня по Государеву Цареву указу в Белгороде Белгородским Черкасам выдано жалованье на нынешний 152 (1643 – 1644) год по их окладам: Атаману 7 рублей, Эсаулу 6 рублей, рядовым по 5 рублей; всем на лицо, с порукою, что Государевы службы

служити и Государевым жалованьем им на указных своих местах на вечное житьё строиться, и пашню пахать и хлеб сеять». В тех же двух местах видим Черкасов в Чугуевской переписке 1644 года и по той же переписке видим в 1643 году Валуйского Черкешенина; а 24 апреля 1645 года «прислал на Усерд с степи из похода Оскольских Черкас». Не имеем права думать, чтобы все эти черкасы были в числе товарищей Остряницы: но некоторые, по всей вероятности, были из его товарищей, так как видим по Чугуевской переписке, что не все разделяли мысли малодушных сообщников Разсохи.

7. «Историко – статистическом описании Харьковской губернии» (выдержки)

«Там, где с XVII ст. является Слободская Христианская Украйна, до XIII ст. жили и славили Бога истинного христиане княжества Переяславского и Черниговского. Это показывают и городища Украйны. Огонь и мечь татар в половине XIII ст. опустошили эту страну. Жители какие только уцелели бежали, бежали за Днепр под защиту сильных Владимиро – Галицких князей, а потом подпали под власть Литвы и Польши. Нвынешняя Слободская Украйна стала степью, где татары кочевали своими стадами и откуда, по временам, устремлялись на грабеж границ русских. Так было до исхода XVI ст. С появлением иезуитов в Польско – Литовском королевстве, притеснение православных, подданных Польши, усилилось; уния – дело тех же иезуитов, ввела с собой кровавые страдания для православия Польско – Литовского. За несогласие на измену святой прародительской вере, Русских лишили прав и преимуществ гражданских, мучили в судах, предавали огню жилища их, отдавали храмы их на откуп жидам. Невинно гонимые, спасая жизнь и веру, начали переходить под власть православного Московского царя, сперва по одиночке или семьями, потом целыми массами, сотнями семей.Так зверство дикарей – татар опустошило Украйну, а насилия езуитов и магнатов Польских мало по малу населило Украйну христианами; Московский царь охотно принимал к себе страдальцев православия и по состраданию к невинным и по выгодам для своего государства. В защиту от Крымских татар, Московский царь поставил стражу сперва вблизи Москвы, потом отодвигал ее глубже и глубже к степям Крымским; лини городков поставлены были наконец, вблизи Украинских степей. Смелые наездники, привычные бойцы с хищными татарами, совершенно необходимы были для поселения в степях Украйны.Таковы были Малороссийские казаки или Днепровские черкасы. Первые военные горожане Воронежа, основанного в 1586 году, были черкасы. С 1588г. нововыезжие черкасы появляются в Белгородском и других уездах. В 1617 году до 10000 казаков оставили Польскую Украйну и поселились на Дону. Наконец в 1638 году в Чугуеве появился гетман Яков Остряница.»

(Коментарии автора: в данном документе его составитель Пр. Филарет, указывая на факт вхождения населения Галицких земель под власть Литвы и Польши, не случайно употребляет слово «подпали», а не «были завоеваны». Он же эти земли не называет «Украиной», а «Польской Украйной», что в буквальном смысле значит «окраина Польши». После 1654 года, когда

«Украйна» перестала быть польской, она стала «Украйной» русской, т.е окраиной России.)

8. Судьба Чугуевцев с 1641 года.
(Из архива Министерства Юстиции, столбец Белгородского стола)

«На место удалившихся Черкасов скоро присланы были в Чугуев из разных мест России боярские дети, стрельцы, пушкари и казаки. (Грамотою от 10 февраля 1641 года дано было знать, что в Чугуев послано было на службу 300 стрельцов; а грамотою от 20 февраля объявлено, что эти стрельцы посланы на год, «до зимнего пути 150 (1642) года». Грамота 9 мая 1641 года говорила, что предписано выслать в Чугуев с денежным жалованьем боярских детей, станичников и казаков из Белгорода 35, из Курска 70, из Оскола 50. К ним то, конечно, относилось убеждение грамоты 9 мая 1641 года остаться навсегда в Чугуеве. В 1642 году князь Гагарин доносил: «а всего, Государь, на Чугуеве разных служилых и жилецких людей 408 человек, а ныне многие Чугуевские служилые стрельцы и казаки разбежались». По другой его отписке 1642 года видели мы, что убежали многие из 99 детей боярских, присланных на вечноё житьё из Мценска в 1641 году. Царскими грамотами от 21 июня и 2 июля 1641 года дано знать, что в Чугуев посылаются 3 боярских детей на вечное житьё с жалованием и велено отдать им дворы «изменников Черкасс»; а в другой грамате 1641 г. сказано, что посылаются из Мценска 100 чел.; распоряжение о них – прежнее и ещё прибавлено: «а которую рожь к нынешнему 149 г. сеяли изменники Черкассы, и ты бы ту рожь переписал и на десятинах роздал детям боярским, мценянам и всяким служилым людям». Отписка воеводы от Янв. 1642 г. говорить, что 99 мценян, присланные в 1641 г., убежали и не отысканы. Царская грамата от 13 Января 1643 г., назначая денежное вспоможение для постройки домов Чугуевским служилым людям, предписывает составить точную опись: а) всем наличным людям; б) людям, выбывшим из Чугуева, с означением времени и причины; в) всем угодьям, полям, лугам и усадьбам. Далее: «а станичников к урочищам посылал бы еси с Благовещеньева дни или ранее, смотря по весне и по тамошнему времени, и держал бы станичников в станичной службе с весны во всё лето и до больших снегов, и берегли бы на крепко, чтоб Татарове и воры черкассы к Чугуеву и к иным Украинным городам безвестно не пришли и людей не побили и в полон не поймали; а то бы еси станичникам сказал имянно, чтоб они в станице ездили и до урочище доезжали и сакмы татарския переезжали и на Чугуев приезжали с прямыми выстьми, а не с ложными». Царская грамата от 12 Апреля 1650 г., извещая о высылке денежнаго жалованья 50 станичникам Чугуевским, предписывает им «служить по прежнему указу к Борисову, к Салтовскому городищу, Изюмскою сакмою, и к Валкам вверх по Студенку, до тех урочищь доезжати». Память от 18 Февраля 1656 г. предписывает Исааку Савичу Бунакову посылать из Чугуева в Змеёв не более 10 детей боярских, 10 казаков и 8 стрельцов, в Харьков 5 человек детей боярских.) По писцовой книге 1647 года показано в Чугуеве 6 Детей боярских – 120, казаков – 300, стрельцов из Москвы и других городов –

400, пушкарей – 300, мастеровых – 9. Всего было 1135 человек, прочие ожидались.»

«Поселенцы Чугуева обыкновенно называются «Сведенцами», потому что они сведены, собраны были из разных мест России. Тут значились «каторжные на лицо и каторжные по государеву указу прибранные», т.е. назначенные, но ещё не прибывшие в Чугуев. Вскоре сюда стали являться из разных мест беглые крестьяне и люди, которым угрожала строгость суда местнаго и которые, как понятно, сказывались здесь людьми свободными, готовыми служить царю. Отселе в чугуевском архиве весьма много памятей. Отписок, челобитных о высылке из Чугуева беглых; отыскать и выслать их было не легко. Видим даже жалобу чугуевцев к царю на то, что их будто бы напрасно тревожат и отрывают от службы царской розысками о беглецах.

Жизнь чугуевцев до конца 17 столетия была самая тревожная. Вот царская грамата о том, как должны были вести себя чугуевцы даже во время занятий сенокосом и полевыми работами. «Писано от нас к тебе на Чугуев», так писал царь 5 июля 1645 г. «и велено Чугуевцам всякого чина людем сказать: которые у них сенные покосы на Крымской и Ногайской стороне от Чугуева не в ближних местах: и они б на те сенные покосы ездили собрався не малыми людьми и от татар оберегались, чтоб их татаров всех на дороге не побили и в полон не поймали; а были б все с пищалями и со всяким ружьём и около сенокосу сторожи и людей с ружьём держали б и были бы сенокосы не двое, половина б из них косила, а другая половина стояла для береженья от Татар с ружьём на готове, чтобы на них татаре безвестно не пришли и не побили и в полон не поймали». Затем, подтверждая это распоряжение, Царь присовокупляет: «заказ учинить крепкий, что Чугуевцы для сенных покосов и в лес ездили, собрався не малыми людьми. А как учнут сено из стогов насывать и дрова сечь, они б в то время ставились около стогов и дров обозом, разделяся на двое, половина их называла б сено и дрова секли, а другая стояла для береженья от татар с ружьём на готове, также и сторожа в тех местах, откуда чають приход татарский, стояла б».

Грамота от 20 декабря 1646 г., извещая, что Крымский хан идёт войною на Россию, и царь высылает против него войска, предписывает воевод: «на Чугуев вычитывать в слух по многи дни с биричём велеть кликать, чтоб посадские люди и из слобод жён и детей своих и животины держали в городе, а сами в слободах жили лёгким делом, с большим опасением и пищали б у них и луки и рогатины и топоры были бы у всех, чтоб никаков человек без бою не был; а по вестем бежали б в народ».

Пересмотрим теперь ряд событий Чугуевских, татарских нападений, грабежей, битв, потерь и побед, по Чугуевским бумагам. О нападении татар на Чугуев в 1640 году известно только по грамоте от 12 октября 1641 года, которою боярскому сыну Артемону Кучину прибавлено жалованье «за татарский бой, за убийство мужика 148 (1640) года».

В 1641 году князь Горчаков доносил царю: «в нынешнем 150 году октября 16 (1641 году) в 1 часу ночи прибежал ко мне на Чугуев Чугуевский пушкарь Ивашка Дмитриев, а в расспросе мне сказал: ходил он, Ивашка, за реку Донец к Татарскому перевозу, от Чугуева версты с 3, того же, Государь, числа в 7 часу дня пришли на Таганку речку и за ним, Ивашкою, гонялись, и он, Ивашко, от них ушёл через Донец вплавь. А того ж, Государь, числа стояли на

стороже от города версты в 2 Чугуевцы дети боярские Филипп Лелеков да Яков и тех детей боярских на стороже скрали, в полон взяли. А которые, Государь, Чугуевские жительские люди ездили для сена и дров на реку Таганку: и они, Государь, Татарове тех Чугуевских людей всех поймали. И я, холоп твой, послал Станичников разъезжать татарские сакмы, и станичники сакму разъездили и в расспросе мне сказали: приходили те татарове с верху речки Таганки, и были на Таганском перевозе и пошли опять тою сакмою; а по смете тех Татар на сакме человек с полтораста; а чаять, Государь, тех Татар от больших людей. А в поход мне за теми татарами послать некого. Которые были Чугуевские служилые люди, дети боярские и казаки, и они разбежались. А кого, Государь, Чугуевских людей поймали татарове, и тому я послал тебе, Государь, роспись под сею отпискою».

Вследствие такого положения, воевода удержал в Чугуеве 300 стрельцов, с двумя сотниками, которых по Царской грамоте надлежало возвратить в Москву, и донёс о том Царю.

В 1642 году Горчаков писал к царю: «В нынешнем 150 (1642) году приходили под Чугуев с ногайской стороны из-за реки Донца татары, человек 150 и больше. И под городом, Государь, с твоими Московскими стрельцами и со всякими Чугуевскими, служилыми и жилецкими людьми, был бой. И Божьею милостию и твоим Государским счастьем, татар от города отбили, слободы жечь не дали и многих Татар побили и переранили; а Московских стрельцов взято в полон 3 человека. И Татарове пошли от Чугуева. И я послал за ними в поход».

Воевода Бестужев доносит царю: «В нынешнем, Государь, в 151 (1643) году июля в 13 день, в ранний обед, приходили Татарове в Чугуевский уезд с Ногайской стороны чрез реку Донец, от города верстах в 7-ми, человек со сто и на Таганской просеке Чугуевскую сторожу скрали и караульщиков 6 человек взяли и по речке Бабке на сенных покосах твоих, Государь, служилых и всяких людей в полон поймали и лошадей у многих людей отогнали. И я за теми татарами в поход посылал твоих служилых голову, сына боярского, Максима Марченка. И они тех татар догнали на речке Бабке и расшибли надвое, одни побежали по реке Донцу на Поковскую гору, и другие побежали вверх по речке Бабке. Которые бежали по Бабке, тех побили, иных многих убили и отбили 40 лошадей, взятых у Чугуевцов». Впрочем, татары поспешно перебрались через Донец и скрылись в степи.

Один из пленников, взятых в этом бою в 1658 году, писал: «в прошлом 151 (1643) году приходили в Чугуевский уезд на Бабку воинские люди татарове, и в ту пору на той речке Бабке его, Гаврилу Байченко, взяли в полон и с тех де пор он живот свой мучил в полону 15 лет и вышел из полону». Царь грамотою потребовал его в Москву. Вероятно, в это же время взяты были в плен Чугуевцы, боярские дети, Евстрат Белоусов и Никифор Фаустов, освободившиеся из плена в 1645 году, которым Царь грамотою от 20 мая 1645 года за полонное терпение и за раны назначил в придачу к прежним окладам по 50 четвертей, жене Белоусова 3 рубля и Фаустову 2 рубля и грамотою от 22 мая им же велел отпустить по четверти ржи и по четверти овса на посев.

Сему донесению, в столбце, предшествовало донесение о сражении с Татарами, происходившем прежде 13 июля того же 1643 года; но в столбце сохранился только список лиц, отличившихся в сражении, самого же донесения

не достаёт, оторвано. По другим отпискам Чугуевского архива видим, что Татары входили в этом году в Россию двумя сильными массами; одна, в числе более 2500, около 25 апреля перебрались через Донец ниже реки Айдара, «Апреля 26 (1643) года наехали они, Белгородский Станичный Голова с товарищами, за рекою Красною на Донских казаков Прокофья Басарченева да Алексея. И они сказали: перелезли татарове через реку Донец с Крымской стороны на Нагайскую, промеж Ольгова Колодезя и реки Айдара; а сказал де им про Татар Чугуевский изменник Данилка писарь с товарищами, лежит де на перелазе под теми татары и их громил; а сказывал, что по смете тех Татар с 2000; и он, Данилка, с теми татарами погромя помирился и отдавал им борошен. Пошли те татары вверх по реке Айдару».Другая отписка: «Валуйский Воевода Павел Леонтьев писал в Белгороде апреля 30 приехал в Валуйки из станицы от Святых гор Станичный Атаман: был де он в Святых горах апреля 27 и видел Донского казака Ивашку Голощанова; а тот Донской казак приехал в Святые горы с Дону из войска с Литовским Ясырем и сказывал: полвина Татар перелезли де реку Донец пониже Айдара Татар с 2500 и идут Татары войною в Русь, а другая, июня 12 прошла Мурафским шляхом мимо Карпова сторожевого городка, в числе 5000. «Белгородский Воевода Никифор Бабарыкин в Чугуев: «июня 12 прибежали сторожи из-за Мурафского шляху с реки Ворскла, с Карпова и сказали: того же числа прошли в Русь Мурафским шляхом мимо Карповой сторожи татарове, многие люди, по смете с 5000 и больше». Та и другая, соединяясь между собою и с партиями Черкасов в Курском уезде, опустошали этот уезд.

От 17 июня Курский Воевода писал в Белгород: «Июня 14 приходили в Курский уезд татаре, с 3000 и больше, и повоевав Курский уезд пошли на Калмиуский шлях». Он же от 17 июня: «Июня 14 в Курском уезде в Ямскую слободу пришли татарове многолюдьем и почали воевать по Государевым Курским ратным людям, – учинился с теми татарами бой».

Отписка Яблоновского Воеводы от 28 июня: «пришли на Усерд из полону Татарского Курские полонники, боярские дети, Артемий Парамонов Сухачев и Артемий Осипов Сухачев: имели де их Татаре в Курском уезде и вели с собою недели две; а ушли они от них за Усердом на черной колитве и пришли на Усерд четвёртым днем; а то де видели, что с ними Черкасс большая половина с огненным боем; а переговаривают черкассы, что тысяч их с десять с черкассы, а полону ведут, у последнего по человеку, а у иных по два и по три. А как были Татаре на чёрноё колитве: от тех Татар и отобрались на отворот без полону, а с полоном пошли себе полками». У Беляева (О сторожевой службе, в Чтен. ист. общ. 1846. № 3, стр. 59) видим отписки Курского Воеводы 1643 года, по которым значится, что Татаре в том году с мая по 13 августа сделали 19 набегов на Курские места.и Камарицкую волость. Набрав не одну тысячу пленников, одна колонна с пленниками пошла в Крым Калмиускою дорогою и перешла через Донец у реки Боровой. От 2 июля Валуйский воевода писал в Чугуев: «прибежал в Валуйку полоненник от Татар Мартин и сказал: был он, Мартын, на зверином промысле с Валуйским Черкашенином, Стёпкою Яковлевым: июля 24 были они у реки Айдара, у берёзового колодезя и в то число взяли их в полон в том месте татаре, а всех татар было с 3000 и больше, и был он, Мартышка, у татар в полону два дня, и как Татарове были у реки Боровой, он в ночи ушёл от них; татары пошли с того места с Курским полоном

к Донцу. А как был он в полону: сказывали ему Курские полонники, что на перед сего, идучи из Руси, от тех татар отворотились татар в Русь войною тысячи с две и больше». Другая татары, в числе более 2500, осталась в России на Мурафском шляху и, разделяясь на партии, производила там и здесь грабежи. Эти то партии в июле и августе три раза подступали под Чугуев.

В августе Чугуевский воевода писал: «Государю Царю и Великому Князю Михаилу Фёдоровичу всея России холоп твой Ивашко Бестужев челом бьёт. В нынешнем, Государь, 151 (1643) году августа 5 дня в 4 часу дня с Ногайской стороны из-за реки Северного Донца приходили под Чугуев татарове, человек с 500 и более. А пришли, Государь, Татарове под Чугуев лесами, ниже города версты с 3, засеку разметали и караульщиков на разрытом кургане скрали, казака Ивашку Ломакина убили, а товарищей его разогнали. А подвели, Государь, под Чугуев тех татар Севрюки, которые были на своих промыслах, Чугуевские да Белгородские гулящие люди, Афонька Батов да Васька Хватов; а взяли де татарове тех Севрюков от города вёрст за 40; да с ними же был Чугуевец Васька Шабыкин, и Ваську де убили за то, что он татар под город под Чугуев не повёл. И на полях, Государь, татарове твоих, Государевых, Чугуевских служилых и всяких людей в полон 87 человек поймали и стада конские и животинные отогнали. И к посаду и слободам приступали. И у тех, Государь, служилых и всяких людей с ними, татары, у посаду бой был часу до седьмого. И Божиею милостию и твоим Государским счастием Чугуевские служилые люди татар в слободы не пустили и слобод повоевать не дали, многих татар побили и ранили. А как, Государь, те татарове пошли от города прочь: и того же часу я, холоп твой, посылал за ними в поход поместного приказа подъячего Петра Васильева с Чугуевскими людьми. И Божиею милостию и твоим Государским счастием Чугуевские люди и подъячий Пётр Васильев дошли татар от Чугуева верстах в 20 на реке Донце под Салтовским городищем и татар громили и многих побили и ранили и в реки потопили. А которые твои, Государевы, служилые люди переметалися за татарами на Донец: и у тех людей за Донцом с татарами был бой и татар многих, угоняя по лесу, побили и ранили и Чугуевского, Государь, полону 34 человека и лошадей со 100, коров 300, да животины отбили. И твоих служилых людей на тех боях побили и ранили и у подъячего Петра Васильева коня убили, да под человеком его, под Артамоном, лошадь ранили. И татарове, Государь с достальным полоном ушли в степь. А кого именем твоих служилых Чугуевских и всяких людей на полях поймали и кого у татар отбили, и тем роспись. И кто именем с подъячим Петром Васильевым из Чугуевских людей в походе были и на боях убиты и ранены и бились явственно: и тем послужной список послан к тебе, Государь, на Москву».

«И только Государь, впредь будут какие иные татарские приходы: и мне, холопу твоему, опричь Бога, да тебе, Государь, надежды держать не какого: твоих служилых людей большая половина лежит в больницах; а у иных многих служилых людей, лошадей нет, но отняли татары и воры-Черкасы». Следует роспись пленникам, оставшихся у татар; другая – пленникам, пойманным на полях; третий список – пленникам, отнятым у татар.

«От Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея России на Чугуев Воеводе нашему, Денису Степановичу Ушакову, февраля в 9 день писал к нам из Брянска Князь Пётр Ромодановский: января 28 дня писал к нему в

Брянск из Литовской стороны, Почепа, Подстароста Матвей Дубровский пришли в Литовскую сторону татарове большим собранием и воюют в Украинных городах; а Нагайские татарове пошли войною в наше Московское Государство большим же собранием. И как к тебе ся наша грамота придет: и ты б Чугуевским служилым и жилецким людям про татарский приход сказал, чтоб они жили опасно и от татарского прихода оберегались, чтоб их татарове безвестно не побили и в полон не поймали. Писано на Москве лета 7152 (1644) февраля 10 дня».

В конце мая в Чугуеве получено известие, что массы татар находятся не вдали от Полтавы и намерены идти в Русь. В июне и июле партии рыскали под Валуйками и Усердом. Одна из них в 5 верстах от Чугуева, на селитренных варницах, 15 августа захватила в плен 16 человек Чугуевцов, бывших здесь на стороже. Во второй половине августа 40 000 татар пришли в Русь Мурафским шляхом под Карповым городком, и начали опустошать уезды Путивльский и Рыльский; Камарницкую волость; Пан Замойский с 4000 литовцев и Рыльский воевода с 4000 русских 1 сентября двинулись против татар.

От 5 сентября Рыльский Воевода Степан Пушкин писал, что Татары из Рыльского уезда пошли «в Камарницкую волость и на Свиную дорогу» и что он «1 сентября послал из Рыльска ратных людей в сход с Путивльским, Спевским и Литовским людем, а у Литовских людей пан Замойский и с ним 4000 идут с пушками и с ружьём; а Путивльских, Спевских и Рыльских ратных людей тоже 4000». Русские, сойдясь с Литовцами, пошли в Камарницкую волость. Белгородский Воевода, прописав эту отписку, предписывает о высылке Чугуевцев. Курский Воевода писал: «26 августа татары перелезли реку Сем почали воевать Рыльский и Путивльский уезды, села и деревни жечь».

Но 1 сентября татары уже вышли из Камарницкой волости в Курский уезд, и 16 были в 40 верстах от Курска. Белгородский воевода 1 и 5 сентября предписывал Чугуевскому немедленно выслать Чугуевских ратных людей в Белгород, где они должны соединиться с Яблоченскими, Короченскими и Белгородскими ратными людьми. Но 9 сентября татары были уже на возвратном пути на реке Селище и Белгородский голова успел только 15 сентября разбить партию татар и захватить из них 10 человек, от которых получены сведения о намерениях татар на счёт будущего.

Отписка Яблоновского Воеводы от 10 сентября. В последней показания пленных татар: «приходили в Московское Государство и воевали Рыльские и Путивльские места и Камарицкую волость из Крыму Крымские мурзы Котлоща Шрынов, да Ислам Мурза, Мурзин сын Ураков, да Адиль Мурза Шиживул и с теми большими Мурзами иные многие мурзы. А ходили они на войну с ведома Крымского царя. А с теми мурзами было Крымских воинских людей 40000. А отворотных от больших воинских людей в Руси нет. А вышед из Руси тем Татарам в степь, с реки Береки, перед зимою, выкормя лошадей, будут отворотные многие люди войною в Руси. Начальный человек у них Агаса, с ним Будуль Мурза, Карам Мурза, да Солтан Гильдей. А с реки Береки чрез реку Донец лезть им в посольском перевозе, а перелезши идти Изюмскою сакмою в Русь, которою ходили воевать Рыльские и Путивльские места и Камарицкую волость».

К большему несчастию Чугуевцев и других Украинских поселенцев, тот самый Миргородский державец, Гульчевский, который так усердно работал над

тем, чтобы взволновать товарищей Остряницы, высылал партию за партиею удалых черкасов на берега Донца для грабежей.

Вольновский Воевода Никифор Леонтьев от 1 октября 1645 года писал в Хотмыжск: «Сентября 29 выехал на Государево Царево имя из Литовской стороны из города Плотавы Чекашенин Остафейко Фёдоров. И он сказал: сентября 20 пошёл из Миргорода Атаман Грицько Торский и с ним 500 человек, а дожидаться им Государевы казны, как будет посольская размена под Валуйкою и ему, Гришке, Государеву казну громить, которая казна отпущена будет в Крым с посольскою разменою. Он же, Остафейко, сказал: из Литовской стороны из Жигимонтова города (Миргорода) пошёл Черкашенин Абакумка и с ним 60 человек Литовских людей на реке Донец, а дождаться им громить Государевых людей, которые ходят на реку Донец с разных городов для рыбной ловли». Отселе объясняется, кто таковы Черкасы, бывшие вместе с татарами в 1643 году (пр. 29). Валуйский воевода, отыскивая пропавших станичников своих, в июле 1644 года получил в Святогорском монастыре известие, что около Святых гор ходит Атаман Ивашка Безперстой с 70 человек Черкасов, чтобы грабить Царских и Крымских послов, и что кроме этой шайки тут же шатаются и другие шайки воров Черкасов. Белгородские станичники июля 22 напали на следы воров Черкасов на реке Нетриусе; а Валуйские вестовщики видели 28 июля до 20 Черкасов против «Борисова городища».

В мае 1645 года тогда, как до 7000 татар кочевали меж Мерчиком и Мерлою, другие 7000 пошли в Русь Мурафским шляхом. Юный Царь Алексей Михайлович, немедленно по возшествии на престоле, озаботился Украинскими городами. 27 июля 1645 года он писал к Чугуевскому Воеводе Денису Ушакову, что прибывшие в Валуйку «станичники и толмачи и кречетники и ястребенники, да с ними из Крыма Крымские гонцы» объявили Воеводе: по известиям Русских и Литовских пленников «нынешнего лета, осмотря июль, хотят идти на Русь войною два Мурзы и с ними Крымских и Ногайских Татар тысяч с три и больше»; потому предписывается принять все меры осторожности и давать известия в Москву.

По Чугуевской переписке видим, что с июля и до половины ноября только мелкие партии татар являлись для грабежа в Усердском, Валуйском и Короченском уездах; от них узнано, что Крымский хан со всею ордою готовится идти на Русь. Июня 13 татары грабили Усерд и уезд его, – то же в августе; с августа по конец октября мелкие партии являлись то там, то здесь в Валуйском и Короченском уездах.

Ноября 11 пойманный Валуйским головою татарин, сказал: «пошёл он с Крымскими и Азовскими людьми, тому назад 4 недели; при них Крымский Царь всей Крымской Орде и Нагайцам велел готовиться и кормить коней, хочет идти большим собранием в Московское Государство». Чугуевский воевода донёс царю о своих опасениях относительно Чугуевской крепости. И царь писал Ушакову в грамоте от 8 октября 1645 года «писал еси нам, что на Чугуев городовые и острожные стены починили и во многих местах вывалились и обломы по городу худы и вы их засыпали, а у острога таранов и обломов и бойниц и иных крепостей нет и в приход воинских людей к Чугуеву в городе и остроге служилым и жилецким людям быти в осаде страшно». Царь предписывает исправить все остальное тою же осенью, «до Татарского прихода».

По Чугуевской переписке, в ноябре партия татар, а по другим сведениям, в декабре 1645 года г. Татары подступили к Курску и потом страшно опустошили Курский и Рыльский уезды и Камаринскую волость. Царь предписывал всем Украинским воеводам немедленно поспешить против Татар; из Белгорода ходил Князь Хилков. После битвы в Рыльском уезде, татары пошли обратно в Крым, не тревожив Чугуева; в августе 1646 года Татары были на Дону; другие же партии их были под Вольным и в Белгородском Уезде.

Грамотой от 11 марта 1647 года царь извещал Чугуевского воеводу, что по известию 10 марта из Тамбова, «Томбовский казак Федотка Санин, да Шацкого уезду нашей дворцовой волости Канабеева крестьянин Симон Мещеряков», тогда как были для звериного промысла на реке Медведице кочуют Калмыки, многие люди, и у казачьего городка богатых взяли Афоньку Юрнекова, да Митьку Мещерякова, а к Черномурскому городку приступали», и имеют намерение идти на Украинные города. Потому царь предписывал принять меры осторожности. Грамотою от 4 мая 1647 года царь, вследствие того, что за Чугуевскими станичниками, тогда как ехали они от Цареборисова и у Савинского колодезя съехались с Белгородскими станичниками, апреля 4 «против Савинского перелаза гонялись человек 50 татар до Изюмских вершин и, осадя их в Изюмской вершине, приступали к ним до вечера, а потом пошли в степь к Щенячьему Кургану», предписывает послать на татарские перелазы сильные стражи. Когда крепость Чугуевская была укреплена возможно – лучшим образом, а по Украйне там и здесь населялись Черкассы: татары уже не отваживались рыскать по-прежнему около Чугуева. Чугуевцам оставалось теперь на разных местах нести охранную и вестовую стражу, что, однако, доставалось им не легко.

Г. Исааку Савичу Андрей Хилков: «В нынешнем 166 (1658) году апреля 9 писал я к тебе, чтоб ты по Государеву указу Чугуевцев служилых людей послал в Цареборисов город 150 человек, и апреля 23 били челом в Белгороде Чугуевцы дети Боярские и Станичники и Стрельцы и казаки и пушкари всем городом: служат де они всякие Государевы службы зиму и лето и в новых городах, в Цареборисове городе и в Змиёве и в Харькове и в Валках бывают беспрестанно третий год переменяясь; да они ж в Чугуеве стоят в сотнях по 50 человек и на отхожих сторожах, на Татарских перелазах, на реке Донце, на Салтове городище, да на Гумницком по 35 человек, да они ж стоят в разных городах на вестях, и Станичники ездят из Чугуева в проезжих Станицах до Цареборисова города и до Тору. И они от тех служб в конец погибают. И государь бы пожаловал их, не велел их в Цареборисов город посылать». Воевода предписывает послать 50 человек.

С половины 1658 года Чугуевцы в составе белгородского полка участвовали в Польской войне, почему, по заключении перемирия с Польшею, прислана была в Чугуев похвальная Царская грамота, от 22 февраля 1667 года, «Украинным людям, которые в черте и по черте и за чертою», в том числе и Чугуевцам, за долгую ратную службу и за претерпенное во время её разорение». Но вот настал бунт Брюховецкого, 1668 года. Во время волнения, поднятого Гетманом в начале восстания, Воевода Рагозин два раза посылал Чугуевцов на поиск к Змиёву. Но потом Чугуевцы накрепко заперлись в городе. Чугуевский уезд сильно пострадал тогда; Чугуев три раза был осаждаем силами Брюховецкого и с большими потерями для него.

Первое нападение было в апреле месяце. Чугуевский воевода от 20 апреля доносил Белгородскому Воеводе: «В нынешнем 176 (1668) году марта 4, Полковник Ивашка Серко и Змиевские и Цареборисова города и Маяцкие и Валковские и на Торских озёрах Черкассы, забыв страх Божий и Евангельское целованье, великому Государю изменили. И в тех городах Воевод и приказных людей расстреляли и Великого Государя Русских людей вырубили и Великого Государя зелейную и свинцовую казну разграбили. И город Змиёв и Цареборисов и Валки огнём пожгли. И собрався тех городов изменники черкасы, приходили под Чугуев город и в Чугуевском и Харьковском уезде села и деревни и хлеб выжгли и многих людей побили и в полон поймали и воевать пошли в Черкаские города к изменнику Ивашке Брюховецкому».

Другое нападение было в июне. «176 (1668) июня 17, приходили под Чугуев с Ногайской стороны к крепостям татары и изменники Черкасы многие, которые воевали Харьковский и Салтовский уезды, и стада животинные отогнали. И пошли за реку Донец на Нагайскую сторону. И я ж того числа посылал за ними из Чугуева голову Стрелецкого и Казацкого. Он, голова, с Чугуевцами дошли в степь за реку Донец на речке Балыклее. И был у них бой с неприятельскими людьми. И на том бою взято полону и тот полон отбили, Сампсона Зорина убили до смерти, да убили сына боярского Акинфия Федосова, казака Ивашку, стрельца Федота Пупова, да ранили чугуевцев разных людей 6 человек. С того бою неприятельские люди побежали к Савинскому перелазу. И чугуевец сотенный голова Александр Марченко с чугуевцами тех изменников черкас и татар дошли в степи против Савинского перелазу. И был у них бой большой. И милостию Божиею их, неприятельских людей, многих побили и стада животинные отбили и остаточный полон, который взят был в Харьковском и Салтовском уезде. А остаточные неприятельские люди побежали в степь к Изюмскому перелазу».

От 25 июня воевода писал: «и я в Чугуеве с Чугуевцами сижу в осаде накрепко и город Чугуев и всякую городовую службу креплю и старый тайник вновь построил и колодязь вычистили, да у того ж старого тайника построили Чугуевцы новый другой тайник, дубовый и другой колодязь в тайнике учинён и в приход воинских людей воды будет много в тайниках; да около города почал строить вновь отводы и вылазы для обереганья».

Третье нападение на Чугуев было в августе. «В нынешнем 176 (1668) году августа 21 приходили в город и в Чугуевский уезд воинские люди, Татарове и изменники Черкасы многие люди, от Мерефы чрез леса и чрез реку Уды на село Васищево. И многих Чугуевцов всяких чинов людей под городом на полях, на жнивах и в отъездах побили и в полон поймали и жён их и детей и стада конские и животинные все отогнали. И я того числа за теми Татарами и изменниками Черкасами с Чугуевцами ратными людьми ходил в поход и с теми Татарами и Черкасами был у меня бой и на том бою взяли языков 4 человека Татар. А в расспросе те языки сказали, что приходил де с ними в Чугуев Мустафа Мурза, а с ним, Мурзою, было 1000 татар, а изменников Черкасов 2000 человек; а посылал де их, Татар и Черкасов, Петрушка Дорошенко, Наказной Чигиринский Гетман, с Ивашкою Дубягою, да с Полтавским Полковником Косткою Коблицким; а дожидают де они, Татарове, себе из Крыма двух Салтанов с ордою вскоре».Чугевскому военному гарнизону приходилось оказывать сопротивление полякам, татарам и «воровским

черкасам» с польской стороны.Можно только удивляться их самоотверженному мужеству, которые они при этом проявляли.В 1688 году чугуевец городовой службы Федот Сибиркин, в просьбе об увольнении его, писал: «служит он лет 40, в 177 (1669) посылан был в Чугуевский поход, в том походе изранен по голове в 7 местах, да плечо перерублено, да рука пробита из лука насквозь и ныне служить ему невмочь».

В конце 1672 года чугуевцам объявлено было готовиться к войне с турками. Весьма любопытна отписка Чугуевского воеводы к Курскому по сему предмету: в ней прописано, как царь Фёдор Алексеевич принял известие о поругании над святынею, какое учинено было турками в Каменце. Прописав известие Курского воеводы о получении царского указа относительно приготовления войск к войне, равно и самый указ, далее пишет: «и в нынешнем 181 (1672) году ноября 19 писал к нему, Великому Государю, из Киева окольничий Воевода Князь Григорий Афанасьевич Козловский с товарищами, что Турский Солтан, после взятия Каменца Подольского, святой иконы из церквей православных вынесли и клали в проезжих воротах и велели Каменца Подольского жителям христианам по тем святым иконам идти и всякое поругательство чинить. И ныне Государь, слыша о том нахождении Салтана Турского, изволил на оборону святой Церкве и Православных христиан и на избавленье идти своею Государевою особою против неприятеля своего, Турского Солтана. И для того своего Государского похода указал он и свои Государские дорожные обиходы и всякие запасы отпускать в Путивль нынешним зимним путём, не отлагая до иного времени; и мне, Господине, велено в Чугуев дворянам и детям боярским и копейщикам и рейтарам и драгунам и солдатам и всяких чинов служилым людям в приказной избе о службе и о Государском походе и о запасах Его, Государев, указ сказать всем вслух, как о том в твоей, Господине, отписке писано».

В августе 1673 года Чугуевский воевода Фёдор Соковнин доносил царю, что 11 августа 181 (1673) года татары приходили под Чугуев и угнали было стада чугуевские, но сотня Чугуевских казаков, стоявшая на страже, вместе с горожанами отбила стада в бою с татарами у реки Таганки, в 5 верстах от Чугуева; при этом убиты двое из чугуевцев и один взят в плен. В то же время татары «были под Печенежскою и Малиновскою слободами и в Змиевском уезде под селом Мохначами и под слободою Андреевыми Лозами. А идти мне за ними в поход, говорит воевода, за малолюдством не с кем, потому что великие люди, орда, многие люди с кошем». По другим бумагам видим, что досталось тогда Савинцам и Спеваковке, и что Балаклейский полковник потерпел от татар поражение. За эти грабежи и опустошения в том же августе месяце щедро отплатил татарам Запорожский кошевой Иван Сирко, тот самый, которого Брюховецкий восстановил было против царя ложными известиями о передаче казаков ляхам.

От 1 августа 1678 года Царь писал в Чугуев Ивану Васильевичу Рыхтарову: «Августа 1 ведомо нам, Великому Государю, учинилось по отписке из Белгорода Думного нашего дворянина и Воеводы Ивана Петровича Лихарева, что июля 23 числа приходили из-за реки Донца с Нагайской степи под Чугуев воинские люди, Черкасы, и татарове, и калмыки, и человек с 1000. И были на посаде и на полях, Чугуевцов многих людей побили и в полон побрали и стада конские и животинные все без остатку отогнали. И как к тебе

ся наша грамота придет: и ты б к нам, Великому Государю, писал подлинно о приходе тех воинских людей к Чугуеву, каких чинов и кто имены Чугуевцы, служилые и жилецкие люди побиты и ранены, у кого имяны, у Чугуевцев, сколько воинские люди взяли лошадей и иной скотины, и какое учинено разорение»? В Чугуевской переписке не видно донесения воеводы царю в ответ на его грамоту. Здесь, кроме известия о нападении татар на Савинцы, бывшем в июле, и о намерениях других партий идти под Чугуев, находим только следующую отписку в Белгород: «Нынешнего 186 (1678) года в 7-м часу дня пришли из-за Донца с Нагайской стороны под Чугуев воинские многие люди Татарове и на полях Чугуевцев многих людей побили и в полон поймали, и стада конские и животинные отогнали».

«187 (1679) июля 24 пришли из-за реки Донца, с Нагайской стороны, воинские люди татарове, черкесы и калмыки, и перелезли реку Донец под посадом и, разломав надолбы, были под Чугуевский уезд, и Чугуевцов многих людей порубали и в полон поймали, и конские и животинные стада отогнали. И с теми воинскими людьми был бой, и на бою взяли татарина и тот сказал: старшины у них Урус Мурза, Маабет Мурза, а с ними 30 мурз; татар, нагайцев и черкес с 10 000 есть и Калмыков 20 человек, которые в прошлом 186 (1678) году с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским шли мимо Чугуева, и те калмыки были у них вожжи. Из тех воинских людей меньшая половина пошла под Печенеги». По отпискам полковника Донца, июля 27 видели орду татар на Чугуевском поле, а другая орда идёт вслед за тою и что всех татар до 17000. Чугуевский воевода вслед за тем доносил в Белгород, что он не в состоянии теперь доставить сведений, кто и какое потерпел разорение от татар, так как многие из взятых татарами в плен, но отбитых полковником Донцом, ещё не возвратились в Чугуев, а иные от тяжёлых ран ещё лежат больными в Харькове и в Харьковском уезде. Заметим, что чугуевцы в 1680 – 1681 годах ходили с Черкассами строить Изюм и укрепления по Донцу, в Азовский поход Голицына, 1687 года, были частию в полку Шеина, частию в полку Голицына, в 1695 и 1698 годах во время Азовского похода бились на Коломаке, а в 1699 году запирались в крепости от Татар. Затем оставляем военные действия XVIII столетия, где Чугуевский полк был в разных кровавых битвах.

Скажем несколько слов о преимуществах, какими пользовались чугуевцы давних времён. По описи 1712 года «в Чугуев Великого Государя полковое знамя – тафта алая, писана красками по серебру, написано же в одну сторону В. М. Демитрий, в другую сторону В. М. Георгий». Жизнь Чугуевцев, при всех тревогах боевого быта, имела много приятного. Не даром же крепостные крестьяне десятками бежали в Чугуев.

Ещё в 1641 году грамотою от 8 декабря царь Михаил Феодорович, вследствие просьбы Чугуевцев, дал им позволение вести торговлю с Литовскими городами и Литовцам приезжать для торговли в Чугуев. Грамотой от 29 сентября 1645 года снова подтверждено то же дозволение. Земля, отведенная чугуевцам, была богатая лесами, сенными покосами, хлебородная и в прекрасном климате. Участки земли разделены были по разрядам службы, а отличавшимся в боях деланы были прибавки земли. По общему правилу назначено: детям боярским, головам и стрелецким сотникам – пахоти 25 (четверти), сенокоса – 70 (копен); казакам – 20 и 40 соответственно; станичникам, стрельцам и пушкарям – 8 и 15.

9. Заселение Слобожанщины

С конца 16 века начинается регулярное и массовое заселение русских земель Подонцовья. Ещё в 1571 году Царь Иван Васильевич Грозный устраивает сторожевую службу на Слобожанщине для защиты от татар. Князь Воротынский, дьяк Матвей Ржевский, князь Михаил Тюфякин и боярин Юрий Булгаков получают начальство над пограничной линией. На столетних дубах по их распоряжениям вырезались двуглавые орлы - символ российского владения этими землями. Нужно отметить, что в росписи мест, которые должен был объезжать рыльский голова, для наблюдения за татарами, сказано: «да вниз по реке Удам, через Павлово селище, к Донецкому городищу, да к Хорошеву городищу, через Хорошев колодезь, да чрез Удския ровни». Таким образом, уже в это время эпизодический контроль над незаселенной территорией осуществляло московское правительство.

В конце 16 столетия при Фёдоре Иоанновиче построены были Воронеж, Валуйки, Белгород, Курск, Ливны. Степная граница теперь продвигается на юг, на так называемую «польскую», то есть степную, украйну. В 1638 году был основан Чугуев, превратившийся на долгин годы в южный форпост России для ее дальнейшего проникновения в зону южного лесостепного и степного территориального пространства.

Продолжавшееся продвижение русских в южные черноземные степи неминуемо привело их к появлению на некогда славянской земле (Переяславское княжество), нового географического пространства под названием Слобожанщина. Строительство Белгородской и Изюмской «засечных черт» не только обезопасили край, но и способствовали быстрому заселению и хозяйственному освоению этих благодатных земель. Характерной чертой заселяемого края было то обстоятельство, что среди переселенцев весьма значительную часть составляли «черкасы» – малороссы, бежавшие от польского владычества в пределы Московского царства. Здесь, на ничейных пустующих землях Дикого Поля, сложился особый общественный порядок: не было ни казачьего самоуправления, ни централизованной власти с признаками государственности. Крепостнические отношения практически отсутствовали в крае вплоть до конца 17 столетия. Здесь своевольно хозяйничали казаки, беглые крестьяне и мещане, татары, поляки и украинцы. В 1591 году приказ царя Федора Иоанновича (точнее, правителя Бориса Годунова), гласил: «другую станицу послать к Донцу, до Изюмскаго кургана, меж Донца и Оскола, а переезжати той станице на Донце перевозы: Бишкинской, да Шабалинской, да Булуклейской, да Савинской, да Изюмской».

Семь лет спустя только что вступивший на престол Борис Годунов положил построить на правом берегу Оскола, 50 км южнее нынешнего Чугуева, город «в свое имя» – Царев-Борисов, для защиты от татар.

Разразившаяся в начале 17 века российская Смута, события которой содержат в себе авантюрные происки Лжедмитрия и захват Московского кремля поляками, на время приостановила русское продвижение в степи. Напротив, были сожжены и разграблены многие русские города и крепости на степных рубежах. Однако, вскоре после воцарения Михаила Романова и

«успокоения» Московского царства продвижение в степь продолжилось. Помимо московских служилых людей сюда устремились и черкасы (украинские казаки).

Массовый исход днепровских казаков на Слобожанщину начался в период освободительного восстания против Польши, поднятого Богданом Хмельницким. Количество переселенцев из польских владений теперь исчислялась сотнями тысяч. Большинство из них поселились в недавно приобретенных владениях Московского царства.

В 1651-м году казаки из Корсуня основали Краснокутск. В 1652-м переселенцы из Черниговского и Нежинского полков во главе с полковником Иваном Дзинковским основали Острогожск и создали первый и самый большой на Слободской Украине Острогожский полк. В этом же году прибыли переселенцы из городка Ставище Белоцерковского полка во главе с Герасимом Кондратьевым, основав Сумы, создали там Сумской полк. В 1654-м году переселенцы из прежних польских владений основав Ахтырку, сформировали Ахтырский полк. В том же 1654 году строятся Змиёв, Печенеги, Хорошево.

В 1654 (по другим данным, в 1656 году) был основан город Харьков, ставший центром края. Название связывают с легендарным казаком Харько (Харитоном), имевшим здесь хутор, и погибшим в бою с татарами. Харьковом стала называться местная река, и, видимо, уже в честь реки и назвали город. В свою очередь, в честь города был назван Харьковский полк.

В 1654 году на Слободской Украине насчитывалось уже 80 000 жителей, состоявших из казаков, несущих военную службу и владельческих крестьян-подданных, которых было не так много. Великорусская колонизация края осуществлялась путём переселения на Слобожанщину служилых людей – стрельцов, детей боярских, русских казаков и т.д. Новые крупные переселения черкас происходили и позднее.

В 1659-м осадчим Иваном Семененком основан Салтов. В 1660-х годах Яков Черниговец основывает Балаклею. Поселения продолжаются и в дальнейшем: в 1674-м году запорожец Мартын Старочудный строит Волчанск. В 1679-1680 гг., была сооружена Изюмская черта (Новая линия). От г. Царево - Борисова вдоль рек Северский Донец и Мжи, она протянулась на 530 верст. Под прикрытием укреплений Июмской черты строились новые города и селения.

В 1680 году была воздвигнута крепость Изюм, ставшая вторым после Чугуева южным форпостом Слободского войска. В Изюм в 1682-м был перенесён центр Балаклейского полка. На базе Балаклейского и части Харьковского полков в 1685-м создан Изюмский полк. К концу 1680-х гг. население Слободской Украины превышало 250 тысяч человек.

Для своевременного оповещения о татарской угрозе, близ каждого укрепления, каждого хутора сооружались, по древнему казачьему обыкновению, маяки из хвороста и соломы, пропитанных смолой и дёгтем. Впрочем, это вплоть до 1736 года не исключало появления татар на территории Слобожанщины, где они жгли селения, грабили и убивали население.

В 1680-м году Слобожанщина подверглась особенно крупному массированному натиску крымских татар. Но в жестокой битве под Золочевом их наголову разбил Харьковский полковник Григорий Донец-Захаржевский. В 1688 и 1692 годах татары подступали к Змиёву, в 1697-м к Харькову, но всякий

раз были отбиты. Последними боевыми действиями на Слобажанщине стали события 1736 года, когда татары в третий раз пытались взять Змиевскую крепость, но были разгромлены.

Окончательно как своеобразная этническая территория Слобожанщина сформировалась в первой половине 18 столетия. В 1731-1733 годах для защиты границ Российской империи от турецко-татарских набегов усилиями казаков левобережных и слободских полков и крестьян была построена система укреплений – Украинская линия. Заселена она была почти исключительно однодворцами-великороссами. В Чугуевском уезде великороссы преобладали абсолютно, их было здесь в 18 столетии более 86 %.

Для России Слобожанщина была продолжением Засечной черты, жители которой выступали как охрана южных границ царства от крымских и ногайских татар, именно поэтому царское правительство освобождало поселенцев от уплаты налогов, позволяло свободно заниматься промыслами. Переселенцы безвозмездно владели определенным количеством свободной земли (право заимки), за ними сохранялись казацкие привилегии и самоуправление. Поселения, которые создавались переселенцами, назывались слободами, откуда и название «Слободская Украина». Слово «Украина» означало только окраинное местонахождение края в пределах России, а вовсе не украинское население, тем более, что вплоть до начала 20 столетия местные жители считали себя русскими. Как это не странно звучит, но Украину, как этническо-терротериальную общность украинцев, как отдельный составной субъект РСФСР (позже – УССР в СССР), первым признал В.И. Ленин.

Московское правительство могло основательно и на века закрепиться на территории колонизированных им в первой половине 17 в. землях Подонцовья, только путем их заселения. У него не хватало ресурсов противостоять неприкращающейся агрессии Крымского ханства, чинившим разбой воровским черкасам, внезапно появившихся в этом регионе калмыков, исключительно силами своих военных формирований. Активная внешняя политика и постоянная конфронтация с Польшей и Турцией требовала участия русской армии в «больших» войнах. Противостоять внешней напасти могли только густо заселенные земли Подонцовья. В грамотах российского царя Алексея Михайловича, обращенных как к населению «Польской Украйны», так и русским людям, содержались открытые призывы к заселению земель огромнейшего лесостепного региона бывшего Дикого Поля, который получил название Слободской край. Всем переселенцем Московское правительство обещало заманчиво – щедрые льготы и разного рода царские милости. Московская казна не жалела на это средств, направляя в этот регион своих служилых людей, которые занимались приемом и устройством переселенцев. Заселение Слобожанщины, и Чугуевщины в том числе, осуществлялось двумя потоками – с запада сюда прибывали черкасы (украинцы), а с севера – русские люди. Этим и объясняется факт смешанности населенных пунктов современной Чугуевщины: украинские села соседствуют с российскими деревнями. Украинский Историк Д.И. Багалий сообщает: «Мешканці правобережжя Дніпра поселилися на безлюдних великоросійських землях до самісінького Дону і заснували багато міст і слобод. Як тільки бувало стане непереливки нашим людям - підіймаються усим селом з сімейством і збіжжям, яке можна ухопити, і йдуть світ за очі, не знаючи навіть куди простувати. Кидаючи свою оселю,

рідний край, батьківщину, вони палили свої хати і усякі будівлі, щоб не залишилися ворогам». Люди даже сложили свою «переселенчесую» песню:

«Покинь матір, покинь батька, покинь всю худобу,\Іди з нами козаками до нового дому,\В слободах багато пашні і хліба і браги,\Не стоять там вражі ляхи, козацькії враги».

Помимо московских служилых людей и черкас с конца 17 века здесь стали селиться старообрядцы. Впрочем, сколько их было на самом деле, сосчитать невозможно, поскольку они всячески старались избегать переписчиков официальной власти.

Наконец, для заселения присоединяемых территорий привлекались, в большом количестве, крещеные татары, чуваши, мордвины и другие народности, переходившие в подданство московского царя. Так, в 1696 году в Чугуеве поселились 1,5 тысячи калмыков.

Южные степи активно осваивало и православное духовенство, строившее храмы и монастыри. Так зарождалась современная Слобожанщина, началом которой стал наш древний и славный город Чугуев.

10. Кочетокская находка

«Прекрасный образец импортного изделия был обнаружен в 1901 году вблизи Харькова на берегу Северского Донца у с. Кочеток. Здесь был случайно найден бронзовый умывальник (водолей) 12 века, сделанный в одной из западноевропейских мастерских. Он отлит из хорошей бронзы золотистого цвета по восковой модели и изображает фигуру рыцаря, сидящего верхом на лошади. В верхней части головы коня имеется большое отверстие, через которое внутрь полого сосуда наливалась вода. При наклонении сосуда вперед во время умывания, вода выливалась двумя тонкими стуйками из ноздрей коня. Мастер, готовивший восковую модель, несомненно, хорошо знал натуру и тщательно изобразил кольчугу, чепрак, седло, уздечку, гриву коня и другие детали».

Бронзовый водолей (умывальник) в виде фигуры конного рыцаря, найденный у с. Кочеток вблизи Харькова

11. ЦЕРКВИ ГОРОДА ЧУГУЕВА

Первожители города были глубоко верующими людьми. Одновременно со строительством крепости и жилья, они возводили и церкви. В Писцовой книге города Чугуева, составленной в 1647 – 1648 годах по распоряжению Воеводы Князя Якова Петровича Волконского, в Чугуеве уже было четыре церкви: Соборная Преображенская, две церкви Николая Чудотворца и церковь Рождества Богородицы. По переписям 1710 и 1712 годов видим, кроме этих четырёх, ещё церкви: Рождества Христова и Успения Богоматери. Главный храм Чугуева был посвящён славе Преображения Господня. В нём были два придела: один во имя Св. Пророка Илии, другой – во имя Преподобного Михаила Малеина – Ангела Царя Михаила Феодоровича. Первый деревянный Соборный храм, построенный, вероятно, в 1639 году, сгорел в марте месяце 1644 года. Царь Михаил, при грамоте 21 июня 1644 года, прислал на построение нового храма 20 рублей денег и указывал построить его по-прежнему с приделом Преподобного Михаила Малеина. Церковь, по Писцовой книге 1647 года, деревянная, сооружена из дубового дерева, а верхний купол построен из соснового дерева, об одной главе, на коей крест железный и вызлощенный четвероконечный, во имя Преображения Господня, покрыта гонтою. Раньше, в грамоте от 9 февраля 1641 года Царь писал: «по нашему указу послано на Чугуево в Соборную церковь Преображения Господня, да в придел Ангела нашего Михаила Малеина, книг печатных: Устав, два Октоиха, Евангелие толковое, четыре книги Трефлои, Потребник, Служебник, Псалтырь рядовая». В грамоте, от 28 января 1644 года, Царь писал к Воеводе Ушакову, что с боярским сыном Быкиным послан в Чугуев вестовой колокол в 22 пуда. С момента построения Чугуевский собор отличался одним священным обрядом.

«По вниманию к особенному значению Чугуевской крепости в деле безопасности отечества, в праздник Преполовения, всё Духовенство градских церквей, с крестами и иконами, приходило в Соборную церковь. Отселе, по окончании Литургии, шли крёстным ходом на реку, для освящения воды, и обходили вокруг крепостного вала три раза. Все жители Чугуева участвовали в этом ходе, вознося тёплые молитвы о благодатном охранении града». Этот обычай существовал с первых времён Чугуева и окончился в 1817 году с началом новых военных поселений, для которых крепость Чугуевская уже не имела никакого значения. Обращает на себя внимание факт личной озабоченности русского царя за церковным устройством основанного им города. В одной из его грамот значится: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси на Чугуево воеводе нашем Фёдору Володимировичу Пушкину. – Бил нам челом Чугуевский дьякон Павел, а сказал: в нынешнем 160 (1652 году) поставлен он Павел в дьяконы в Соборную церковь Преображения Спаса, и нам бы его пожаловать велеть двором и всяким угодьем владеть. И как к тебе ся наша грамота придет, двором и землёю и сенными покосы и всякими угодьи велеи владеть. Писано на Москве лета 7160 (1632) августа 9». Для соборного причта не только отведена была от казны земля, но и выстроены дома.

Храм Николая Чудотворца, как сообщают источники, был расположен «за Никольскими воротами в Никольской слободе; в нём придел Св. мучеников Фрола и Лавра, а в церкви Божие милосердие, образы и книги и ризы и колокола – строенье Государево». В 1756 году храм сей был перестроен. В отличие от другой Никольской церкви, эта церковь называлась Старо-Никольскою. Старо-Никольская церковь стояла на том самом месте, где ныне манежная площадь. В Писцовой книге при сей церкви показаны «поп Леонтий Афанасьев, дьячек Пётр и просфирница». В 1824 году этот Никольский храм перенесён на кладбище и там, в память бывшей Соборной Преображенской церкви, освящён в честь Преображения Господня. Туда же перенесено и всё имущество. Документы более поздних времен сообщают, что в церкви хранятся замечательные книги: Минея служебная на 3 месяца: сентябрь, октябрь и ноябрь, печатанная в Москве 1666 года; на август месяц, 1693 года; на май месяц 1706 года; на июнь месяц, 1741 года; Ирмолог, московской печати 1706 года. По Писцовой книге 1647 года второй Николаевский храм находился «за речкою Зачугуевкою, в Казачьей и Станицкой слободе» (первый Николаевский храм стоял на месте Манежной площади) в нём «придел Святыя Великомученицы Параскевы, нареченные Пятницы; рублена, а в церкви Божие милосердие, образы и книги и ризы – строенье попово и приходское». Более чем вероятно, что первоначальное построение этого храма принадлежало черкассам, которые принимали на себя ответственность пред царём построить ее за свой счёт. Этим объясняется, что этот храм и после ухода черкасов из города, остался на иждевении прихожан. В 1717 году храм сей сгорел, а новый построен в следующем году.

Писцовая книга, на странице 250-й, говорит, что церковь Рождества Богородицы находилась в остроге, то есть в крепости, и прибавляет: «да в приделе Ивана Предтечи». Около 1712 года, по тесноте крепости, церковь Пречистой перенесена за городской вал. В некоторых актах встречается часто, между Чугуевскими церквями, церковь Георгиевская. Потому можно было бы

думать, что это была особая церковь. Но в переписи 1710 года показывается Георгиевский причт и не показывается церкви Рождества Богородицы, тогда как в переписи 1712 года не упоминается Георгиевский, а лица в причте Церкви Рождества Богородицы упминаются те же самые, которые, по переписи 1710 года, названы принадлежащими к Георгиевской церкви. Следовательно, церковь Георгиевская то же, что церковь Рождества Богоматери. Георгиевскою же называлась она, конечно, по придельному престолу. По храму Пречистой, одна из башен крепости называлась Пречистинская. Церковь Рождества Богородицы, иначе Георгиевская, перенесена в подгорную слободу Осиновку, то есть туда, где она ныне занимает место. Это было в 1725 году. В 1774 году церковь эта вновь перестроена и снабжена утварью, со всеми принадлежностями, иждивением Генерала Илии Варлаамовича Булацеля.

Храм Рождества Христова не упоминается в Писцовой книге 1647 года, но показывается с причтом в переписях 1710 и 1712 годов. Это показывает, что он построен между 1650 и 1709 годов; в1717 году он сгорел и, вновь построенный, а потом перестроен в 1774 году. В описи говорится, что эта церковь из дубового и соснового дерева. Храм сей стоял вблизи Соборного. В 1835 году он перенесён в селение Коробочкино, где освящён в честь Успения Богоматери, а иконостас перенесён в церковь слободы Малиновой.

Еще один храм Успения Богоматери, упоминается в переписях 1710 и 1712 годов. В 1731 году он сгорел, но был вновь выстроенный, закрыт в 1824; он стоял вблизи здания шелковичных плантаций. Книги его, в том числе Евангелие, Московской печати 1626 года, Пентикостарион, Московской печати 1731 года, Устав Московской печати 1745 года, и древний образ Святителя Николая – поступили в селение Коробочкино. Кроме сего приходского храма Успения, был ещё монастырский Успенский храм, называвшийся Подгорным, который, по закрытии монастыря, довольно долго оставался приходским храмом. Стоящий в Подгорной слободе, не вдали от Богородичного.

12. О чугуевских калмыках

В давнее время, в приходе под горной Успенской и частию Рождествено-Богородицкой церкви, жили калмыки. Ещё в 1679 и 1680 годах с чугуевцев городовой службой собирался скот и хлеб с вином в жалованье Калмыцкой орде, бывшей на службе Государя по Белгороду.

«Ивану Ивановичу Пётр Хованский. Нынешнего 188 (1680) года мая 18 писал ты в Белгород: в прошлом 187 (1679) году, по отписке Князя Каспулата Муцаловича Черкаского с Калмыкии, взято с Чугуевцев городовой службой со всяких чинов на корм Калмыцких тайшей с Калмыкии не против Государева указу 130 яловиц, 400 баранов, да хлебных запасов – пшена и круп 29 четей, сухарей 8 четей, печёного 283 хлеба, да с кружечного двора дано 50 вёдр вина, 9 вёдр мёда.»По окончании Азовского похода, Пётр Великий указал бывшим в походе Калмыкам перейти на жительство в город Чугуев. Здесь указано было

им, согласно с их желанием, особое место в пригородной слободе Осиновке, где и доселе одна улица называется Калмыцкою.

В выписях Курских на дворовые и сенокосные места сказано, что в 1696 году Калмыки приняли в Чугуеве дворовые места. В 1699 году, по челобитью «новокрещённых Калмыков» Андрея Харпна, Василия Харламова, Гаврилы и Ивана Патрикеевых, отведены земли под Чугуевом близ дач, данных «Калмыцкому мурзе Алексею Кобину с товарищами». И в том же году они отправлены были временно на службу к Изюмскому полковнику.

«Князю Якову Фёдоровичу Афанасий Астафьев. По отписке твоей марта 207 (1699) года велено послать Чугуевских Калмыков, да Донских Орешковских казаков, разобрав, сколько человек пригоже, в Изюм к Изюмскому Полковнику Фёдору Шилову и Чугуевских новокрещённых Калмык мурзу Алексея Кобина с товарищами всех да Донских Орешковских казаков, выбрав 32 человека, отправил я марта 7». В ответ на отписку Князя, от 9 марта, он же пишет, что «умеющих переводить с татарского языка в Чугуеве нет, - Калмыки, которые умеют татарский язык, высланы в Изюм».

По Чугуевской переписи 1710 года оказывается в Чугуеве «крещённых Калмыков» 47 семей, а по переписи 1712 года 50 семей и в них мужеска пола 119, женска 168 душ. Все они называются Христианскими именами: «Мурза Данило, Васильев сын, Бухарин 50 лет; у него жена Настасия, Максимова дочь, 40; дети: Иван 3, Василиса 2, сын Потап после переписи 1710 года умре. Да у него же, Данилы, поляк Иван Иванов 20, да мать Матрона 60». Несколько латышей и поляков и один швед, вероятно уведённые во время войны, показаны и в других семьях. Несколько начальников семей называются Хариными, Кобиными, один Батыр, другой Киргис; иные – Тума, Зеньгор, Чегодай.

С 1715 года по 1735-й команда калмыков увеличивалась 150-ю семействами крещёнными и некрещеными. При водворении на участки земли оказалось возможным увеличить, и увеличено число калмыков чугуевских ещё 15-ю семействами.

По табели генерал-фельдмаршала Миниха, после Турецкой войны в 1740 году, в двух калмыцких ротах состояло мурза – 1, ротмистр – 2, хорунжих – 2, есаулов – 2, капралов – 8, рядовых – 200. Итого – 215 человек. В 1788 году учреждён новыё штат корпусу передовой стражи Екатеринославского пехотного полка, по которому полагалось в 8-ми Калмыцких сотнях: сотников –8, поручиков – 8, хорунжих – 6, урядников – 32, калмыков 960. Итого – 1014 человек.

Нет сомнения, что некрещеные калмыки, поселившиеся в Чугуеве вместе с крещёнными, уже по одному подражанию единоплеменным, особенно же при лёгких побуждениях со стороны Чугуевского начальства, принимали крещение в Чугуеве. Доказательством этому служит указ канцелярии Сената в 19-й день июня 1716 года, последовавший в Воронежскую губернскую канцелярию, тайному советнику генерал-губернатору и кавалеру Апраксину: «пришедших от Аюки-Хана Калмыков Сермени Мергени с товарищами 21 человек, с жёнами и детьми, с Дону в Чугуев, здесь, по желанию их, в христианскую веру крестить и написать с тамошними новокрещёнными Калмыками в службу и жалованье им давать против тех же; для того, чтобы они не могли, крещение принять, паки к Аюк-Хану и на Кубань уйти» и прочее.

Указом Сенатским, 14 января 1717 года, повелено: «также и на Дон пришедших 25 кибиток – мурзу с товарищами отослать для крещения и житья в Чугуев». Сенатским же указом 27 октября 1725 года повелено: «Калмыков, которые волею своею приезжают на Дон и о крещении в Христианскую Православную веру просить будут, тех принимать и, по крещении, на службу в Чугуев определять». Дабы заохотить и расположить это дикое племя к обращению в христианскую веру, предоставлялись им разные преимущества, как в гражданском, так и в военном званиях. Это ясно выражено в инструкции 1729 года из Белгородской губернской канцелярии. Капитану Стремоухову предписывалось: «Калмыкам никакого утеснения не чинить, да не будут принуждены бежать паки в калмыцкие улусы, веру греческого исповедания нарушить и жалованье им данное может пропасть». То же самое выражено в Высочайше утверждённом штате воинской команды калмыков и казаков в 1740 году, где в примечании, против них, относительно определения им жалованья, сказано: «Калмыкам, для придания к службе охоты и превращения к православной вере, прежнее (то есть жалованье) что ныне получают». К сожалению некрещенные калмыки не долго могли ужиться в Чугуеве. Статистика города Чугуева показывает, что в 1748 году «Калмыки, поселившиеся в городе Чугуеве и не воспринявшие Святого крещения, удалились в свои улусы». Дикому племени не понравился указ 1748 года, уравнивавший содержание калмыков в мирное и военное время с содержанием казаков, тогда как прежде того калмык получал жалованья в год 15 рублями больше, чем казак. Рассказы местные прибавляют к тому, что некрещеным калмыкам деланы были некоторые стеснения, в намерении склонить их к принятию христианства, и что эти стеснения также содействовали удалению их из Чугуева. Однако из этого самого, что вместе с некрещеными калмыками удалились, по местным же сведениям, и некоторые из крещённых, очевидно, что собственно оскорблённая указом 1748 года жадность к выгодам заставила дикарей уйти на степные кочевья. Оставшиеся в Чугуеве калмыки мало по малу роднились «с сведенцами» из разных городов русского царства, а чрез то сливались с русским племенем, теряя калмыцкий тип свой.

13.«РОДСТВЕННИКИ» ЧУГУЕВА

Чугуевка – село в России, административный центр Чугуевского районаПриморского края. Население – 12 171чел. (2010). Чугуевка – третье по численности населения село на Дальнем ВостокеРоссии. Расположено в центральной части края на реке Уссури. Расстояние от Владивостока по прямой – 190 км, по автодороге – 320 км.

Первые поселенцы прибыли в Чугуевку в 1902 году, в основном это были старообрядцы. Заселение Улахинской долины (рекаУссури верхнем течении до 1972 года носила название Улахэ) относится к четвёртому этапу

переселенческой политики в России. К этому времени в Улахинской долине существовало только одно русское поселение – это село Каменка, образованное в 1898 году тоже староверами, и китайская фанза Сандагоу, указанная на картах исследователя Приморья М.И. Венюкова в 1850-х годах.

27 августа 1903 года переселенческому участку Чугуевский официально был присвоен статус села (к тому времени в нём проживало 46 человек). В этом же году в Чугуевку стали прибывать переселенцы с Украины, из Черниговской губернии.

Первые поселенцы занимались земледелием, отвоёвывая у тайги участки пашни, таёжным промыслом: охотой, рыболовством, пчеловодством. В 1911 году в селе была построена церковь и при ней открыта церковно-приходская школа. В январе 1911 года была образована Чугуевская волость Иманского уезда, в селе появился первый пристав, а вскоре и первый учитель.

В 1914 году село насчитывало 130 дворов, открылся фельдшерский пункт, где первым врачом был Воронин. Чугуевка стала большим селом, три раза в год здесь проводились ярмарки. По итогам переписи 1939 года население района составляло около 16 тысяч человек. В начале 2009 года в селе была построена ледовая арена на 1,5 тыс. зрителей. Ежегодно проводятся соревнования по хоккею для детей, подростков и взрослых, мини-футболу, волейболу, настольному теннису, лёгкой атлетике.Среднегодовая температура воздуха – 2,5 градуса. Относительная влажность воздуха – 74,8 %. Средняя скорость ветра – 1,3 м/с. Рядом с селом Чугуевка расположена железнодорожная станция НовочугуевкаДальневосточной железной дороги, которая в XXI веке используется только для грузовых перевозок. В Чугуевке прошли детские и юношеские годы писателя Александра Фадеева. На улице 50 лет Октября находится литературно-мемориальный музей А. Фадеева. На авиабазе 11-й отдельной армии ПВО СССР в Чугуевке служил пилот-инструктор ст. лейтенант Виктор Беленко, стартовавший на своём МиГ-25 6 сентября 1976 с аэродрома Соколовка и перелетевший в Японию. В Чугуевке выходит одна из старейших газет на территории Приморского края «Наше время».

Чугуево (укр. *Чугуєве*) – село, Новопавловский сельский совет, Межевский район, Днепропетровская область, Украина. Население по переписи 2001 годасоставляло 127 человек.

Гора Чугуш

Аланы

Яков Остряница

ЧУГУЕВСКАЯ БАЛКА (Долина Очарования)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
Историография города Чугуева

Книга первая. Так начиналась родина

Тайны Северского Донца
Главная река Слобожанщины
Ранний палеолит
Поздний палеолит
Мезолит
Неолит
Энеолит
Бронзовый век
Катакомбная культура
Срубная культура
Бондарихинская культура предскифского времени
Железный век
Киммерийцы
Скифы
Земледельческие племена Придонцовья в скифскую эпоху
Сарматы
Аланы
Культура полей погребальных урн
Первое основание города Чугуева
Хазарский каганат
Салтово – маяцкая культура
Киевская Русь
Раннеславянское население на Подонцовье
Город Донец
Печенеги
Торки
Половцы
От заблуждений к истине
Поиски исчезнувшего города
Чугуевское городище
Послесловие

Книга вторая. Восставший из пепла

Вступление
Дикое поле
Славянство в 14 - 16 веках
Русины – литвины
Московитые
Татары

Казаки
Противостояние
Казацкие восстания
Восстание Остряницы
Основание Чугуева
Смута
Вместо эпилога
Приложение